

КАВКАЗСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЛИМП

Т.Е. Эфендиева
С.И. Эфендиев
Ф.С. Эфендиев

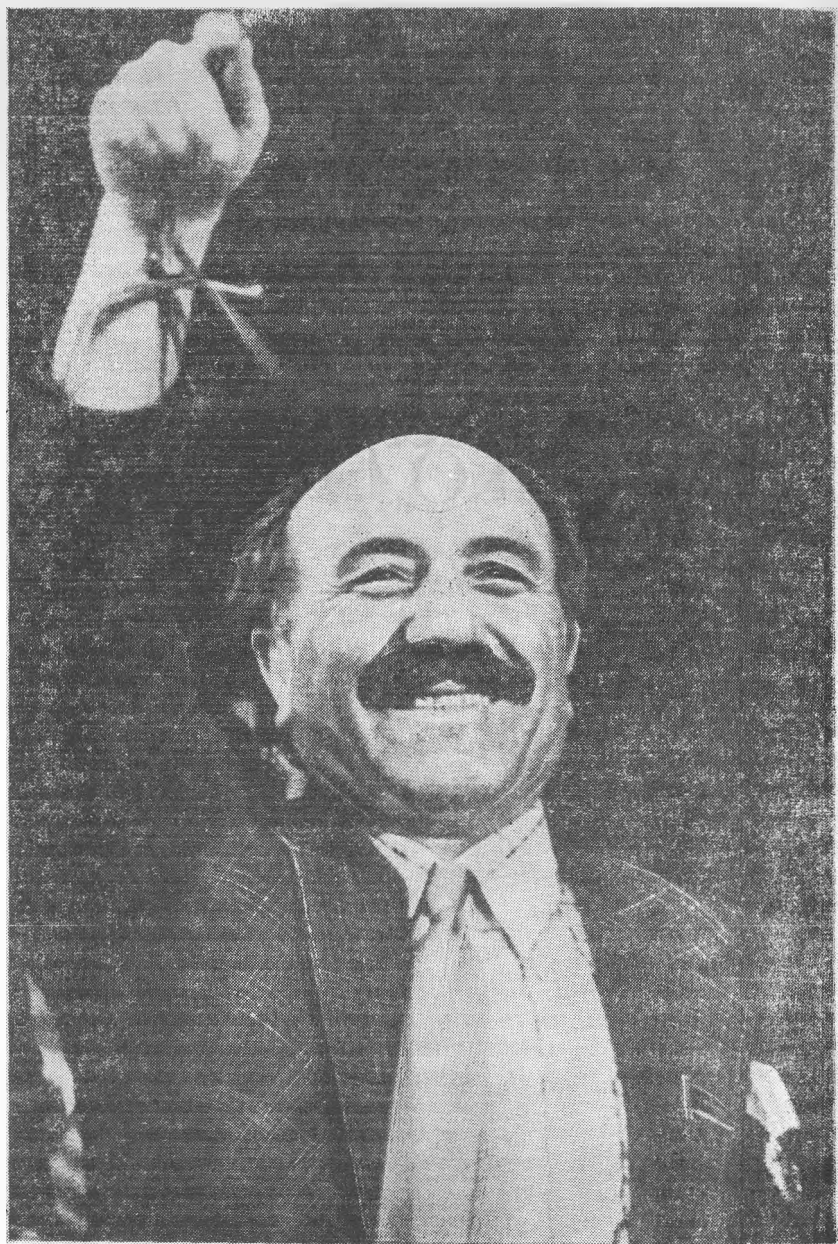
Кайсын Шуваевич
КУЛИЕВ

БИОГРАФИЯ
ПОЭТА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
1959
1985

К восьмидесятилетию со дня рождения
народного поэта Кабардино-Балкарии
КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Т. Е. Эфендиева, С. И. Эфендиев,
Ф. С. Эфендиев

Кайсын Шуваевич
КУЛИЕВ

БИОГРАФИЯ
ПОЭТА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
1959—1985

НАЛЬЧИК
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЭЛЬ-ФА»
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС»
1997

Серия «КЛИО»
(«Кавказский литературно-исторический Олимп»)

Раздел «Архив». Выпуск 3 (том 2, часть 2)

Научный редактор серии Р. У. Туганов
Литературный редактор серии В. Н. Котляров
Художник серии М. М. Горлов

Рецензенты:
профессора И. Х. Ахматов, А. Х. Мусукаева

Книга выходит в авторской редакции

Э $\frac{4803100500-039}{T43(03)-97}$ без объявл.

ISBN 5-88195-243-X

© Т. Е. Эфендиева, С. И. Эфендиев,
Ф. С. Эфендиев, 1997
© М. М. Горлов. Оформление, 1997
© Издательский центр «Эль-Фа», 1997

ОТ АВТОРОВ

Вторая книга биографического исследования жизни Кайсына Шувиевича Кулиева охватывает пройденный им путь с 1959-го по 1985 год. Обе части написаны на основе архивных материалов, которые впервые вводятся в научный оборот, воспоминаний современников поэта, изучения публикаций периодической печати, личного архива, собранного за долгие годы, и других источников.

В условиях духовного возрождения личность Кайсына Кулиева имеет важное значение в осмыслении развития национальной культуры и ее вхождения в общечеловеческую цивилизацию. Развитие национальной культуры и возрастающий интерес к истории своего народа — одна из ярких примет сегодняшней действительности. Поэтому авторы обратились к биографии Кайсына Кулиева, творчество которого занимает достойное место в системе мировой культуры.

Авторы данного исследования выражают сердечную благодарность М. Х. Ахохову и Э. Б. Шакову, оказавшим поддержку в публикации работы, посвященной 80-летию со дня рождения К. Ш. Кулиева, великого поэта и выдающегося гуманиста XX века. В наше трудное время, когда во всем ощущается дефицит, еще находятся люди, которые поддерживают развитие культуры и науки. Благодарные потомки оценят их гражданский и нравственный долг в увековечивании памяти Кайсына Кулиева.

ТВОРЧЕСКИЙ ВЗЛЕТ В 60-е ГОДЫ

Меня работа ждет и манят дали...

К. Кулиев

 оэзия Кайсына Кулиева развивалась в сталинские «победоносные» годы, начиная с 30-х годов до пятьдесят третьего — года кончины «отца всех времен и народов». Она продолжала набирать высоту и в послевоенные хрущевские и брежневские времена. С каким великим национальным достоинством и гордостью вступил горский поэт в литературу, приобщаясь к накопленным человечеством знаниям, к вековой мудрости, общечеловеческим идеалам и нормам морали. Только истинный горец мог так сказать:

Какого ни прошел бы я ученья,
Каких бы я ни одолел вершин,
Я — прежний горец, и, входя в селенье,
Преображаюсь я — крестьянский сын.

.
И тем гордиться буду я до гроба,
Что и моя душа наделена
Крестьянской простотою хлебороба,
Бесхитростностью горца-чабана¹.

Перевел *Н. Гребнев*

Личная судьба Кулиева была тесно связана с судьбой балкарского народа и историческими событиями Советского Союза, бывшей сверхдержавы, объединившей все национальности, которые входили в состав России. Кайсын пережил Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко, захватил и время правления Горбачева. И нельзя не учитывать влияния смены правителей на раз-

¹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 138.

витие культуры народа. В социально-политическом плане это была сложная и противоречивая эпоха, длившаяся около 70 лет. За эти годы сложились определенная система правления, идеологический климат, которые не могли не повлиять на формирование и развитие художественной литературы в целом и отдельной творческой личности в частности. Кулиев был не исключением в водовороте политических и культурных событий, а их органической частью.

Путь Кайсына и в жизни, и в поэзии был тяжелым. Многие могут не согласиться с этим, потому что почти всегда видели поэта веселым, жизнерадостным, готовым откликнуться на любую просьбу, помочь в чем-то. Он не был угрюмым, не вел уединенного образа жизни, не избегал друзей. И не было среди балкарцев человека более влиятельного и авторитетного, каким был он, их национальный поэт, действительно народный поэт. Дело не только в том, что Кулиев писал о горцах-чабанах, горянках и Балкарии, воспевал кавказские ущелья, вершину Дыхтау, аул Безенги, Эльбрус-великана, национальных героев — Хаджи-Мурада Асанова, мудреца Аубекира, народных ашугов. Кулиев народный поэт потому, что его мироощущение народное, этим и можно объяснить все его национальные особенности художественных образов, тем и ритмики. «...Истинный поэт принимает от народа и носит в своем сердце не только его эстетический, но и нравственный, психологический опыт в его национальной форме,— писал Н. Джусойты.— И эти слои духовного опыта живут в одном ряду»². Народным поэтом в самом высоком смысле Кулиев стал задолго до того, как ему официально присвоили это звание.

Кулиев писал, что лучшим определением творческой поэзии и лучшей автобиографией художника являются его произведения³. Эти выводы он подкреплял и другими суждениями: «Биография художника имеет огромное значение. Она переходит в его произведения. Она создает личность художника, во многом определяет его мировоззрение. Биография поэта может складываться по-разному. Но

² Джусойты Н. Личность поэта // Вопросы литературы. 1967. № 7. С. 115.

³ Кулиев К. Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. С. 460.

чем она богаче, тем больше слита с жизнью, тем глубже, драгоценнее и творчество художника»⁴. Или еще одно его высказывание: «В своих стихах я могу говорить только о том, что пережил. Собственный жизненный опыт, по моему, та гора, с вершины которой поэт и может разговаривать с людьми»⁵.

1959 год был счастливым для поэта. Кайсын еще не забыл, как он переживал радостные дни восстановления справедливости, доброго имени родного народа, возвращения его на землю предков. Радовались возвращению Кайсына и его друзья.

В край дедовский, отчий, родной
Из плена разлуки полынной
Вернулся с детьми и женой
Кавказец, ни в чем не повинный.

Увидел замшелый порог,
И, встав перед ним на колени,
Он камень слезами прожег,
Целуя седые ступени⁶.

Так писал в стихотворении «Кайсыну Кулиеву» известный осетинский литературовед Н. Г. Джусойты, ставший его верным другом на всю жизнь. Поддержали Кайсына и его друзья — поэты Н. Тихонов⁷ и А. Кешоков⁸. Они приурочили свои статьи ко дню рождения Кулиева. Н. Тихонов писал: «Стихи Кайсына Кулиева наполнены мужеством. Но в его лирике также живет нежность как удивительные цветы гор вдруг являются нам на каменных ладонях скал, над которыми нависли снега...»

Жизнь Кайсына в этом году была наполнена творческой работой. Он готовил еще в 1958 году сборник стихов на русском языке «Земля и песня» в переводах с балкарского. С издательством «Советская Россия» он имел договор на выпуск в 1959 году еще одной книги — «Стихотворения», которая должна была выйти тоже в этом году и в Госполитиздате. Кроме того, он спешно готовил для

⁴ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 308.

⁵ Советские писатели: Автобиографии. М., 1972. Т. 4. С. 354.

⁶ Джусойты Н. Мой горный край. М., 1963. С. 62.

⁷ Тихонов Н. Мужество и нежность // Литература и жизнь. 1959. 22 ноября.

⁸ Кешоков А. Кайсын Кулиев // Октябрь. 1959. Кн. 11. С. 195—201; Литература и жизнь. 1959. 22 ноября.

издательства «Детгиз» третью книгу стихов — «Я пришел с гор». Это были стихи для среднего и старшего возраста с иллюстрациями. Все три книги были напечатаны в 1959 году, вышли в срок и принесли большую радость поэту. На балкарском языке тоже были изданы год тому назад два тома в Кабардино-Балкарском книжном издательстве. «Избранное» было особенно дорого поэту. «В нем были нежность розы и твердость камня» (М. Дудин). Оно было написано для своих земляков-горцев, населявших благословенные ущелья и благодатные равнины Кабардино-Балкарии.

Только за последние три года — с 1957-го по 1959 год — Кулиев опубликовал семь сборников стихов⁹. Они разошлись большими тиражами, и всесоюзный читатель имел возможность познакомиться с выдающимся поэтом гор, с его прекрасными стихами. Каждая новая книга поэта — это была встреча с подлинно высокой поэзией, неповторимым талантом.

Талант — единственная новость,
которая всегда нова.

Б. Пастернак

Восхищение новым талантом — ключ к посланию «Голубое озеро» Нины Макаровичиной, которая начала печататься в Кабардино-Балкарии с 1951 года. Обращение к Голубым озерам — только отправная точка, чтобы выразить свое преклонение перед поэзией Кулиева:

В огромной доломитной чаше
Застыло озеро легенд,
А где-то там, в горах, бурлящий
Ущельем стиснутый Чегем.

Щедра поэзия Кайсына,
Как чаша эта, глубока.
Чиста, как горный воздух синий,
Мудра, как скалы. На века...¹⁰

⁹ «Горы», «Мои соседи», «Хлеб и роза» — 1957; «Избранное» — 1958; «Земля и песня», «Стихотворения», «Я пришел с гор» — 1959.

¹⁰ Макаровичина Н. Золотые ключи. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1969. С. 42—43.

Каждый новый талант порожден определенными условиями. Талант Кулиева ни в каких других условиях появиться не мог, однако это редкое явление было закономерным звеном в общей цепи развития духовной культуры балкарского народа. У него были великие предшественники — родной фольклор, поэзия К. Мечиева и могучие традиции отечественной и мировой классики.

...Работал Кайсын чаще всего дома. Из окна его кабинета всегда были видны зимой и летом шапки белоснежных гор. День, как обычно, начинался с просмотра корреспонденции. Письма шли отовсюду: из редакций книжных издательств, журналов, газет, от друзей и знакомых. Чаще всего приходили письма из писательских организаций с приглашением принять участие в съездах писателей, литературных декадах, вечерах поэзии, во встречах со знатными людьми и т. д. Так, 9 ноября 1959 года он получил письмо из СП РСФСР с приглашением принять участие в совещании на тему «Поэт и современник» и пригласительный билет на вечер поэзии, который должен состояться 12 декабря. Обычно поэт аккуратно отвечал на все приглашения и принимал участие в организуемых вечерах, выступал с речами, встречался с рабочими, студентами. Одним из ярких воспоминаний этого года было его участие во Всероссийском совещании по вопросам поэзии в Доме писателя им. Маяковского. Здесь он сидел рядом с М. Дудиным, Н. Тихоновым, делился своими планами творческой работы на будущее. В какой-то момент позвал фотографа и предложил запечатлеть эти минуты духовной близости, и они остались молодыми вместе — будущие три друга — в фотоискусстве¹¹. По просьбе работников культуры Кулиев выступал среди рабочих Металлического завода в красном уголке молодежного общежития на Большой Охте¹². После выступления Кулиев еще долго отвечал на вопросы молодежи, подписывал автографы, а потом они сфотографировались на память о встрече. Обычно на такие запланированные мероприятия парткомом или месткомом уходило очень много времени, духовных и физических сил. Кайсын уставал, терял драгоценные часы, отпущенные ему судьбой для по-

¹¹ Вечерний Ленинград. 1959. 11 декабря. Групповое фото: Дудин, Кулиев, Тихонов.

¹² Литературная газета. 1959. 15 декабря.

эзии. Поэтому Кулиев приучил себя работать везде, писал там, где приходилось ему бывать. Он всегда носил с собой общую тетрадь, в которую записывал замыслы стихов, иногда отдельные строчки. «Замыслы ведь приходят везде — в поезде, гостинице, в горах, лесу — и еще долго пребывают в голове и в сердце, прежде чем складывается их образное выражение, — сказал однажды Кулиев. — Тогда я достаю эту тетрадь...»¹³

Как депутат Верховного Совета СССР Кулиев получал много писем с жалобами от граждан и был обязан разобраться во всем и помочь. И он добросовестно старался по мере сил и возможностей оделить людей добротой и вниманием.

Ближайшим его приятелем был в ту пору Д. Н. Кугультинов, с которым Кайсына связывало многое. Оба они прошли тяжелый путь спецпереселенцев, познали тоску изгнания. И когда Кайсын получил приглашение правительственной Юбилейной комиссии принять участие в праздновании 350-летия добровольного присоединения Калмыкии к России, он поехал с большим удовольствием к своему другу. Это был август. Самое приятное время года для Калмыкии. Кугультинов был рад встрече, и они много рассказывали друг другу о своей трудной судьбе.

С течением времени круг друзей Кулиева сильно расширился: понятие для горцев «друг» становится равносильным понятию «знакомый» Кайсына. У отзывчивого на дружбу и чуткого к доброте Кулиева было много истинных друзей, горячо и преданно любивших его. Одним из таких людей был Шаухал Махиев (1913—1988), с которым Кулиев дружил, когда они жили во Фрунзе и вместе делили невзгоды «времени лихого». Всего на несколько месяцев раньше Махиев оказался на родине, но и тогда они переписывались. Письма Кайсына теперь бережно хранит дочь Шаухала Махиева — Светлана. Она замужем за Магометом Магометхановым. Живут они в Нальчике. Письма Кайсына Кулиева хранятся в этой семье. Вот одно из писем Кулиева от 16 мая 1956 года, когда он еще находился во Фрунзе с матерью и сестрами. В это время там был и Керим Отаров, о котором упоминается в письме. Вот это письмо:

«Дорогой Шаухал! Многие твои упреки правильны, но

¹³ С чего начинаются стихи // Известия. 1971. 15 декабря.

я не виноват ни перед тобой, ни перед другими товарищами, моими соотечественниками. Обо всем этом мы поговорим потом подробно. Мое отношение к **тууган топраку** (родной земле.— *Т. Э.*) ты хорошо знаешь, и я понимаю тебя очень хорошо. Я от всей души благодарен тебе за письмо, спасибо большое, что вспомнил обо мне! Я до сих пор сижу здесь только потому, что одна из сестер, у которой нет мужа, не стала ЭРКИН (подчеркнуто Кайсыном дважды.— *Т. Э.*), а мать не соглашалась ехать без нее, оставить же старуху на произвол судьбы я не мог. Если я буду жив, приеду к вам в конце июля. В конце мая я собираюсь в Москву по своим литературным и прочим делам. После возвращения оттуда я буду собираться и поеду к тебе, дорогой мой друг Шаухал. А насчет «брошюры», о которой ты пишешь, должен сказать, что информировали тебя совершенно неправильно. Это, видимо, сделал бачама. Но с какой целью это было сделано, мне непонятно. Книга наша давно вышла, и никому она не мешает, наоборот. Кстати, я днями вышлю ее тебе. Нашей сестренке Шахрижан передай большой привет от меня и от моей матери. скажи, что мы все на ногах и скоро встретимся. Пусть она передаст это своей матери. Как живут наши все товарищи в Нальчике? Передай всем нашим мой горячий привет. А Исмаилу Улыбашеву скажи, что я никогда в жизни ничего плохого ему не делал, наоборот, всегда глубоко уважал, считая его добрым и милым человеком. А он написал Кериму письмо и не нашел даже достойным меня передать привет среди прочих. Очень тебя прошу, Шаухал, передать мой горячий привет моей землячке Фатимат (жене Исмаила).

Милый Шаухал, я напишу тебе из Москвы. Если удастся, и позвоню. Ты напиши следующее письмо по адресу: Москва, Главпочтамт, до востребования. Я зайду за ним. Напиши, можно ли найти в Нальчике хоть частную квартиру.

Еще раз благодарю, дорогой Шаухал; за письмо, обнимаю тебя. Передай мой сердечный привет жене и детям. До скорой встречи!

Твой Кайсын.

Привет от Керима. Он будет у вас совсем скоро.

16 мая 1956. Фрунзе».

К числу друзей Кулиева принадлежали и его старшие собраты по перу, и более молодые. Их-то он и встречал в октябре пятьдесят девятого года в Нальчике. Это были: С. Чиковани (Грузия), П. Бровка (Белоруссия), А. Венцлова (Латвия), В. Реймирис (Литва), Р. Гамзатов (Дагестан) и другие, приехавшие на выездную сессию Союза писателей РСФСР ¹⁴.

Тысяча девятьсот пятьдесят девятый год был для Кайсына памятным еще и потому, что 24 июня Мака Магомед-Султановна подарила ему второго сына. Назвали его Алимом. Кайсын был счастлив и радовался тому, что у старшего сына Эльдара теперь будет брат. Он благодарил жену поэтическим словом:

Славой ангельской ты не увенчана,
И полночной звезде не родня,
Ты земная, красивая женщина,
Одарившая счастьем меня ¹⁵.

Перевел Я. Козловский

Забот и хлопот с появлением новорожденного прибавилось много. Все теперь подчинялось только ему. Малыш заполнил собой всю квартиру. Была еще одна неотложная забота: надо было подготовить к школе старшего сына Эльдара. И через два месяца, 1 сентября, Кайсын отвел его в первый класс средней общеобразовательной школы № 2, хорошо, что она была рядом. Школьную форму, книги, тетради, портфель — все готовил поэт сам, купив заранее в «Детском мире», когда был в Москве. Он и отвел малыша в школу, потому что у жены были свои нескончаемые и неотложные дела с маленьким ребенком. Как человек, Кайсын понимал, что его помощь, внимание и забота о семье — первое и необходимое дело. А как поэт, сознавал, что домашние невольно отвлекают его от работы, творческих планов, от заданий и просьб различных издательств, общественных организаций и т. д. В этом году он должен был подготовить вступительную статью на русском языке «Время и песни» к планируемой книге «Балкарская народная лирика», которая должна быть издана в 1959 году в Нальчике. Кроме того, он

¹⁴ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 65, л. 1—3.

¹⁵ Кулиев К. Избр. произв.: В 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 241.

писал еще три важные статьи: «Талант и честность» (о творчестве Д. Кедрина), «Талант и мудрость» (к 100-летию со дня рождения К. Мечиева) и «Всегда в пути» (об А. Кешокове). Эти люди в разное время жизни поэта были дороги его сердцу. Их он лично знал, дорожил их дружбой и вниманием. Особенно Кулиева волновала тяжелая и драматическая судьба поэта К. Мечиева, умершего в изгнании, и народ не знает, где его могила. Пропали и рукописи его произведений последних лет. «Горько, очень горько! — писал Кулиев. — Когда у нас в республике готовилось издание избранных стихов и поэм замечательного поэта, мне было поручено написать вступительную статью. Писал я ее месяц, а отстаивал три месяца! Нашлись люди, коих не устраивало, что в статье отмечались драматичность и трагизм судьбы славного поэта, не дожившего до торжества справедливости, умершего вдали от родных ущелий, которые он так любил!»¹⁶ Эту вступительную статью к «Избранному» (Нальчик, 1959) Кайсын писал дома, когда, по его словам, за окнами белели горы, медленно проходили облака от Эльбруса к Казбеку, как и при Кязиме, на улицах Нальчика рдели розы. «Я вижу мир, — писал Кулиев, — который был ему дорог»¹⁷.

Этот мир был дорог и Кайсыну. Он его любил и считал, что «художник должен быть плененным всем: дождем, снегом, цветением алычи, сумерками над горами, близкой снега, чудом самой жизни»¹⁸. Кулиев решил приложить немало усилий, чтобы имя основоположника балкарской поэзии не было забыто. Он добился через обком партии, чтобы в связи со 100-летием со дня рождения К. Мечиева был проведен торжественный вечер в Нальчике и юбилейные мероприятия в республике. 9 октября Кулиев горячо выступал с докладом о Кязиме среди собравшихся гостей в зале заседаний Дома Советов¹⁹. Многими из присутствующих имя мудреца, народного ашуга было почти забыто, а многим и вовсе незнакомо. На этом вечере заслуженный артист Кабардино-Балкарской республики Ибрагим Маммеев сказал: «Доклад Кулиева о 100-летию со дня рождения Кязима Мечиева был дейст-

¹⁶ Кулиев К. Какая жизнь — такой пусть будет песня // Литературная Россия. 1965. 5 февраля. С. 3.

¹⁷ Мечиев К. Огонь очага: Стихи. М.: Худож. лит., 1970. С. 14.

¹⁸ Литературная газета. 1975. 1 января.

¹⁹ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 175, л. 11.

вительно открытием для всех. Он глубоко раскрыл заслуги основоположника балкарской литературы и гуманистический смысл поэзии К. Мечиева. После такого обстоятельного доклада мы все по-другому стали смотреть на этого мудреца и читать книги этого выдающегося поэта. После доклада Кайсына Кулиева творчество Мечиева станет достоянием миллионов людей СССР. В этом велика роль Кулиева. Я лично благодарен Кайсыну, что он мне подсказал идею, чтобы я написал на основе поэзии Кязима Мечиева пьесу «Раненый тур», которая вот уже более 30 лет не снимается со сцены балкарского театра».

10 октября Кайсын выступал перед жителями Советского района на открытии бюста К. Мечиева на Голубых озерах²⁰. После выступления он немного успокоился, но грустные мысли уже не покидали его. В Черекском ущелье Голубое озеро — самое прекрасное место, достойное радости и восхищения. Но однажды в годы Великой Отечественной войны оно принесло горе и страдания тем, кто ушел в партизаны. «Здесь нашел успокоение и последнее прибежище Азрет Будаев,— думал Кайсын.— Приняли холодные воды в свои могучие объятия истерзанное пытками тело горца-поэта. И было ему только 27 лет... Осталась молодая вдова с тремя малолетними девочками». Среди всеобщего радостно-торжественного настроения один Кулиев оставался печальным. Он оглядывал склоны, покрытые разноцветным ковром осеннего леса, и думал:

Разве всегда буду в дождь на чинары смотреть
Так, как теперь,— удивляясь листве их зеленой?
Разве всегда для меня будут также гореть
Эти кусты барбариса, одевшие склоны?²¹

Перевел Н. Коржавин

Для Кайсына и его писателей-земляков приближалось памятное событие — Третий съезд писателей СССР, который открылся в Москве в мае 1959 года. Кулиеву, как поэту из национальной республики, было предложено подготовиться и выступить на съезде. По этому поводу он

²⁰ Кабардино-Балкарская правда. 1959. 13 октября.

²¹ Кулиев К. Избр. произв.: В 2 т. М., 1970. Т. 2. С. 31.

опубликовал свои размышления — «К Третьему съезду писателей СССР»²². Присутствуя на съезде, Кайсын внимательно слушал всех выступавших. Особенно ему запомнилось выступление Н. С. Хрущева, который говорил, что он не собирается учить писателей и поэтов их ремеслу, тем более что сам он в последние годы читал не слишком много романов и повестей. «Гораздо больше приходится,— говорил он,— читать сообщения послдов, ноты министров иностранных дел...» В своей краткой речи глава правительства коснулся «очернителей» советской действительности и осудил их, как и «лакировщиков», не называя при этом никаких имен. Кайсын при слове «очернители» вспомнил Б. Пастернака, которому была присуждена Нобелевская премия по литературе за роман «Доктор Живаго», и сразу же началась почти двухгодичная травля писателя, которого М. Горький считал «...настоящим социальным поэтом... в лучшем и глубочайшем смысле понятия». Кулиев знал, как Пастернака обливали грязью на собрании Московской писательской организации, на Первом съезде писателей РСФСР, в статье «Шумиха реакционной пропаганды вокруг литературного сорняка» некоего Д. Заславского, а также в другой периодической печати. Кайсын переживал за судьбу своего друга, знал, что он очень тяжело переносит огульные поношения и измену многих друзей, отвернувшихся от него, когда началась бурная политическая кампания в связи с присуждением ему Нобелевской премии. Кулиев ничем не мог помочь опальному писателю, кроме сочувствия и обыкновенной человеческой поддержки. В те дни и это много значило для Пастернака.

23 мая Кайсын Кулиев получил приглашение на прием, устраиваемый по случаю окончания работы Третьего съезда писателей СССР и в честь учреждения Союза писателей Российской Федерации. Праздничная обстановка приемов Кайсыну всегда нравилась, но на этот прием он не пошел. Он решил навестить своего больного друга Пастернака, которому в эти дни было тяжело от несправедливых нападок. Даже весна не радовала его. Утешение доставляли краткие посещения друзей, которых становилось все меньше. Через год, 30 мая 1960 года, перестанет мыслить его гениальная, неутомимая голова. Но

²² Шуёхлукъ (Дружба). 1959. № 6. С. 3—14. На балк. яз.

Кулиев тогда об этом не мог и подумать! Встретившись с Борисом Леонидовичем, поговорив о съездовских событиях, Кулиев поделился с ним своими размышлениями о проблемах национальных литератур, особенно тех народов, которые были депортированы в 1943—1944 годах из отчих земель и только через 13 лет возвращены на родину. Их мечты и желания Кайсын не забыл, поэтому в 1959 году писал в стихотворении «Вторая снежная ночь в Нальчике»:

Я помню, горцы в последний свой час
От саклей родимых вдали
Мечтали коснуться еще хоть раз
Снежинок родной земли²³.

Перевел Н. Гребнев

О поэтах Чечено-Ингушетии Кайсын написал и опубликовал статью «Литература наших друзей»²⁴. А через месяц, в октябре, он уже выступал на выездном заседании бюро правления Союза писателей РСФСР в Москве²⁵ и доказывал, что пережитое народами гор должно отражаться в их родной литературе со всей мощью и всеми средствами подлинного искусства. «Несмотря на это, находятся люди, которые думают иначе,—говорил он.—Они есть и среди наших товарищей, вернувшихся после переселения и теперь имеющих отношение к литературе и искусству. Не понимая самого существа искусства, они говорят: «Стоит ли возвращаться к пережитому?» Мне лично чужды писатели, старающиеся обходить все трудное и суровое в жизни людей, в судьбе народа»²⁶. Так говорил он тогда, выступая против «лакировщиков» в литературе, так повторял много раз, не забывая, какое страшное потрясение претерпели некоторые горские народы во времена культа личности. «Тогда достиг я горечи предел под небом черным, в черную годину...» — итожил Кулиев в стихотворении «Я помню дни»²⁷.

²³ Кулиев К. Избр. произв.: В 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 247.

²⁴ Кабардино-Балкарская правда. 1959. 12 сентября.

²⁵ Кулиев К. Пусть разговор будет откровенным // Кабардино-Балкарская правда. 1959. 7 октября; см. также: Советская молодежь. 1959. 9 октября.

²⁶ Литературная Россия. 1965. 5 февраля. С. 3.

²⁷ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 129.

В этот пятьдесят девятый год Кулиев успел опубликовать статью о К. Хетагурове²⁸. Об этом его просила редакция газеты «Коммунизмге жол». И написал такие прекрасные стихотворения, как «Мустаю Кариму» («Друг мой, сегодня в горах снегопад...»), «Облака», «Стихи, сказанные в Дарьяльском ущелье», «Над валунами лысыми», «Стихи, сказанные в доме Симона Чиковани в Тбилиси», «Надежда», «Кумыс», «Жена поэта» (Н. Кешоковой), «Женская красота», «Возвращение», «Моими глазами на мир взгляни...», «И солнце встречало меня, и пурга...». Во всех этих стихотворениях, глубоких по мысли и ярких по форме, можно легко проследить движение кайсыновской мысли от настоящего момента к ушедшему прошлому, но до сих пор не позабытому:

Я горе терпел и от пуль и от слов,
Я шел: пред моими глазами
Пылало и пламя весенних садов,
И сел догорающих пламя.

Перевел Н. Гребнев

Можно предположить, что многие стихи пятьдесят девятого обращены к тем фронтовикам, с которыми Кулиев воевал и которые до сих пор ему писали письма. Так, 26 декабря 1959 года из г. Улан-Удэ Бурятской АССР поэт получил поздравительное письмо от Ивана Мартыновича Стегачева, бывшего заместителя редактора газеты 257-й стрелковой дивизии, с которым Кайсын сражался за Сиваш. В нем Стегачев писал: «Слышал, что после войны тебе пришлось пережить немало трудностей. Но прочитал в «Октябре» очерк Алима Кешокова и впервые узнал, что ты до войны пел. И пел хорошо. Значит, не случайно залезли в мою душу «Шаланды...». В отдельном конверте посылаю тебе на добрую память два юбилейных номера нашей газеты. Они не похожи, очень не похожи на пахнувшие дымом и кровью номера дивизионной газеты...»²⁹

Несомненно, что письма друзей-фронтовиков напоминали о войне и смерти, о том, что пережили люди в ту страшную годину. Поэтому не случайно, обращаясь к Мустаю Кариму, поэт писал:

²⁸ Коммунизмге жол. 1959. 14 октября.

²⁹ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 65, л. 1—3.

Многих война обжигала огнем,
В белые пропасти сваливал ветер,
Скольким друзьям мы руки не пожмем,
Ибо уже никогда их не встретим³⁰.

Перевел Н. Гребнев

Поэтически спрессованные моменты автобиографии поэта волнуют не меньше, чем описание человеческого совершенства, силы любви и красоты. Красота у Кулиева — одна из великих тайн природы, и ее не следует смешивать с тем, что возбуждает страсть. «Женская красота», «Возвращение», «Моиими глазами на мир взгляни» — это разные оценки прекрасного в его сущности. Образ подлинно красивой женщины, сдержанной и трудолюбивой, заботливой и скромной, дан Кулиевым в стихотворении «Жена поэта» (Н. Кешоковой).

Теоретические рассуждения и поэтические мотивы Кулиева никогда не расходились, как и слово с делом. Убедительным примером такой взаимосвязи явилось его блестящее выступление «За большую, как жизнь, поэзию!» на Первом учредительном съезде писателей РСФСР. Касаясь спорных вопросов о национальной форме и национальном характере, он сказал: «Думать, что национальный характер заключается в том, чтобы писать стихи или прозу в каком-то особом восточном стиле, — заблуждение. Под национальной формой мы должны понимать не внешние атрибуты, вроде бурки или кинжала. Нам надо быть эстетически грамотными в большом смысле слова, иметь широкий взгляд на мир...»³¹ В этих суждениях Кулиева достаточно отчетливо выражено его понимание сущности и направления поэзии. Стихи этого года — яркое подтверждение высказанной мысли поэта.

Однажды Кайсыну позвонил друг семьи Кедриных, артист одного из московских театров Иван Николаевич Русинов. Он отдыхал в санатории Долинска и должен был передать ему привет от жены поэта, погибшего от руки какого-то убийцы. Кайсын с радостью встретил Русинова, они познакомились и решили организовать и провести вечер памяти, посвященный Дмитрию Кедрину. Об этом

³⁰ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 402.

³¹ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 375.

просила Людмила Ивановна Кедрина, неутомимый пропагандист творчества своего мужа. На этом вечере Русинов впервые прочитал для широкой публики стихотворение Кедрина, посвященное Кулиеву, «Другу-поэту». Кайсыну было очень приятно прослушать в таком мастерском исполнении это замечательное произведение друга.

Будучи уже дома у Кулиева, они долго говорили о трагической судьбе Дм. Кедрина, о его вдове Людмиле Ивановне и ее трудно сложившейся судьбе после смерти мужа. Кайсын узнал, что внук Кедрина Дима назван в честь деда, что живет он постоянно с бабушкой Людмилой Ивановной и носит фамилию деда. Так посоветовала внуку Людмила Ивановна, она и прописала к себе в двухкомнатную квартиру Диму Кедрина, будущего художника. Дочь поэта Светлана Дмитриевна не возражала, так как с первым мужем ее судьба не сложилась и мальчика, по сути дела, воспитала бабушка. Сюда и привел Дима Кедрин свою молодую жену. Их долго не прописывали. Помог случай. Когда-то, давным-давно, Людмила Ивановна предоставила «угол» молодым людям бесплатно. Теперь один из них оказался начальником ГАИ Москвы. Встретив Людмилу Ивановну случайно и узнав о ее неразрешимых проблемах, не забыл ее доброту в трудные дни его жизни и помог прописать внука с его женой.

...В октябре Кулиев был по делам в Москве и решил провести вдову поэта Д. Кедрина. Он взял цветы и отправился на улицу Красноармейскую, в дом № 25, где проживала Людмила Ивановна. Она была ему очень рада. Им было что вспомнить: как Кайсын жил у них в Черкизово в 1945 году, перед тем как уехать весной в Среднюю Азию к своему депортированному народу, лишенному всех политических прав, ни за что наказанному. Выселение двенадцати наций и народностей из исконных мест проживания явилось тогда олицетворением одного из чудовищных преступлений в истории человечества. «В анналах мировой истории,— говорил Кулиев Людмиле Ивановне,— не много найдется примеров столь подлого, жестокого террора, осуществленного по отношению к населению собственной страны». Тогда Кайсын подарил ей свою книгу «Стихотворения» (М.: Худож. лит., 1959) и написал: «Людмиле Кедриной — человеку большого сердца, которое она целиком отдала Дмитрию Кедрину

и его бессмертной поэзии. С душевной нежностью Кайсын Кулиев». Это было 29 октября 1959 года.

На следующий день они условились посетить Введенское («немецкое») кладбище³², там на главной аллее (участок № 7) есть могила поэта со скромным памятником, на котором по белому мрамору золотыми буквами написано:

Поэт
Дмитрий Борисович
Кедрин
4.II.1907—18.IX.1945

Кайсын положил цветы на могилу и грустно подумал: «38 лет прожил поэт. Как мало он жил, как мало!» Когда возвращались, Людмила Ивановна рассказывала о себе, своей дочери Светочке, о судьбе Елены Александровны, жены поэта Павла Васильева, которую в 22 года посадили в тюрьму после того, как расстреляли ее безвинного мужа, Павла Васильева³³. Кулиев внимательно слушал ее. Хотя они и переписывались, но разве все это можно было написать в письме?! Жили все под большим страхом ночного ареста. И вот теперь он слушал Кедрина, чем была заполнена ее жизнь в эти последние годы. Она говорила о «никитинских» субботниках и об их организаторе, ее подруге Евдокии Федоровне Никитиной, с которой Людмила Ивановна была в большой дружбе много лет. С 1914 года у Никитиной по субботам собирались видные литераторы, художники, композиторы. Известность ее росла. Ей писали письма, оставляли свои рукописи, архивы³⁴. Знали Никитину и за рубежом. Так, Бурлюк, друг Маяковского, когда приехал в СССР из США, посетил Никитину и был удивлен тем, что она устраивала «субботники» с угощением и чаепитием, отказывая себе во многом. Он видел, как скромно она одевается. И когда

³² Здесь еще со времен Петра I хоронили немцев, в народе его прозвали «немецким».

³³ Она отсидит в тюрьме 20 лет, и когда будет освобождена, то Людмила Ивановна приютит ее на время, поможет советом и делом.

³⁴ Архив Е. Ф. Никитиной хранится в Литературном музее (Покровка, 28), часть которого составлял и архив поэта Д. Кедрина. Там хранятся и письма К. Ш. Кулиева. Жена Кедрина сама отнесла эти материалы Никитиной, когда в Черкизово случился пожар.

вернулся в Америку, то выслал ей роскошную каракулевую шубу. Людмила Ивановна рассказывала Кулиезу: «Шуба дошла до адресата, но пока она шла через все кордоны и границы, Бурлюк умер. Подарок Никитина приняла, некоторое время ходила в шубе. Но вскоре умерла и она. Все, что было хорошего в квартире, порастащили. Каждый брал то, что нравилось: шкатулки, люстры, портреты, вазы, картины. На памятник ей не осталось ни гроша, а сбережений у нее на «черный» день, как говорится, не было. Тогда я, Кайсын, продала эту шубу, и на вырученные деньги поставили памятник Никитиной».

Кулиев слушал эти грустные рассказы Людмилы Ивановны и размышлял о превратностях человеческих судеб. Он знал поэта Павла Васильева, его прекрасные стихи, которые так высоко ценил Борис Пастернак, слышал и о его красавице жене, которую морально сломали ссылки и трудлагеря. Вернулась она оттуда старухой, абсолютно больной и уже не способной к нормальной человеческой жизни.

Два месяца оставалось до окончания пятидесят девятого года. Намеченные творческие планы были почти выполнены. Последующие три года были периодом интенсивного творческого роста. Перед Кайсыном впервые открылось широкое поле литературной и общественной деятельности, куда он вошел с четко продуманной программой, не оставлявшей сомнений, что добьется выдающихся успехов. Он в расцвете сил, ему только сорок три года! Сколько еще можно сделать... Кайсын жил в атмосфере хрущевской оттепели, повеявшей духом свободы. Это было время первых космонавтов, первых атомных электростанций (АЭС) и атомных станций теплоснабжения (АСТ), первых атомных ледоколов, Международных конкурсов скрипачей и пианистов им. П. И. Чайковского (вспомним Вана Клиберна) и Международных московских кинофестивалей, которые впервые стали проводиться в конце 50-х годов. Это было время и первых реабилитаций деятелей культуры, литературы и искусства, ставших жертвами преднамеренной фальсификации. Среди них Б. Корнилов, В. Мейерхольд, Т. Табидзе, Е. Чаренц, П. Васильев и многие другие, убитые или прошедшие сталинские тюрьмы и трудлагеря (А. И. Солженицын, В. Т. Шаламов), разделившие безмерные страдания миллионов людей подобной им судьбы.

По личной инициативе Н. С. Хрущева стал издаваться журнал «За рубежом», в котором публиковались статьи из мировой прессы. Все эти события в культурной жизни 1958—1960 годов не могли не повлиять на развитие и формирование национального сознания и самосознания людей. «Я жила тогда... в мире весны и кукурузы. В мире богатых помоек и грандиозных коммуналок,— писала А. Боссарт.— В мире активного неведения своей радостной, неосознанной бедности»³⁵. Осознавал ли все это Кулиев? Понимал ли энтузиазм народа и ложь партийных функционеров? Наверное, все это он видел и ощущал на себе. И не мог не знать трагедии, как принято было говорить, великой национальной литературы, которая состояла не только в том, что многих ее писателей убили, посадили, отправили в изгнание на чужбину, но и в том, что тех, кто выжил,— растлили. Как все писатели и поэты, он тоже работал «по указке» и без... Чаще всего, конечно, писал Кулиев правдиво и искренне. Хвалебных од он не писал никогда. За исключением одного стихотворения — «Партии», о котором он обычно стеснялся говорить. Не в восторге он был и тогда, когда получил заказ написать статью о расцвете литературы горских народов. «Свет народной души» — так называлась его статья, имевшая подзаголовок «О расцвете литературы Кабардино-Балкарии», опубликованная в газетах «Социалистическая Осетия» (1960, 25 марта), «Грозненский рабочий» (1960, 23 марта). Расцвета, как такового, еще не было. Литература Кабардино-Балкарии находилась в стадии развития.

У читателей этой книги не должно быть оснований сомневаться в искренности суждений и высказываний Кулиева, хотя условия, в которых он жил (эпоха сталинской диктатуры, хрущевский волюнтаризм, брежневское застойное время), могли вынуждать его прибегать к тому, что принято называть «философской дипломатией».

В другой статье — «Молодые голоса»³⁶ Кулиев был искренен и раскован, свободный полет его мысли окрылил начинающих балкарских поэтов И. Бабаева, М. Мокаева, С. Гуртуева, дал им уверенность в своих силах и надежду

³⁵ Боссарт А. Нас возвышающий обман // Огонёк. 1990. № 18. С. 7.

³⁶ Коммунизмге жол. 1960. 14 сентября.

на поддержку старшего собрата на литературном подприще. При разности индивидуальных судеб Кулиев сумел увидеть, сколь общи творческие биографии этих молодых поэтов. У каждого из них был личный опыт жизни, своя творческая индивидуальность. Но каждого из них соединяло ощущение того мира, к которому они принадлежали...

...Где бы Кулиев ни находился — в Москве или в других городах, он жил жизнью Кабардино-Балкарии, ее буднями и национальными праздниками. Так, 24 марта 1960 года отмечался День установления Советской власти в республике. Кулиев выступил с поздравлениями. Обращаясь к молодежи, он сказал: «Признаться, я уже не очень молод, и хотел бы сегодня сказать нашей замечательной молодежи очень теплые слова — ведь я тоже был молодым, носил красный галстук пионера и комсомольский значок! В этот день большого праздника родной республики я приветствую моих молодых друзей зеленой веточкой — добрым словом приветая и поздравления!..

Мне случайно выпало счастье быть ровесником Октября, спасшего мой многострадальный народ от векового гнета и вымирания. Ведь балкарские горцы были заперты среди гигантских скал, молчавших многие века, моих предков мучили не только насилие и нужда, но также и бездорожье и темнота, бездорожье ущелий и бездорожье жизни, темнота саклей и темнота души. «Незнание — это ночь!» Эти слова точно передают трагедию балкарского и кабардинского народов прошлого.

Я принадлежу к поколению тех горцев, что в заплатанных бешметах робко входили в школы, впервые открытые в горах после прихода Советской власти, и были счастливы, получив буквари с забавными картинками. Нас тогда особенно радовало то, что в этих книгах мы находили изображения овец и коров, которых мы пасли, кормили и поили. Мы очень жалели, что там не было осликов, на которых мы скакали и ездили по дрова. Те благословенные буквари явились первыми учебниками, привезенными в аулы через тогдашние худые мосты, может быть, их везли на осликах и мулах — ведь не во все горские аулы могла пройти даже воловья арба. Как бы то ни было эти буквари были истоками той реки, которая называется теперь Кабардино-Балкарией. Они были истоками нашей

национальной литературы, которую знают по всей стране и читают от Белого моря до степей Казахстана»³⁷.

В 1960 году писательская организация Кабардино-Балкарии готовилась отметить 60-летие со дня рождения Али Шегенцукова и 50-летие — Берта Гуртуева, одного из старейших литераторов. Кайсына попросили написать статьи ко дням юбиларов, которые должны пройти в октябре³⁸. Некоторым казалось, что Кайсын удивительно быстро и легко писал о своих собратях по перу. Но это совсем не так. Черновики его статей говорят об обратном. Каждый раз он вдумчиво и глубоко разбирался до мелочей во всем том, что относилось к поэзии, к индивидуальной манере письма каждого из художников. На эту особенность работы поэта указал академик АН УССР Леонид Новиченко: «Удивительный по тонкости своего лиризма балкарский поэт Кайсын Кулиев, умевший писать проникновенно статьи о русской и всей разноразличной советской поэзии, которая была для него такой же родной и внятной, как слово кавказских его предков»³⁹.

Проникновенные строки написал Кулиев об Аткае, к 50-летию со дня рождения дагестанского поэта, и о Сергее Есенине, поэзию которого он любил наравне с Лермонтовым.

В это же самое время Кайсын много не только работал над статьями, но и создавал шедевры лирики.

Где-то стонет женщина вдали,
Напевает песню колыбельную.
Вечный страх, тревоги всей земли
Проникают в песню колыбельную.

Первой пулей на войне любой
Поражают сердце материнское.
Кто б ни выиграл последний бой,
Но страдает сердце материнское⁴⁰.

Перевел Н. Гребнев

Индира Ганди, будучи в Москве, говорила о том, что Советскому Союзу пришлось преодолеть много препят-

³⁷ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 95, л. 14—16.

³⁸ Кулиев К. Живой родник: (О А. Шегенцукове) // Кабардино-Балкарская правда. 1960. 26 октября; Он же. В боевом строю: (О Б. Гуртуеве) // Там же. 1960. 15 октября.

³⁹ Только гармония // Литературная газета. 1988. 10 февраля.

⁴⁰ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 425.

ствий, решить возникшие трудные задачи, отражать нашествия. Жертвы, принесенные советским народом во имя защиты своих идеалов, обусловили его горячее стремление к миру, испытав на себе все ужасы войны. Он, естественно, ненавидит ее. Как справедливо сказал поэт Кайсын Кулиев: «Каждая пуля на войне поражает одну цель — сердце матери»⁴¹. Этой фразой Индиры Ганди Кайсын очень гордился. И когда он прочитал эти слова в «Правде», то дал в Индию телеграмму на имя Индиры Ганди и благодарил ее за оказанную ему честь. Ей он посвятил стихотворение «Жизнь на земле не убить!». Оно датировано 1985 годом — последним годом жизни поэта. Это стихи-реквием, стихи-обращения к Кавказским горам («Горы, оденьтесь в траур, оборотясь к Гималаям,— оттуда горькие вести для мира всего пришли») и к обезумевшей банде убийц, их «подлыми пулями убита Индира Ганди, в Дели, где знамя свободы ее отец поднимал». Поэт проклинал тех, кто поднял руку на женщину:

Злодеи осатанелые мать собственную убили —
Индиру Ганди матерью называли в ее стране.
И вновь вспоминаю с болью я, как с ней мы
вечер встречали ⁴².

Перевел Л. Шерешевский

В личной жизни поэта в этот год все было благополучно. Сыновья подрастали. Старший Эльдар учился во втором классе, младший Алим уже давно научился ходить. Алим был красивым ребенком, вспыльчивым и уверенным в просьбах. Быстро обижался, если не исполняли его желание, но и скоро успокаивался. При волнении бледнел и убегал прятаться. Кайсын тогда еще не знал, что второй сын доставит ему много хлопот и переживаний, когда будет учиться в старших классах и когда уйдет служить в ряды Советской Армии. В эти годы Мака как могла, так и заботилась о сыновьях, что-то делала по дому. Кайсын видел, что она с трудом привыкала к его частым поездкам в Москву, где ему приходилось много работать, но потом поняла, что в своих действиях и поступках он должен быть свободен. В этом Кайсын ее не раз убеждал и доказывал, что это его работа. В 1960 году он писал:

⁴¹ См.: Речь Индиры Ганди // Правда. 1976. 10 июня.

⁴² Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 275.

И нас на свете жизнь не только греет
И шлет нам молнии своих невзгод.
Но мы не проклинаям, а мудреем,
Принемля все, что жизнь нам ни пошлет ⁴³.

Перевел Н. Гребнев

Хорошо складывались отношения с дочерью Жанной от первого брака. Кайсын ее по-прежнему горячо любил, заботился о ней, всегда поздравлял с праздниками, днем рождения, привозил из Москвы подарки, приглашал к себе домой в гости. Была она уже студенткой университета, училась на историко-филологическом факультете отделения русского языка и литературы, мечтала стать учительницей. Кайсын ее в этом поддерживал и всегда говорил, когда они касались ее будущего, что и он тоже хотел быть учителем и для этого поступил в педагогический техникум в Нальчике... Но судьба распорядилась по-иному.

Был пахарем, солдатом и поэтом,
Я столько видел горя, столько бед,
Что кажется порой: на свете этом
Уже я прожил десять тысяч лет,—

писал Кулиев в 1960 году, удивляясь, что так все быстро прошло, что у него такая взрослая дочь со своей нелегкой судьбой. А у него так много творческих планов, осуществить которые не хватит и тысячи лет.

Меня работа ждет и манят дали,
Я столько строк еще не дописал,
Что кажется порою: не вчера ли
Я на коленях матери играл? ⁴⁴

Перевел Н. Гребнев

Его мать Узеирхан тяжело болела. Кайсын переживал за мать, думал постоянно о ней, и тема «матери-горянки» войдет прочно в его стихи этих лет.

На свадьбах веселых поют сыновья —
Радость в глазах матерей,
На бурках погибших приносят друзья —
Горе в глазах матерей.

⁴³ Там же. М., 1976. Т. 1. С. 426.

⁴⁴ Там же. С. 427.

В глазах матерей и осенняя даль,
И весна, что цветет у дверей.
Я видел и радость земли, и печаль —
Я видел глаза матерей ⁴⁵.

Перевел Н. Гребнев

Так приходил Кайсын к обобщению, отталкиваясь от единичного и сугубо личного: он почти каждый день приезжал навестить больную мать и видел ее печальные глаза. «Поэзия должна рождаться от замороженности, от потрясений, от больших волнений, от больших раздумий, — писал поэт позже. — Смерть близких, гибель людей на войне, стихийные катастрофы в мире — все это остро переживается. И все переживания равны, у сердца нет и не должно быть различий: больше, меньше»⁴⁶. Возможно, поэтому он писал в 1960 году:

Я, над раненым камнем склонясь, горевал:
От огня почернел он, от горькой беды.
Он мне мертвым казался, и я тосковал,
Потому что хотел на нем видеть цветы.

.

Жизнь любить не до слез, не до боли нельзя.
Оттого-то и грустным порою я был:
Всех пропавших и павших оплакивал я,
Потому что живыми их очень любил ⁴⁷.

Перевел Н. Коржавин

Очень любил Кайсын своего старшего друга Б. Пастернака, скончавшегося в мае 1960 года в своем доме в писательском поселке Переделкино под Москвой. И лишь только одна «Литературная газета» кратко сообщила о смерти «члена Литфонда» Б. Пастернака. На его похороны Кулиев не смог вылететь, чтобы проводить великого поэта в последний путь. Переделкинское кладбище и могилу его Кулиев посетил в свой первый приезд в Москву. Возложил цветы и подумал,

Что жизнь вершит неправый суд.
Что умирают лучшие скорее,

⁴⁵ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 428.

⁴⁶ Литературная газета. 1975. 1 января.

⁴⁷ Кулиев К. Избр. произв.: В 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 254.

Что лучшие себя не берегут.
Мне кажется, к достойным время строже,
Судьба наносит больше им обид,
Людей, которыми гордиться может,
Растрчивает мир и не щадит ⁴⁸.

Перевел Н. Гребнев

Процесс творчества — особый вид работы. Кулиев писал в статье «Окрыляющий дух новаторства», что поэзия всегда является чудесным результатом непростой, напряженной, драматической встречи поэта и мира. Интересно в связи с этим высказыванием рассказать об истории создания стихотворения «Лишь мертвые не ведают тревог...» (1960), когда Кулиев находился в Москве, остановившись, как обычно, в гостинице «Москва». Был воскресный день. Кулиев с утра чувствовал недомогание, но надо было идти в ГУМ кое-что купить. Он вышел, увидел много людей, спешивших в магазин. Взгляд поэта скользнул поверх голов, и вдруг он обратил внимание на одну согбенную старушку с авоськой в руках, которая тоже шла в этом направлении, может быть, купить хлеб. И, невольно глядя на нее, Кулиев подумал: «Только у мертвых нет забот и тревог». Родилась мысль. Он пришел в гостиницу и написал стихотворение. Вот оно:

Лишь мертвые не ведают тревог,
Не видят ничего они, не слышат,
А к нам тревоги входят на порог
И, как сентябрьский дождь, стучат по крыше.

Лишь мертвые не ведают забот,
А мы с тобой не мертвецы, не боги.
Нас пламя жжет, и снова в путь зовет
Привычный клич заботы и тревоги ⁴⁹.

Перевел Н. Гребнев

Из случая, о чем вспомнил поэт, он почти ничего не взял. В стихотворении нет ни Москвы, ни людей, идущих в магазины, ни старушки. Важно не то, что увидел поэт, а что подумал при этом. Искра была высечена при столкновении поэта с реальными людьми, их повседневными заботами и тревогами.

⁴⁸ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 186.

⁴⁹ Кулиев К. Избр. произв.: В 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 262.

В формировании взглядов Кулиева на процесс творчества особо можно отметить роль передовых отечественных и зарубежных писателей-классиков. Так, Симон Чиковани писал: «Для меня поэзия — это накопление интенсивных впечатлений, сгусток пережитого и продуманного, разрядка скопившихся мыслей и чувств...» Эти слова Кулиев приводит в своей статье «Окрыляющий дух новаторства».

В конце 50-х начале 60-х годов критики еще мало писали о творчестве Кулиева. После статей С. Смирнова, А. Энеева и Д. Бычкова⁵⁰, о нем писали только Ф. Белкин, А. Кешоков и Н. Тихонов⁵¹.

В 1960 году о Кайсыне была напечатана только одна статья Д. Бычкова⁵². Этот факт тревожил поэта. Для него критические работы: рецензии на его сборники стихов, эссе — были неотделимы от его творчества и жизни. Он их с удовольствием читал, делал вырезки и аккуратно подшивал: он собирал архив. Ему было приятно, что на сборник стихов «Хлеб и роза» (1957) были рецензии С. Львова, Е. Стефанеевой и С. Смирнова⁵³, на стихи «Мои соседи» (1957) рецензии написали Д. Бычков, И. Горбатовский⁵⁴, а на книгу «Горы» — О. Воронова. Не оставил без внимания «Стихотворения» Кулиева, вышедшие в 1957 году, В. Огнев⁵⁵. Получал поэт и много писем с откликами на его стихи. Одно из таких писем было от Маршала Советского Союза Малиновского Родиона Яковлевича. Много писем Кайсын получал от Липкина

⁵⁰ Смирнов С. Радости трудного пути // Литературная газета. 1957. 20 июня; Энеев А. Наш Кайсын // Кабардино-Балкарская правда. 1958. 2 февраля; Бычков Д. Военная лирика Кулиева // Там же. 15 февраля.

⁵¹ Белкин Ф. Певец родного края // Известия. 1958. 4 июня; Кешоков А. Кайсын Кулиев // Октябрь. 1959. Кн. 11. С. 195—200; Тихонов Н. Мужество и нежность // Литература и жизнь. 1959. 22 ноября.

⁵² Бычков Д. Военная лирика Кулиева // Шуёхлукъ (Дружба). 1960. № 10. На балк. яз.

⁵³ Львов С. По горным дорогам // Дружба народов. 1958. № 5. С. 234; Стефанеева Е. Поэзия мужественного сердца // Дон. 1958 № 5. С. 187.

⁵⁴ Бычков Д. Стихи Кулиева // Кабардино-Балкарская правда. 1957. 31 августа; Он же. Новые стихи Кулиева // Там же. 27 августа; Горбатовский И. Книжка стихов поэта // Там же. 7 июня.

⁵⁵ Огнев В. Трудное счастье // Дружба народов. 1960. № 5. С. 244—245.

Семена Израилевича, переводчика его стихов. Они хранятся в госархиве (КБР, в фонде Кулиева К. Ш.

Однако Кулиева заботило не это, а другое, более существенное для него дело. Это подготовка на 1961 год сборника стихов, который он решил назвать «Новая книга» и издать его на родном языке в Кабардино-Балкарском книжном издательстве. Кроме того, планировалось издание стихотворений Кулиева на аварском языке с предисловием О. Г. Шахманова в издательстве Дагкнигоиздат⁵⁶. Помощь оказал Кулиеву Расул Гамзатов, дружба с которым росла с каждым годом. Формированию этих сборников мешала общественная деятельность. В мае 1960 года он должен был в Карелии, выступить с приветствием. Союз писателей командировал его. Обращаясь к собратьям по перу, Кайсын говорил: «Братство всех людей, на каком бы языке они ни говорили — это удивительная человеческая и гуманная цель. И это прежде всего должно радовать нас, писателей и людей искусства. Ведь цель литературы и искусства — служить братству людей и человечности. Этим вечным негасимым прометеевым огнем согреты народная поэзия всех стран, творчество всех великих мастеров, в том числе и «Калевала» («Сердечное слово братьев»)⁵⁷.

Это было обычное выступление в духе времени шестидесятых годов, когда славили дружбу народов и «полнее стала проявляться закономерность сближения классов и слоев советского общества. Ускорился процесс всестороннего сближения наций и народностей СССР»⁵⁸, которые (закономерность и процесс!) через 30 лет превратятся в свою противоположность и обернутся в конце 80-х — начале 90-х годов национальной трагедией: начнутся погромы, убийства, резня, локальные гражданские войны. Кайсын, как пророк, предвидел и это:

Есть в мире свет, но в мире есть и мрак,
Есть мудрость: зуб за зуб, за око — око,
И кровь за кровь, и кровь за просто так...⁵⁹

Перевел Н. Гребнев

⁵⁶ Стихи К. Кулиева. Махачкала, 1961. На авар. яз.

⁵⁷ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 95, л. 7.

⁵⁸ История СССР: Учебник для 10 кл. М.: Просвещение, 1988. С. 178.

⁵⁹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 354.

Но тогда все воспевали дружбу народов и социалистический интернационализм. Писатели и поэты обязаны были выступать среди народа и славить партию. Кулиев не был исключением. Он много ездил по стране, выступал с речами. Так, будучи в Азербайджане в апреле шестидесят первого года как участник недели литературы РСФСР, он выступал в государственном университете на вечер-встрече со студентами⁶⁰. Вечер поэзии с молодежью принес поэту удовлетворение. И в своих стихах Кайсын славил молодость и находил ответную реакцию. «Мир живет и сохраняет молодость открытиями,— говорил он.— У каждого дня и года свой неповторимый облик. Весна жизни непобедима. Мир вечно молод, как и поэзия, как женская красота»⁶¹.

В конце декабря 1960 года Кулиев был, как участник пленума Союза писателей РСФСР, в Киргизии, выступал о проблемах национальных литератур, встречался со своими старшими собратьями-литераторами, с которыми он когда-то работал в 1945—1953 годах.

Находил Кайсын время и для работы над стихами. За один только 1961 год поэт написал около пятнадцати стихотворений. Среди них такие известные, как «Я вижу, мама, день весенний...», «Ветер кажется белым-белым...», «Воспоминания», «На горы выпал первый снег», «О река, бегущая в теснине...», «Снова снится мне зимнею ночью скала...», «Не ел ты хлеба горя никогда...», «Раздумья у Голубого озера», «Мы ранены любовью и войной...», «В мой легкий день я буду вспоминать...» и др. Эти стихи нужно было перевести на русский язык, и он сам занялся подстрочниками, а потом попросил лучших переводчиков страны Н. Коржавина, С. Липкина, Н. Гребнева, Я. Козловского заняться этой нелегкой работой. К этому времени Кайсын задумал и другую книгу стихов — «Огонь на горе», которая была запланирована в издательстве «Советский писатель» на 1962 год.

Как депутат Верховного Совета СССР, Кулиев готовился к XXII съезду КПСС, который состоялся в октябре 1961 года. Съезд принял третью Программу партии. Надо отметить, что выступление на партийном съезде было не из

⁶⁰ Бакинский рабочий. 1961. 21 апреля.

⁶¹ Литературная газета. 1968. № 1.

простых и легких дел. Писательские дела надо было умело увязать с актуальными проблемами социалистического строительства, требовались пафос и похвальба. Без этого «аппаратчики» не пропускали ни одно выступление. К XXII съезду КПСС Кулиев опубликовал небольшую статью «Уверенно смотреть вперед»⁶². Призывы и четкие, целенаправленные лозунги были в моде.

Общественная работа отнимала у поэта немало времени. Он обязан был принимать участие в областных партийных конференциях, в заседаниях пленумов обкома КПСС. По тому времени — это была большая честь для поэта. И он внимательно выслушивал «прения» по докладам и старался добросовестно выполнять свой партийный долг. (Вступил Кулиев в члены КПСС в 1944 году.) Все мандаты, пропуска на заседаниях пленумов, делегатские билеты и прочие документы времени идеологического диктата Кулиев сохранил и передал их в госархив КБАССР⁶³.

В 1961 году ему особенно запомнились две поездки. Одна из них в Азербайджан в связи с Декадой литературы РСФСР, которая проходила в городе Кировабаде (ныне Гянджа). Здесь Кулиев встретился со своими друзьями М. Каримом, Наби Хазри, Мирзой Ибрагимовым и другими поэтами. А другая поездка была в Москву для участия в заседании по вопросам международных писательских связей. Воздух хрущевской оттепели повеял свободой, и можно было надеяться на поездки за границу, хотя бы в страны соцлагеря, а может быть, и капстраны. Годы «холодной войны» уходили в прошлое, и актуальные прежде произведения, скажем, К. М. Симонова «Чужая тень» книга стихов «Друзья и враги», проникнутые духом сталинизма, и других деятелей советской культуры, активно участвовавших в борьбе за мир, теряли свою актуальность. Расширялись международные культурные связи. Кулиев знал, что успехом за рубежом пользуются наши театры, музыкальные и танцевальные коллективы, выдающиеся исполнители — представители советской музыкальной и вокальной школы, балетного искусства, нашей

⁶² Кулиев К. Уверенно смотреть вперед // Коммунизмге жол. 1961. 17 октября.

⁶³ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1. л. 14. Материалы к биографии К. Ш. Кулиева.

литературы. Кайсын мечтал о том времени, когда его стихи зазвучат на английском, французском, польском⁶⁴, немецком языках.

Вернувшись из Москвы, Кулиев окунулся в общественную работу. Во-первых, надо было принять участие в традиционной обкомовской конференции, на которой он был делегатом. Кайсын сидел и думал о том, как быстро пролетел год.

А наши дни и вовсе быстротечны,
Но как ни краток век, я не даю
В обмен на эту каменную вечность
Ни жизнь, ни песню брениую свою⁶⁵ —

Перевел Н. Гребнев

писал он в стихотворении «Земля поглотит все. В ее утробе...» (1961). Подступал тысяча девятьсот шестьдесят второй год. Каким будет он для семьи, детей, жены, больной матери? Для них у поэта оставалось совсем мало времени: ни проверить школьный дневник сына, ни почитать сказки Алим, ни поговорить с женой, здоровье которой стало беспокоить Кайсына. Иногда, ослепленная раздражением, она в своих упреках была столь же не права, как и Кайсын в своих доводах. Каждый из них не хотел согласиться с другим, намеренно обижая друг друга. Кулиев в таких случаях не считал нужным оправдываться перед женой, и его ответы представляли собой не попытки примирения, а нападение. Потом он ругал себя за несдержанность и просил извинить его. Но боль оставалась болью и обидой — обидой.

Я тебе такую боль нанес,
Будто бы клинком удар нежданный.
Так обидел я тебя до слез,
Что и сам страдаю, как от раны⁶⁶ —

Перевел С. Липкин

⁶⁴ На польском языке будет опубликована книга стихов К. Кулиева «Раненый камень» в Варшаве только в 1974 г. На английском, французском, немецком и др. языках тоже будут опубликованы стихи Кулиева, но только в журналах, сборниках и газетах.

⁶⁵ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 477.

⁶⁶ Там же. С. 481.

писал поэт в 1961 году. Или такие строчки, свидетельствовавшие о личных страданиях поэта, которого мучило сознание неправоты или бессмысленной враждебности жены:

Живем с тобою, каждый день и час
То радуя, то мучая друг друга.
Порою солнце юга нежит нас,
Порою дует северная вьюга⁶⁷.

Перевел С. Липкин

Накануне шестьдесят второго года поэт написал всем своим друзьям и знакомым поздравительные письма, открытки, телеграммы. Составил, как всегда, примерный план культурных мероприятий, юбилейных дат, предполагаемых совещаний и поездок, сделал наброски первоочередных статей для сборников, журналов, газет, чьи просьбы и заказы были получены и ждали ответов. В первую очередь надо написать статьи о Пушкине, приближался его юбилей — 125-летие со дня смерти. От редакции газеты «Литература и жизнь» уже была заявка на 1962 год. В феврале он должен был представить статью «Признание»⁶⁸ и написать рецензию о книге А. Ковусова «Живая вода»⁶⁹. И, конечно, надо поддержать напутственным словом свою молодую землячку Танзилю Зумакулову⁷⁰. Душевный труд, испытание судьбой — все имела поэтесса. И Кайсын с предельной четкостью рассказал в небольшой статье о ней, как она с самых юных лет выбирала свою дорогу на поэтическом поприще, как бы ни поступала с ней судьба, что ее поэзия привлекает читателя новизной самого материала и его художественным воплощением.

У Кулиева уже был необходимый опыт предшествовавших центральных и местных изданий на русском языке. И все же предстоящая работа его беспокоила. Подстрочники для книги стихов «Огонь на горе» собирались в изыске, он переписывался с переводчиками, корректором издательства «Советский писатель». Кроме того, он

⁶⁷ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 482.

⁶⁸ Кулиев К. Он всегда с нами // Кабардино-Балкарская правда. 1962. 10 февраля; Он же. Признание // Литература и жизнь. 1962. 11 февраля.

⁶⁹ Кулиев К. Источник жизни // Литературная газета. 1962. 28 августа.

⁷⁰ Кулиев К. Счастливого восхождения тебе, Танзиля! // Дружба народов. 1962. № 3. С. 118—119.

был одним из составителей книги «Песня дерева», которая должна быть издана в этом же году в Кабардино-Балкарском книжном издательстве⁷¹. Работать предстояло много. Ко всему этому Кулиев решил еще подготовить на балкарском языке стихи для детей, небольшую книжечку с милым названием «Ласточка», которая и была издана в 1962 году в Нальчике. Ее он с радостью взял прямо из типографии, принес домой, показал своим сыновьям и подарил им по экземпляру. Эльдару было одиннадцать лет, Алимуну шел восьмой год. Соответственно своему возрасту они по-разному отнеслись к «Ласточке»: один стал читать, другой рассматривать иллюстрации. Для Кайсына и то, и другое принесло радость и удовлетворение. Глядя на детей, Кайсын вспомнил свое детство.

Льет дождик, и капли стучат по стеклу.
Приснилось мне детство: в горах на рассвете
Под елью столетней, прижавшись к стволу,
Укрылся мальчишка в дырявом бешмете...⁷²

Перевел Н. Гребнев

Мальчик в «дырявом бешмете» не мог и мечтать о такой книжке: у него были куда более прозаические дела в Безенгийском ущелье — привести из леса на ослике дрова, выгнать скотину со двора. Реальная жизнь была у этого мальчика другой. Потом она воплотится в поэтические строфы:

Перед собою не в лесу ли
Кабаньи видел я клыки
И звездные глаза косули
С полночным отблеском тоски?⁷³

Перевел Я. Козловский

«Отблеск тоски» по ушедшему детству и годам юности будет переходить из года в год, находя художественное воплощение во многих стихотворениях 60—80-х годов. Особенно этот мотив утверждался в кулиевской лирике, относящейся ко времени депортации балкарского народа,

⁷¹ Песня дерева: Народные песенки, прибаутки, небылицы / Сост. З. Налоев, К. Кулиев. Нальчик, 1962. 79 с.

⁷² Кулиев К. Избр. произв.: В 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 269.

⁷³ Там же. С. 272.

когда геноцид был обычным явлением. Это время насилия и беззакония помнил Кулиев, поэтому писал в 1960 году:

Когда с обидой и печалью
Я жил на горестной земле,
Мне снился ты за дальней далью,
Цветок на каменной скале⁷⁴.

Перевел Я. Козловский

У подростков десяти-двенадцати лет, родившихся в Средней Азии, не было ностальгии по Кавказу, они его не могли представить, хотя и слышали не раз от взрослых о своей исконной родине предков. Интересно в связи с этим привести некоторые строки из письма Н. Джусойты от 9 декабря 1962 года, направленного из Цхинвали ГССР в Нальчик Кулиеву: «В 1958 году я ехал из Москвы в Орджоникидзе в купе с одним чеченцем, возвращавшимся на родину из Средней Азии. Был у него лет 12-ти мальчик, который родился на чужбине и не знал, что такое Кавказ.

— Куда едешь?

— Домой, на Кавказ!

Мальчик хорошо говорил по-русски.

— А что за Кавказ?

— Не знаю,— загрустил мальчик.— Наверное, вон те большие деревья.— И указал на три одиноких тополя какого-то вокзала.

У меня слезы подступили к горлу, и я вспомнил почему-то тебя, Кайсын. И вот тогда я постарел «на одну печаль», а ты стал «на одного богаче друга».

Пойми меня правильно, Кайсын, я не навязываюсь в друзья. Мы не одного с тобой поколения, редко видимся, еле меня знаешь. Мои слова ни к чему тебя не обязывают. Но ты живешь на земле, добрый, мужественный человек, отличный поэт, и мне этого достаточно, чтобы считать себя твоим другом. А что мы дети одних гор — это уже сверх того.

Я знаю, что у тебя много читателей и почитателей — друзей. Считаю, один из них я. Знаю, что поэты друг другу редко говорят добрые слова дружбы и уважения, а то,

⁷⁴ Там же. С. 275.

что говорится за столом тамадиноного красноречия — этому я плохо верю, большей частью это бывает дар красноречию, нежели искреннему чувству дружбы и бескорыстной любви к человеку.

Мои слова восхищения твоим поэтическим искусством, добрым, мужественным и человечным искусством преследуют лишь одну цель: быть может, станешь ты бедней «на одну печаль» и богаче одной дружеской благодарностью.

Будь здоров, дорогой, и всегда удачлив!»⁷⁵

Социальная память человека — это и фактор временных связей, и средство душевного настроения, когда определенная гамма чувств лежит в основе жизни человека, а поэта в особенности. Поэтому в шестьдесят втором году для Кулиева его внутренняя жизнь и поэтическая сторона действительности развивались, словно из весенней почки, главная эмоциональность которых составляла основу стихотворений 50—60-х годов: это радость и уверенность, грусть и боль, разочарование и наслаждение. Однако главной среди них была кулиевская жизнерадостность. Таким видели его ровесники и все те, кто как-то с ним встречался. Этот душевный склад поэта пользовался уважением. Может быть, Кайсын воспитывал в себе жизнерадостность, подражая олимпийцу Юпитеру. Но в этом расположении духа его часто встречали и видели, как, раскрыв объятия, он с радостным восклицанием шел навстречу...

Может быть, этим состоянием духа можно объяснить появление ряда статей Кулиева, посвященных теме мира, Октября, национальным празднествам⁷⁶, культуре возрожденного Кавказа и дружбе между народами. Об этом Кулиев писал и в статье «Люди и горы», опубликованной в газете «Грозненский рабочий» в середине января 1962 года.

В тысяча девятьсот шестьдесят втором году Кулиеву пришлось выступать на сессии языковедов, организован-

⁷⁵ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 38, л. 1.

⁷⁶ Кулиев К. Мир нужен всем // Кабардино-Балкарская правда. 1962. 18 июля; Он же. Мир — счастье народов // Коммунизмге жол. 1962. 20 июля; Он же. Знамя нашей жизни // Кабардино-Балкарская правда. 1962. 6 ноября; Он же. Сияние наших вершин: (О КБАССР) // Литература и жизнь. 1962. 5 декабря.

ной АН СССР⁷⁷. Ученые, слушая Кайсына, воспринимали его мысли не столько с точки зрения науки о языке, сколько как краткое эссе о сущности каждого национального языка как о живом мире, полном красоты и мудрости. «Язык не только предмет для изучения, а живая душа народа, его радость и боль, память, сокровище»⁷⁸, — говорил Кайсын.

Плодотворно протекавшая литературная и общественная работа Кулиева была отмечена редакционной коллегией «Огонька», и ему была присуждена за 1962 год годовая премия журнала за цикл стихов «Завещанный мир». Но критики и литературоведы по-прежнему не баловали своим вниманием поэта. За целый год о нем была опубликована только одна статья Л. Кашежевой⁷⁹ и две рецензии — Н. Коржавина на стихи «Огонь на горе» (М., 1962), Д. Маммеева на сборник стихов «Новая книга» (Нальчик, 1961)⁸⁰.

Своеобразный итог размышлений Кулиева над некоторыми философскими проблемами можно увидеть в стихах шестьдесят второго. Здесь есть размышления о сущности трагического, об уходящем скоротечном времени, надвигающейся старости и смерти. Об этом такие стихотворения, как «Время», «Снегопад в горах», «Старая песня», «Тихие стихи», «Шаль», «Ночь и рассвет», «Черный день над развалинами Хиросимы...», «Забытые поэты», «В ночном ущелье», «Камень». В каждом из них есть мотивы грусти, быстротечного времени, встреч и расставаний, благосклонности судьбы и ее удары. А в стихотворении «Старая песня» (1962) лирический герой мужественно преодолевал, казалось бы, непостижимые трудности:

Раненный, я одолел перевал,
Падал, катился по крутизне.
Как от дороги и ран я устал...

Мотив трудной дороги — не случайный. Он будет звучать из года в год и переходить из стихотворения в стихотворение. Вот строки из «Снегопада в горах» (1962):

⁷⁷ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 401.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Кашежева Л. Поэзия, рожденная жизнью // Кабардино-Балкарская правда. 1962. 16 января.

⁸⁰ Коржавин Н. Мужественный голос // Новый мир. 1962. № 10. С. 231—233; Маммеев Д. Песни жизни // Коммунизмге жол. 1962. 1 июня.

Мне в этом снегу вспоминаются тоже
Былые дороги, былые огни,
И память моя, никого не тревожа,
Уводит меня в мои трудные дни⁸¹.

Перевел С. Липкин

«Тихие стихи» (1962) посвящены жене Маке Магомед-Султановне Дахкильговой. Сила художественной убедительности строк этих стихов не в драматических переживаниях автора, что он стареет и когда-нибудь уйдет из мира, а все останется по-прежнему: «Земле цвести, поверь: все будет и без нас — зима, весна и лето, и реки будут течь сквозь горы, как теперь...» И не во внешне эффектных словах, обращенных к любимой жене, и не в исключительности внешнего облика героини: «И говорил себе, что твоего красивей на свете я лица не видел никогда...» А в самом простом: в глубоко пережитом умом и сердцем поэта. Потому-то «Тихие стихи» родились от больших волнений, раздумий о жизни и любимой женщине, с которой поэт прожил уже одиннадцать лет. Печалью веет от следующих строф:

Желтеет за окном. И птицы над домами.
Подходит вновь зима, готовит свой набег.
Ты гладишь мне виски и теплыми руками
На голове моей вдруг ощущаешь снег⁸².

Перевел Н. Коржавин

Искренне выраженное поэтом заставляет читателя почувствовать не грусть, а скорее боль души, израненное сердце, которое болит от того, что ушедшей молодости не вернуть. Так через индивидуально-неповторимое, частное и личное выражается общее, поскольку художественный образ есть индивидуализированное обобщение, включающее в себя не только единичное, но и общее, вплоть до общечеловеческого. Не случайно В. Г. Белинский писал, что великий поэт, говоря о самом себе, говорит о человечестве, ибо в его натуре лежит все, чем живет человечество, и потому в его грусти всякий узнаёт свою грусть, в его душе всякий узнаёт свою душу.

⁸¹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 60.

⁸² Кулиев К. Избранная лирика. М.: Худож. лит., 1967. С. 360.

Работая над стихами шестьдесят второго года, Кулиев не забывал своих друзей. М. Дудину он посвятил стихотворение «Соловьи» (1962). Это о том дне, когда они были в Кировабаде, слушали вечером пение соловья и «стали молоды от первой звонкой трели». Описание ночи — в прелести пения:

Как пели соловьи! Их слушали, как дети,
И мы, и ручейки, и листья, и поля.
То — жизни вечный зов. То голос всех столетий,
Который говорит: «Люблю тебя, земля!»⁸³

Перевел С. Липкин

В тот же год в творчество Кулиева глубоко трагически-ми строфами вошло стихотворение «Моей любовью ты была. И вот...» (1962), посвященное Лие Степановне Ерусалимчик. С этой талантливой и мужественной женщиной Кулиев познакомился в 1942 году в Союзе писателей, когда был вызван Политическим управлением Красной Армии с фронта в Москву. Некоторое время Кулиева и Ерусалимчик связывали профессиональные интересы, творческая дружба и большое чувство, но встретиться им было не суждено: после войны Кулиев узнал о ее ранней смерти. Неподдельной скорбью и трагизмом случившегося наполнены строки стихотворения о ней:

Моей любовью ты была. И вот
Моей ты стала болью, жгучей раной.
Смерть и красивых у живых берет,
Взамену ставит камень бездыханный,—

писал поэт и стремился выразить через свое отношение ее многогранную личность, такие ее качества, как широту взглядов, яркую неповторимость дарования, душевность.

Как ты стихи любила! Но теперь
Не слышишь ты стихов и ливней вешних.
Звезда, не ведая людских потерь,
Вновь дарит свет плодам деревьев здешних...⁸⁴

Перевел С. Липкин

⁸³ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 87.

⁸⁴ Там же. С. 77.

Мучительно неутолимая грусть звучит в строках поэта, его трагический и светлый голос волнует силой скорби. Так кулиевская поэзия становилась «живым глаголом действительности» (Белинский).

Лирика Кулиева уже в начале шестидесятых годов — это искусство большой искренности, откровенности мыслей и чувств. Эмоциональный тон большинства стихотворений этого времени — светлый, нравственно чистый, поражающий своей благородной простотой. Так, стихотворение «Ты поешь колыбельную песню, и снова...» (1962) проникнуто нежным лиризмом, чувством умиротворения и окрашено каким-то особым домашним покоем.

Ты поешь колыбельную чисто и звонко,
И я счастлив: я верю, я верю опять,
Что всегда будут песней баюкать ребенка,
Лунный свет будет вечно сиять ⁸⁵.

Это стихотворение написано в честь Маки Матомед-Султановны Дахкильговой, подарившей Кайсыну третьего сына, названного Азаматом. Родился он в Нальчике, и детский лепет его будет раздаваться в доме на проспекте Ленина, где и пройдут его детские годы в окружении старших братьев Эльдара и Алима.

Этот год был для Кулиева счастливым и удачным: он много писал. Пятьдесят четыре стихотворения ⁸⁶ были переведены на русский язык такими мастерами своего дела, как С. Липкин, Я. Козловский, Н. Гребнев. Среди них нет ни одного слабого, все они прекрасны, и философский склад ума поэта, его нравственно-этические нормы сквозят в каждом из них. Особенно хотелось отметить такие, как «Кто может выгоде в угоду...», «Ремесло особой метой...», «Боль ашуга», «Кто б ты ни был, будь готов в дороге...», «Поэзия — земля моя, бывало...», «Все дороги, все тропы земли...», «Не схожи скалы меж собой обличем...», «Тревога сердца озадачит...», «Спилили дерево, оно свалилось...», «Надпись на книге Қазима Мечиева», «Стихи, сказанные зимним вечером».

⁸⁵ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 62.

⁸⁶ См.: Там же. С. 23—95.

Тысяча девятьсот шестьдесят третий год не принес Кулиеву особых изменений в его творческой судьбе и общественной работе. В начале года, в январе, в Нальчике состоялось заседание Союза писателей республики. На нем обсуждали произведения местных писателей и поэтов, отбирали наиболее удачные. По-деловому и критически выступали Б. И. Гуртуев, К. С. Отаров, А. П. Кешоков, Х. И. Теунов, А. К. Шомахов, М. М. Киреев. Кулиев говорил по проблемам поэзии, горячо отстаивал лирику молодых поэтов, просил членов правления Союза писателей республики оказывать всестороннее внимание и помощь начинающим литераторам.

Целым событием в жизни Кулиева стал тот факт, что в Комитете по Ленинским премиям в области литературы и искусства была выдвинута на соискание этой высокой награды на 1964 год книга стихов Кулиева «Огонь на горе», представленная СП КБАССР, СП Дагестана, редколлегией еженедельника «Литературная Россия» и КБНИИ. Об этом и сообщалось в газете «Известия» и в другой центральной периодике. Много труда и любви вложил Кайсын в создание этой книги стихов. Однако особой надежды на получение премии у него не было. Он помнил, как обошлись с ним и с его книгой «Горы мои», выдвинутой на соискание Сталинской премии в годы Великой Отечественной войны. Тогда помешал «наказанный» народ, сосланный в Среднюю Азию и Казахстан. «Какие теперь выдвинут аргументы и причины?» — думал поэт и чувствовал, что и в этот раз ему не дадут Ленинской премии. Так и вышло. Кулиеву не суждено было дожить до той поры, когда эта желанная им награда будет утверждена⁸⁷. Конечно, он был огорчен, что желание его не осуществилось. Однако с легким сердцем поехал в Дагестан поздравлять своего друга Р. Гамзатова, которому дали Ленинскую премию. На собрании, посвященном

⁸⁷ После смерти поэта его книга стихов «Человек. Птица. Дерево» (М., 1985) будет выдвинута на соискание Ленинской премии и в апреле 1990 года будет сообщено о том, что Ленинская премия 1990 года присуждена Кулиеву К. Ш., народному поэту Кабардино-Балкарии, за выдающийся вклад в советскую многонациональную литературу (посмертно) // Кабардино-Балкарская правда, 1990. 24 апреля.

этому знаменательному событию, Кулиев выступил с приветственной речью наравне с А. Т. Твардовским, Карло Каладзе, Ю. А. Завадским и др.⁸⁸ Слово Кайсына было живым, искрометным, с национальным колоритом ума и юмора. Горячие и крепкие слова его легко воспринимались. Он всегда умел увлекать слушателей, так как был талантливым оратором. Кайсын верил в свою звезду счастья, поэтому он по-прежнему «на мир с надеждою глядел и видел жизни белую вершину»⁸⁹ («Тогда достиг я горечи предел...»).

Через год он напишет в этом же ключе стихотворение «Все еще впереди».

Люди, не можем достичь мы предела:
Лучшее слово и лучшее дело —
Всё еще впереди...
Горе забудется, чудо свершится,
Сбудется то, что покуда лишь снится.
Всё еще впереди...⁹⁰

Перевел Н. Гребнев

Слова и мысли поэта были пророческими: он стал лауреатом Ленинской и двух Госпремий РСФСР и СССР. Кайсын не любил слово «пророк» и часто в стихах писал: «Я — не пророк...»

Этот год был памятным для поэта еще одним обстоятельством: он закончил и опубликовал в Москве «Горскую поэму о Ленине» в замечательном переводе М. Дудина. Поэму неоднократно печатали в различных центральных и местных издательствах, и она стала широко известной. Поэму часто передавали по радио, обычно ко дню рождения В. И. Ленина. Это художественное произведение поэта не было данью моды — приобщиться к поэтической Лениниане страны. Лирические строфы поэмы порождены глубиной чувства, искренностью и простотой изложения биографии обычного горского мальчика. Поэтично и возвышенно сказал Кулиев о своем маленьком народе, затерянном в теснинах скал Чегемского ущелья.

⁸⁸ Дагестанская правда. 1963. 28 июня

⁸⁹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 129.

⁹⁰ Там же. С. 140.

Наш дом лепился у Чегемских скал.
Их солнце одевало в позолоту,
Их свет луны таинственный ласкал,
В них уходили горцы на охоту.

Так начинается поэма, поэтичность и величие которой в ее сказочной простоте. Кто так образно и емко мог сказать о труженице-горянке, по вечерам сучившей пряжу, чтобы детям связать носки или другие необходимые вещи?

А мать моя не знала, где Тифлис.
Она садилась и сучила пряжу,
Когда туман, окутывая высь,
Незванным гостем опускался сразу⁹¹.

Конечно, в поэме есть и другая чиния лирического повествования: исторические события 1917 года, общественно-социальные перемены в судьбе народа и его героев. Мир изменялся, изменялось и национальное сознание горцев и самосознание личности.

Независимо от того, каким темам Кулиев посвящал свои произведения и какие социально-политические или нравственно-эстетические проблемы нашли в них свое отражение, все они отличались глубоким знанием национальной жизни, горского быта и образа мыслей своего родного народа.

Произведения Кулиева 1963 года, такие, как «Стихи, сказанные летним днем на Хуламских высотах», «Повидал я океанские просторы», «Жизнь моя, чем ты была? Может, ливнем...», «Идущим на помощь», «Я мог бы сражаться в Мадриде», «Горные вершины», «Предки мои», «Эльбрус», «Люди моей земли», «Прометей, прикованный к скале...», «Танец», «Памяти матери», кроме одного, являются глубоко горскими, кавказскими стихами и касаются национальной специфики бытия предков или современников поэта. Их психологическая и нравственная основа понятна и доступна всякому мыслящему человеку, потому что он истинный поэт и глубоко народный.

В этот же год продолжает развиваться в творчестве поэта жанр послания. Стихотворения-обращения к определенному лицу у Кулиева — это не дань литературной традиции поэзии классицизма, это особый лирический жанр,

⁹¹ Кулиев К. Горская поэма о Ленине. Нальчик, 1966. С. 7.

когда поэт мог наиболее полно и многосторонне раскрыть свой внутренний мир, показать свои мысли, чувства чаще всего через особенное напряжение внутренних сил героя. Хотелось бы отметить четыре стихотворения, явившихся наиболее художественно ясными и убедительными, а именно: «Ты помнишь лето? Лес, трава кругом...» (Я. Козловскому), «В сторону Сванетии иду» (Ревазу Маргиани), «Сильве Капутикян» и «Симону Чиковани». Что значил для Кайсына С. Чиковани, когда поэту пришлось жить на чужбине «без родной земли», когда он знал тоску и ему «снился Кавказ, Чегемский водопад и влажный гул Дарьяла», можно увидеть из следующих строк послания:

Я раскрывал твой том и не смежал ресниц,
И друга верного я локтем чуял локоть.
Перед душой моей вставали со страниц
Кавказские хребты, летел орлиный клекот.
Я раскрывал твой том и прибавлялось сил...⁹²

Перевел М. Дудин

Это, конечно, воспоминания о годах репрессии балкарского народа, когда поэт с ним разделил участь насильственно высланных. Те же мотивы и в послании «Сильве Капутикян»:

Вдоль изгнанник бредет с сумой,
Слезы льет по родному краю,
Не вернуться ему домой.
Я страницы твои листаю⁹³.

Перевел Н. Гребнев

И снова о проклятом дне высылки — 8 марта, прозванном в народе кровавым и черным днем. Обращаясь к Я. Козловскому, поэт писал:

Мне и зима запомнилась навек,
Осевший снег в начале марта месяца.
С тех пор, когда я вижу талый снег,
Мне пятна крови на снегу мерещатся⁹⁴.

Перевел Н. Гребнев

⁹² Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 103.

⁹³ Там же. С. 105.

⁹⁴ Там же. С. 120.

В этот год, шестьдесят третий, Кулиев работал над публикацией книги на родном языке «Зеленые чинары». Он давно хотел издать отдельно поэмы, явившиеся значительно более сложной формой лирического повествования, чтобы в них отразить важные и остропереживаемые вопросы периода депортации балкарского народа («Завещание», «Чегемская поэма») и более полно выразить свое отношение к действительности, обществу, людям, с которыми поэт встречался и жил в Средней Азии.

Кроме того, поэт издал на русском языке стихи для детей дошкольного возраста и назвал их «Зеленой сказочкой»⁹⁵. Это был второй подарок детям.

Почти каждый месяц кто-нибудь из друзей и знакомых приезжал в гости к Кайсыну. И его городская квартира и дома ближайших родственников были традиционно гостеприимны. Так было и в шестьдесят втором году, когда Кулиев принимал Дм. Трунова, сопровождал его в поездках по Кабардино-Балкарии. Через год у Трунова вышла книга «Ущелья сокровищ»⁹⁶. Четыре путешествия по Северному Кавказу. Он писал в этой книге: «Не раз мне приходилось встречаться с Кайсыном Кулиевым — этим орлом кавказской поэзии. Я слышал, как многоголосо звенел поток его стихов, ощущал тепло его сердца, вложенного в строфы лирики... Я наблюдал, как все выше и выше взлетал крылатый стих балкарца и долетел от Нальчика до Мурманска и Владивостока. И нельзя было не радоваться этому»⁹⁷. Книга была подарена поэту и хранилась в его библиотеке.

В конце года Кулиев получил приглашение Ученого совета Ростовского госуниверситета на торжественную церемонию вручения диплома почетного доктора филологических наук английскому ученому и общественному деятелю Чарльзу Перси Сноу. Надо было ехать, и Кайсын отбыл в Ростов-на-Дону.

В октябре 1963 года Кулиев вместе с Танзилей Зумакуловой, Сафаром Макитовым и другими писателями были в Волгодонске на встрече с рабочими и общественностью. Писатели Кавказа знакомили читателей со сво-

⁹⁵ Кулиев К. Зеленая сказочка. Нальчик, 1963. 218 с.

⁹⁶ Трунов Д. Ущелья сокровищ. М.: Сов. Россия, 1963. С. 35—36.

⁹⁷ Там же. С. 36.

ими произведениями⁹⁸, выступали с чтением своих стихов на литературных вечерах в станице Романовской Ростовской области и в клубе Волгодонского строительного треста № 3. Кайсын читал стихи, написанные им в этом году, те, которые он считал наиболее удачными: «Я мог бы сражаться в Мадриде», «Эльбрус», «Прометей, прикованный к скале...».

Всем дарил им ты, седой Кавказ,
Мужество сердец и зоркость глаза,
Говорил им: — Будьте в трудный час
Прометеями, сыны Кавказа!⁹⁹

Перевел Н. Гребнев

Последнее слово поэта тонуло в громе аплодисментов. Кулиев умел завораживать и приводить слушателей в восторг, потому что он не жалел себя и каждое слово, произнесенное им, пропускал через свое сердце. «Мир сквозь сердце», — скажет о нем Н. Джусойты.

Не оставлял Кайсын и другой области своей творческой деятельности. Она была ему не столь мила, как поэзия, но считалась необходимой частью его литературной работы. Подходило 60-летие со дня рождения Михаила Киреева, одного из старейших писателей Кабардино-Балкарии, и Кайсыну предложили написать о нем статью¹⁰⁰. Кайсын согласился, потому что почти четверть века Киреев жил и работал в республике, писал замечательные рассказы о горцах «с настоящим знанием их жизни и быта, психологии и характера»¹⁰¹. «Долгие годы работали мы рядом с М. М. Киреевым, — писал Кулиев. — Литераторы нашей республики испытали радость дружбы с Михаилом Михайловичем. С ним всегда приятно общение, как с талантливым и обаятельным человеком, для которого дороги человеческая душа и творчество. Наши молодые, да и немолодые писатели многим обязаны ему»¹⁰².

⁹⁸ Писатели Кавказа в Волгодонске // Молот. 1963. 3 октября.

⁹⁹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 113.

¹⁰⁰ Кулиев К. Слово о друге: (М. Киреев) // Круг дружбы. Нальчик, 1963. С. 5—13; Он же. Зрелость мастера: (О М. Кирееве) // Кабардино-Балкарская правда. 1963. 20 октября.

¹⁰¹ Кулиев К. Зрелость мастера: (О М. Кирееве) // Кабардино-Балкарская правда. 1963. 20 октября.

¹⁰² Там же.

Редакция газеты «Литературная Россия» попросила написать Кулиева заметки о развитии поэзии народов Кавказа. Он их озаглавил несколько тенденциозно: «Горизонты Октября»¹⁰³, так как эта критическая статья приурочивалась к ноябрьским праздникам, когда обычно подводились итоги, показывая лишь успехи и умалчивая о недостатках. В этот год были опубликованы и еще две статьи Кулиева — «Люди и горы»¹⁰⁴ и «По велению времени»¹⁰⁵. В них не было ничего особенного, ничего нового. Скорее, в них было повторение старого. Эти статьи не вошли в книгу многолетних раздумий о законах творчества, о проблемах преемственности и развития художественных традиций, о месте художника в обществе. Но и они как бы подготавливали почву для создания его будущих монографий, написанных им на русском языке, — «Так растет и дерево» (1975) и «Всегда в строю» (1976), явившихся итогом критических статей о классической и современной русской и нерусской поэзии: многолетних размышлений о Пушкине, Лермонтове, Тютчеве, Некрасове, Руставели, Бараташвили, Горьком, Есенине, Тихонове, Дудине, Чиковани, Кешокове, Ручьеве, Кариме, Гамзатове, Кугультинове, Мирзо Турсун-заде, Абае, Кулешове, Зульфийи, А. Тарковском, Али Шогенцукове, Дамбе Жалсараеве, С. П. Данилове, М. М. Кирееве, И. Бабаеве и др.

Кончилась «мука молчания», как образно выразился Р. Гамзатов о среднеазиатском периоде жизни Кулиева. Теперь все, что он писал, — и прозу, и поэзию — публиковали на родном, русском и других языках народов СССР. Так, в 1963 году был напечатан сборник стихов в русских переводах «Сто лучших стихотворений поэтов народов СССР». Сюда вошло и стихотворение Кулиева «Кинжал». Перепетый всеми поэтами от Пушкина до Р. Гамзатова, «Кинжал» Кулиева резко отличался своей идейной направленностью и теми выводами, к которым пришел автор: «Ты дорог мне и ненавистен, кавказский кованный кинжал». Спрашивается: «Почему?» Ответ найдем в самом начале стиха:

¹⁰³ Кулиев К. Горизонты Октября // Литературная Россия. 1963. 7 ноября. С. 10.

¹⁰⁴ Кулиев К. Люди и горы // Кабардино-Балкарская правда. 1963. 13 января.

¹⁰⁵ Кулиев К. По велению времени // Шуёхълук (Дружба). 1963. № 21. С. 3—7. На балк. яз.

Ты, выкованный мастерами,
Добру служил и злу служил.
За что в аулах матерями
Благословен и проклят был ¹⁰⁶.

Перевел Я. Козловский

...Кулиев давно мечтал о собрании своих сочинений на родном и русском языках. На родном языке еще в 1958 году вышло в Кабардино-Балкарском книжном издательстве «Избранное в двух томах» и напечатаны три книги стихов. На русском языке со времени возвращения из Киргизии к шестьдесят третьему году были опубликованы девять сборников и отдельным изданием одна поэма. Он понимал, что это не так уж мало: пятнадцать книг за пять лет! Время для работы над собранием своих сочинений для Кулиева еще не наступило, и он знал, что приняться за него он в ближайшие годы не сможет. А очень хотелось собрать воедино то, что было разбросано по разным сборникам стихов, по журналам, много хранилось в рукописях. Кайсын сначала решил подготовить на русском языке «Избранные произведения» в двух томах, а потом уже браться за собрание своих сочинений. Это желание поэта пока что оставалось мечтой.

...В этом году было одно памятное и смешное событие в жизни поэта. О нем он вспоминал в кругу близких друзей и рассказывал, как в 1963 году он был в Грузии с земляком Али Чефеевичем Мисировым, поразительно похожим на И. В. Сталина ¹⁰⁷. С ними был еще Амирхан Шомахов. Они поселились в гостинице г. Тбилиси и не успели осмотреться, как к ним пожаловала делегация с приветствиями и запланированными встречами. За гостями закрепили служебную машину с шофером и прямо в гостинице с «тов. Сталина» сняли мерку, быстро сшили форму генералиссимуса и в ней непрофессиональный артист Мисиров разъезжал по городу; с ним фотографировались на память министры, городское и республиканское начальство. Али Чефеевич тогда быстро «вживался» в свою роль: и немудрено, потому что ему ежечасно говорили, что он и есть воскресший вождь Иосиф Виссарионович, что он

¹⁰⁶ Кулиев К. Раненый камень. М., 1968. С. 192.

¹⁰⁷ В 1993 году А. Ч. Мисиров будет приглашен в Петербург на киностудию «Ленфильм» на съемки фильма «Хрусталеv, машину!» — о последних днях жизни И. В. Сталина.

не умирал, а все эти десять лет скрывался, чтобы появиться в Грузии к своему юбилею. «Назначенные заранее и незапланированные встречи следовали друг за другом, как в каком-то калейдоскопе, наслаивались друг на друга,— вспоминал А. Ч. Мисиров.— Стоило нам появиться в каком-то ресторане, как к нашему столу начинали лепиться все посетители. Мы не успевали еще ничего заказать, как из кухни выходила целая делегация, впереди которой шествовал шеф-повар с огромным подносом, тесно заставленным деликатесами, фирменными блюдами и марочными напитками. Как из-под земли, появлялся и фотограф, который делал десятки разных кадров. Кончалось все, как обычно, грандиозной попойкой. Мы уже не разбирали вкуса еды, вина, недосыпали...»¹⁰⁸

* * *

Шестьдесят четвертый год Кулиев встретил в напряженном творческом труде. Дело в том, что поэту по-прежнему предлагали многие редакции центральных издательств, журналов, газет сотрудничать с ними, были уже заявки на статьи, приуроченные к юбилеям — к 150-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова¹⁰⁹, 60-летию А. Токомбаева¹¹⁰, и рецензии¹¹¹. Так, издательство «Молодая гвардия» попросило Кулиева написать предисловие к избранным стихам Б. Ручьева. Выход книги «Магнит-гора» намечался на шестьдесят четвертый год, и Кулиева торопили выслать как можно скорее предисловие. Предисловие поэт написал. Он прекрасно знал поэзию Ручьева, ценил его как поэта и мужественного человека. Поэтому Кайсын взялся за предложение без колебаний. Перечитав «Избранное» Ручьева в Нальчике, за своим письменным столом, на котором летом всегда стояла ваза с зелеными веточками алычи, а осенью и зимой — с багрово-красным кизилом, расцвеченным осенними желто-коричневыми листьями,

¹⁰⁸ Гоплачев З. Иосифа Виссарионовича... НА ВЫХОД // Кабардино-Балкарская правда. 1993. 15 сентября.

¹⁰⁹ Кулиев К. «А парус все белеет...» // Литературная Россия. 1964. 16 октября; Кабардино-Балкарская правда. 1964. 11 октября.

¹¹⁰ Кулиев К. Равное хлебу // Литературная газета. 1964. 12 декабря.

¹¹¹ Кулиев К. Пусть осаждают меня упрямо // Дружба народов. 1964. № 1.

в своем рабочем кабинете Кулиев в конце декабря написал предисловие. «Мне дорог Борис Ручьев тем, что в самые трудные дни своей жизни он не позволил страданиям согнуть себя,— писал Кулиев,— а высекал из сердца замечательные стихи и поэмы, пронизанные высоким чувством веры в жизнь, в справедливость и будущее, в непобедимость созидательной силы народа»¹¹².

Поэзия Б. Ручьева была близка Кулиеву по духу, по ее трагическому содержанию. И он выделяет именно это, когда цитирует ручьевские строфы:

Какой бы пламень гарью нас ни метил,
Какой бы пламень нас ни обжигал,
Мы станем чище, мы за все ответим —
Чем крепче боль, тем памятней закал.

Поэма «Прощание с юностью»

Свое предисловие Кулиев назвал «Поэзия строителя и жизнелюба». С этой оценкой горского поэта и вышла книга Б. Ручьева «Магнит-гора»¹¹³. Когда Кайсын работал над предисловием и рецензией, он был очень занят другим важным делом. Поэт готовил книгу стихов и поэм «Раненый камень» для издательства «Советский писатель», и поэтому ему приходилось ездить в Москву и навещать на улицу Воровского, чтобы решить неотложные дела и вопросы, связанные с печатаньем, оформлением книги, с замечаниями редакторов и т. п. Ему помогали редакторы Г. Г. Регистан, Е. Ф. Капустин, Р. Я. Соколова, корректор Л. К. Фарисеева, которые симпатизировали Кайсыну и старались ему помочь, так как знали, что на эту книгу поэт возлагал большие надежды. Кулиев самым тщательным образом отбирал лучшее, что было в его творчестве, писал новые стихи и просил переводчиков ускорить этот трудный процесс — художественный перевод, в котором должны остаться все от автора и народные горские начала. Книга была подписана к печати 22 мая, и через четыре месяца ее уже читали любители поэзии. Вскоре появились первые рецензии. В. Григорьев в статье «Ясный лик мужества» отмечал истинный талант

¹¹² Кулиев К. Поэзия строителя и жизнелюба // Литературная Россия. 1964. 17 января.

¹¹³ Ручьев Б. Магнит-гора. М.: Молодая гвардия. 1964. С. 3—4.

Кулиева, яркий и самобытный характер его поэзии. В другой статье он отмечал философскую направленность его стихов¹¹⁴. В этот же год писали о Кулиеве и другие: С. Мирошкина, А. Паперная, Л. Кашежева, В. Огнев, М. Любецкис¹¹⁵. Не забыли о нем и писатели: А. Шогенцуков и П. Антокольский¹¹⁶.

Было еще одно важное дело: поэту надо было написать рецензию на книгу стихов Нафи Джусойты «Мой горный край», вышедшую в Москве в 1963 году. Редакция журнала «Дружба народов» давно уже просила Кулиева написать рецензию, чтобы она попала в первый номер 1964 года. В своей рецензии Кулиев писал о том, что книга стихов Джусойты, открытых и искренних, как сердце друга, заинтересует всех почитателей поэзии. «Стихи Джусойты откровенно и задушевно говорят мне о радости и боли,— писал Кайсын.— Я читаю их, радуясь и наслаждаясь, нахожу в них нечто значительное и новое для себя. Мне хорошо с этой книгой, будто я беседую с другом, которого давно не видел, и рассказ его о жизни и людях захватывает меня... Читая книжку Нафи Джусойты, я словно ощущаю мужество людей, одолевающих горный перевал во время бурного снегопада... В стихах поэта живут смелые и благородные люди, готовые на подвиг, готовые в любую минуту помочь другим...»¹¹⁷

Однако не все было успешно в жизни и творческой деятельности Кайсына. В 1964 году он много и с успехом выступал среди москвичей со стихами из книги «Огонь на горе». Так, рабочие депо «Измайлово» Московского метрополитена встретили его стихи тепло и радушно¹¹⁸.

¹¹⁴ Григорьев В. Поэзия больших мыслей и чувств // Кабардино-Балкарская правда. 1964. 31 июля; Он же. Ясный лик мужества // Там же. 31 октября.

¹¹⁵ Мирошкина С. Голос родной земли // Литературный Киргизстан. 1964. 14 февраля; Паперная А. У поэта и гор долг один — высота // Кабардино-Балкарская правда. 1964. 22 ноября. Кашежева Л. Расцвет таланта // Шуэхълук. 1964. № 23; Огнев В. Из первой же строчки взметнулся орел // Литературная газета. 1964. 29 декабря.

¹¹⁶ Шогенцуков А. Высота видения мира // Литературная Россия. 1964. 14 февраля; Антокольский П. Он кажется мне сверстником // Там же. 18 декабря.

¹¹⁷ Кулиев К. Пусть осаждает меня упрямо... // Дружба народов. 1964. № 1. С. 277—278.

¹¹⁸ Известия. 1964. 18 марта.

Кайсын много отвечал на вопросы, рассказывал о себе, о своей родине и земляках-горцах. Он надеялся, что книга будет отмечена правительством и Комитетом госпремий в области литературы. Но снова выдвинутая на соискание Ленинской премии книга стихов «Огонь на горе» была комиссией отвергнута. В числе отвергнутых оказались поэты К. Симонов и М. Светлов.

Кайсын по этому поводу добродушно шутил, когда его пытались успокоить и не тревожиться в связи со вторичным поражением: «Друзья мои, у меня совсем неплохая компания. Я даже радуюсь и горжусь тем, что вхожу в число отвергнутых — таких известнейших и талантливейших поэтов». К. Симонов был Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской и шести Государственных премий СССР, в том числе и Сталинских. Многие годы он был членом Центральной ревизионной комиссии КПСС, депутатом Верховного Совета СССР, членом президиума Советского комитета защиты мира. Кулиев долгие годы был с ним связан почти одной общественной деятельностью: входил в Советский комитет защиты мира, был тоже депутатом Верховного Совета СССР и т. д. Так, 8—9 мая 1964 года Кайсын был участником Второй советской конференции солидарности народов стран Азии и Африки. Перед этим он получил делегатский билет и официальное приглашение за подписью К. Симонова. Многие связывало их.

...В эти годы каждой своей поездке в Москву Кулиев радовался. Перед этим он продумывал план действий, что сделать и решить в первую очередь, а что-то можно отложить до следующего приезда. Так было и на этот раз. Стихи для школьного возраста должны быть напечатаны в издательстве «Детская литература». Это в первую очередь. «Утренняя сказка» (1964) должна быть красочной, привлекательной, с хорошими иллюстрациями. Кайсын ко всему относился ответственно. Редакторы его книг об этом хорошо знали, ценили в нем это качество и никогда с ним не спорили, не убеждали его, так как в большинстве случаев поэт был прав.

«Белая веточка алычи» — поздравление с Первомаем — должна была быть представлена в редакцию «Литературной России» намного раньше, чем литературный портрет

Алкма Кешокова¹¹⁹. «Белой веточкой алычи» Кулиев хотел поздравить всех своих знакомых, особенно грузинского поэта Симона Чиковани, от которого он регулярно получал поздравительные открытки и телеграммы с Первомаем и Новым Годом¹²⁰. И совсем можно не спешить со статьей о себе и своем творчестве для редакции «Дружбы народов»¹²¹. Так думал поэт, собираясь в Москву, желанную и милую его сердцу. О ней он напишет проникновенные, благодарные слова, слова приветствия и радости.

Надо отметить, что в этот год интенсивно развивалась и переводческая деятельность Кулиева. Работа над переводами В. Шекспира на балкарский язык отняла у поэта много времени. Работа эта Кайсыну нравилась. До этого он перевел на балкарский язык пушкинский «Памятник», «Маленькие трагедии» и другие шедевры русской лирики. В частности, он перевел поэму М. Ю. Лермонтова «Демон». Переводил стихотворения Байрона, С. Есенина «Шаганэ, ты моя Шаганэ...» и другие его стихи. Кроме того, перевел с осетинского стихотворение «Омар» Харитона Плиева. И конечно, очень много перевел стихов с киргизского на русский, когда жил в Средней Азии¹²². И вот теперь он решил перевести на родной язык некоторые произведения В. Шекспира. Как он работал, что его волновало — он отразил в статье «Прими цветы балкарских гор!»¹²³.

Биография — это не только последовательное жизнеописание, но и основные этапы духовных исканий поэта, его внутреннего роста в сложных и порой трудных жизненных обстоятельствах.

Много было всяких дней,
и ночей, и тропок горных,
бслых я седлал коней,
а порой скакал на черных...¹²⁴

Перевел Н. Гребнев

¹¹⁹ Кулиев К. Белая веточка алычи // Литературная Россия. 1964. 1 мая; Он же. Высекает огонь, излучает свет!: (О Кешокове) // Там же. 17 июля.

¹²⁰ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 70, л. 1—4.

¹²¹ Кулиев К. Перед новым перевалом // Дружба народов. 1964. № 11. С. 205—208.

¹²² ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 93. л. 105.

¹²³ Кулиев К. Прими цветы балкарских гор! // Литературная Россия. 1964. 24 апреля.

¹²⁴ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 132.

Так писал Кулиев в шестьдесят четвертом и был уверен, что пережитое им с позиций противоборства добра и зла характерно для многих людей. Горскому труженику, как и любому другому, «на свете надо мало». С высоты нравственного идеала поэт подводил итог в другом стихотворении — «Усталый, он хлебнул глоток вина...» (1964):

И даль осенняя была светла,
И улыбался человек устало.
Вина немного, хлеба и тепла,
Мы — люди, нам на свете надо мало ¹²⁵.

Перевел Н. Гребнев

Эту черту поэзии Кулиева подметил Н. Г. Джусойты, когда писал, что им «активно утверждаются мотивы братства всех людей труда, причем человечество он воспринимает не абстрактно — за ним он умеет видеть человека во всей конкретности его индивидуальной судьбы»¹²⁶. Стихотворение «Где б ты ни жил — в горах ли, у моря...» (1964) как нельзя лучше подтверждает эту мысль ученого:

Кем бы ни был ты: черным иль белым,
У каких бы ты ни жил дорог,
Ты мне брат, если словом иль делом
В час нелегкий кому-то помог ¹²⁷.

Перевел Н. Гребнев

Вот она гуманная заповедь для всех сущих на земле: «Твори добро из любви к человеку». Творить добро в этике Кулиева — значит, по велению сердца разделить чужую печаль, уметь сопереживать чужому страданию, оказать помощь соседу. Таков нравственный кодекс и стихотворения «Идти в снегах по грудь...» (1964), в котором поэт призывает людей «дарить любовь свою и в радости и в горе», идти «в то место, где беда, с участием и любовью спешить...»

И так болеть за всех,
Чтоб боль твоя была

¹²⁵ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 133.

¹²⁶ Джусойты Н. Личность поэта // Вопросы литературы. 1967. № 7. С. 112.

¹²⁷ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 135.

Перевел Н. Гребнев

В стихах шестьдесят четвертого года есть и другие чувства,— это прежде всего чувства национальной гордости и национальной принадлежности к земле отцов и прадедов. Национальное самосознание Кулиева стало основой его патриотического чувства. Национальное самосознание позволяет ему соединять малое отечество, землю предков с Родиной. Они сливались для него в одно понятие. Любимая Родина начиналась для поэта с Верхнего Чегема, подножия Кавказского хребта, на берегу реки Жылги: «Я видел многое, но землям всем предпочитаю мой родной Чегем». Отношение поэта к отчему крову покоится на высоком чувстве патриотизма. Художественное выражение естественных чувств любви к земле отцов несколько не мешает проявлению общечеловеческого — «на белом свете нет плохих краев...». Сложные мотивы патриотизма находили свое конкретное разрешение через чувства любви, национальной гордости к родному краю в стихотворении «Какого ни прошел бы я ученья...» (1964). В нем поэт заявлял: «И тем гордиться буду я до гроба, что и моя душа наделена крестьянской простотою хлебороба, бесхитростностью горца-чабана».

Лирическая поэзия этого года — самая разнообразная по тематике. И трудно сказать, какое из стихотворений лучше. Все они шедевры для балкарской поэзии тех лет. «Я знаю, град пройдет...», «Нет, не зря в огне костра пылало...», «Женщина купается в реке», «Терпенье», «Речь горцев не цветиста, а сурова...», «Пусть никогда не умирают дети», «Старуха сидит на камне», «Не верю тем, чьи никогда...», «Я обидел человека, люди...», «Женщинам, которых я не знаю...», «Прошедший день», «Пусть мы умрем, но навсегда...», «Я должен быть благодарен судьбе...», «Старость», «Молот и наковальня», «Черный конь умирает на белом снегу» и другие — вот небольшой перечень из тех пятидесяти стихотворений шестьдесят четвертого года, которые заслужили самую высокую похвалу многих литературоведов и читателей.

Этот год уходил в прошлое. В конце года Кайсын ус-

¹²⁸ Там же. С. 136.

пел принять участие во многих празднествах. Так, в октябре он был в Пятигорске, принял участие в форуме поэтов, посвященном 150-летию со дня рождения Лермонтова¹²⁹. Встречал гостей — С. Капутикян из Армении, Я. Смелякова из Москвы, А. Бусуск из Молдавии и других, с которыми Кулиев на правах хозяина местного края побывал на месте дуэли поэта, где прозвучали роковые три выстрела, в маленьком домике Лермонтова, по ступеням которого поэт последний раз вышел и не вернулся, и у его памятника. Кайсын мог часами говорить о протестующей силе стихов поэта. О нем Кулиев написал несколько стихотворений: «Шел Лермонтов на гибель...», «Я по улице Лермонтова иду...», «Березка».

Шел Лермонтов на гибель и глядел,
Как над Бештау небосвод блестел.
Раздался выстрел. Лермонтов упал.
Нет для него ни неба и ни скал¹³⁰.

Перевел С. Липкин

В декабре Кулиева захватила общественная деятельность. Он должен был выступить на заседании пленума обкома КПСС, встретиться с теми, кто мог разрешить некоторые вопросы по жалобам граждан республики. Он, как депутат, должен помочь нуждающимся землякам. 27 декабря после выступления на собрании активистов он сфотографировался на память с женщинами-депутатами сельских Советов¹³¹, приехавшими из всех районов в Нальчик. Они попросили поэта остаться с ними в фотоискусстве навечно, и он не мог отказать в их скромной просьбе. Все они кажутся молодыми и такими счастливыми.

...Если счастье озаряет нас,
Достойным оставаться трудно тоже,
Нам кажется порой в счастливый час,
Что рядом с нами шар земной ничтожен¹³² —

Перевел Н. Гребнев

¹²⁹ Кулиев К. Выступление поэта // Кавказская здравница. 1964. 10 октября.

¹³⁰ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 130.

¹³¹ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 239, л. 19.

¹³² Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 174.

так писал Кулиев в 1964 году и был по-своему прав, когда его личные чувства вливались в общий поток духовного развития эпохи, подготовившей социальный прогресс женщин-горянок.

* * *

Отходила в прошлое хрущевская «оттепель», и один из сталинских «вождей», первый разоблачивший культ личности, сам отрекся от власти в 1964 году. Кризис режима Н. С. Хрущева был закономерным явлением. Он уносил с собой дух своеволия и волюнтаризма. Наступало другое время, иная жизнь и бытие, хотя как будто все оставалось по-старому. На вершине власти стал другой — пришла эпоха Л. И. Брежнева, когда, выражаясь языком газетчиков тех времен, шла так называемая работа по укреплению и развитию братской дружбы народов Советского Союза, стран социалистического содружества, борьба КПСС за торжество принципов пролетарского, социалистического интернационализма. Вся эта работа рухнет, рассыплется, как картонный или песочный домик, в период перестройки конца 80-х годов.

Для Кулиева 1965 год был, пожалуй, ничем особенно не примечательным. Поэт старался держаться дальше от политики. Он по-прежнему много писал стихов, статей, рецензий и предисловий. В начале февраля он успел опубликовать большую статью «Какая жизнь — такой пусть будет песня!»¹³³. В подзаголовке он скромно приписал — «Заметки писателя». Это были размышления поэта о процессе художественного творчества. В этот же месяц он успел написать рецензию на книгу А. Хавпачева «Тепло сердца»¹³⁴. Готовил Кайсын еще две книги для разных издательств на 1966 год. Книга стихов «Раненая скала» должна быть опубликована в Риге на латышском языке, а сборник стихов «Раненый камень» вошел в план издания в Баку на азербайджанском языке¹³⁵. Предстояла большая работа с переводчиками, и Кайсын отдавал этому делу все свое свободное время. Кроме того, он планиро-

¹³³ Литературная Россия. 1965. 5 февраля.

¹³⁴ Кулиев К. Книги моих земляков // Литературная газета. 1965. 9 февраля.

¹³⁵ Кулиев К. Раненая скала. Рига: Лиесма, 1966. На лат. яз.; Он же. Раненый камень. Баку: Азернешер, 1966. На азерб. яз.

вал издать книгу стихов «Раненый камень» на балкарском языке ¹³⁶. Он давно этого хотел, но были, по его мнению, более важные и неотложные дела. Кайсына не раз упрекали в том, что свои стихи он публикует больше на русском языке в столичных издательствах, чем на родном. Он шутил, что добивается всесоюзного признания читателей, а балкарцам он и без того знаком и известен.

Признание и почитание читателей всей страны пришло к поэту сразу после опубликования первых сборников. В 1959—1965 годах Кулиев получал уже очень много писем от читателей. Теперь они хранятся в госархиве КБР. В них искренние чувства к поэту, любовь к его поэзии, стихи, посвященные ему. Так, народный поэт Чувашии Педер Хузангай посвятил ему стихотворение «В гостях у Кайсына Кулиева», опубликованное в газете «Советская Чувашия», Елена Рывина (Ленинград) прислала поэту свое признание «Кайсыну Кулиеву», а Михаил Сапронов (г. Алдан), взяв эпиграфом слова Кулиева «Пусть никогда не умирают дети», написал стихотворение, посвященное ему, — «Пусть никогда войны не знают дети», В. Жуков (г. Иваново) прислал письмо и стихотворение «Кайсыну Кулиеву, поэту-десантнику»; стихи-послания Анатолия Паперного («Кайсыну Кулиеву»), Алексея Пысина («Кабардинка», «Кайсыну Кулиеву»), Киршала Чачхалиа («Кайсыну Кулиеву») и других приходили отовсюду ¹³⁷. Перечесать всех, кто писал Кулиеву в эти годы, просто невозможно. Особенно усилился поток писем в связи с выдвижением книги «Раненый камень» и «Горской поэмы...» на соискание Ленинской премии 1965 года.

Самому Кулиеву приходилось в этот год очень много выступать. Сколько было растрчено впустую умственных и духовных сил! После того как он выступил на конференции в СП СССР, где обсуждались произведения, выдвинутые на соискание Ленинских премий, Кайсын принимал участие в обсуждении его произведений с 15-го по 18 марта каждый день в библиотеках Москвы — ЦДКЖ, № 1 им. А. И. Герцена, № 11 Бауманского района, № 83 Тимирязевского района с участием поэта М. Карима, переводчиков Н. Гребнева, Я. Козловского, Е. Николаевской,

¹³⁶ Кулиев К. Раненый камень. Нальчик, 1965. На балк. яз.

¹³⁷ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 129, л. 1—10.

И. Снеговой¹³⁸. В госархиве КБР сохранился протокол читательской конференции по книгам стихов М. Карима «Реки разговаривают» и К. Кулиева «Раненый камень», выдвинутых на соискание Ленинской премии¹³⁹. Читатели поддержали выдвижение.

Обсуждалась книга «Раненый камень» и в московской писательской организации, которая признала ее достойной высокой награды.

На книгу «Раненый камень» и «Горскую поэму...» поступило много рецензий в различные издательства страны, часть статей была опубликована. Об этих произведениях Кулиева писали ученые, поэты, рабочие, критики, такие, как В. Перцов, М. Мокаев, А. Рыжеволова, Наби Хазри, А. Пискунова, И. Гига, М. Карим, Ф. Урусбиева, А. Михайлов, И. Гринберг, В. Гоффеншефер, А. Авдюшенко, О. Воронова, В. Орлов, Т. Рыбас, Аткай, И. Королев, М. Лапшин, В. Воронов и др.¹⁴⁰ «Мне кажется,— писал Н. Джусойты,— что ни у кого из горских поэтов Кавказа нет такого не только осознанного и прочувствованного, но и живущего в каждой строке ощущения судьбы родного народа, родной земли, как у Кулиева... Его поэзия по праву заслужила любовь и признательность всесоюзного читателя...»¹⁴¹

¹³⁸ Там же, оп. 2, ед. хр. 177, л. 17.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Перцов В. Не на час, а на всю жизнь // Литературная газета. 1965. 23 января; Мокаев М. Дыхание земли // Коммунизмге жол. 1965. 9 февраля; Рыжеволова А. Поэт и дети // Кабардино-Балкарская правда. 1965. 10 февраля; Хазри Наби. Вечное удивление // Бакинский рабочий. 1965. 4 апреля; Пискунова А. Камера чувств // Циня. 1965. 24 ноября; Карим М. Волшебный мир поэзии // Культура и жизнь. 1965. № 12. С. 40—41; Урусбиева Ф. Поэзия Кайсына Кулиева // Шуёхлук. 1965. № 30. С. 98—123. На балк. яз.; Михайлов А. И мысль и чувство // Литературная газета. 1965. 7 января; Гринберг И. Песня мужества // Труд. 1965. 24 января; Гоффеншефер В. Читая Кулиева // Новый мир. 1965. № 2. С. 253—257; Авдюшенко А. Простота и глубина // Литературная газета. 1965. 6 февраля; Воронова О. Дорога к другу // Комсомольская правда. 1965. 10 февраля; Орлов В. Высокогорная поэзия // Известия. 1965. 18 февраля; Джусойты Н. Мир сквозь сердце // Дружба народов. 1965. № 3. С. 264—266; Рыбас Т. Поэтический камень // Луганская правда. 1965. 14 марта; Аткай. Вечная, как хлеб // Литературная Россия. 1965. 26 марта; Королев И. Высота поэзии // Гудок. 1965. 25 марта; Лапшин М. Если капля ляжет к капле // Ленинское знамя. М., 1965. 11 апреля; Воронов В. Открытая жизнь // Советская Россия. 1965. 12 ноября.

¹⁴¹ Джусойты Н. Мир сквозь сердце // Дружба народов. 1965. № 3. С. 264.

Кулиеву приходилось в это время много разъезжать по Союзу и выступать, читать стихи из книги «Раненый камень», отвечать на вопросы, рассказывать о себе. Так, в ноябре 1965 года он выехал в Латвию. В Риге в госбиблиотеке он выступал перед интеллигенцией города, говорил о «Горской поэме», книге стихов «Раненый камень». Его выступление было опубликовано в газете. Эти произведения поэта были одобрены читателями Риги.

Однако, несмотря на общественное мнение, премия не была присуждена поэту, что, естественно, его очень огорчило. Один из верных друзей Кайсына, его боевой товарищ В. Ц. Гоффеншефер писал ему 24 апреля 1965 года: «Единственно важное — это вызванный поэтом отклик в душах и умах людей. А за эти месяцы о Вас было написано столько статей и столько интересного и дельного, сколько о другом не написано за всю жизнь. И хотя многое напечатано в связи с выдвижением книг на соискание Ленинской премии, люди все-таки писали не из конъюнктурных соображений, а от души, и то, что сказано о Вас, в совокупности не менее ценно, чем медаль Лауреата. После этого — только работать, доработать еще лучше. Чего Вам от всего сердца желаю»¹⁴².

Кайсын послушался совета и еще раз стал обдумывать содержание книги «Раненый камень», решив через год снова попытаться счастья¹⁴³.

В 1965 году Кулиев выпустил книгу «Раненый камень» на балкарском языке в Нальчике и разослал авторские экземпляры своим друзьям. Н. Г. Джусойты, получив в подарок стихи на родном языке поэта, был растроган и написал Кулиеву письмо 6 февраля этого года следующего содержания: «Если бы знал ты, Кайсын, как мне хочется знать твой язык! Клянусь тебе, жив буду — буду знать его. Мечтаю в будущем году месяцев на шесть приехать и жить в Нальчике, снять какую-нибудь комнатуху и жить рядом с тобой. Одно это уже большая радость. А у меня еще есть и другие мысли. Мне поручили, вернее, **обязали**, уговорили написать роман о гражданской войне в Осетии. Об этом я мечтаю с 1948 года и думаю написать

¹⁴² ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 33, л. 7.

¹⁴³ Постановлением Совета Министров РСФСР от 11 октября 1966 года Кулиеву К. Ш. за книгу стихов «Раненый камень» будет присуждена Государственная премия РСФСР имени М. Горького.

его за год, у тебя в основном. А параллельно изучать балкарский язык,— слова, грамматику, живое произношение под руководством мастера этого языка! Таких условий не было ни у одного изучающего язык! Это — мечты, посмотрим, что из всего этого выйдет...»¹⁴⁴ Это были иллюзии Нафи. Языка он не освоил, роман о гражданской войне не написал. Здесь важно другое: его романтическая настроенность на дружбу с поэтом, какое-то ребячество и детская вера в то, что все задуманное осуществится.

Со словами приветствия и одобрения этой книги обратились к Кулиеву Расул Гамзатов и Аркадий Кулешов. В частности, белорусский поэт предложил свои услуги перевести стихи Кайсына на его родной язык и опубликовать в Минске, что и было осуществлено: спустя несколько лет, стихи Кулиева были опубликованы на белорусском языке в переводе Аркадия Кулешова.

Несмотря на большую занятость в Союзе, Кулиев успел побывать в этом году и в Чехословакии. Был в столице Словакии — Братиславе. Об этом поэт написал стихотворение «Дождь в Братиславе». Побывал тогда Кайсын и в Праге. Ее он воспел в стихотворении «Строки любви к Праге». Здесь, выступая на дискуссии писателей и творческой интеллигенции, он ответил на все вопросы присутствующих, а вопросов было очень много. Когда некоторые из выступавших стали говорить о «фольклорности» поэзии Есенина и Твардовского, отказывая им в новизне и новаторстве, Кулиев опроверг ложное мнение некоторых ораторов, доказав их заблуждение, их плохое знание творчества двух этих крупнейших советских поэтов. «Речь ведь идет о редких явлениях в русской поэзии нашего века, исключительно крупных индивидуальностях,— говорил он.— А поэтому говорить, что в их творчестве отсутствует новизна, что они повторили уже бывшее до них, по меньшей мере странно. Ново в поэзии только то, что выражает жизнь с наибольшей полнотой, наиболее честно и искренне. Есенин и Твардовский — поэты такого разряда. Не говоря о Есенине, гениальную лирику которого у нас обожают, осмелюсь сказать, что ни один поэт в Европе не написал о прошлой войне с такой силой, как это удалось Твардовскому. Достаточно назвать только «Василия Теркина», которым в буквальном смысле слова восхищались

¹⁴⁴ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 38, л. 3.

даже Бунин! А его вы никак не назовете фольклорным писателем и никак не откажете ему в хорошем вкусе. Тот самый Иван Бунин, который в своих суждениях был чрезвычайно строг. Бунин, которого Чехов считал одним из лучших писателей России. Если уж такой строгий ценитель восхищался «Книгой про бойца», то что говорить о нас, грешных! Я, как человек, общавшийся с Борисом Пастернаком, свидетельствую, что он тоже ценил Твардовского-поэта и его «Василия Теркина». Это и понятно. Пастернак всю жизнь упорно шел к простоте и естественности. А его вы тоже, надеюсь, не считаете фольклорным поэтом и не подозреваете в отсутствии вкуса. Борис Пастернак неоднократно повторял, что очень сожалеет, что сам в молодости писал не просто. Даже утверждал, что был тогда формалистом. Именно это слово он употребил. Нет, Твардовский не «фольклорный» поэт, хотя использовал мотивы и образы фольклора. Позвольте процитировать несколько строк:

Смыли вёсны горький пепел
Очагов, что грели нас.
С кем я не был, с кем я не пил...
В первый раз, в последний раз...

Разве позволительно называть фольклорными такие стихи, полные напряженного драматизма эпохи второй мировой войны, именно этого времени?»¹⁴⁵

Середина 60-х годов для Кулиева была временем его интенсивного духовного и творческого развития как поэта-мыслителя, яркого публициста и талантливового литературоведа. Стихи, песни, выступления его звучали по всей стране. Он принимал активное участие по проведению юбилеев и литературных декад в республиках и областях страны. По этому поводу даже было постановление секретариата Союза писателей РСФСР о вынесении благодарности К. Ш. Кулиеву за активное участие во всех этих литературных мероприятиях¹⁴⁶. Он входил во многие комиссии и обязан был выступать с приветственными речами, отчетами, писать статьи, приуроченные к праздникам и юбилеям, встречать и провожать гостей различных ран-

¹⁴⁵ Проблемы творческих связей: А. Твардовский. М. Исаковский. Смоленск, 1983. С. 54.

¹⁴⁶ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 113.

гов. Поэтому, возможно, он на некоторое время забросил заботу о домашних, близких и родных — о сыновьях, а их было уже трое, о жене, сестрах... Не всегда мог ответить на письма знакомых, у которых был в гостях или по долгу службы. Так, Кайсын не нашел времени, чтобы ответить на письмо дочери писателя Дм. Гулиа, которое он получил из Сухуми 12 ноября 1965 года. Татьяна Дмитриевна писала: «Мама очень часто вспоминает встречу с Вами у нас в Агудзерах»¹⁴⁷. Прочитав письмо, Кайсын вспомнил, как он шел по улице Чавчавадзе, отыскивая дом № 37, как встретился с приветливой женой Дмитрия Гулиа. Он приходил, чтобы почтить память ушедшего из жизни «честного певца», увидеть дом, в котором он жил и умер. Через два года Кайсын не забудет и письмо, и данное себе обещание посвятить его памяти стихотворение. «В доме Дмитрия Гулиа» (1967) — это достоверное свидетельство его дружеского расположения к Татьяне Дмитриевне и почтения к старшему собрату по перу.

С тобой абхазской ночью звездной
Я никогда не пил вина.
К тебе пришел я слишком поздно,
Но это не моя вина.

.

Я тихо прикрываю дверцы.
Мне видится на фоне гор:
Твое еще живое сердце
Горит и бьется до сих пор¹⁴⁸.

Перевел Н. Гребнев

В стихотворениях шестидесят пятого года основным поэтическим компонентом проходит образ отчего края, родительского очага, образ детства. «О родная земля! Погребенный тобою, буду я, как при жизни, плененный тобою». Гордость за свою землю как важная сторона национального самосознания выступает одним из элементов общественного сознания. «Речки детства» (1965) — одно из убедительных доказательств этой мысли.

¹⁴⁷ Там же, ед. хр. 34, л. 1—2.

¹⁴⁸ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 338.

У всех у нас в начале были речки,
С их берегов мы начинали путь,
В их водах, маленькие человечки,
Учились мы нырять и не тонуть.
Пусть эта речка — мелкий ручеек,
Ее течение — это твой исток ¹⁴⁹

Перевел Н. Гребнев

Так через сокровенное, через дни детства, полные ярких красок и радости, лирический герой входит в широкий мир человечества. Стихи о родном крае органически связаны между собой. В Таких стихотворениях, казалось бы разных по содержанию и стилю, Кулиев двумя-тремя штрихами воссоздает национальный колорит бытия, точный образ своих детских и отроческих дней так, что они близки и понятны каждому. Это такие стихотворения 1965 года, как «Мне снится детство: мать из дома вышла...», «Скалы в лунном свете», «У реки», «Песня скалолаза», «Был я подпаском», «Гора», «Иду в горах», «Я рвал кизил, не зная горя...», «Дом и мир», «Песенка, сложенная в дороге», «Свой дом я вспоминаю часто очень...», «Старик крестьянин подводил итог...», «Балкарский пейзаж». В них прекрасный мир спокойствия и отзывчивости, личностные, биографические моменты и черты времени.

Все наверху темно,
Там вечных льдов соседство,
Там я давным-давно
Свое оставил детство ¹⁵⁰

Это о Верхнем Чегеме, окруженном скалами и льдами высоких вершин. Там прошло детство поэта. То же самое в стихотворении «Был я подпаском» (1965):

Был не всегда я унылый и старый,
Мальчиком был я, шагал за отарой.
Шел я, как все молодые подпаски,
Стадо над пропастью гнал без опаски.
Гнал я отары, не ведая робости,
Камни кидал в стометровые пропасти ¹⁵¹

Перевел Н. Гребнев

¹⁴⁹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 192.

¹⁵⁰ Там же. С. 197.

¹⁵¹ Там же. С. 195.

Поэтический образ детства связывал воедино сегодняшние мысли поэта с минувшими давным-давно переживаниями. Вот стихотворения этого года: «Балкарский пейзаж», «О солнце и камень, земля и трава», «Скалы в лунном свете», вызывающие в воображении живописные полотна Сарьяна. Несмотря на то, что читатель «видит» «в горах травы ковер», старинные башни, дряхлую мечеть, «тень крыш и тень оград», речку, мельницу со скрипевшими колесами, пейзаж играет здесь не главную роль: он вызывает психологические ассоциации, передает настроение и мысли, которые при этом возникали у поэта:

И до начала дня,
И до скончания лет
На сердце у меня
И тень, и лунный свет,
И скалы в лунном свете ¹⁵²

Перевел Н. Гребнев

Здесь мир детства жил у поэта в своих временных измерениях, все подчинялось естественному потоку воспоминаний: давно забытые места детства вдруг заговорили живыми образами и картинами прежних лет: «Вон сад, он в горы врос, там от деревьев тень. Близ мельниц тень колес, скрипевших целый день...» Или: «Напившись воды и наевшись травы, буйвол не в силах поднять головы. Стоит он и чешет о камень свой рог...» Светлый мир, к которому привык мальчик-подпасок, неотделим в сознании поэта от скал в лунном свете, сверкающих на солнце вершин белоснежных гор, бурлящих внизу горных рек, пропастей, вьючных троп и горных перевалов. Эти так называемые внешние предметы национального бытия (иногда именуемые литературно-этнографическим реквизитом) связаны чаще всего у Кулиева с показом глубинного процесса душевного развития лирического героя, в данном случае с образом горского пастушонка:

Годы минули, как тучи весной,
Все изменилось, а он предо мной —
В свете давно отгоревшего дня
Мальчик-подпасок глядит на меня.

¹⁵² Там же. С. 191.

Мы неразлучны, со мной он пожизненно,
Смотрит порой на меня укоризненно ¹⁵³.

Перевел Н. Гребнев

В разные лирические тона — грусти, печали, радости, удивления — окрашены описания встреч и разлук в детстве и юности с близкими людьми и знакомыми местами тех трудных, но счастливых дней: «А горы белы, как вдали корабли, о счастье мое, о бессмертье земли!»

Воспоминания поэта в эти годы охватывали разные периоды жизни, и просматривались они уже не в прошлом своем значении, а как бы с точки зрения настоящего момента. С точки зрения событийной стороны ассоциации обычно разворачивались в хронологической последовательности, при этом событийный поток выхватывал только главное — основные эпизоды биографии поэта, то, что и сейчас, т. е. в 1965 году, живо и волновало его:

Я видел, как селенья догорали,
Как люди умирали на снегу,
Я, видевший, как люди умирали,
Не ненавижу смерти не могу ¹⁵⁴.

Перевел Н. Гребнев

Конечно, здесь, то есть в воспоминаниях, звучала тема войны, которая переходила из года в год. Поэтому и в стихах шестьдесят пятого года она по-прежнему для поэта актуальна: лично он ничего не забыл, то есть теперь он хотел бы забыть, что «не было ни пламени, ни дыма, и нету крови ни на чьей душе, и в прах не превратилась Хиросима, и друг мой не погиб на Сиваше». Однако социальная память все время тревожит душу поэта и вновь и вновь возвращает его к тем далеким и трагическим дням:

Давно, еще на той войне,
Мои друзья без вести где-то
Пропали, не оставив мне
Ни завещанья, ни завета ¹⁵⁵.

Перевел Н. Гребнев

¹⁵³ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 195.

¹⁵⁴ Там же. С. 187.

¹⁵⁵ Там же. С. 204.

В лирике Кулиева этого года есть тема депортации балкарского народа, мотивы унижения и оскорбления национальной чести и достоинства насильно изгнанных на чужбину. Склонный к исканиям истины, социальной справедливости и разума, Кулиев не раз возвращался к этой теме. Вероятно, время, проведенное в Средней Азии, и годы второй мировой войны вошли в плоть и кровь поэта. Эта исходная и несомненная реальность явилась почвой для поэтического осмысления. Так, в стихотворении «Унеси, река, печаль и горе...» (1965) поэт говорил не только о себе, когда он, офицер Советской Армии, терпел комендантский режим НКВД, но и о тех земляках-горцах, с которыми он жил рядом, посещал в других местах поселения, слышал печальные рассказы о трагических судьбах людей. Он ничего не забыл.

Помню я изгнанья и скитанья,
Не стряхнуть мне груза, тяжело мне,
На моих плечах воспоминанья,
Словно камни у тебя на дне ¹⁵⁶.

Перевел Н. Гребнев

«Память я несу по белу свету...» — писал поэт в этом стихотворении, и внешний мир для него становился его представлениями о добре и зле, безобразии и красоте, насилии и терпимости, жестокости и благородстве. С этих позиций выступал поэт, отвергая прочь все негативное и утверждая общечеловеческие нормы морали, гуманные поступки и добрые дела. Так, в стихотворении «Я чувствую, что гром таится в туче...» (1965) он как бы предупреждал людей о грозящих им национальных конфликтах, которые могут привести к ожесточению и пролитию невинной крови. Почти пророческими оказались тревоги поэта:

Боюсь я, не нависли бы лавины,
Боюсь, не замутилась бы вода.
Так много пережившие мужчины,
Боюсь, не захлестнула б вас вражда ¹⁵⁷.

Перевел Н. Гребнев

Вражда захлестнула, помutila разум, отняла доброту и гуманность, посеяла злобу и ненависть друг к другу

¹⁵⁶ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 215.

¹⁵⁷ Там же. С. 220.

в Осетии и Ингушетии, Абхазии и Грузии, Киргизии и Узбекистане, в Баку и Ереване, Оше и Фергане, Чечне и на Украине. Мужчины армяне и азербайджанцы, осетины и ингуши, чеченцы и узбеки, грузины и таджики, ослепленные яростью, дошли до национального позора. Писатель Чингиз Айтматов, побывавший в Ошской области после столкновения узбеков и киргизов, писал: «Картина открылась страшная. Не буду рассказывать подробности, перечислять факты — поразительная, нечеловеческая жестокость. Она приводит меня в отчаяние — и сама по себе, и тем, что за ней стоит: механизм братоубийственной распри. Больше всего меня угнетает, что в душах людей была накоплена смертоносная ненависть, что они были подготовлены к беспощадному, безумному действию»¹⁵⁸. Мог это предвидеть Кулиев, что так случится через 25 лет?! Бряд ли. Однако он писал:

Лавины копятя, бушует море,
Порой бывает, я всего боюсь.
Наш мир, познавший столько бед и горя,
Ожесточенья твоего боюсь¹⁵⁹.

Перевел Н. Гребнев

В связи с этим хотелось бы еще остановиться на стихотворении «Руки» (1965). Затрагивая нравственные проблемы человеческого бытия, Кулиев стремился приблизить людей к пониманию подлинно человеческого, высокого, светлого начала, в котором неизменно выступал на первый план нравственный фактор труда. Человек, который физически или умственно трудится в поте своего лица, не станет убивать и ожесточаться до потери разума. Для Кайсына это было азбучной истиной, как и для Пушкина — «гений и злодейство — две вещи несовместные». Вдумываясь в эти гуманистические начала и противостоящие им антигуманные силы, понимаешь, что стоит за строками стихотворения «Руки». Первые строки отмечают творческую силу труда и природы в ее многообразных жизненных проявлениях, а также разрушительные, противоборствующие им начала:

¹⁵⁸ Айтматов Ч. Парадоксы перестройки // Литературная газета. 1990. 27 июня.

¹⁵⁹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 220.

Добро и зло всегда — все совершают руки,
И строят города, и разрушают — руки.
Все дело рук людских: они куют и пашут,
Они и ранят нас, и раны лечат наши..
Есть руки, что плетут кому-то сеть умело,
И те, что создают «Полтаву» и «Отелло».
Одни цветы растят и трудятся до пота,
Другие нож вострят, чтобы всадить в кого-то ¹⁶⁰

Перевел Н. Гребнев

Казалось бы, окружавший мир не служил поэту источником вопросов и разсуждений. Он только перечислял содеянное. Однако первая и последняя строфа стиха подводят к выводам и зовут к активному вмешательству в жизнь, к благородным поступкам: «Так будь, моя рука, рукой мастерового, рукой, что серп кует и высекает слово».

В стихотворениях 1965 года легко можно найти и созвучные строфы его личной судьбе. Три стихотворения о любви посвящены жене Маке Магомед-Султановне — «Твоим рукам, дарующим тепло», «Ты распустила волосы свои» и «Я люблю твои глаза». Любовь для поэта по-прежнему — это возвышенное и благородное чувство, это великая сила, которая возвышает человека и окрашивает для него мир в тона радостного оптимизма.

Я люблю глаза твои всегда —
И когда вдруг солнце в них сверкает,
И в мгновенье краткое, когда
Кажется, в них вечность застывает.

Я читаю в них вину свою
И свое читаю оправданье.
В них я видел и весну свою,
И свое увижу увяданье ¹⁶¹.

Перевел Н. Гребнев

В культурной и литературной жизни 60-х годов нашей страны Кулиев играл большую роль, и его сборники стихов расходилась большими тиражами, не залеживаясь на прилавках магазинов. Секрет успеха, возможно, заключался в том, что его лирика находила отклик в умах и душах людей, давала живой ответ на многие вопросы, вол-

¹⁶⁰ Там же. С. 200.

¹⁶¹ Там же. С. 224.

новавшие современников поэта. Глубина философской мысли, интеллектуальность, высокая художественность, гениальная простота изложения, сила убедительных выводов и умение проникнуть в человеческую душу искусством искренности — вот те немногие причины, которые сделали известной поэзию Кулиева.

Успеху и популярности Кайсына способствовало и обаяние его личности. Его частые поездки по Союзу, выступления в многочисленных коллективах, среди рабочих фабрик, заводов, студентов учебных заведений, молодежи новостроек тоже сыграли свою определенную позитивную роль. Современники поэта — А. Фадеев, К. Симонов, Б. Пастернак, Н. Тихонов, А. Кулешов, Д. Кугультинов, М. Карим, И. Абашидзе, С. Чиковани, Р. Гамзатов, М. Сарьян, Наби Хазри, М. Дудин, А. Твардовский — высоко ценили профессиональное мастерство Кулиева как публициста и оратора.

Кайсын же скромно рассматривал себя как миссионера разума и доброты, призванного указывать своим землякам — горцам и горянкам — на их истинное предназначение на земле и направлять их по пути истины и добра. Где бы он ни был, поэт считал себя полпредом своего балкарского народа, о котором до него мало кто знал.

На всей большой земле нас мало знали
И даже мало кто о нас слышал ¹⁶².

Перевел *Н. Коржавин*

Жизнь убеждала Кулиева в необходимости быть всегда решительным в действиях и смело отстаивать свои суждения и взгляды, если они в чем-то расходились с идеологическим стереотипом. Таким он был, когда видел полное неуважение к правам спецпереселенцев и их человеческому национальному достоинству. Таким он остался и через десять лет после возвращения на родину. Поэт всегда оставался верным главному — жить с полной отдачей своих нравственных и интеллектуальных сил, потому что он осознавал свою значимость как поэта и человека. В стихотворении «Говорю философу» (1966) он прямо об этом говорил:

¹⁶² Кулиев К. Избр. произв.: В 2 т. М., 1970. Т. 2. С. 404.

Нету старых слов и старых снов,
Ново все, что холодит и греет,
И готовность дать бездомным кров,
Дать голодным хлеб — не устареет ¹⁶³.

Перевел Н. Гребнев

Гражданское беспокойство о тех, кому трудно живется, в поэзии Кулиева многократно усилено его личным опытом, когда он видел, как умирали земляки от голода и холода в чужих степях Казахстана и Средней Азии, в настоящей резервации с ярлыком спецпереселенца. Отсюда тревога и за другие народы, за их судьбы. Отрешение от жизненного покоя порождало в поэзии Кулиева подлинный гуманизм. «Дон-Кихот» (1966) — о доброте и благородстве поступков людей. Художественный образ Дон-Кихота в мировой литературе имеет то же значение, что и у Кулиева: «Земля не может жить без Дон-Кихота, как без воды, без хлеба и огня!» Доброта его сердца — это доброта противостоящая, борющаяся. Она сильна, как всякая истинная доброта, суровая доброта человека, готового за правду бороться со злом, какие бы личины оно ни принимало:

О Дон-Кихот, ты никуда не канул,
Мы все страдаем болью ран твоих,—
На свете столько злобных великанов,
Принявших облик мельниц ветряных!

.

И все-таки не вечны неудачи,
Верь, Дон-Кихот, поправятся дела.
Пусть скачет зло на скакунах горячих,
И ты еще не выбит из седла! ¹⁶⁴

Перевел Н. Гребнев

Именно доброту поэтизирует Кулиев в стихотворениях шестьдесят шестого года — «Мастера», «Снова говорю», «Безбрежна правда, но и ложь безбрежна...», «Огонь и ветер», «Не ради славы пишат кровью», «Умели люди сеять хлеб...», «Я вынашиваю и провижу...», «Чем горячей костер горит...». Человеческие поступки поэт оценивал прежде

¹⁶³ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 274.

¹⁶⁴ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 279.

всего с точки зрения двух этических категорий — добра и зла. «Поэзия, я думаю, должна нести в себе глубокую моральную силу. А духовная сила человека, в том числе поэта, должна выражаться в его доброте, — не раз говорил Кулиев. — Я не признаю иного преимущества в человеке, кроме доброты, — это мысль Бетховена. Так думал и наш Пушкин, так думали Ромен Роллан, Томас Манн»¹⁶⁵. Только истинную доброту и любовь ко всему живому — эти великие силы самоутверждения личности и ее общественной ценности — утверждал Кулиев:

Я вынашиваю и провижу
Книгу сокровенную про то,
Что никто на свете не унижен,
Не обижен на земле никто¹⁶⁶.

Перевел Н. Гребнев

Гуманистическое начало кулиевского творчества прослеживается не только в его стихах, но и в прозе, публицистике и литературных портретах. «Так растет и дерево»¹⁶⁷ — это небольшая статья написана о творчестве Мартироса Сарьяна, искусство которого нашло глубокий отклик в душе поэта. Кайсын считал его одним из самых близких и родственных ему художников. Познакомила их Анна Андреевна Ахматова, когда Кайсын и Мартирос Сарьян были в Москве. Это произошло, вспоминал Кулиев, «...снежным декабрьским днем... Тогда я был молод, а художник — в полной силе. Позже я бывал у него в Ереване. Дружелюбное отношение великого мастера, разумеется, явилось для меня большой радостью»¹⁶⁸. Кайсын переписывался с ним. В одном из писем Сарьян высоко оценил вышедшую в Москве книгу «Раненый камень», отмечая оптимистический пафос трагичного во многих произведениях поэта. Посещая Сарьяна, Кулиев каждый раз восхищался его великолепными творениями. Картины «Константинополь. Улица. Полдень», написанная в 1910 году, «Горы» так же близки и понятны Кулиеву, как и «Армения», созданная художником в 1957 году. В них величие и простота, общечеловеческое и националь-

¹⁶⁵ Неделя. 1971. № 36. С. 12—13.

¹⁶⁶ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 291.

¹⁶⁷ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975.

¹⁶⁸ Там же. С. 195.

но-особенное, то, что может восхищать всех. «В них есть какая-то вечная мудрость жизни, ее древность и бессмертие,— писал Кулиев.— Все это в картинах Сарьяна остается для меня равным воспоминанием о детстве — сладчайшим моим воспоминанием». Об этом творце прекрасного Кулиев написал очерк, который был переведен на армянский язык и назван рассказом «Я помню давнюю картину Сарьяна «Горы», и статью «Так растет и дерево». Кулиев писал в них об армянской культуре, древней и мудрой, как сама земля, прошедшей через все испытания, уцелевшей под всеми бурями и жестокими ударами судьбы.

В этом году Кулиев написал две юбилейные статьи: в сентябре была опубликована работа «Суть любви всегда прекрасна» к 800-летию Ш. Руставели и в начале декабря — «Годы подъема», приуроченная к 70-летию со дня рождения Н. С. Тихонова¹⁶⁹.

В связи с празднованием 800-летия Ш. Руставели Кулиев был 26 октября в Москве на Большой Грузинской улице в связи с открытием памятника Ш. Руставели, а потом пошел на торжественный вечер, посвященный этой дате, в Большой театр. Он очень любил его еще со студенческих лет, когда учился в театральном институте и посещал его премьеры.

Статью о Тихонове он написал по велению сердца. Кулиев любил этого человека. О влиянии поэтического мастерства Тихонова на творчество многих поэтов Кулиев сказал не только в статье «Годы вдохновения», но и в таких стихотворениях, как «Поэт и горы», «Каменщику Джанхоту», в поэме «Перекоп». Эпиграфом к этой поэме послужили строки Н. Тихонова — «Но мертвые, прежде чем упасть, делают шаг вперед». В первой части — «По следу героев» — Кулиев говорил о поэтической преемственности:

И Тихонов другом приходит ко мне
В балладе своей о гражданской войне.
Подковы заржавели — времени след.
Поэзии, подвигам — ржавчины нет¹⁷⁰.

Перевел Н. Коржавин

¹⁶⁹ Литературная газета. 1966. 24 сентября; Дружба народов. 1966. № 9. С. 194—202.

¹⁷⁰ Кулиев К. Избр. произв.: В 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 112.

С писателями Кавказа Тихонова связывала большая поэтическая дружба. Кулиев объясняет это так: «Его я люблю с тех пор, как стал читать книги... Я многим ему обязан. Он был внимателен ко мне, оставался опорой и поддержкой в трудные дни и годы моей жизни, проявлял много заботы о молодом литераторе из Чегемского ущелья. Такое не забывается.

Хочется подчеркнуть, что своим безупречным отношением ко мне в тяжелые для меня времена ¹⁷¹ Тихонов лишний раз доказал свою верность Кавказу, его горам и людям, о которых поэт писал влюбленно и мужественно»¹⁷². Испытанному другу Н. Тихонову горский поэт посвятил несколько стихотворений, в которых дан образ поэта и человека, жившего одной жизнью с народом. Так, в стихотворении «Каменщику Джанхоту» говорится о поэте Н. Тихонове, чье поэтическое мастерство близко Кулиеву. Близость эта не только в том, что эпиграфом к поэме «На Сиваше» Кулиев взял строку Тихонова — «Живыми мостами мостят Сиваш», но и в том, например, пишет С. Львов, как явственно звучит поэтическая переключка с Тихоновым в стихотворении «Беснуется угрюмый океан»:

Беснуется угрюмый океан.
Кромешная нависла темнота.
Спокойно умирает капитан,
Не вынимая трубки изо рта...

Искренней любовью проникнуто и другое стихотворение Кулиева — «Поэт и горы».

Слова горского поэта в стихе и прозе звучали как откровение ума и сердца. «...Поэзия Тихонова дорога мне не только потому, что он горячо любит Кавказ и так блистательно писал о нем и его людях,— говорил Кулиев.— Она близка моей душе всей жизненной сутью, мощным светом, которым она освещена изнутри, упорством восходителя и убежденностью жизнелюба»¹⁷³. Кулиев не раз бывал в гостях у Тихонова, и дом № 1 по улице Горького в Перedelкино он хорошо знал. На даче

¹⁷¹ Кулиев имел в виду годы депортации балкарского народа 1944—1958-й.

¹⁷² Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 131.

¹⁷³ Там же. С. 132—133.

у Тихонова при его жизни всегда было много друзей и знакомых, в числе которых был и Кайсын. Но резко изменилось отношение к его родным и близким, как только Тихонова не стало. Его приемная дочь Варвара Николаевна первая ощутила отчуждение бывших друзей. В 1986 году она была в возрасте примерно сорока трех лет, очень болела. Ухаживала за ней домработница Александра Михайловна Родикова, которая жила в доме Н. С. Тихонова с 1941 года. Дочь поэта с обидой говорила, что рядом Дом творчества писателей им. А. Фадеева, но никто из бывших посетителей их дачи теперь не заходит, даже те, кому не раз помогал Николай Семенович. «Заросли пути-дороги к нашему гостеприимному дому, душой которого была моя приемная мама Мария Константиновна,— рассказывала Варвара Николаевна.— Она была очень способной: делала куклы, и когда мы жили в Ленинграде, она работала в театре кукол. Здесь же только занималась домашними делами и иногда, отдыхая душой, лепила различные типы кукол, так сказать, только для морального удовлетворения...»

Бывал ли в этом доме Кулиев и с кем приходил сюда?

«Да, много раз. Иногда по делам службы и просто так приходил с друзьями и сыновьями. Ведь Тихонов возглавлял комитет защиты мира со дня основания и до последних дней своей жизни,— говорила А. М. Родикова.— Кулиев был с ним связан по работе этого Комитета. Когда Кайсын приходил с друзьями, тогда обычно начиналось шумное и долгое застолье. Этот балкарец был человеком широкой натуры, с купеческим размахом, поэтому, я считаю, что денег у него на сберкнижках не было: слишком много у него было приятелей, которых он любил угощать, и много детей, на которых тоже уходило немало денег...»

«...Я помню Эльдара Кулиева,— продолжала вспоминать Александра Михайловна.— Сыном Кайсын гордился и возлагал на него большие надежды. Хороший был юноша, но в его личной судьбе негативную роль сыграла поэтесса Б. Ахмадулина, ставшая его женой. Брак вскоре распался, Кайсын не сожалел об этом, так как он осуждал сына и Ахмадулину... У нас есть фотографии, на которых Кулиев и Тихонов вдвоем и в компании друзей. После того как умерла жена Тихонова — Мария Константиновна и через три года умер Николай Семенович, то и Кайсын перестал нас посещать. Мы всеми забыты. С нами живет

внучка Варя (ее называли в честь матери), Варвара Андреевна. Фамилию она взяла деда, а не отца, так как его она не помнит. Ее мать ушла от мужа, когда ей было около двух лет. Вот и все жильцы этой большой тихоновской дачи: приемная дочь Варвара Николаевна, внучка Варвара Андреевна и мы, старики,— Арапов Ю. А. и Родинова А. М., обслуга дома». Слушая жалобы пожилых людей, Варвара Андреевна, студентка МГУ факультета журналистики, добавила: «Когда был жив Тихонов, известность его и слава была огромной! Но видимо, прав сказавший, что «мгновенна слава все равно, как ветер, что стучит в окно». Или еще лучше:

Жизнь — истина, а слава — прах,
Снег, на день выпавший в горах ¹⁷⁴.

Перевел Н. Гребнев

Упрек Кулиеву был справедливым: не все успевал поэт сделать и оказать всем внимание. Но что касается его переводчиков, Кайсын был к ним очень внимателен. Так, в день рождения Н. Гребнева он опубликовал статью «Рукою мастера»¹⁷⁵. Это о нем благодарные слова и признания в уважении. С Гребневым Кайсын много лет работал, понимали они друг друга с полуслова, когда приходилось переводить с балкарского на русский язык. Подстрочники обычно делал сам Кайсын. Зная особенности и трудности переводческой работы, имея большой опыт в этом деле, Кайсын поделился суждениями в этой необходимой области его работы в статье «Пусть видят радугу все»¹⁷⁶.

Жизнь Кайсына в шестьдесят шестом году была заполнена большими и малыми делами. Для него они были все важными и срочными. Так, получив письмо от поэта Реваза Акакиевича Маргиани, редактора газеты «Лит. Сакартвело»¹⁷⁷, он взялся за юбилейную статью к 70-летию со дня рождения грузинского поэта Георгия Леонидзе. Надо было ответить на вопросы редакции журнала «Воп-

¹⁷⁴ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 286.

¹⁷⁵ Кулиев К. Рукою мастера // Кабардино-Балкарская правда. 1966. 28 января.

¹⁷⁶ Кулиев К. Пусть видят радугу все // Литературная Россия. 1966. 3 июня.

¹⁷⁷ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 55, л. 1—5.

росы литературы», которая устраивала нечто вроде дискуссии по актуальным проблемам советской литературы. В обсуждении их принимали участие М. Алигер, О. Гончар, В. Кетлинская, Б. Агапов, Н. Рыленков, М. Слуцкис, Ю. Бондарев, Р. Гамзатов. Свое мнение по поводу состоявшегося диспута Кулиев изложил в статье «Литература — это совесть человечества»¹⁷⁸. А свои заметки о задачах советской литературы Кулиев отдал для публикации в «Литературную газету»¹⁷⁹.

Приближался и четвертый съезд советских писателей. Надо было подготовиться к нему и быть уверенным с теми, кто согласен с коллективной верой, с нравственными и этическими принципами десятилетия шестидесятых годов. Кулиев написал статью «Ответственность художника»¹⁸⁰, и она была опубликована, потому что отвечала духу времени и требованиям, которые предъявляла к советским художникам государственная идеологическая машина.

В конце шестидесят шестого Кулиев написал еще одну статью — «Перед лицом будущего»¹⁸¹. В ней он подводил итоги прошедшего года и с хорошей надеждой встречал Новый 1967 год. Поэту шли поздравления из многих городов России. 26-го декабря он получил поздравительную телеграмму от Леонида Николаевича Мартынова, который писал: «Дорогой Кайсын Шуваевич, с Новым годом! Желаю Вам всего самого лучшего»¹⁸².

Старый год уходил в прошлое. С ним уходила печаль по фронтовому другу, которого Кулиев знал с 1943 года. Это Вениамин Цезаревич Гоффеншефер (1905—1966). Тогда они оба были военными корреспондентами армейской газеты «Сын Отечества», в которой Гоффеншефер работал с первых дней войны до победы. Всего им было опубликовано свыше 250 корреспонденций в прозе и стихах. В последний год жизни он завершил большую научную монографию «Из истории марксистской критики. Поль Лафарг

¹⁷⁸ Кулиев К. Литература — это совесть человечества // Московский комсомолец. 1966. 28 января.

¹⁷⁹ Кулиев К. Равное хлебу // Литературная газета. 1966. 17 февраля.

¹⁸⁰ Кулиев К. Ответственность художника // Вопросы литературы. 1966. № 1. С. 3.

¹⁸¹ Кулиев К. Перед лицом будущего // Советская Россия. 1966. 31 декабря.

¹⁸² ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 56, л. 1.

и борьба за реализм»¹⁸³, но увидеть напечатанную книгу ему не удалось. Только через год после его смерти она вышла в издательстве «Советский писатель». В предисловии к этой книге говорится: «За последние 10—15 лет он написал ряд вступительных статей к сборникам и избранным произведениям крупных писателей народов СССР, обзорных статей в журналах о кабардинской прозе и поэзии, об А. Кешокове, Х. Теунове, А. Шогенцукове, К. Кулиеве...»

И вот теперь, узнав о его смертельной болезни, Кулиев пошел проводить друга в один из своих приездов в Москву. Легко нашел Лаврушенский переулок, дом № 17. В этом доме литераторов Кайсын бывал не раз, заходил и к И. Л. Сельвинскому, который жил здесь. Кулиев был поражен тем, что увидел. Беспомощный старый человек умирал в «коммуналке» на три хозяина. Гоффеншефер слабым голосом говорил о своей болезни, о последних годах жизни, заботах, которые пали на его плечи, когда заболели жена и ее родная сестра, старше на несколько лет, и ему пришлось за ними ухаживать. Слушая его, поэт думал о жизни этого благородного человека.

Ты жил, хотел гореть сильней,
Себя ты не жалел,
Других костров, других людей
Ты раньше догорел¹⁸⁴.

Перевел Н. Гребнев

Жены не было: она умерла три года назад. Вениамин Цезаревич долго и самоотверженно ухаживал за ней, хотя и сам нуждался в заботе других. Ему помогали родной брат и соседка по коммуналке Полина Израилевна Каплунова, прожившая здесь 17 лет. Она хорошо помнила всех, кто приходил к Гоффеншеферу: и Алима Кешокова, и Кайсына Кулиева, и многих других, которые нуждались в совете и дружеской поддержке этого известного литературоведа и критика.

...Обняв друга, Кулиев говорил ободряющие слова, потом подошел к окну, как это он делал не раз, и посмотрел вниз с седьмого этажа. Там располагалась прославленная

¹⁸³ Гоффеншефер В. Ц. Из истории марксистской критики. Поль Лафарг и борьба за реализм. М.: Сов. писатель, 1967.

¹⁸⁴ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 304.

Третьяковская галерея, в середине которой поблескивала золотыми куполами небольшая церковь. Кайсын видел, что благополучия не было, бедность и неухоженность окружала некогда всеми почитаемого человека, известного критика, который первый написал небольшую книгу об Алиме Кешокове ¹⁸⁵. А после войны, вернувшись в Москву, он не забыл фронтовых друзей — Кешокова и Кулиева, переписывался с ними, писал о них статьи ¹⁸⁶. Кулиев был благодарен этому человеку за его мужество: он не побоялся писать ему письма в Среднюю Азию, когда Кайсын находился со своим народом в изгнании.

Тяжелым и грустным было расставание Кулиева с Вениамином Цезаревичем. Кайсын знал, что это их последняя встреча и последнее прощание, прощание со своим фронтовым прошлым, когда так умело и бескорыстно Гоффеншефер помогал и Кулиеву, и Кешокову овладеть специальностью военного корреспондента, правил их статьи. И вот теперь Кайсын ничем не мог помочь умирающему. Операция прямой кишки прошла неудачно, страшные боли лишали человека воли и разума... Годы пролетели, человек бессилен вернуть их. Вероятно, тогда Кулиев подумал:

Годы, вас я видел без прикрас,
Пахли вы то ягодой, то дымом,
То вы с седел сбрасывали нас,
То превозносили нас к вершинам ¹⁸⁷.

Перевел Н. Гребнев

Стихотворение «Годы» Кулиев написал в 1966 году. Оно о жизни людей, о трагической стороне бытия.

Трудно пряжу черную сучить,
Вить лишь белую не удастся,
Но из них из двух плетется нить,
Та, что жизнью испокон зовется.

¹⁸⁵ Книга Гоффеншефера о Кешокове выйдет спустя три года после смерти автора. См.: *Гоффеншефер В. Ц. Путь всадника: (Очерк жизни и творчества А. Кешокова)*. М.: Сов. Россия, 1969. 48 с.

¹⁸⁶ *Гоффеншефер В. Ц. Путь всадника* // Кабарда. 1947. № 1. С. 199—203; *Он же*. Мудрость и молодость // Литературная газета. 1964, 21 июля; *Он же*. Традиционный образ и современность // Новый мир. 1952. № 11. С. 252; *Он же*. Рец. на сб. стихов А. Кешокова «Стихи». М.: Сов. писатель, 1951.

¹⁸⁷ *Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 313.*

Стихи Кулиева шестьдесят шестого года в основном грустные и печальные. Может, оттого, что он вспоминал ушедших навсегда близких, друзей и не мог с этим никак примириться? «Марике Чиковани», «Памяти Симона Чиковани», «Амине Залиловой — жене казненного поэта», «Песня хлеба», «В Пражском гетто», «Мать», «И в детстве были у меня печали», «А утро вновь скользит по серым скалам...», «Мне часто чудится одно и то же...» и некоторые другие, в которых звучат мотивы нерадостной, горькой утраты. Так, одно из таких стихотворений имеет заглавие «Радости моей матери» (1966), но какие печальные эти радости! Вот одна из таких самых больших радостей:

Была война, и много было зла,
А радостей перепало мало,
Но радость в том была, что ты ждала
И письма треугольные читала ¹⁸⁸.

Перевел Н. Гребнев

Поэтому Кайсын итожит: «Земные радости наперечет у тех, кому нерадостно живется...» В некоторых произведениях этого года есть тема одиночества. Возможно, что поэт в это время порой испытывал неуют, отчуждение домашних, непонимание его забот и тревог, которых прибавлялось все больше и больше. Сыновья подросли: Эльдар уже заканчивал седьмой класс, а Алима нужно было готовить к школе, ему шел восьмой годик. Все заботы о сыновьях легли на плечи отца. Мама не успевала смотреть за всеми, она постоянно болела. Между ними не было взаимопонимания. Поэт чувствовал духовное одиночество. В стихотворении «Говорю одинокой чинаре» (1966) читаем:

Ты стоишь и шелестишь листвою
На скрещенье четырех дорог,
Мокну под дождем и я порою,
Я, как ты, бываю одинок ¹⁸⁹.

Перевел Н. Гребнев

¹⁸⁸ Кайсын К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 335.

¹⁸⁹ Там же. С. 316.

Усилилась тоска о детстве. Воспоминания о прошедших днях детства останутся в поэзии Кулиева почти на всю жизнь. Хорошо сказал М. Карим в повести «Долгое-долгое детство», удостоенной Ленинской премии 1984 года: «И счастливое и несчастливое детство наше еще долгие-долгие годы следует за нами. А вернее, так и живет в душе, не уходит»¹⁹⁰.

Я запомнил это время
И напому вам:
Жил я мальчиком в Чегеме,
Лазил по горам.

Все прошло, промчалось время,
Отошла трава.
Был я мальчиком в Чегеме,
Ездил по дрова ¹⁹¹.

Перевел Н. Гребнев

Тот же мотив детства и воспоминаний в «Лунорогих быках» (1966), в которых ошутимая реальность переплетается с давно минувшим, когда состояние духа поэта следовало за тем, что когда-то составляло радость и удивление горского мальчика.

Где вы, лунорогие быки,—
Детства моего воспоминанье?
Может, вы, как детство, далеки
И навечно наше расставанье? ¹⁹²

Перевел Н. Гребнев

Поэтический мир детства Кулиева — бесконечно разнообразный, расцвеченный всеми красками радуги, неповторимыми ощущениями, звуками и запахами горных лугов, клекотом парящих над теснинами ущелий орлов. Ретроспективный взгляд поэта на прошлое и мелькнувшее детство показывал, как он шел к поискам истины, так важной для него и теперь, поскольку истины прошлого неполны, ибо знания в детстве так малы и несовершенны.

¹⁹⁰ Карим М. Долгое-долгое детство. М., 1987. С. 244.

¹⁹¹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 314.

¹⁹² Там же. С. 311.

«Мир моего детства» (1966) как раз об этом, о «мире детства, голубых вершин соседство...», когда «еще дурные вести не шагнули в мой мир»,

Ютящийся у самых скал,
Что человека убивают пули,
Живя в том мире, я еще не знал ¹⁹³.

Перевел Н. Гребнев

И совсем печальное, выпадающее из этого русла стихотворение «Мои сыновья и моя родня...» (1966), звучащая, как духовное завещание, его предсмертная просьба: «Я умоляю вас, лицом к родимой горе меня положите в мой смертный час». Эти горькие мысли навеяны быстро-текущим временем, преходящими человеческими делами, утратой друзей: «В мире вечного нет. И все чаще о том повторяет и дождь, что стучится в окно, и платан, что листвой шелестит за окном». В этот год Кулиев далек от предсмертных стихов восемьдесят пятого. Но и в 66-м году он писал на эту грустную тему: «Я уйду, и ты уйдешь в свой час...», «Отар Чиладзе, ты назначь мне встречу...» и др. Последнее стихотворение начинается со спокойного обращения к своему другу с просьбой назначить встречу в Тбилиси, чтобы вместе побродить и почтить память тех, «...кто так воспел грузинские деревья, что вечно зеленеть заставил их». В нем Кулиев вспомнил поэтов Тициана Табидзе, Георгия Леонидзе, Симона Чиковани, которых уже не было, отсюда тоска-грусть, потому что

Тбилиси все пустыней, все печальней,
И склон Мтацминды тесен от могил.
Как много их, ушедших в путь свой дальний,
Людей, которых знал я и любил ¹⁹⁴.

Перевел Н. Гребнев

Острота поэтического чувства наполняет драматизмом эти лирические строки, повествующие о смерти и любви. В них открывается целая гамма человеческих переживаний.

Победу над временем, старостью и смертью Кулиев

¹⁹³ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 305.

¹⁹⁴ Там же. С. 293.

видел в поэзии и труде. Труд человека, по мнению поэта, утверждал его бессмертие разума и одновременно являлся критерием его оценки и значимости в жизни. Человек смертен, но его дела остаются. Обращаясь к мастерам («Мастера», 1966), Кулиев говорил о том, что они «...города и храмы возводили», а свои мечты воплотили в железе, камне, серебре. Это материальное и духовное богатство вечно.

Пусть сердце и у вас не вечно бьется,
Но след мотыги, молота, пера,
След мастерства навеки остается,
Бедняги мастера,
Счастливыцы мастера! ¹⁹⁵

Перевел Н. Гребнев

В поэзии Кулиева чувство прекрасного всегда было нерасторжимо связано с жизнью людей и их делами. Художественное, непреходящее начало труда неизвестных мастеров он воспел в стихотворении «Строки любви к Праге» (1966). Здесь поэт бывал, смотрел на золотую красу колоколен, любовался старыми зданиями бульваров, когда перед его восхищенным взором предстали великолепные произведения древних мастеров, «ставшие камнем виденья». Эти стихи — своеобразная стенограмма эстетических взглядов поэта, высказавшего чувство гордости и восторга перед творениями безымянных пражских мастеров, движимых вдохновением и поиском мысли. Она рождалась из немеркнувшей любви не только к извечной красоте, но и к той, которая создавалась руками, разумом, волей. Свой восторг Кулиев запечатлел в слове: «Что вы есть? Не найду я сравненья, — очертанья ли гор снеговых или ставшие камнем виденья мастеров безымянных твоих?»

Поэзия, как и труд, тоже бессмертна, но только если она живет в сердцах и умах людей, если она нужна им:

Мы, стихотворцы, говорим, как дышим,
И в миг, когда я слово оброну,
Коль это слово люди не услышат,
Оно сгниет, как стебель на корню ¹⁹⁶

Перевел Н. Гребнев

¹⁹⁵ Там же. С. 278.

¹⁹⁶ Там же. С. 292.

...Радость и боль переживал поэт, когда задумывался о судьбе своих сыновей. Они радовали его и огорчали, как и все дети на свете. Кайсыну очень хотелось видеть их счастливыми, добрыми и благородными. В стихотворении «Моим сыновьям» (1966) он напугтвует их:

Вы имена свои носите гордо,
В них доброта хлебов и щедрость стад,
В них мягкость трав и скал чегемских твердость,
Вы слышите, Эльдар, Алим и Азамат?¹⁹⁷

Перевел Н. Гребнев

Эльдару оставалось учиться в школе еще три года, а он уже определил себе путь — поехать учиться в Москву и стать артистом или режиссером. Окончательно он еще не решил. Было время подумать. Алим усердно рассматривал красочные картинки в букваре и пробовал читать. 1 сентября 1966 года он пошел в первый класс средней общеобразовательной школы № 2 города Нальчика. Теперь братья ходили в школу вместе. Младший сынишка Азаматка (его любил так называть Кайсын) только всем мешал, часто оглашая криком всю квартиру, требуя к себе внимания взрослых и предаваясь особым удовольствиям своего возраста. Ему было только семь месяцев. Все в семье было пока благополучно и складывалось, как говорится, одно к одному. Нежно любящий отец написал в этот год еще одно стихотворение — «Азамату вместо колыбельной» (1966). Задерживаясь за полночь у письменного стола, Кайсын иногда подходил к младшенькому, смотрел на спящего, любуясь им. В доме была желанная тишина и был покой. «Спят леса и звезды ночи, угли — в печке, дым — в трубе. Неусыпна, мой сыночек, лишь любовь моя к тебе» — так писал поэт, выражая за всех отцов тревогу за судьбу своих детей:

Спит ушелье и дорога,
Лишь не спит в груди моей
Вековечная тревога
Всех отцов за сыновей¹⁹⁸

Перевел Н. Гребнев

¹⁹⁷ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 281.

¹⁹⁸ Там же. С. 284.

Радостным событием шестьдесят шестого года был выход из печати сборника стихов «Мир дому твоему» в переводах Наума Гребнева¹⁹⁹. «Правда» опубликовала на него положительную рецензию²⁰⁰. Радовался Кулиев и тому факту, что в Баку на азербайджанском языке были опубликованы «Горская поэма...» и «Раненый камень».

Тысяча девятсот шестьдесят седьмой год Кулиев начал с жизнеутверждающей пафосной статьи «С Новым годом тебя, жизнь!», опубликованной в «Литературной России» 1 января. Верой в силы и творческий разум народа была проникнута эта статья, написанная в русле требований духа времени. Сразу же, меньше чем через месяц, были опубликованы и другие статьи Кулиева — о поэзии²⁰¹ и к 75-летию К. А. Федина²⁰². Эти статьи Кулиев подготовил по заказам редакций еще в шестьдесят шестом году. Поэтому в начале года почти каждый месяц печатались его статьи. В марте была напечатана статья о творчестве якутского поэта С. Данилова²⁰³. Его Кайсын лично знал, уважал, и сказать добрые слова о хорошей поэзии для него не стоило большого труда.

Приятным известием для поэта было сообщение, что в Кишиневе на молдавском языке была издана «Горская поэма...». Она входила в школьную программу, и ее теперь изучали ученики. Из г. Софии Кулиев получил от «Септември», органа Союза писателей Болгарии, сообщение за подписью главного редактора Камена Калчева о том, что в юбилейном, десятом, номере журнала будут напечатаны стихи — «Два голоса в горах», «Женщина купается в реке» и др.²⁰⁴ А 12 октября 1967 года редактор Илия Волен сообщал Кайсыну, что стихи его уже напечатаны. Не менее приятным известием было письмо от грузинского прозаика Серго Давидовича Кидиашвили. Он писал Кулиеву 14 октября 1967 года: «Я один из тех, кто любит Вашу поэзию. Вас, как поэта,

¹⁹⁹ Кулиев К. Мир дому твоему. М.: Сов. писатель, 1966. 178 с.

²⁰⁰ Михайлов А. Мир дому твоему, человек! // Правда. 1966. 12 декабря.

²⁰¹ Кулиев К. Высокий род искусства // Литературная газета. 1967. 22 февраля. С. 5.

²⁰² Литературная Россия. 1967. 24 февраля.

²⁰³ Кулиев К. Певец братства // Литературная Россия. 1967. 17 марта. С. 14.

²⁰⁴ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 99, л. 1—2.

открыл мне мой дорогой Симон Чиковани. Он очень высоко ценил Вашу поэзию»²⁰⁵. На письме рукой Кайсына есть приписка: «Один из крупнейших грузинских прозаиков».

В начале 1967 года Кайсын готовился к дискуссии. Она была запланирована к Международной встрече поэтов, которая намечалась в Грузии на сентябрь. Приглашение от Союза писателей СССР Кайсын уже получил. Знал, что поедет: у него было много знакомых поэтов из стран Ближнего Востока, которых он хотел бы увидеть и о многом с ними поговорить.

В мае этого года состоялся Четвертый съезд писателей СССР. Кулиев, как обычно, был на съезде, слушал доклады, но сам на этот раз не выступал. Лишь сфотографировался на память с Н. С. Тихоновым и Алимом Кешоковым²⁰⁶. Николая Семеновича горские поэты считали своим покровителем и не отпускали его, пока он не дал согласия остаться с ними «навсегда и рядом». На этом съезде Кулиев оповестил всех своих друзей о своей «крупной» дате. Дело в том, что приближался юбилей поэта. Через пять месяцев ему исполнялось 50 лет! До ноября оставалось совсем мало времени, а оргвопросов было много. Надо было продумать, где и как разместить гостей в Нальчике, куда повезти смотреть красоты Кавказа, и Кабардино-Балкарии в частности, вовремя разослать приглашения и т. д. и т. п.

В 1966 году Кулиеву присвоили звание лауреата Горьковской премии РСФСР. О нем много писали различных статей²⁰⁷ на языках народов СССР. Это прежде всего друзья поэта: Д. Кугультинов, М. Карим, М. Дудин, А. Караев, В. Рудокас, А. Шогенцуков, Д. Долинский, а также критики и литературоведы, такие, как В. Приходько, Т. Резвова, Н. Ушаков, Н. Удалов, Г. Б. Багандов,

²⁰⁵ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 48, л. 1.

²⁰⁶ Групповое фото // Литературная Россия. 1967. 26 мая.

²⁰⁷ Кугультинов Д. Сын Эльбруса Кайсын // Хальмг уни. 1967. 2 сентября; Карим М. Мир поэта // Идигель. 1967. № 10. С. 85. На башк. яз.; Дудин М. Кайсыну Кулиеву — 50 лет! // Литературная газета. 1967. 5 декабря; Караев А. Великий поэт высоких гор // Яш коммунист. 1967. 9 сентября; Рудокас В. Повседневность и романтика // Вапаринес науенос. 1967. 6 октября. На лит. яз.; Шогенцуков А. Наш Кайсын // Ошхамахо. 1967. № 6. С. 19. На каб. яз.; Долинский Д. О Кулиеве // Дон. 1967. № 3. С. 165—166.

Х. Садыков²⁰⁸ и многие другие. Присуждение литературной премии им. М. Горького за 1966 год стало уже как-то неоспоримым фактом. Это была высокая награда достойнейшему из достойных. Правление Союза писателей РСФСР прислало Кулиеву приветствие с приложением юбилейных речей М. Дудина и А. Кешокова. Многие посвящали свои статьи 50-летию со дня рождения и 30-летию творческой деятельности Кулиева. Присуждение Государственной премии РСФСР прошлого года для Кулиева не было неожиданностью: он был на этот раз уверен в победе.

Где рубикон, который суждено
Мне перейти и прокричать: «Победа!»
Или же щит свой уронить на дно
И самому за ним пуститься следом²⁰⁹.

Перевел Н. Гребнев

Так писал Кулиев в 1967 году и знал, что до рубикона ему далеко («Есть рубикон у каждого из нас, и каждый перейти его стремится»). Не скоро будут присуждены две последующие государственные награды, но все-таки он добьется их. Надежда и вера не покидали его:

И так всю жизнь иду по крутизне
И верю: как бы ни был путь неведом.
Заветный рубикон, сужденный мне,
Я перейду и прокричу: «Победа!»

Сейчас ясно, что присуждение Сталинских, Государственных РСФСР, СССР и Ленинских премий было в бывшем Союзе своеобразным методом и признанием правительством, ЦК партии в основном таланта, ангажированного ими на службу и преданность. Однако не все, которым вручались награды, оправдали доверие партии и правительства. Одним из таких был писатель Виктор Некра-

²⁰⁸ Приходько В. Слияние сердца и ума // Москва. 1967. № 3. С. 214; Резцова Т. Горец XX века // Литературная Россия. 1967. 8 декабря; Ушаков Н. Добрый проводник // Там же. 14 ноября; Удалов Н. Огонь на горе // Комсомолец Киргизии. 1967. 6 сентября; Багандов Г. Б. Кайсын Кулиев // Литературная Россия. 1967. 9 июля; Садыков Х. Мудрость снежных гор // Ленинская смена. 1967. 15 февраля.

²⁰⁹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 348.

сов (1911—1987). Он остался верен себе, и такого неблагодарного лауреата у Сталина не было никогда. Кулиеву Сталинской премии не дали, во-первых, потому, что он не хотел писать од, хвалебных песнопений товарищу Сталину, хотя ему явно намекали, что книга «Горы мои» без этого не пойдет... Кулиев остался верен себе: в литературе нельзя лицемерить и лгать. А это была пора, когда почти все художники славли вождя, создавали мифы о нем и его чудесах. Лишь только поэзия Дмитрия Кедрина и проза В. Некрасова да еще немногих не была пропитана духом сталинизма. За что каждый из них и поплатился: кто смертью, кто изгнанием... Во-вторых, Кулиев не получил Сталинскую премию еще и потому, что вождь считал неблагонадежным его народ, наказанный депортацией. Набранная книга стихов «Горы мои», выдвинутая в 1943 году на Сталинскую премию, была уничтожена — просто рассыпана. А если бы Кайсын тогда получил премию? Премия меняла судьбы людей: большие денежные вознаграждения, почет, издания книг, их переиздание, руководящий пост и т. д. Этого с Кулиевым не произошло. Ему надо было пройти через многие страдания и унижения тринадцатилетней ссылки на чужбине и 23 года неустанно трудиться в храме поэзии, чтобы на пятидесятом году жизни, в 1966 году, стать лауреатом только первой премии, не очень престижной. Хорошо, что его жизнь не была сломлена в сорок четвертом году, и он нашел в себе силы бороться.

Искал я, верил, шел на рожон,
Над пропастями в кровь стирал я ноги,
Я часто принимал за рубикон
Ручьи, встречавшиеся по дороге ²¹⁰.

1967

«Рубикон»

Радовался ли Кулиев присуждению Государственной премии РСФСР? Сейчас трудно об этом судить. Он умел с достоинством и горским этикетом переносить триумф, искренние и неискренние поздравления. Ведь «никто из нас не застрахован от зависти и от беды, от оскорбительного слова, от злобы — матери вражды» («Стихи о вра-

²¹⁰ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 348.

гах)). Конечно, как было принято, он благодарил партию и правительство за оказанную ему честь. Одним из таких публичных выступлений было 4 января 1967 года в зале Дома облсофпрофа Нальчика по поводу присуждения ему Государственной премии им. Горького ²¹¹.

Друзья и знакомые продолжали почти год поздравлять Кайсына с присуждением премии и 50-летием со дня рождения. Так, Сильва Капутикян писала из Москвы 2 октября 1967 года: «...тебя, великого ровесника Октября, поздравляю с двойным праздником. Это здорово, что весь мир празднует твое рождение, хотя весь мир знает и о твоей скромности! Живи долго, так же величаво и красиво, на радость всем нам — твоим друзьям по перу и по жизни»²¹². Подпись: «Сильва Капутикян». Весь мир, конечно, не отмечал 7—8 ноября — красные дни календаря, но мы так думали, потому что «догмы прочно вошли в наше сознание, прижились в нем, пустили корни,— писал Борис Васильев,— ...отказ от них оказался для очень многих равносильным идеологической диверсии, «предательством идеалов»²¹³.

Кулиев как мыслитель-философ всегда старался найти собственное решение на поставленные вопросы духом времени и по-своему ответить на них или в форме статьи, но чаще всего языком поэзии. Она помогала ему высказывать недозволенные мысли, и то, что не мог прямо и открыто сказать поэт.

Его стихи шестьдесят седьмого года — многопроблемные, но мотив малой родины по-прежнему занимает центральное место в его лирике. Его любовь к Кавказу непреходяща, она с поэтом будет до последней минуты. Об этом стихотворение «Кавказ» (1967):

Трубить я не умею в трубы,
Но знаю, что в последний час
Мои синеющие губы
Замрут, произнеся: «Кавказ»²¹⁴.

Перевел Н. Гребнев

²¹¹ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 238, л. 18.

²¹² Там же, оп. 1, ед. хр. 44, л. 1.

²¹³ Васильев Б. «И все же я уверен, что Россия привержена добру...» // Известия. 1990. 14 июня.

²¹⁴ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 347.

Мысли о родном крае рождались естественно, как реки, берущие начало из-под ледников Эльбруса, и несли на себе ощущение свежести форм и красок горного края. Влюбленный с детства в шумливые воды рек, в синеватые туманы узких ущелий, в воздух, напоенный ароматом субальпийских трав и вечнозеленой хвои, поэт создал всю неповторимую свежесть красок, трепетное дыхание горской жизни, поведал языком поэзии о ее законах и морали («Звезда Темир-казак», «Герои гор», «Погонщики мулов», «Никогда не буду охотником», «Когда на меня навалилась беда», «Горянке», «Завещание», «Надежда»). Через родное и близкое поэт переходил в инонациональный мир, к общечеловеческой морали («Каждому свое», «Вопросы жизни», «Если вдруг в цветке...», «Храбрость и трусость», «От мысли, что и ты уйдешь, быть может...», «Два ветра», «Монолог», «Всю жизнь мы не по силам тащим кладь...», «Старый мост»). Философская тональность этих стихов усиливается в строфах благодаря обращению к своему отчому краю, народной поэзии («Бубен», «Говорю поэзии»). Так, в стихотворении «Ручей и море» (1967) Кулиев говорил, что любит горный ручей за то, что он дарит людям прохладу, поит волов и мулов. В такой же степени он любил море («Ручей и море равно я люблю»). Стихотворение завершалось исключительно ясной мыслью и четкостью нравственной позиции:

Без ручейков и океану — горе,
И повторю я тихо: дай нам бог,
Чтоб морем навсегда осталось море,
Чтоб ручейком остался ручеек ²¹⁵.

Перевел Н. Гребнев

Прием поэтического противопоставления национально-го инонациональному, малого — большому, своего — чужому, ночи — дню, черного — белому и т. д. — широко использовался всеми поэтами, чтобы лучше передать атмосферу эпохи, ее тревоги, надежды, принципы, мораль. Кулиев в этом плане — не исключение. «Два голоса в горах» (1967) — о том, что почиталось на Кавказе:

²¹⁵ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 347.

— Твердят, что здесь погрязло все во зле,
Издревле здесь жестокость почиталась!
— Неправда, здесь, как на любой земле,
Ценили сострадание и жалость ²¹⁶.

Перевел Н. Гребнев

Манера изложения житейской мудрости и народной нравственности разная, но каждый раз Кулиев умело применял прием поэтического противопоставления. Так, в разговоре с поэзией Кайсын пытался выяснить, кто же такая поэзия — цветок или птица, счастье или зарница, горе, рабыня или царица, может быть, «дерево, что стонет на ветру, тропа меж скал, ведущая к добру, к вершинам гор, касающимся неба, отчаянье бездомного щенка и жалоба ребенка...» и т. д. Вывод у Кулиева всегда неожиданный и простой, как сама истина.

— Поэзия, ты ангел или джинн,
С каких, скажи, спустилась ты вершин?
— Поэзия — не ангел и не джинн,
А женщина, что по земной дороге
Проходит мимо хижин и руин,
И камень жжет ее босые ноги ²¹⁷.

Перевел Н. Гребнев

Такой взгляд был в традициях русской поэтической классики. Так видели назначение поэзии Пушкин и Некрасов, Брюсов и Анна Ахматова.

Этот год Кулиеву запомнился еще и потому, что он осенью побывал в Ливане и Сирии. В это время там шла война между Израилем и арабами. Время было сложное и беспокойное. В Дамаске Кулиев познакомился с замечательным поэтом из Иерусалима Муином Бсису. Он был в эмиграции. Муин Бсису написал о Кайсыне две статьи, которые опубликовал в центральной печати на арабском языке. Эти газеты Кулиев хранил у себя дома, потом сдал в архив. Об арабском поэте Муине Бсису Кулиев написал статью «С родиной в сердце», и она была опубликована в журнале «Иностранная литература».

²¹⁶ Там же. С. 346.

²¹⁷ Там же. С. 351.

Тысяча девятьсот шестьдесят восьмой год Кулиев встречал новыми стихами, полный радостного ощущения и желания работать на пользу людям, писать стихи, пока еще он чувствует свои силы.

Как ни поспешно жизнь идет,
Свеча моя не догорела,
И я встречаю Новый год
Живой, способный делать дело ²¹⁸.

Перевел Н. Гребнев

В статье «Мир вечно молод», опубликованной в первом номере «Литературной газеты» поэт писал о том, что Новый год даст ему возможность, а главное советским детям, ходить босиком по зеленой и теплой земле под мирным небом. И поэт уверенно и с надеждой встречал Новый год и говорил ему «Здравствуй!». Развивая дальше свою мысль, Кулиев видел назначение поэзии в борьбе за мир. «Поэзия сейчас ответственна, — писал он, — перед людьми, как никогда. Она призвана мужественно противостоять врагам молодости мира, угрожающим атомным оружием и всеми достижениями техники. Но я, как миллионы людей доброй воли, верую в молодость жизни, в будущее мира и в мою великую страну, строящую коммунизм»²¹⁹. Коммунизм остался иллюзией, а за мир Л. И. Брежнев, как и Н. С. Хрущев, продолжал бороться, наращивая из года в год военный потенциал, и миллионы людей «доброй воли» «одобряли» эту политику.

Статью «Мир вечно молод» Кулиев закончил стихотворением «Все еще впереди» (1964). Оно скоро стало очень известным. Так, профессор Латауверс, голландский специалист по славянским проблемам, обратил на него внимание, увидев в нем мощный порыв в будущее.

В этот год критики не оставили без внимания поэта. Прекрасный анализ его творчества дал В. Огнев²²⁰. В сво-

²¹⁸ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 412.

²¹⁹ Кулиев К. Мир вечно молод! // Литературная газета. 1968. 1 января.

²²⁰ Огнев В. Кайсын Кулиев // Огнев В. У карты поэзии. М., 1968. С. 217—229.

ей книге «У карты поэзии», касаясь литературы многих национальных республик, он блестяще охарактеризовал лирику балкарского поэта. Писали о нем и многие другие, такие, как Л. Кашежева, М. Гуртуева, О. Саенко, Д. Маммеев, М. Мокаев²²¹. Кайсын радовался, что его имя и стихи постоянно упоминаются в центральной и местной печати в Союзе и за рубежом. К нему обращались многие издательства с предложениями выступить в дискуссии, написать предисловие к книгам и т. д.

Так, в начале года Кулиев получил приглашение принять участие в торжественном заседании в Кремлевском Дворце съездов, посвященном 100-летию со дня рождения А. М. Горького, где должен был выступить с речью²²². Перед выездом в Москву Кайсын написал статью «Великий талант», сдав ее в печать²²³, и статью «Улыбка Кязима», чтобы ее взять с собой и отдать в редакцию «Литературной России»²²⁴. Кайсын думал побыть еще дома, но получил печальное известие из Москвы, что поэт И. Л. Сельвинский (1899—1968) находится в тяжелом состоянии. «Надо проститься,— решил Кулиев.— Ведь я с ним переписывался, когда находился в ссылке со своим народом». На другой день Кайсын вылетел в Москву. Лаврушенский переулок был ему знаком: там в доме № 17 жили его друзья-однополчане В. Ц. Гоффеншефер и И. Л. Сельвинский, которых он знал с огневых-сороковых. Было утро, Кайсын дошел до Скорбященского храма. В нем шло воскресное богослужение. Двери храма были открыты, оттуда доносилось пение, и Кулиев вошел, приблизившись к алтарю. Хор пел молитвы, обрывки которых Кайсын не понимал, но чарующе-грустные звуки западали в ду-

²²¹ Кашежева Л. Слово, сказанное будущему // Совершеннолетие пера. Нальчик, 1968. С. 5—27; Гуртуева М. Вы — наша помощь, совесть, кров // Литературный Азербайджан. 1968. № 2. С. 150—152; Саенко О. Счастливые стихи // Кабардино-Балкарская правда. 1968. 26 июля; Маммеев Л. О Кулиеве // Коммунизмге жол. 1968. 16 августа; Мокаев М. Образ Ленина в поэме Кулиева // Там же. 1968. 25 сентября.

²²² Речь Кулиева // Литературная Россия. 1968. 30 марта. С. 6—7.

²²³ Кулиев К. Великий талант // Дружба. 1968. № 1. С. 3. На балк. яз

²²⁴ Кулиев К. Улыбка Кязима // Литературная Россия, 1968, 5 апреля.

шу. Поэт любил органную музыку. А это пение чем-то напоминало ему орган.

С этим душевным настроем Кайсын поднялся на пятый этаж, позвонил в квартиру № 44, где жил Илья Сельвинский, тот поэт, которого Кулиев знал и почитал и которому писал в своем письме от 15 января 1948 года из Фрунзе:

«Дорогой Илья Львович! Извините меня за дерзость. Я очень люблю Ваше сложное творчество и давно собирался написать Вам, но как-то все стеснялся.

Я печатался в переводах на русский язык в центральной прессе. Ваш очерк о девушке из Крыма и мои стихи «Земля моя» были напечатаны в одном и том же номере «Красной звезды» (1942). В 1940 году Давид Бродский как-то даже знакомил нас, но Вы, вероятно, не знаете и не помните меня.

Интересно, что во время войны я работал в газете «Сын Отечества» после Вас, где Ваши следы были еще свежи, и В. Ц. Гоффеншефер много о Вас мне рассказывал. Я даже как-то гордился, что попал в ту же газету, где работали Вы. Это совсем не мальчишество, и имеет для меня радостный смысл. В моей стороне (я родился под Эльбрусом, чем гордился всегда) очень любили поэтическое, песенное слово и любили радостно благодарить поэтов за вдохновенное слово. Вот почему я Вам пишу. Ваше сложнейшее мастерство я считаю совершенно гениальным!

Ваших последних книг у меня нет и найти их здесь почти невозможно, но какую радость доставили мне Ваши стихи «Севастополь»! Вот что я считаю настоящим творчеством... Только Вы, Илья Сельвинский, могли написать такие строки. Так может рассказать в стихах о событиях только очень большой мастер с удивительно твердой рукой... (далее неразборчиво)». Кончалось письмо следующими строками: «Все это сумбурно сказано мной. Извините, Илья Львович, за радостное желание высказаться о дорогом и очень светлом для меня, то есть автора этих неуклюжих строк.

Я ничего у Вас не прошу, а потому можно не сомневаться в неподдельности моих слов. Я рад, что живу на одной земле и под ветрами одних событий и явлений с таким мастером, как Илья Сельвинский!

Подстрочники двух своих стихов посылаю лишь с той

целью, чтобы Вы имели какое-нибудь представление о том, кто так любит Вашу такую смелую руку. Желаю Вам здоровья и творческой радости.

Кайсын Кулиев»²²⁵.

Письмо Кулиев направил в Союз писателей СССР, потом его переправили по адресу: Лаврушенский переулок, 17, кв. 44. Обратный адрес гласил: г. Фрунзе, Союз писателей Киргизии.

Письмо это говорит о многом. Видно, что Кулиев нуждался в поддержке московских литераторов, посылал им свои стихи и подстрочники к ним в надежде, что они будут переведены на русский язык и опубликованы. Ответит ли поэт Сельвинский опальному поэту? Не все тогда решались поддерживать связи со спецпереселенцами. Вероятно, Илья Сельвинский был честный и мужественный человек. 1 февраля 1948 года он написал: «Дорогой т. Кулиев! Большое спасибо за Ваше милое письмо. Хотя Вы, несомненно, переоцениваете достоинства моей поэзии, но меня радует самая Ваша горячность в оценке ее. Вы сами поэт и прекрасно понимаете, как важно поэту знать, что голос его не просто шум ветра, а сама душа, которая ищет и находит родственную душу. Если бы я и не знал, что Вы поэт, я понял бы это по той страсти, с какой написано Ваше письмо. Подстрочники Ваших стихотворений дают очень смутное представление о Ваших поэтических возможностях (надо слышать стихи, чтобы судить о них), но даже и здесь ощущаешь пламенность Вашей натуры, которая заставляет верить себе и в себя. А это самое главное в творчестве.

Позвольте еще раз горячо поблагодарить Вас и пожелать самых ярких успехов в Вашей работе.

Илья Сельвинский».

И вот теперь через 20 лет Кулиев стоял здесь, чтобы проститься с человеком, который ответил на его письмо, не побоявшись связи о наказанном народом, подбодрил молодого горского поэта. Дверь открыла девушка, приемная дочь Цицилия Александровна, и проводила Кулиева

²²⁵ ЦГАЛИ СССР, ф. 1160, оп. 1, ед. хр. 292, л. 1—2.

в кабинет отца. «Трагическое всегда рядом», — подумал Кайсын, увидев Илью Львовича в безысходном положении и тяжкое горе близких. Он уже не мог говорить. Силы угасали. Дочь рассказала, что последние годы его были временем тяжелой болезни, жестоких мук, он был прикован к постели.

Он бредит, то смеется он, то плачет,
То ввысь летит, то катится на дно,
Холодный пот стерев рукой горячей,
Он мать зовет, которой нет давно ²²⁶.

Перевел Н. Гребнев

Так думал Кайсын, когда стоял перед умирающим другом. О нем и о других, оказавшихся в таком положении, поэт писал в 1968 году в стихотворении «Больной»:

Еще ни разу так самозабвенно
Ее не звал он, как на этот раз.
Ужель всему мы понимаем цену
В свой трудный, может быть, последний час? ²²⁷

2 марта 1968 года перестало биться благородное сердце И. Л. Сельвинского. «После смерти мужа, — рассказывала жена, — остался большой архив — рукописи, письма, телеграммы, книги с дарственными надписями и другие вещи». Берта Яковлевна собрала все материалы и отнесла в ЦГАЛИ СССР. Ирина Павловна Сиротинская приняла архив поэта. Им могла распоряжаться только жена, а после нее — дочь Цицилия Александровна Воскресенская (Сельвинская) ²²⁸. Она была в числе организаторов вечера-поэзии в том же 1968 году, посвященном памяти И. Л. Сельвинскому, встречалась с Кулиевым, слушала его выступление. Вот что она записала своей рукой: «Мой отец, Илья Львович Сельвинский, был близко знаком с Кайсыном Кулиевым. На вечере памяти поэта вскоре после его смерти (первом вечере) Кулиев очень тепло говорил об отце и очень высоко ставил его творчество.

18 мая 1986 г. Ц. Воскресенская (Сельвинская) ²²⁹.

²²⁶ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 395.

²²⁷ Там же.

²²⁸ В архиве И. Л. Сельвинского есть и письма К. Ш. Кулиева.

²²⁹ Личный архив семьи Эфендиевых.

Март шестьдесят восьмого оказался для Кайсына печальным. Находясь в Москве и готовясь к выступлению на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня рождения А. М. Горького, Кулиев был поражен еще одним невероятным случаем — трагической гибелью первого в мире покорителя космоса Юрия Гагарина. «Совсем недавно, — думал Кайсын, — мы гордились его полетом. Читали о нем слова восхищения. Алим Кешоков написал о нем в 1961 году статью «Вровень со звездами»²³⁰. И вот теперь его нет». Кулиев на это всенародное горе откликнулся небольшой статьей «Плачут горы»²³¹. Настроение всенародной скорби Кулиев выразил глубоко символично: горы скорбят, как и люди, и нельзя измерить глубину их горя.

Этот год был для поэта не из легких. Он много работал с переводчиками его стихов на русский язык, так как готовил на 1969 год сразу два сборника стихов: «Благодарю солнце», сюда должны были войти стихи разных лет, и «Кизилловый отсвет» в переводе с балкарского Наума Гребнева. Они должны были выйти в Москве, в издательствах «Молодая гвардия» и «Советский писатель». Кроме того, он написал замечательный цикл стихов «Книга земли» и много других новых прекрасных стихотворений, таких, как «И не казалось мне, что я — пророк», «Приписка к книге «Мир дому твоему», «Час, когда птицы поют», «Возражение философу», «Воспоминанья — это дерева...», «Я жил, как все, без славы, без вины...», «Две песни, которые любила моя мать», «Когда моих годов прервется нить...», «Печаль заглохшего колодца...», «Свет», «Ночь. Спокойно дети спят...» и др.

Работал Кулиев много, поэтому он писал в стихотворении «Работа» (1968): «Мне жизнь давалась нелегко...» В ней, в работе, он видел радость и отраду:

Я труд свой тяжкий не кляню,
Он хлеб дает мне, дарит счастье.
Я не напрасно спину гну
И в день погожий, и в ненастье²³².

Перевел Н. Гребнев

²³⁰ Кешоков А. Вровень со звездами // Литература и жизнь. 1961. 14 апреля.

²³¹ Кулиев К. Плачут горы // Известия. 1968. 29 марта.

²³² Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 406.

Наградой за его труд был Указ Президиума Верховного Совета КБАССР о присвоении почетного звания народного поэта Кабардино-Балкарии К. Ш. Кулиеву (1967 г.) и издание его произведений в 1968 году — на казахском языке в Алма-Ате «Раненого камня» и «Избранных стихов» со вступительной статьей А. Рошка в Кишиневе на молдавском языке. Кроме того, «Раненый камень» вышел на чувашском языке и в Чебоксарах, а «Цветок и кинжал» — на узбекском языке в Ташкенте²³³.

В личной и семейной жизни поэта было все благополучно. Старший сын Эльдар кончал среднюю школу. Десятый класс позволял вести разговоры о будущей профессии. Кайсын всегда относился уважительно к достоинству личности, поэтому к решению сына стать актером отнесся спокойно, но посоветовал пока не спешить с выбором будущей профессии. Время еще было для размышлений и окончательного решения — куда пойти дальше учиться, какой избрать вуз. Кайсын видел, что Эльдар серьезен, целенаправлен, очень развит. В своем старшем сыне Кайсын видел единомышленника и младшего друга. С ним он часто делился своими мыслями, говорил о том, что его беспокоит, читал ему письма от друзей. Так, получив письмо от С. А. Фиксина из Фрунзе, Кайсын зачитал строки: «Ты уже достиг Эльбрусской вершины. Теперь готовь своих сыновей к такому же восхождению... Сергей и Клара»²³⁴.

Кулиев понимал, какая ответственность лежит на нем за воспитание сыновей. На жену было мало надежды: беспокоило Кайсына ее здоровье. Дочь выросла и стала взрослой женщиной. К своим сыновьям — Эльдару, Алиму, Азамату и дочери Жанне — Кайсын был бесконечно добрым, снисходительным к их проказам и баловству, терпелив. Порою он бывал с ними счастлив, и ему ничего не надо было, кроме домашнего уюта.

Я хлеб жую, курю табак,
Сию с детьми, с женою, другом.
Каких еще желать мне благ?
И это все не по заслугам²³⁵.

Перевел Н. Гребнев

²³³ Кулиев К. Раненый камень. Алма-Ата, 1968. 135 с.; *Он же*. Избранные стихи. Кишинев, 1968. 140 с.; *Он же*. Раненый камень. Чебоксары, 1968. 92 с.; *Он же*. Цветок и кинжал. Ташкент, 1968. 150 с.

²³⁴ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 22, л. 47.

²³⁵ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 412.

Самым приятным воспоминанием поэта этого года было его участие в июне во Втором Всесоюзном Пушкинском празднике. Кулиев побывал на псковской земле, слушал и читал любимые стихи своего кумира. В статье «Признание» он писал: «У меня были горькие дни. Я обращался к Пушкину и находил в нем утешение и поддержку. Я переживал радостные часы. И опять шел к нему. И праздник мой становился несравненным. Когда я нуждался в мужестве и вере в жизнь, снова черпал их в великом поэте. В тяжкий час я чувствовал на своем плече его руку, в которой были твердость отцовской и нежность материнской руки. Пушкин оставался для меня бесстрашным героем и все понимающим мудрецом, источником света и энергии, прозорливости и человечности. В нем сосредоточилось все прекрасное, что может нести в себе человек. Я думаю, что такими именно и бывают редчайшие гении, образцы человеческого типа»²³⁶. Здесь, на пушкинских торжествах, он встречался с поэтами из Колумбии и Кубы. С ними Кайсын сфотографировался в колхозе «Путь Ленина». Это были Энрике Сендойя, Луис Суардиас. Фотография хранится в архиве фонда Кулиева²³⁷.

В сентябре Кулиев в составе небольшой делегации прибыл в Грузию. В Тбилиси торжественно отмечали 150-летие со дня рождения Николаза Бараташвили. Дни стояли сухие, солнечные, по-летнему теплые. Кайсын любил бывать в этом городе веселых и приветливых людей. К выступлению на юбилейном концерте Тбилисского Академического театра оперы и балета он давно подготовился. Еще год тому назад он знал, что поедет в страну, «заворожившую всех своей высокой мощью и эмоциональностью», к народу, который живет «на такой поэтической земле, история которого полна драматизма». В цикле статей «Моя Грузия» Кулиева есть строки о юбиляре: «Судьба Грузии стала судьбой Бараташвили. Потому он и смог стать великим национальным поэтом. Такие художники, как он, бросают свои сердца под копыта неудержимо мчащихся коней времени. Эта душевная открытость, эти самоотверженность и бесстрашие делают их крылатыми, дают им право на бессмертие»²³⁸. Кончается статья строфа-

²³⁶ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 40.

²³⁷ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 175, л. 26—27.

²³⁸ Заря Востока. 1968. 12 сентября.

ми самого Бараташвили. Кулиев их цитирует потому, что в них выражена любовь к вечным краскам мира и к женщине.

Он прекрасен без прикрас.
Это цвет любимых глаз,
Это взгляд бездонный твой,
Напоенный синевой.

В архиве Кулиева есть групповая фотография: он и его друзья — поэт С. Рустам, народный артист СССР С. Закариадзе и литератор С. Кошечкин. Все они гости этого юбилейного торжества.

Вернувшись из Грузии, Кулиев написал стихотворение «Поэтам Грузии», перевел его на русский язык Н. Гребнев. Оно вошло в полное собрание сочинений и датировано 1969 годом. В нем Кулиев говорил о творческой дружбе поэтов обеих республик, их народов: «Спаянные общими судьбою, сросшиеся, как гора с горою, с вами неразлучны мы навек!» Издавна сложившаяся социально-эстетическая общность народов Северного Кавказа и Закавказья стала для поэта осознанным фактом и художественным осмыслением поэтической преемственности. Утверждая эту преемственность, воспевая исторические корни дружбы народов, Кулиев говорил, обращаясь к лучшим поэтам и художникам Грузии:

К вашей песне, горькой и беспечной,
одарен и я любовью вечной,
словно наш Эльбрус и ваш Казбек.
Стихотворец, ваш сосед недалекий,
тихим словом Грузии печальной
я овеч и пленен навек ²³⁹.

Кулиеву было дорого все, связанное с Грузией, потому что там его друзья. Среди них было немало поэтов разных поколений и эстетических позиций, с разными судьбами и характерами: Георгий Леонидзе и Тициан Табидзе, Симон Чиковани и Реваз Маргиани, Ираклий Абашидзе и Теймураз Чиргадзе, Григол Абашидзе и Карло Каладзе. В очерке «Моя Грузия» Кулиев писал: «Мне довелось увидеть довольно много стран и краев. Но Грузия, наряду с землей отцов, увенчанной белым Эльбрусом, остается моей глубочайшей привязанностью, моей порячей лю-

²³⁹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 475.

бовью». И далее: «В течение многих лет одной из самых горячих моих привязанностей остается грузинская поэзия. Я люблю ее старых и новых мастеров от Руставели до Леонидзе, от Гурамишвили до Чиковани, от Бараташвили до Маргиани»²⁴⁰. Когда ему предложили написать статью о Симоне Чиковани, он с радостью согласился. «Песня зеленого дерева» появилась в феврале 1969 года²⁴¹.

Убеждение Кулиева в том, что человек — «царь земной и бог, сошедший с неба», образующее поэтический пафос его художественного творчества, было связано не только с осознанием им беспредельных творческих возможностей человеческого труда, но и с его глубоким убеждением, что люди должны жить по гуманным заповедям: помогать друг другу в беде, жить в мире и согласии. «Без дружбы мир нелеп, а все дороги узки...» — сказал Кайсын. В его последовательном утверждении этой истины и заключалась огромная духовная сила, так воздействующая на читателей. В 1969 году эти мотивы преобладают в его поэзии: Ираклию Андроникову — «Я вспоминал друга в горах», Якову Смоленскому — «Дом моего друга», Аскеру Аппаеву — «Язык родной земли», памяти Марка Бернеса — «Песня, которую не оможет спеть мой друг», «Поэтам Грузии», «Комитас», «Анаит».

В своих посланиях к друзьям Кулиев следовал гуманной пушкинской традиции: относиться с чувством понимания и уважения к иным народам и их культурам, какой бы ни была нация — великой или малочисленной. Находясь в доме друга, Кайсын хотел «...после неудач суровых или неся удачу груз, в который раз услышать снова: «Друзья, прекрасен наш союз!»»²⁴² («Дом моего друга»).

Непреходящая любовь к Кавказу, завещанная Пушкиным и Лермонтовым, и в частности любовь к Армении, переданная Брюсовым и Блоком, перешла к Кулиеву. Мужественным сынам и дочерям Армении, картинам прошлого и настоящего балкарский поэт посвятил немало произведений. Циклы стихов «Комитас» и «Анаит» (1969) относятся к лучшим из них. «Чувство огромной благодарности и теплоты испытываю я к Кайсыну Кулиеву,— пи-

²⁴⁰ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 218—219.

²⁴¹ Кулиев К. Песня зеленого дерева // Литературная Россия. 1969. 4 февраля.

²⁴² Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 461.

сала Н. Саакян, — за циклы стихов об Армении... Воистину щедра любовь большого поэта из Балкарии к армянской земле! И невольно мечтаешь о том, чтобы кто-то из армянских поэтов сказал прочувственное слово о гордой стране Кайсына — маленькой Балкарии. Я верю: эти нерожденные пока еще строки непременно родятся, и тогда мы вложим в добрые руки Кайсына подарок, достойный его любви и восхищения»²⁴³.

Кулиев не раз бывал в Армении, хорошо знал историю и культуру армянского народа, дорожил ее поэзией, музыкой.

Во мне живет ее любовь к камням,
сто раз оплаканным, сто раз воспетым,
любовь к ее сынам и дочерям,
ее пророкам и ее поэтам²⁴⁴ —

так писал Кулиев в стихотворении «Анаит».

«Анаит» — своеобразная поэма о судьбе армянского народа. Поэт, листая книгу «радостей и бед», «читал и чувствовал, что в ней таится, как будто по-балкарски с давних лет писали страшные ее страницы». И все-таки стихотворение «Анаит» не только, а может быть, и не столько рассказ о прошлом армянского народа. Это серьезное философское рассуждение о роли народа в истории, о судьбе людей, силе их дружбы. Этот фактор позволил создать то, чем гордились современники поэта: «Я обошел столицы и деревни земли, где давней был сражен стрелой. Я видел, как цветут цветы на древней земле, покрытой некогда золой»²⁴⁵.

Остро драматический сюжет «Комитаса» раскрывал моральную красоту, силу духа прославленного сына Армении, художника и борца, в личности которого воплощены лучшие черты национального характера. В целом «Комитас» Кулиева — это звучащая душа народа, его песня, которая существует «вне певца, если раз ей спетой быть случится». И не только это. Кулиев как поэт-гуманист выступал против всяких национальных распрей, непони-

²⁴³ Саакян Н. Щедрое сердце // Литературная газета. 1973. 18 апреля.

²⁴⁴ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 480.

²⁴⁵ Там же. С. 484.

мания, вражды и злобы прошедших, настоящих и будущих лет.

На земле, как было, дни и ночи,
вечная борьба добра и зла.
На земле и нынче кто-то хочет,
чтобы кровь невинная текла²⁴⁶.

Перевел Н. Гребнев

Тема кулиевского окружения — друзья и враги поэта — была не из последних в его творчестве. а также в кайсиноведении. Друзей было много у Кайсына, но были и завистники, которые писали на него доносы. У него есть «Стихи о врагах» (1969), написанные в тот же год, что и стихи о друзьях.

...Злорадствует твой враг недалкий,
и я предположить могу:
чем день твой горше и печальней,
тем слаще твоему врагу.

Ему неважно, кто ты, что ты,
ты для него — всего лишь враг,
нет у него иной заботы,
как ждать, чтоб ты попал впросак²⁴⁷.

Перевел Н. Гребнев

Эти строфы далеки от близости душевных побуждений и сокровенных мыслей, которыми обычно делился Кайсын, когда говорил с друзьями. Основная причина конфликта в «Стихах о врагах» — это зависть. Другие, не менее отрицательные черты человеческого характера помогают читателю достаточно ярко представить внутренний облик человека, о котором писал поэт. Концовка этого стихотворения дана в кулиевской манере — рассуждения, определенного вывода:

Врагов не следует стыдиться
и опускать в бессилье рук.
Всегда, чем голосистей птица,
тем больше хищников вокруг²⁴⁸.

Перевел Н. Гребнев

²⁴⁶ Там же. С. 479.

²⁴⁷ Там же. С. 472.

²⁴⁸ Там же.

Значительный интерес представляют стихи Кулиева шестьдесят девятого года, которые условно можно отнести к пейзажной лирике («Весенняя песенка», «Зимняя песенка», «Песенка земле и небу», «Снегопад в Чегеме», «Рассвет — моя любимая пора...», «Опять весна на белом свете...», «Ручей»). В них, кроме метко подмеченных зарисовок кавказской природы — особых красок зимы, весны, лета, осени, есть и биографический материал и выводы-суждения. В них поэт делился своими рассуждениями, мыслями о реально существующем. Так, снегопад в Чегеме вызвал у взрослого поэта воспоминания о детстве, когда он «...в старой шубе, рукой со лба стирая пот», рубил сухие сучья в зимнем лесу. С тех давних пор не сохранилось «ни очага, ни кровя, и только снег да выси гор остались от былого». Сожаления о минувшем нет: «...и мне теперь не надо на склоне собирать дрова во время снегопада». Есть только простая констатация фактов:

И сам другой я человек,
И времена иные,
И только снег, и только снег
Идет, как в дни былые ²⁴⁹.

Перевел Н. Гребнев

Воспоминания в пейзажно-философской лирике явились тройственным единством, так как они одновременно объединяли в себе сущность, жизнь и знание, прошлое, настоящее и будущее. Кажется, закономерным представляется и присутствие в этих пейзажных зарисовках наличие птиц и животных. Кулиев воспевал соловья, ласточку, кукушку, орла, воробья, журавля, ослика, тура, лунорогого быка, дворового пса, коня, медведя и медведицу, пчелу, мотылька, светлячка. Разумеется, иногда эти птицы и животные являются лишь отправной точкой для поэтических рассуждений, яркости художественных образов, остроты видения мира и напряженности чувств («Черный конь умирает на белом снегу...»).

В 1969 году появились новые сборники стихов поэта — «Благодарю солнце» и «Кизиловый отсвет». Это было попыткой отобрать стихи разных лет, систематизировать их в одной тональности и социально-нравственном плане. Оба

²⁴⁹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 463.

сборника были высоко оценены критиками и читателями. Рецензии были опубликованы в следующем году.

В начале января 1969 года Кулиев получил телеграмму из Москвы. Она была датирована 7 ноября. Текст гласил: «Вы вылетаете в Индию по договоренности с индийской стороной 6 февраля 1969 г. Просим быть в Москве 4 февраля. Инокомиссия. Косоруков»²⁵⁰. Кулиев на другой день вылетел в Москву, и февраль он встретил в Дели и Мадрасе. В архиве сохранилась «карта гостя». На ней рукой Кайсына написано: «Отель, где я жил в Дели. Комната № 333»²⁵¹. В Индии все было для поэта новым и удивительным: он познавал древнюю индийскую культуру. И мир Индии знакомился с кавказским поэтом. Его стихи, переведенные на английский язык, и краткая биографическая справка о нем появились в центральных газетах «National Herald» (Дели, 1969. 11 февраля), «Патриот» (1969. 15 февраля), «Социалист Индии» (Мадрас, 1969. 17 февраля)²⁵². Конечно, не обошлось без встреч и выступлений. Кайсын рассказывал о себе и читал свои стихи. Английского языка поэт не знал, поэтому его всюду сопровождали переводчики и его друг из Литвы В. Реймерис: в школе, вузе, библиотеке. Встреч с людьми различных вероисповеданий было много. Неизгладимое впечатление на Кайсына произвели буддийские храмы и шахские дворцы. Особое внимание привлек цветок лотос. В одной из записных книжек поэта есть краткая запись: «Роса на лотосе!» Видимо, что-то изумило поэта, и он поставил восклицательный знак. Многоликая Индия, мечты и свершения Индиры Ганди не прошли бесследно для Кулиева, для его духовного и поэтического мира. Он написал об этом стихи. Кроме того, Кулиев был в Бомбее, Калькутте и Агру. Всюду встречался с людьми искусства, литературы. Был в доме Рабиндраната Тагора, удивлялся искусству древних рукописей. 25 февраля выехал домой.

Поэт не пожалел, что отклонил поездку в США. Будучи дома, он почти в то же время получил еще одну телеграмму из Москвы, в которой сообщалось: «Телеграфируйте согласие на поездку в США для участия в конгрессе ПЕН клуба. При положительном решении, срочно высе-

²⁵⁰ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 96, л. 10.

²⁵¹ Там же, л. 11.

²⁵² Там же, оп. 2, ед. хр. 189, л. 1—6.

лайте решение инстанции, характеристику, фотокарточки, подписанные на лицевой стороне»²⁵³. Волокиты с этой поездкой предстояло очень много, и поэт отказался от нее. В конце года состоялась еще одна поездка за границу: в октябре он побывал и в Варшаве. На «карте гостя» поэт написал: «Жил в Варшаве в отеле «Паркова» с 19.10.69 по 31.10.69»²⁵⁴.

В 1969 году Кулиеву снова пришлось побывать в стране Наири. 11 сентября он получил правительственную телеграмму от первого секретаря ЦК КП Армении А. Кочияна с приглашением принять участие в торжествах по случаю 100-летия со дня рождения армянского поэта Ованеса Туманяна. Кайсын принял приглашение и с радостью поехал к достойным певцам «синей чаши Севана и вечно белой высоты Арарата», много выступал и вообще был одним из активных участников торжеств. 3 ноября он получил благодарственную грамоту, в которой ЦК компартии Армении благодарил его «за тот большой вклад, который он внес в дело увековечивания памяти поэта Ованеса Туманяна своим активным участием в праздновании 100-летия со дня его рождения»²⁵⁵.

Творческие взаимосвязи литераторов бывшего СССР были многогранны. Кулиеву по условиям своей общественной и литературной деятельности пришлось объездить почти всю страну, начиная от Ленинграда (ныне Санкт-Петербург) до Норильска, от Владикавказа (бывш. Орджоникидзе) до Алма-Аты. Не было такой союзной и автономной республики, где бы поэт не был трижды. «Хочу подчеркнуть,— писал он,— что я не только приезжал в разные республики и с радостью видел красоту каждой земли, с благодарностью ел хлеб, пил вино, но и писал о культуре и литературе многих народов. Так было, к примеру, с Грузией, Арменией, Таджикистаном, Казахстаном, Туркменией, не говоря уже о России. Уважение к культуре разных народов, интерес к ним у меня в крови, и я считаю это благом и радостью для себя»²⁵⁶.

Другой жизни Кулиев не знал и был счастлив в той

²⁵³ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 96, л. 9.

²⁵⁴ Там же, л. 12.

²⁵⁵ Там же, ед. хр. 50, л. 1—3.

²⁵⁶ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 460.

действительности, которая повседневно его окружала. Поэтому он писал в 1969 году:

Здесь был мне счастьем каждый шаг,
и снег, и дождь, и звон капели,
и дом, где теплится очаг,
и небеса, где звезды тлеи²⁵⁷.

Перевел Н. Гребнев

В этом году еще ничто не предвещало трагического конца. Однако разум ему подсказывал, что вместе со старостью придут болезни и разуверение в том, что ты некогда любил «цветенье ив, леса и реки...», «ручьев журчанье, трели птички и грешной женщины земной непостижимое величье». Эта земная радость заставляла поэта тревожиться:

И я прошу, как прашур бога
просил в прошедшие века:
«Продлись, мой путь, еще немного,
не гасни, мой огонь, пока!»²⁵⁸

Не забывал поэт и своей литературно-критической деятельности. Он написал три статьи. В статье «Масштабом столетий» он рассказал о том, как работал над «Горской поэмой...»²⁵⁹, а в другой работе поделился мыслями о процессе перевода²⁶⁰.

Большой радостью для Кулиева в этом году было издание его сборников стихов на языках народов СССР и за рубежом²⁶¹. Так, «Раненый камень» был опубликован в Ереване на армянском языке, «Горская поэма...» — в Ба-

²⁵⁷ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1977. С. 490.

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Кулиев К. Масштабом столетий // Вопросы литературы. 1969. № 3. С. 3—10.

²⁶⁰ Кулиев К. Радугу должны видеть все // Литературная газета. 1969. 19 августа.

²⁶¹ Кулиев К. Раненый камень. Ереван: Айстан, 1969. 11 с.; Он же. Горская поэма... Баку: Гянджлик, 1969. 35 с.; Он же. Мир дому твоему. Тбилиси: Мерани, 1969. 207 с.; Он же. Огонь на скале. Фрунзе: Кыргызстан, 1969. 207 с.; Он же. Раненый камень. Вильнюс: Вага, 1969. 124 с.; Он же. Избранные стихотворения. София: Народная культура, 1969. 113 с.

ку на азербайджанском, «Мир дому твоему» читали в Тбилиси на грузинском, «Огонь на скале» звучал во Фрунзе на киргизском языке. Кроме того, лирические стихотворения сборника «Раненый камень» со вступительной статьей А. Балтакиса вышли в Вильнюсе на литовском языке, а «Избранные стихотворения» — в Софии на болгарском языке. Это был большой успех. Рубикон, о котором писал поэт, был перейден в два последних года. Он был доволен: его стихи звучали на многих языках народов мира.

ВСЕНАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Мир и радость вам, живущие...

К. Кулиев

Начало семидесятых годов не было ознаменовано чем-то особым для поэта. Семидесятые летели «под ленинским знаменем дружбы народов». Этот лозунг был везде и еще прочнее находился в сознании советских людей старших поколений. Кулиев не раз думал о понятиях «век», «сто лет», «столетие». «...Веками мы, как масштабом, измеряем колоссальные отрезки времени,— целые эпохи в жизни человека... —писал он.— Думаешь еще и о том, что близится последняя четверть XX века — века великого и сложного, полного драматических конфликтов и бессмертных побед человеческого разума, века неслыханных трагедий и захватывающих, более чем когда-либо, реальных надежд»¹. Эту статью он писал зимой, сидя в номере московской гостиницы, видел из окна заснеженную крышу, улицу, высотный дом вдали. «Я привык к ним и потому могу работать,— добавлял он.— Такой у меня характер — я должен к чему-то привыкнуть, полюбить что-то, чтобы работать. И вот сейчас в зимней Москве, я думаю: какое счастье, что я могу заниматься любимым делом, что я могу писать на родном языке...»²

1970 год был более или менее спокойным для поэта: ничего не было запланировано для издания сборников стихов ни на русском, ни на родном языках. На таджикском языке в Душанбе должны быть напечатаны стихи «Божий меч»³ и на туркменском языке в Ашхабаде тоже должны выйти в свет стихи «Мир дому твоему» со всту-

¹ Кулиев К. Масштабом столетий // Вопросы литературы. 1969. № 3. С. 3.

² Там же. С. 9—10.

³ Кулиев К. Божий меч. Душанбе: Ирфон, 1970. 58 с.

лительной статьей А. Хандова⁴. За эти сборники стихов Кайсын был спокоен, они были подготовлены еще в 1969 году. С переводчиками он встречался несколько раз, все было обговорено и окончательно решено. Оставалось написать статью к 60-летию А. К. Шомахова, заслуженного деятеля искусств КБАССР, поэта и прозаика. Литературной деятельностью он занимался около 30 лет, и его заслуги были общепризнанными в развитии кабардинской детской литературы. Кулиев выполнил просьбу редакции журнала «Ошхамахо» и, немного изменив название статьи, отослал ее и в газету «Литературная Россия»⁵. 12 марта 1970 года заместитель главного редактора А. Р. Бендер издательства им. Гафура Гулама обратился с просьбой к Кайсыну написать вступительное слово к сборнику стихов Абдуллы Арипова, впервые выпускавшего свои стихи на русском языке⁶. Таких просьб к Кулиеву поступало немало в течение всего года. Так, редактор издательства «Днипро» тоже просил Кулиева прислать воспоминания об известном поэте Андрее Малышко для планируемого сборника воспоминаний⁷. Будучи членом редколлегии «Библиотека поэта» издательства «Советский писатель», Кулиев старался помочь своим землякам-поэтам в издании сборников стихов. В. Карпова, главный редактор издательства «Советский писатель», извещала Кайсына: «Дорогой Кайсын Шуваевич! Мы получили Ваше письмо и рукопись Ибрагима Бабаева (подстрочники). Мы охотно, с большой заинтересованностью рассмотрим рукопись и поможем опубликовать»⁸.

От Аалы Токомбаева Кулиев получил написанное им предисловие к книге стихов «Огонь на скале». Книга выходила во Фрунзе на киргизском языке. Кулиев хорошо знал киргизский язык, он его когда-то упорно изучал и добился замечательных успехов⁹. Прочитав предисловие Токомбаева к своему сборнику стихов, Кулиев остался доволен.

⁴ Кулиев К. Мир дому твоему. Ашхабад: Туркменистан, 1970. 83 с.

⁵ Кулиев К. Добрый друг детей // Ошхамахо. 1970. № 5. С. 3—4; Он же. Веселый друг детей // Литературная Россия. 1970. 30 октября.

⁶ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 114, л. 3.

⁷ Там же, ед. хр. 105, л. 1.

⁸ Там же, ед. хр. 114, л. 1.

⁹ Там же, оп. 2, ед. хр. 163, л. 69.

Однако довольства и покоя для поэта и его беспокойного сердца не было. Даже тогда, когда он держал на коленях своего четырехлетнего сынишку Азамата и рассказывал ему сказки про доброго муравья.

Мальчик сидит у меня на коленях,
Слушает сказку мою — и притих,
Сказки вовеки живут в поколениях,
Выдумка былью становится в них¹⁰.

Перевел С. Липкин

Азамат рос смысленным и любознательным мальчиком. В четыре года он крепко держал в своих ручонках карандаши, кисточки, ручки, и его детские рисунки удивляли взрослых. «Этот будет художником», — думал Кайсын, рассматривая забавные первые детские рисунки-фантазии. Сынок любил слушать, когда ему читали вслух. Такого не замечалось за старшими сыновьями. Азамат уже в 5 лет заставлял маму читать вслух все, что ему попадалось под руки, даже учебники по истории для младших классов. Когда у Кайсына было время, он брал на колени сына и старался читать ему вслух как можно выразительнее. Казалось, что мальчик чувствует каждое слово. Но даже в эти сладостные минуты Кулиев продолжал мыслить, и его неутомимую голову и сердце охватывала тревога: «Звонко смеющийся мальчик мой милый, как за тебя я тревожусь опять!»¹¹ Обнаженная искренность переживаний за своих близких, живую и неживую природу в отдельных лирических стихотворениях Кулиева — это прежде всего тревога за судьбу своего поколения, мир и время. Он боялся озлобленности людей, как будто бы предчувствовал национальную распрю и ненависть друг к другу: «И кто-то... готовит снова пулю, может быть, которая должна меня убить»¹².

В стихах семидесятого года мотив надежды и утешения имеет определенную автобиографическую основу, не всегда сводясь, естественно, к ней в таких стихах, как «Милая моя, совсем не страшно...», «Песенка надежды», «Пусть лавровых венков я не носил...», «Как хорошо проснуться

¹⁰ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 9.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 23.

на рассвете...», «Снова весна», «Белеет алыча», «Говорю самому себе», «Дождь». Сколько светлого и гуманного сказал Кулиев своей жене Маке Магомед-Султановне в стихотворении «Милая моя, совсем не страшно...». Болезнь ее обострялась, печали жены становились горестями Кайсына. Он понимал, что она глубоко переживает, когда замечает увядание своей былой красоты. Поэт старался ее успокоить, если можно утешить женщину в ее скорби по ушедшей молодости.

Милая моя, совсем не страшно,
Что кругом зима белым-бела,
Дом наш греет жар еще вчерашний
От огня, который ты зажгла.

.
Сладкий сон — нам лучшая награда.
Спи, моя любимая жена,
В эту ночь, во время снегопада,
И тебе приснится пусть весна¹³.

Перевел Н. Гребнев

Нравственно высокие строфы символизируют то, что нужно оберегать в семье,—человечность поступков и действий по отношению друг к другу.

Вопросом большой важности для семьи Кулиевых стал год окончания старшим сыном Эльдаром средней общеобразовательной школы. Желая подготовить сына к поступлению во ВГИК, Кайсын не раз беседовал с ним, чтобы он морально и психологически чувствовал себя более уверенным среди московской молодежи в период поступления. Эльдар видел, что отец давал ему превосходные уроки сценического искусства, образцы чтения художественных текстов. Он много раз слышал от отца, что театр — большая сила, так как он помогает распространять культуру, знания, просвещение, исправляет нравы и пороки людей.

В сентябре 1970 года Кулиев поехал в Москву вместе с сыном. Провожали их всей семьей, много было советов и пожеланий, шутили, что Кулиевы скоро создадут театральную семью. Эльдар поступил на режиссерский фа-

¹³ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 21.

культет ВГИКа в мастерскую профессора А. М. Згуриди. Предстояло упорно учиться и писать через несколько лет дипломную работу... Душа Кайсына теперь оставалась в Москве: он очень беспокоился об Эльдаре, постоянно думал о нем, как он сможет акклиматизироваться, сможет ли найти себя, правильно ли сделал выбор специальности. Теперь, когда Кайсын бывал дома, он постоянно, особенно по вечерам, ждал телефонного звонка из Москвы или писем. Письма Эльдар писать не любил, чаще всего звонил.

Средний сын, Алим, пока хлопот не доставлял. Он учился только в четвертом классе, неплохо успевал по всем предметам, но особого прилежания к урокам не питал, домашние задания готовил наспех и убегал играть со сверстниками. Мака обычно не вмешивалась в дела сыновей, на родительские собрания в школу ходила редко, предоставив все семейные и школьные дела решать одному Кайсыну. А он тоже не всегда находил время поговорить с учителями, посмотреть тетради сына, дневник успеваемости...

Кайсын работал над «Книгой земли», которая была запланирована к печати в издательстве «Советский писатель» на 1972 год. В связи с этим он часто ездил в Москву и каждый раз встречался с сыном. Эльдар в дни пребывания Кулиева в Москве перебирался к нему в номер гостиницы. Они жили вместе, радовались встрече. Кайсын брал Эльдара с собой, когда ездил в Переделкино на дачу Н. С. Тихонова, Б. Л. Пастернака и других своих друзей, знакомил с ними своего сына. Когда они оставались одни, Кайсын подробно расспрашивал его об учебе, но Эльдар отвечал уклончиво и не так, как бы хотелось отцу. Не надо думать, что Эльдар сразу изменился и стал другим. Все происходило постепенно. Кайсыновское окружение — друзей и подруг — тоже влияло на формирование его как личности.

В этот год, как и в предыдущие, Кулиев много получал писем от друзей и знакомых. Вот что писал Якуб Земляк из г. Фрунзе: «...читаю, перечитываю в «Новом мире» твои стихи — неторопливые, мудрые. Знаю, нелегко далась тебе великая художественная простота поэзии, много пришлось пережить, прочувствовать, передумать. И вот ты даришь людям большую жизнеутверждающую силу своего таланта, и люди вечно будут благодарить тебя за твое доброе,

щедрое сердце...»¹⁴ А вот строки из другого письма — от 1 мая 1970 года: «По-прежнему каждое твое стихотворение открывает мне сокровенные мысли и кажется, что это мое собственное, что сам я не высказал, не додумал...»¹⁵ Якуб в это время работал над книгой «Мечтой окрыленные». Получив письмо от Кайсына и поддержку поэта в публикации его произведения, он был рад безмерно. Об этом говорит еще одно письмо Я. Земляка, когда он лежал в больнице с инфарктом, от 15 августа 1970 года: «А о моих «Задумчивых миниатюрах» по-прежнему ни слуху, ни духу в «Литературной России». Поэт Антошкин поступил нехорошо и не посчитался с твоим мнением, не удосужился сообщить мне о судьбе рукописи...»¹⁶

О разном в письмах просили Кулиева: кто хотел его помощи в публикации своих произведений, кто-то желал, чтоб поэт написал предисловие к книге, иные мечтали иметь сборник стихов поэта с его автографом. А вот поэт М. Дудин пожелал другое. В одном из писем он писал Кулиеву: «Скоро к тебе в Нальчик заявится мой хороший знакомый, наш с тобой ровесник Василий Павлович А. Он скульптор, отличный портретист... Не откажи, посиди перед ним немного, чтобы он вылепил тебя, потом высек из гранита Чегемского ущелья, чтобы я имел возможность видеть свет твоих очей в любое время, когда мне это потребуется...»¹⁷ В другом письме, от 14 сентября 1970 года, Дудин писал из Ленинграда: «Дорогой Кайсынчик! Пока я сидел в Михайловском и переводил Бараташвили, мне Ирина сказала, что ты поехал за лавровым венком в Югославию и обещал на обратном пути побывать в Ленинграде...»¹⁸ Шутливые и серьезные, деловые и сугубо личные, письма были разными, но все они касались творческой работы Кулиева. В одном из таких писем Михаил Александрович писал: «...я окончательно убедился в том, что без тебя лично перевод я сделать не смогу. Поэтому я и решил поехать в любезную моему сердцу Кабардино-Балкарию.

Я постараюсь тебе не надоедать, сами мы, конечно,

¹⁴ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 22, л. 28.

¹⁵ Там же, л. 30.

¹⁶ Там же, л. 32.

¹⁷ Там же, оп. 1, ед. хр. 39, л. 2—3.

¹⁸ Там же, л. 7.

найдем подходящий для меня угол с камельком и с видом на Эльбрус»¹⁹. 9 апреля 1970 года М. А. Дудин отвечал Кайсыну: «А вчера получили подарок из Нальчика — великолепно изданную «Горскую поэму». Спасибо!..»²⁰

А как много Кулиев получал писем от начинающих литераторов! Ему писали Г. А. Коган из Киева, А. Ф. Неберекутина из Краснодара, Е. М. Олышанская из Киева, Назир Хубиев и многие другие. У всех были свои просьбы и пожелания. Кайсыну приходилось всем отвечать.

7 сентября 1970 года Кулиев получил письмо от своего друга Мустая Карима (Мустафы Сафича Каримова). С ним Кайсын всегда откровенно делился мыслями и чувствами, так как считал его самым отзывчивым на дружбу и чуткого к людям. Карим писал: «Шлю тебе пучок травы с полей моего аула. Вчера я был там, бродил по лесам и полям. Думал о тебе и Расуле...»²¹

Народный поэт Башкирии М. Карим неоднократно бывал на земле Кабардино-Балкарии. «Я не раз побывал в том краю, где на глади Голубых озер отражаются высокие голубые небеса, с могучих скал солнечным потоком падают водопады, опасные тропы над пропастью манят человека на снежные вершины,— говорил Мустай.— Там добрые обычаи предков незыблемы, как надписи на утесах. Это Кабардино-Балкария — родина Кайсына Кулиева»²². Слова любви и восхищения, идущие от сердца, сказал Карим о балкарском народе в стихотворении «По горной тропе»:

Мой друг! Мой брат! Народ твой жив,
Двойное сердце в нем
И сила крыльев, чтоб лететь
Над бездной, под огнем!²³

В творчестве М. Карима есть немало стихотворений, посвященных Кабардино-Балкарии и Кайсыну, такие, как «Под солнцем высоким», «Мне подарил Чегемский водопад», в которых поэт говорил о любви к горному краю. Чувствовал нерасторжимую связь с Мустаем, олицетво-

¹⁹ Там же, л. 1.

²⁰ Там же, л. 4.

²¹ Там же, ед. хр. 45, л. 1—4.

²² Карим М. Избр. произв.: В 2 т. Уфа, 1969. Т. 2. С. 411.

²³ Карим М. Берега остаются. М., 1966. С. 121.

рявшим собой современную башкирскую поэзию, и Кулиев. «Я живу от Урала далеко,— говорил он,— но постоянно слышу голос Мустая Карима, несуетливо и мудро работающего в родном доме — в своей Башкирии. Как был прав впервые сказавший, что для дружбы нет расстояний. Мустай всюду со мной. Он мил мне, как те мальчишки, с которыми я в детстве пас овец в горах и ездил на ослике по дрова, и очень дорог как художник»²⁴.

Стихи обоих поэтов проникнуты взаимным доверием, близостью душевных побуждений и сокровенных мыслей. «Коль в дорогу дружбы, ведущую народы навстречу друг другу, я сумею вложить несколько камней,— искренне признавался Мустай,— то этим бесконечно был бы рад»²⁵. Он верил в то, о чем писал. В стихотворении «Мне подарил Чегемский водопад» он сказал об источнике своей духовной силы:

И дружба — как двуглавая гора —
Пусть мне опорой станет,
Тогда ничто с дороги не столкнет,
Не сломит, не состарит!

Собратья по перу были для Кулиева не только людьми, с которыми он доверчиво делился своими думами и переживаниями, но и людьми, от которых сам получал постоянный душевный отклик и дружескую поддержку. В статье «Лицо друга» Кайсын писал: «Я смотрел с Мустаем на белые от снега улицы Москвы и зеленые платаны Азербайджана, выступал на вечерах и сидел на съездах. Мы вместе были в мавзолее Низами в городе Гяндже. И оба написали рукой Мустая слова любви великому поэту Востока... Там же, во дворе мечети, мы видели мощный ствол платана — ровесника Низами. Дерево, которому восемьсот лет, еще жило и цвело. Но ведь и поэзия Низами живет и цветет до сих пор! Мы многое видели вместе с Мустаем!»²⁶ Истинно силой дружеских чувств, пониманием их былых потерь и печалей проникнуто стихотворение Кулиева «Мустаю Кариму» (1959):

²⁴ Кулиев К. Хорошо, что ты рядом // Известия. 1972. 6 октября.

²⁵ Карим М. Избр. произв.: В 2 т. Уфа, 1969. Т. 2. С. 5.

²⁶ Кулиев К. Лицо друга // Литературная Россия. 1965. 5 ноября.

Мой друг, сегодня в горах снегопад,
Медленный, неотвратимый, как старость.
Многие наши под снегом лежат,
Мало товарищей с нами осталось²⁷.

Перевел Н. Гребнев

В этом поэтическом послании поэт охвачен грустными мыслями, которые подчинили все движение его сердца. Оно вобрало в себя и воспоминания о фронтовых друзьях, которых «война обжигала огнем, в белые пропасти сваливал ветер», и боль утраты, и горькое сознание бессцельности ожидания с ними встреч («Где вы, друзья, с кем уже не пройдем мы, как бывало, по первому снегу?»). Чувство печали поэта перекликалось с мыслью о непреходящей личной дружбе, еще более крепкой и возвышенной, когда она пронесена через всю жизнь. Обращаясь к Мустаю, Кулиев говорил: «Дай же мне руку, мой сверстник и друг, старых друзей нас немного осталось».

В стихотворениях этих лет поэт не раз задумывался о конце жизни и трагическом пути к нему. Так, в стихотворении «Спорю со смертью» (1969) есть не только трагическое, но и особое состояние души, вызванное тем, что жизнь все-таки сильнее смерти. Шел извечный философский спор, кончившийся победой феномена человеческой жизни:

— Нет, меня вы бонтесь, и в страхе проходит ваш век.

Продолжай же, страшась, делать дело свое, человек!

— Я и делаю дело свое,— да прославится Жизнь!

Там, где делаю дело свое,— там появится Жизнь!²⁸

Перевел С. Липкин

Было бы неверно думать, что стихи на эту тему можно рассматривать только как дань, которую отдавал поэт традиционной вечной проблеме спора жизни со смертью. И здесь в полной мере проявилось художественное новаторство Кулиева, личное отношение к трагическому финалу человеческой жизни. Когда человеку за пятьдесят, он по-иному мыслит и встречает роковой исход. «Теперь любая смерть мне тяжела. Я провожаю каждого как брата

²⁷ Кулиев К. Избр. произв.: В 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 248.

²⁸ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 16.

в последний путь»²⁹, — писал Кулиев в этом году, думая о том, что приход его старости не за горами. Во многих стихах поэта образ старости и смерти зрим и реален. «Старость для меня ужасная вещь. Я много думаю о ней, — признавался Кулиев. — Смерть близких, гибель людей на войне, стихийные катастрофы в мире — все это остро переживается. И все переживания равны, у сердца нет и не должно быть больше, меньше»³⁰. Только глубокими душевными огорчениями, вызванными потерями лучших друзей, надвигавшейся старостью и болезнями, можно объяснить появление строк:

Я кричу уходящему времени вслед:
— Возврати мне надежды, что были вначале!
Я ответа прошу у безжалостных лет:
— Вы куда моих лучших друзей разметали?
Я вдогонку кричу беспощадным годам:
— Возвратите мне юность, верните мне смелость!
Чтоб легко мне ходилось по милым горам,
Чтоб спокойно спалось и уверенно пелось³¹.

Перевел О. Чухонцев

Безусловно, эти мысли и рассуждения — не дань традиционной теме. Здесь нечто большее, чем печаль об ушедшей молодости, которую теперь ничем не вернуть. Многие говорят записи поэта. Вот одна из таких 1970 года: «И нет покоя, — то есть рабочего состояния, когда все силы души, разума, воображения направлены к одной-единственной цели — к правде о жизни и человеке, к правде искусства.

Хочется мне рассказать о жизни и смерти настоящего горца XX века — он, конечно, и горец XIX века — рыцарь и пахарь, мудрец и поэт. И все звучит в ушах афоризм Энгельса из «Диалектики природы», что «жить — значит умирать»³².

Семидесятые годы — это время, когда у поэта возникло желание обратиться к прозе. Задумок было много. Так, в этом же 1970 году он записал своей рукой названия бу-

²⁹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 42.

³⁰ Кулиев К. Поэзия — жизнь // Литературная газета. 1975. 1 января.

³¹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 43.

³² ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 38, л. 9.

дущих рассказов. К некоторым из них Кайсын дал небольшие пояснения, очевидно, чтобы не забыть. «О Киргизии» (рассказы): «Акын», «Новый дом», «Путник», «В саду», «Рассказ о любви», «Второй рассказ о любви», «Слепой мастер» (детские воспоминания), «На Кошка-Су» (цикл маленьких рассказов), «Камни» (встреча со стариком киргизом, который возил камни для памятника великому путешественнику Пржевальскому). «Это можно сделать хорошо, если хватит пороку», — шутил поэт и продолжал записывать дальше своей рукой: «Шофер» — это молодой парень, он рассказывает в дороге, как он стал шофером. Его работа ему очень нравится, он считает ее очень хорошей, а это самое главное для каждого работника. Вот об этом и надо написать рассказ»³³.

В этом же архиве хранятся довольно подробные разъяснения к повестям и романам, над которыми думал работать Кайсын в конце 70-х — начале 80-х годов, но не знал, что начало 80-х годов станет роковым для его здоровья. Мечты были оборваны смертью поэта в июне 1985 года. В запасе, по мнению поэта, было около 15 лет. Поэтому в начале семидесятого года Кулиев писал: «Повесть о смелых» — это книга об Отечественной войне, о военных парашютистах. О ней я думал все послевоенные годы. На эту тему написано очень мало, повесть моя выношена, парашютистов я знаю, сам был парашютистом. Поэтому думаю, что мне удастся, и я чувствую большую ответственность и необходимость написать такую книгу. План у меня уже есть. Эта книга станет частью давно задуманной мною эпопеи «Горцы», если только мое здоровье и моя жизнь позволят мне написать роман-эпопею»³⁴.

Но здоровье поэта было подорвано ранениями и операциями военного лихолетья, трудными скитаниями периода депортации и духовными травмами, борьбой за выживание в пятидесятых и шестидесятых годах. Он постоянно чувствовал утомление, а плохое состояние здоровья привело его в одну из московских больниц на Мичуринском проспекте. Результатом чего явилось «Стихотворение, написанное в больнице» (1970), посвященное этому врачу.

³³ Там же, оп. 2, ед. хр. 102, л. 2—6.

³⁴ Там же, л. 7.

О чем оно? О страдании, о боли, которую ощущает человек во время операции и после:

Страдание человека! Милосердным
ты делаешь того, кто человек.
Что было домом — стало пеплом серым,
чернейшим снегом стал белейший снег...³⁵

Перевела Б. Ахмадулина

Дни и месяцы, проведенные в больнице, отнимали у поэта время, хотя он пытался работать, будучи на больничной койке. Обычно в больничной палате на столе и стульях около него всегда лежали книги, тетради, блокноты. Естественно, отодвигались замыслы. «По следам героев» — это тоже задуманная повесть о журналистах и писателях на войне. «План есть, эта книга тоже войдет в эпопею «Горцы». — писал тогда поэт. — Если последняя будет написана, то я буду спокоен. Они — смысл всей моей жизни. Эти две книги (он имел в виду «Повесть о смелых» и «По следам героев». — Т. Э.) соединятся в одно произведение, одно продолжит другое»³⁶.

Но ничего из задуманного поэт не успел осуществить. Как не успел написать и роман «Всадник», охватывающий отрезок киргизской жизни 1880—1920 годов. Произведение должно было быть об акыне. «Меня очень интересует образ поэта-импровизатора у народов Средней Азии. Название это никого не должно смущать, — писал Кулиев. — Оно имеет переносный смысл — подлинный певец народа всегда свободен, он не может покорно подчиняться самодурству феодалов. Певца всячески старались унижить, чтобы он стал «пешим», но акын оставался «всадником», т. е. был бесконечно правдив. Это центральная мысль. Ее надо передать через образ, быт народа, через пейзаж страны и пр.»³⁷.

Видимо, Кайсына в эти годы не совсем удовлетворяла поэзия. Он вновь и вновь возвращался к «суровой прозе», которой он решил теперь поверять свои сокровенные мысли и убеждения. Но кроме благородных побуждений у поэта ничего не ладилось. Работа в прозе не продвигалась.

³⁵ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 70.

³⁶ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 102, л. 7—8.

³⁷ Там же, л. 8.

Он это видел и понимал, испытывая нравственные страдания. Вот его записи: «...эту работу я считаю смыслом моего существования. Очень жалею, что у меня нет подходящих условий для ее осуществления и что здоровье у меня плохое. Но если жизнь моя продлится достаточный срок, я осуществляю свой замысел»³⁸. Поэт был уверен, что он напишет книгу «Тень орла», которая была задумана, по его словам, еще в 1940 году, когда поэту было 23 года. Но шли годы, а задуманный роман-эпопея оставался на той же стадии. Объяснение дает сам поэт так: «Вторая мировая война помешала начать работу над ним. После войны тоже разные обстоятельства моей неустроенной жизни мешали приступить к осуществлению моего замысла. Эта эпопея охватывает весьма большой период, целые десятилетия»³⁹.

«Тень орла», по мнению поэта, должна состоять из четырех частей. Первая книга должна охватывать примерно 1910—1917 годы. В ней поэт хотел осветить дореволюционную жизнь горцев Кавказа, их участие в первой мировой войне. Вторая книга посвящалась периоду коллективизации сельского хозяйства, начиная с 1925-го по 1941 год, а в последующих книгах должна быть показана вторая мировая война—с июля 1941-го по 1945 год—и послевоенный период. Кайсын писал, что он хотел бы в этом произведении «отобразить со всей возможной глубиной судьбу большого числа людей, горцев, русских и других. Многие образы уже вычленены у меня в голове... В это произведение я вложу все мои раздумья, опыт, дарование — всего себя.

Если же мне не удастся написать эту вещь, то считайте, друзья, что жизнь моя не имела смысла. Типы и образы этой книги не дают мне покоя, я иногда не сплю ночами. наизусть сочиняя главы своей эпопеи. Если моя болезнь убьет меня и я не напишу «Горцев», то оплачьте меня вдвойне»⁴⁰. Видно, что Кайсына мучила мысль, что он не напишет задуманной книги, и он, безусловно, знал, что ее написать невозможно, хотя и обманывал себя этой иллюзией. И тем не менее снова писал: «Я задумал о горцах Кавказа нечто такое, чего до сих пор нет в литературе.

³⁸ Там же, л. 9—10.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, л. 10—11.

Дай, судьба, дописать мне мою эпопею, а потом пусти мой прах по ветру»⁴¹.

Однако ни один рассказ, ни одна повесть не были написаны в 1970 году. Кулиев в это время жил в Нальчике на проспекте им. Ленина в 3-комнатной квартире. С прибавлением семьи надо было думать о расширении квартиры, чтобы иметь детскую, кабинет для работы, спальню и гостиную. Тем более что у Кайсына почти всегда были люди: гости из Москвы, многочисленные родственники из сел, друзья Эльдара и просто знакомые молодые поэты и начинающие прозаики. Здесь громко говорили, спорили, строили планы на будущее. Кулиев всех привечал, выслушивал, давал советы и практически помогал. Но главное другое: он видел и понимал, что семейная жизнь не ладилась, он не находил в ней успокоения, как это было прежде. В одном он находил утешение: в работе над стихами, когда вечерами наступала тишина и он мог до двух часов ночи спокойно писать, думать над творческими замыслами.

Сколько дум передумать, пока мне идти!
Сколько их у меня еще песен неспетых!
И всегда становлюсь я счастливым в пути,
Город мой, и в закатах твоих, и в рассветах ⁴²,—

Перевел Д. Долинский

писал Кулиев в стихотворении «Я по улице Лермонтова иду...» (1970).

В стихах семидесятого года по-прежнему можно проследить его отношения с друзьями, увидеть в них целую гамму человеческих чувств: дружбы, любви, участия, товарищеского совета, восхищения — в их самом полном развитии. Это стихи-послания грузинскому поэту Теймуразу Чиргадзе «Веселые люди», долгожителю-балкарцу Чокке Залиханову «Чокка», музыканту Георгию Свиридову «Мы слушали музыку», поэту Гамзатову «Письмо Расулу Гамзатову», работнику библиотеки Т. Муратовой «Вечер у горы Машук», строфы памяти Чиковани и Леонидзе «Эта ночь кахетинская вечно со мной...». В стихах Кулиева этой поры дана разнообразная картина человеческих взаимоотношений — от радости встреч с близкими по духу людьми до обид на друзей.

⁴¹ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 102, л. 11.

⁴² Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 54.

Когда меня обидели друзья
И разошлись, то дочью одинокой
У очага не мог согреться я,
И думал я с обидою глубокой:
Пусть собеседники уходят прочь,
Решив, что разговора я не стою!
Я буду говорить с тобою, ночь,
Делясь своею болью и мечтою⁴³.

Перевела И. Лиснянская.

Друзей у Кайсына было, конечно, несравненно больше, чем недругов. И он это знал хорошо. Они не забывали его и, влюбленные в его поэзию, писали о нем: М. Дудин из Ленинграда, Л. Мкртчян, Н. Саакян из Еревана, В. Огнев из Москвы⁴⁴. Нафи Джусойты из Цхинвали по случаю годового праздника писал Кулиеву:

«Приветствую тебя с Новым годом, от души обнимаю! Желаю тебе здоровья, радости, удач и еще раз здоровья, а таланта, доброты и мудрости тебе не занимать!

Будь на коне, брат мой, друг мой, любимый поэт мой!

Твой Нафи. 18 декабря 1970 года»⁴⁵.

Приятным и очевидным фактом было то, что поэзия Кулиева становилась для многих молодых литературоведов предметом научного исследования. Так, карачаевка Н. М. Байрамукова защитила по творчеству Кулиева диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук⁴⁶.

Как и в прежние годы, так и в этот год Кулиев много времени уделял общественной работе. В марте он выступал на Третьем съезде писателей РСФСР⁴⁷, а будучи в Нальчике, принимал участие в заседаниях Союза писателей КБАССР, встречался на вечерах поэзии с земляками, студентами КБГУ и учащимися средних школ, высту-

⁴³ Там же. С. 111.

⁴⁴ Дудин М. Ветер времени // Литературная Россия. 1970. 18 сентября; Саакян Н. Любовь К. Кулиева // Литературная Армения. 1970. № 6. С. 101—102; Огнев В. Несуетное слово поэта // Новый мир. 1970. № 5. С. 242—248.

⁴⁵ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 38, л. 7.

⁴⁶ Байрамукова Н. М. Творчество К. Кулиева: Автореферат диссертации. М., 1970. Она уйдет из жизни в 1995 году, пережив поэта на 10 лет.

⁴⁷ Литературная газета. 1970. 25 марта.

пал по местному телевидению. Так, 27 октября 1970 года он принял участие в телевизионной передаче «Творческая зрелость». Вместе с ним были на съемках директор Кабардино-Балкарского госдрамтеатра Исмаил Рахаев и драматург Аскерби Шортанов.

* * *

Тысяча девятьсот семьдесят первый год Кулиев встретил замечательным стихотворением — «Мир и радость вам, живущие!». Оно известно любителям поэзии, песен, музыки.

Мир и радость вам, живущие,
Не от ваших ли забот
Жизнь идет, земля цветет,
Существует в мире сущее⁴⁸.

Перевел Н. Гребнев

В его родной Кабардино-Балкарии эти стихи распевали. Любимые строфы часто звучали и по радио, и на концертах. Поэт поздравлял с Новым годом людей труда и прославлял их:

Мир и радость вам, живущие,
Всем, кто воздвигает кров,
Сеет хлеб, пасет коров,
Бережет сады цветущие!

Это стихотворное признание — еще одно свидетельство верности народному нравственному, этическому началу. Издревле простой народ видел смысл и мудрость жизни в работе: «Бытует вечность только в простоте, а простота — лишь мудрость и работа». Чувство прекрасного всегда было нерасторжимо связано с трудом людей, их мироощущением. В труде люди испытывали радость, находили эстетическое удовлетворение. Проверенные жизнью строки: «Каменотес искусней, чем актер, вживающийся в роль каменотеса» — давали возможность глубже постичь значение повседневного труда виноградаря и хлебопашца. «...Знал я виноградаря седого. Он был всегда своей работе рад и думал: в жизни смысла нет иного, чем поливать на склоне виноград», — рассказывал о труженике поэт.

⁴⁸ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 145.

В этот год Кулиев написал несколько стихотворений для своего маленького сына Азамата. Ему исполнилось пять лет, и мальчик больше всего любил слушать сказки, которые ему рассказывали или читали взрослые. Вероятно, Кулиеву доставила удовольствие работа над следующими сказками: «Забавная сказка», «Сказка воды», «Азамат и петух», «Сказка солнца», «Зеленая сказка», «Сказка снега», «Зимняя сказка», «Сказка о добром муравье». Для своей первой внучки Лейлы поэт написал стихотворение-колыбельную. Его дочь Жанна была уже замужем и подарила бабушке и дедушке девочку. Имя выбирал сам Кайсын. Для него имя «Лейла» было самым дорогим воспоминанием юности, символом первой любви. Новорожденную так и называли. «Колыбельная Лейле» — это простенькая, нежная песенка о том, что пришла ночь и все уснули. «Спят, как белые подушки, облака, спит недопитая кружка молока. Солнце спит. В траве уснули муравьи. Камни спят. И даже куклы спят твои». В «Колыбельной...» нет никакого пристрастия к традиционной восточной экзотике, поэт не любил ее вводить в стихи, а в детские — тем более. В финале стиха — повседневно бытовой рисунок. Собственно им и заканчивается колыбельная:

Завтра утром все проснется,
Оживет.
Мама девочке платье новое
Сошьет.
Солнце высветит все темные углы,
Сказку дедушка расскажет
Для Лейлы ⁴⁹.

Перевел Я. Аким

Его дочь Жанна Кайсыновна и после брака оставалась на фамилии отца — Кулиевой, но Лейле записала в свидетельстве о рождении фамилию отца-осетина Джигоева. С этой фамилией Лейла поступит в университет Нальчика на филологический факультет и через пять лет получит специальность учителя-филолога, но преподавать русский язык и литературу в средней общеобразовательной школе Лейла не будет. Она выберет другую работу.

⁴⁹ Там же. С. 167.

Всего этого не мог знать тогда Кулиев, как и того, что после его смерти дочь Жанна отдаст много сил, чтобы увековечить память своего отца. Она станет составителем книги «Остаться в памяти людской...» (Нальчик: Эльбрус, 1987), выпущенной к 70-летию со дня рождения поэта, в которую вошли воспоминания известных писателей, критиков, литературоведов, стихи его памяти, а также прижизненные материалы. К 80-летию она тоже подготовит большой труд о Кайсыне Кулиеве. Но все это будет потом...

Семьдесят первый год оказался для Кулиева плодотворным. Он много писал стихов, которые отличались разнообразием тематики, новизной содержания и формы. «Вечер», «Ручьишко к морю так и не пробился...», «К коре чинара я прижмусь...», «Светлячок» — все они отражают глубокие мысли и глубокие чувства автора. Так, стихотворение «Вечер» проникнуто грустными мыслями о неотвратимости бега времени.

Прошел мой полдень, здравствуй, вечер мой!
Длинней ты будешь или же короче,
Нет у тебя вины передо мной,
Неотвратима смена дня и ночи⁵⁰.

Перевел Н. Гребнев

Разнообразие сменяющихся в этих стихах настроений обогащало их содержание и тональность, а умение найти самые конкретные выразительные и нужные слова, кажущиеся такими простыми, позволяло Кулиеву быть убедительным и искренним. «К коре чинара я прижмусь» — одно из таких произведений, в котором поэт говорил о своей любви к родному краю:

Земля родная, ты была
Крылами моего полета.
Земля моя, ты мне дала
Печаль, и радость, и заботу⁵¹.

Перевел Н. Гребнев

Не забывал Кайсын писать и послания своим друзьям. Одним из таких произведений является «Давиду Кугуль-

⁵⁰ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 147.

⁵¹ Там же. С. 149.

тинову», с которым он познал «что такое ветер бедствий, когда он вост, бьет нещадно в грудь». Не забыл Кайсын и такого замечательного человека, щедрого на доброту художника М. М. Герасимова, который, будучи больным, держал на своем столике стихи Кайсына, так как находил в них успокоение. Когда его не стало, Кулиев написал стихотворение, посвященное его памяти,— «Откуда все мой друг узнал — бог весть...» (1971).

В этот год Кулиев продолжал думать о произведениях в прозе, которые он хотел бы создать. В творческих записях сказано, что он решил написать «маленькую повесть об отношении к творчеству, где действующими лицами будут два писателя»⁵². Были замыслы у поэта инонационального характера. «Путь к правде» («Смерть поэта») — одна из таких маленьких повестей. «События разворачиваются,— писал Кулиев,— в Турции. Учитель и ученик — поэты. Ученик талантлив в такой степени, что старый мастер не встречал ничего подобного. Учитель очарован таким талантом, но молодого поэта убивает жандармерия. Совершено огромное преступление — убито светлое дарование. Стареющий поэт потрясен. Он делает определенные выводы из этой смерти»⁵³.

«Сын» — рассказ. После войны я встретил сына моего фронтового знакомого, который был убит на войне»⁵⁴.

«Где-то под Орлом» — рассказ о ребенке, который спал на лежанке дома, когда немецкие танки ворвались в русское село.

«Когда я был чабаном» — рассказ о любимом моем баране, который в драке с другими баранами погиб, сброшенный в пропасть.

«Снежный обвал» — рассказ о моем двоюродном брате Токуше, который был снесен снежным обвалом в пропасть. Произошло это в годы гражданской войны.

«Первый урок» — рассказ о том, как я впервые пошел в школу.

«Над пропастью» — рассказ о том, как в зимний снежный день я, проходя через дубовую рощу над пропастью, поскользнулся и полетел. Я обязательно бы погиб, если бы не помог случай: я уцепился за горную ель, обнял ее

⁵² ЦГА КБР. ф. 852, оп. 2, ед. хр. 102, л. 12.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

и держался, пока меня с противоположной стороны косо́й старик Чоммай не увидел. Он сказал об увиденном лю-
дям. Прибежал родственник со стороны матери Хамид
и спас меня.

«Побег» — рассказ о том, как мы с товарищем бежали
в город учиться, возбужденные рассказами студента-горца,
приехавшего на каникулы домой.

«В снежный день» — рассказ о том, как в горы при-
шла весть о смерти Ленина. Образ старого учителя, образ
ашуга.

«Маленький ашуг» — рассказ о том, как я мальчиком
пел песни на свадьбах, как девушки, для которых любовь
была превыше всего, любили меня и заставляли петь лю-
бовные песни. В одну из них я влюбился, когда мне было
восемь-десять лет. До сих пор помню, что у нее были
очень большие глаза и все время казались влажными. Об
этом стоит рассказать»⁵⁵.

Как видно из этих кратких набросков, Кулиев хотел
рассказать о себе, о своем детстве. Все рассказы были бы
автобиографического характера. Но они не были созданы,
за исключением «Побега», который был опубликован после
смерти поэта.

Делая эти небольшие записи, Кулиев был доволен со-
бой, но недоволен тем, что времени для написания этих
рассказов и маленьких повестей у него не было. Большая
общественная и служебная деятельность мешала его твор-
ческой работе. В мае ему надо было ехать в Казахстан
и выступать там на Шестом съезде писателей республики.
И 25 мая голос Кайсына звучал в зале заседаний Верхов-
ного Совета⁵⁶. Пребывание Кулиева в Казахской ССР ши-
роко отмечалось в прессе⁵⁷. Из Казахстана он вылетел
в Москву, там в Союзе писателей РСФСР предстояла ра-
бота по подготовке пленума съезда. В июне он был
избран в руководящие органы съезда Союза писателей.
Не уезжая из Москвы, он стал писать статью по просьбе
редакции журнала «Знамя» к 150-летию со дня рождения
великого поэта Н. А. Некрасова, «Последние песни» кото-
рого Кулиев высоко ценил как прощальное слово смер-

⁵⁵ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 102, л. 12—16.

⁵⁶ Ленинская смена. 1971. 27 мая.

⁵⁷ О поэзии и литературе // Казахстанская правда. 1971. 30 мая.

тельно больного человека. Статья была опубликована⁵⁸.

Вернувшись в Нальчик, Кулиев увидел на столе своего рабочего кабинета приглашение принять участие в Лермонтовском празднике на священной земле поэтов в г. Пятигорске. Кайсын там участвовал почти ежегодно, выступал. Решил поехать и на этот раз в октябре⁵⁹. В числе писем были открытки от друзей. Ст. Рассадин извещал, что написал о нем статью «Мужество и нежность»⁶⁰, а Левон Мкртчян подготовил статью для «Литературной России»⁶¹, запланирована она на сентябрь. «Это тебе мой подарок ко дню рождения», — сообщал Левон. Кулиев был доволен, он понимал, что его любят и ценят его поэзию. В этот год многие писали о Кулиеве — знакомые и незнакомые, это были те, кто ценил поэтическое слово⁶².

Семьдесят первый год прошел быстро и как-то незаметно для поэта. Было всякое: «дни удач и дни тревог». Последних, пожалуй, было больше. Он болел, лежал в больнице, переживал за исход лечения. В одном из писем к профессору В. Н. Орлову поделился своими горестными мыслями. От него пришло вскоре письмо от 28 декабря 1971 года. В нем Владимир Николаевич поздравлял Кайсына с наступающим Новым годом и писал:

«Пожалуйста, вылежи, сколько скажут врачи, не торопись выписываться... Умоляю тебя: береги себя изо всех сил. Думаю, что мне не нужно говорить тебе, как ты и твой громадный дар нужен нам всем. Ведь самым фактором своего существования ты помогаешь жить тем, в ком еще не угасла душа и не остыло сердце. Все это я говорю без каких-либо обиняков — так, как можно и нужно говорить другу и брату, который верит твоему слову, сказанному от души и по правде. Между нами не может быть никаких условностей, тем более — комплементарностей. Одна чис-

⁵⁸ Кулиев К. Народный поэт России // Знамя. 1971. № 12. С. 212—214.

⁵⁹ Кавказская здравница. 1971. 20 октября.

⁶⁰ Литературная газета. 1971. 8 сентября.

⁶¹ Литературная Россия. 1971. 10 сентября.

⁶² Захаров В. Кайсын Кулиев // В мире книг. 1971. № 8. С. 30—31; Павлов О., Плутник А. На мир смотрите добрыми глазами // Неделя. 1971. № 36. С. 12—13; Львов М. Поэзия России // Кабардино-Балкарская правда. 1971. 24 ноября; Эфендиева Т. Певец земли // Коммунизмге жол. 1971. 3 апреля; Она же. Некрасовские мотивы в творчестве Кулиева // Коммунизмге жол. 1971. 30 ноября; Медведева М. С чего начинается стихи // Коммунизмге жол. 1971. 28 декабря.

тая, святая правда. И только так ты прими все, что я тебе говорю.

Я горжусь нашей дружбой, и можешь быть уверен, что я верен ей во веки веков. Так вот во имя этой дружбы я и говорю тебе: береги себя! Поправься, дорогой мой Кайсын. Надеюсь вскоре увидеть тебя таким, каким привык видеть — добрым, мудрым, душевно открытым, настоящим джигитом.

Обнимаю тебя крепко и братски целую в уста и в очи. Восхищен и душевно тронут прекрасным стихотворением, в котором ты так проникновенно воскресил нашу ленинградскую прогулку. Ты сделал мне драгоценный подарок.

Спасибо тебе, мой дорогой друг, обнимаю.

Володя»⁶³.

Подобных писем Кайсыну поступало много. Письма читателей — это самая объективная критика, честная и правдивая. Вот что писал врач из Курска Бичель от 25 декабря 1971 года: «Выздоровливайте на радость близким Вам людям и почитателям Вашего таланта, Вашего умения видеть «сущность вещей» и проникать в скрытые глубины людских сердец.

Вы — человек с большой буквы, потому что слава не вскружила Вам головы и Ваша безмерная занятость да еще и болезнь не помешали Вам ответить на обращение мое в радио с просьбой о Вашем адресе».

Вера Инбер попросила: «Читайте Кайсына, — имею ли я право служить искусству, наделенное даром видения». Они-то видят, «удивляются, переживают, страдают, радуются, запечатлевают это все и снова и снова одаривают людей. От Вас же обязательно требуется вера в излечение, желание непременно победить болезнь. Вы же написали категорично:

Как орел сквозь тучи взмывает,
Так из бед выходить!
Как гранатой танк взрывают,
Так, беду побеждая, жить!

А это?

⁶³ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 141, л. 1—2.

Я помню: снег был черным.
Так день этот был тяжел,
И, с болью борясь, упорно,
Шатаясь от раны, я шел.

По-видимому, многие пишут Вам о том, что Ваши стихи покоряют искренностью, естественностью, задушевностью, простотой мудрости, что они написаны любовью к людям, ко всему прекрасному в природе и человеке, что в каждом Вашем стихотворении есть кусочек Вашей души и сердца.

Я людям дарил на доброй земле
И песни, и сердце свое»⁶⁴.

Позволим себе привести еще одно прозаическое послание Кулиеву от знакомого ему казаха-писателя:

«Дорогой Кайсын-ага! В глубинах горного Алтая я с особенной теплотой вспоминаю Вас и Ваш светлый образ поэта, бесконечно верного горам. Далеки, очень далеки друг от друга Алтай и Кавказ, но Вас, как и других немногих по-настоящему больших людей, я чувствую всегда рядом, как бы ни было холодно в пути... И хочу Вас впредь всегда видеть таким, какой Вы есть!

Ваш Боронтай»⁶⁵.

Большой неожиданностью для Кайсына Кулиева была женитьба сына Эльдара в 1971 году на поэтессе Белле Ахмадулиной. Ему было только 20 лет, а она была в разводе с первым мужем, имела от него дочь Аню и вообще была намного старше Эльдара. Кулиев был огорчен, он мечтал о молодой снохе-горянке.

Тысяча девятьсот семьдесят второй год был особым годом в жизни советских людей, и в культурной жизни в частности. В этом году, как отмечалось в печати нашей страны, народы Советского Союза, все прогрессивные силы мира должны отметить великую историческую дату — 50-летие образования Союза Советских Социалистических Республик. Эту дату именовали знаменательным праздником торжества идеологии пролетарского интернациона-

⁶⁴ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 165, л. 22—24.

⁶⁵ Там же.

лизма, ленинской национальной политики, дружбы народов, объединенных идеалами коммунизма. В таком пафосном тоне на всех языках народов бывшего СССР об этом писалось и произносилось с трибун. Для этой цели руководители нашего государства мобилизовали все средства массовой информации, искусство в его различных видах, начиная от примитивных лозунгов, большой и малой пластики, кончая литературой, театром и киноискусством.

Кайсын Кулиев, как и все художники нашей страны, тоже славил Великий Октябрь и социалистическую революцию. «Революция дала горцам не только землю и свободу от угнетателей,— писал он в преддверии этой даты,— она распахнула перед ними двери к образованию, к всемирной культуре, она дала возможность горским языкам зазвучать на страницах книг и газет. Все это осенено именем Ленина, все это стало возможным благодаря его учению, его идеям, возглавленной им его партии революции»⁶⁶. Если бы не социалистическая революция, если бы не Ленин, не интернациональное братство народов, то, говорил Кулиев в своей «Горской поэме...», он жил бы, тяжесть скал кланя,

И тлел душой, как уголь у жаровен.
И Лермонтов не встретил бы меня,
И для меня б не ликовал Бетховен...⁶⁷

Перевел М. Дудин

Кайсын Кулиев был талантлив в любом литературном жанре. И его искусство находило горячий отклик в душах читателей, будь то поэма или просто критическая статья. К примеру, возьмем небольшую статью «Москва — символ дружбы и братства», в которой так умно сказано о том, какую роль сыграла столица в судьбе многих людей: «...когда я, сын балкарского крестьянина из Чегемского ущелья, приехал в Москву и поступил в институт, мне не было и восемнадцати лет. С тех пор вся моя жизнь, моя работа, мои надежды связаны с нашей родной столицей... Я впервые побывал в таких театрах, как Большой, МХАТ, Малый, на концертах классической музыки, вы-

⁶⁶ Кулиев К. Масштабом столетий // Вопросы литературы. 1969. № 3. С. 5.

⁶⁷ Кулиев К. Горская поэма о Ленине. Нальчик, 1966. С. 21.

ставках живописи. Какую радость для меня открыла Москва! Я приобщался к великой русской культуре: встречался с крупными писателями и деятелями искусства, слушал Качалова, Остужева... Я не мог предположить тогда, что мои скромные книги будут издаваться в городе, где родился Пушкин...»⁶⁸

Как слова и мысли Кайсына отзывались в душах читателей, видно из их писем. Интересно в этом отношении письмо пенсионера из Томска, датированное 12 февраля 1972 годом. «...Ваша статья в «Известиях» за 20 января сего года под названием «Колосья и звезды», — писал С. К. Успенский, — по праву может быть названа стихотворением в прозе. В ней с большим проникновением и мастерством так хорошо сказано о значении и назначении поэзии, о связях ее с человеческими чувствами, что вновь и вновь открываешь оттенки и нюансы в понятиях о поэзии и проникаешься глубоким уважением и благодарностью к Вашему труду.

Особенно вызывают восхищение теплые строки о Пушкине, об этом непревзойденном стихотворце, о его животворящей поэзии... Мне хочется сказать, что такие статьи и Ваша будущая книга — жизненно необходимы. Они сразу же по своей логике и содержанию обращают на себя внимание, пробуждают любовь к прекрасному, добрые человеческие чувства...»⁶⁹ Они восхищались им и как человеком. Однажды поэт лежал в Московской больнице. В этом же корпусе находилась профессор Надежда Петровна Ченина. Им пришлось несколько раз побеседовать друг с другом. Потом их пути разошлись. Но обаяние личности поэта осталось. Вот что писала она 3 июля 1972 года: «Всего несколько раз мы беседовали с Вами. Но я всегда получала удовольствие от этих бесед, от того, что наши литературные вкусы (начиная с Твардовского) так совпадали.

Позвольте мне сказать Вам еще и то, что мне особенно в Вас понравилось: удивительно гармоничное сочетание яркого, изысканного Востока с хорошей и широкой западной культурой.

Мне всегда нравились Ваши стихи. Я неоднократно

⁶⁸ Кулиев К. Москва — символ дружбы и братства // Московская правда. 1972. 29 декабря.

⁶⁹ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 165, л. 145.

говорила Вам об этом. И вот сейчас, как образованному, взыскательному читателю, мне хочется сказать Вам, что Ваша творческая сегодняшняя деятельность представляется мне большим Вашим творческим взлетом. Я с теплым чувством прочитала Ваши стихи о больнице... Восхищаюсь стихотворением «Дождик». Какая чистота и образность! Умытая, прозрачная природа, неповторимая прелесть Вашей родины.

Как-то я сидела у радиоприемника и прослушала Ваши стихи с повторением о Шопене. Опять я поразились музыкальному ритму Вашего стиха; одним словом, безусловно, — это творческий взлет⁷⁰.

Стихи о больнице, о которых писала Н. П. Ченина, датированы Кайсыном 1972 годом. Они начинаются строкой: «На боль судьба щедрее, чем на милость, порой судьба ко многим людям зла»⁷¹. Они верны по своей сути, потому что отражали реальную жизнь большинства людей, неизбалованных судьбой и знавших отчаянную борьбу за жизнь и за существование. Возможно, поэтому «Стихи, написанные во время болезни» нравились многим, отвечая их тайным мыслям и страхам, которые посещают людей в больнице.

И ты лежишь больной, в полубреду,
Кого-то заклиная всем, что свято,
Что силу дал тебе нести беду
С достоинством, как радость нес когда-то.

Перевел Н. Гребнев

В этот год Кулиев много писал статей по просьбам различных редакций и заказам Союза писателей РСФСР. Во-первых, он хотел написать о культурных взаимосвязях народов СССР по просьбе редакции журнала «Вопросы литературы». Статья посвящалась 50-летию СССР. Под разными названиями он опубликовал ее дважды⁷². Во-вторых, надо было написать предисловия к сборникам

⁷⁰ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 165, л. 168.

⁷¹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 171.

⁷² Кулиев К. Окрыляющий дух новаторства // Вопросы литературы. 1972. № 11. С. 3—15; Он же. Братья // Коммунизмге жол. 1972. 1 ноября. На балк. яз.

стихов М. Дудина, К. Наапета и к книге А. Шомахова⁷³. И конечно, надо было написать статью о Твардовском для книги «День поэзии»⁷⁴. Эти пять статей Кулиев написал, будучи дома еще в начале года, так как знал, что приближавшееся 50-летие СССР отнимет много времени и душевных сил: придется часто ездить по стране и выступать. Он уже получил приглашения из Молдавии, Грузии и других республик и областей РСФСР.

Свой любимый месяц май он встретил в Москве, повидал сына Эльдара, ему шел 21-й год, он учился на втором курсе режиссерского факультета ВГИКа. При встречах с сыном Кайсын, как всегда, просил его серьезно учиться и меньше бывать в компаниях друзей. Он очень тревожился о будущем своих сыновей, иногда корил себя за то, что мало для них сделал, и беспокоился, как они будут жить без него, когда его не будет. Свои мысли и тревоги он выразил в стихотворении «Как всех отцов земли, меня тревожит...»:

Я не могу остаться безучастным
К тому, что будет через много лет.
Коль станут сыновья мои несчастны,
Моя вина: я их родил на свет.

Я не постигнул опыта отцовства,
Сам без отца оставшись с малых лет.
Какое же мне дать им руководство,
Что им сказать, какой подать совет?⁷⁵

Перевел Н. Гребнев

13 мая Кайсын принял участие в концерте «Песни родины моей», который состоялся в Колонном зале Дома Союзов. Здесь он встретил сноху Б. Ахмадулину и просил ее только об одном, чтобы она не позволяла Эльдару бросить учебу, чтобы морально поддерживала его, так как настроение сына и его планы совсем не понравились Кайсыну. За все, что случалось с сыновьями, он корил и упрекал себя. Эльдар слишком мечтал о многом, а трудился мало, и это беспокоило поэта. «Не надо, сын мой, не стре-

⁷³ Кулиев К. Рукопожатие друзей // Дудин М. Все вместе. Л., 1972. С. 5—8; Он же. Наапет Кучак. Лирика. М., 1972. С. 3—17; Он же. Веселый друг детей // Шомахов А. Разведчики. М., 1972. С. 3—6.

⁷⁴ Кулиев К. Быть самим собой // День поэзии. М., 1972. С. 204.

⁷⁵ Кулиев К. Вечер. М., 1974. С. 149.

мись к вершине, ты мал и слаб — я за тебя боюсь» — так думал Кулиев в 1972 году. И писал, обращаясь к Эльдару:

Ты не безвестности страшишь, мой сын,
А славы истинной, тем боле ложной.
Как ни прекрасна белизна вершин,
Жить на вершине долго невозможно ⁷⁶.

Перевел Н. Гребнев

До конца мая Кулиев был в Москве, работал в Союзе писателей. Дел в связи с подготовкой к 50-летию Союза ССР, было много. Позвонив Дудину в Ленинград, он договорился с ним о встрече в Кишиневе и в начале июня выехал в Молдавию. Дудин был уже там, он встретил его, и они вместе отправились в гостиницу. С юбилейными торжествами было много выступлений по радио, телевидению, среди кишиневцев. Здесь проходили дни литературы и искусства. Кулиев уставал физически и духовно, хотя все было расписано по часам, когда работать, а когда отдыхать. Вернувшись в Москву, поэт много писал разных отчетов в ССП, составлял планы юбилейных торжеств. Он был очень занят, поэтому не смог поехать в конце июня вместе с семьей Евгения Борисовича Пастернака в Нальчик, проводив их в аэропорту Быково. После их отъезда Кайсын дал телеграмму Хусею Занкишиеву, сотруднику «Кабардино-Балкарской правды», чтобы он встретил их в Нальчике. Главный редактор газеты Борис Черемисин дал Хусею машину для встречи гостей. Они поселились в Долинске, в турбазе «Кизиловка», в уютном деревянном домике. Когда через два дня приехал Кайсын, он повез их осматривать достопримечательности республики, они побывали на Голубых озерах, в селении Верхняя Балкария. Магомед Мусуков, близкий родственник Хусея, достойно принял редких гостей: в их честь зарезали барана и устроили угощение в живописном месте возле старинной крепости на берегу реки Черек. Затем, возвратившись в Нальчик, они один день посвятили осмотру столицы КБАССР, а на другой день Кайсын повез их в Чегемское ущелье, чтобы отдохнуть в турбазе «Башиль». По пути остановились в Эль-Тюбе — родине Кайсына. За день до их приезда здесь

⁷⁶ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 177.

прошел сильный ливень, в результате чего резко поднялся уровень реки Жылги, и мост был сорван бурным потоком. Проехать на легковой машине было невозможно, и гости почти сутки находились в Верхнем Чегеме. Они общались с местным населением, земляками поэта, любовались красивой природой. Побывав на родине великого поэта XX века Кайсына Кулиева и близко познакомившись с его гостеприимным народом, сын гениального писателя Бориса Пастернака Евгений Борисович понял духовную близость своего отца и Кулиева. Он очень интересовался горными складками Чегемского и Черекского ущелий. Особенно его поразили голые отвесные скалы, вся величественная красота, где родился балкарский поэт. Евгений Борисович понял, почему Кулиев воспел в своей поэзии горы: это колыбель поэта, а его народ гармонично и естественно вписывается в прекрасную и величественную природу Кабардино-Балкарии.

Из Булунгу, уже на грузовой машине, они поехали в турбазу «Башиль». С ними был и Ахия Ахматов, всегда сопровождавший своего друга. В «Башиле» отдыхали несколько дней. Кайсын решил показать гостям красоты не только Кабардино-Балкарии, но и соседней республики Карачаево-Черкесии. Прибыв в Карачаевск, они поселились в семье известного писателя Магомета Хубиева. Он предложил гостям полюбоваться неповторимыми красотами природы своей республики, осмотреть туркомплексы «Теберда» и «Домбай». Их сопровождал поэт Назир Хубиев и другие писатели.

Вот как об этом вспоминает народный поэт Карачаево-Черкесии Назир Хубиев: «Летом 1972 года К. Кулиев, сын Пастернака профессор Евгений Борисович с женой и дочуркой, балкарские писатели Сафар Макитов и Жанакаит Залиханов приехали в Карачаево-Черкесию в гости. Их встречали представители творческой интеллигенции города Карачаевска» (День Республики. 1995. 17 октября). Эти дни оставили много приятных воспоминаний и незабываемых впечатлений: гости увидели, как цветет альпийский луг, хранит молчание ледовый водопад, а стоило им пройти час по горной тропе — и они стояли на леднике. Тогда рядом с Кайсыном они ощутили все: и жаркое солнце, от которого моментально загорают лицо и руки, и студеную воду горных рек Аманауз, Алибек, Домбай-Ельген, и прелесть поляны «Узун-Тала», и редкие

красоты Западного Кавказа — «Архыза». Гости и сопровождавшие их много фотографировались. Вот на одной из них Кайсын запечатлен с двумя братьями — Магомедом и Назиром Хубневыми. Кайсын в светлом костюме, улыбающийся, на фоне густого хвойного и лиственного леса, на солнечной поляне, где легко дышится в наполненном смоляным духом, пронизанном ультрафиолетовыми лучами воздухе, не знающем пыли и посторонних запахов. Супруга Пастернака Елена Владимировна, поднимаясь на канатке, любовалась звонкими речками Аманауз, Домбай-Ельген и Алибек, сливающимися в одну реку недалеко от гостиницы молодежного международного центра «Горные вершины», смотрела на вершины гор Муса-Ачитара, Семенов-Баши, Шайтан-Баши, пик Инэ, которые, как стражи, обступают вплотную долину, охраняя ее зеленый наряд от ветров и стужи, создавая летом прохладу, а зимой — тепло. Канатная дорога, интересные объекты природы, памятники военно-исторических событий и замечательным людям, тропы и перевалы всегда интересовали Кулиева, когда он бывал в горах. Так было и в этот раз. Он многое знал из истории своего родного края и Карачаево-Черкессии, поэтому его было интересно слушать и о Тебердинском заповеднике, и о туристских пешеходных маршрутах, приютах, базах, гостиницах, об альпинистских лагерях и контрольно-спасательных отрядах. Кайсыновские рассказы с примесью народной буйной фантазии были захватывающими и казались удивительно достоверными. Евгений Борисович Пастернак всегда заинтересованно слушал Кайсына и говорил, что местные горцы — старожилы и долгожители, вероятно, позавидовали бы его познаниям в историческом прошлом.

По утрам раньше всех просыпался Кайсын, ходил к источникам минеральных вод, пил натошак целебный напиток и приносил его своим друзьям, доказывая, что ничего нет прекраснее утра в горах и цветка на скале.

Цветок опять цветет,
Как бы твердя беспечно:
На свете все пройдет,
Но что-то в мире вечно,—

декламировал им Кайсын из стихотворения «Цветок на скале». И гости воочию убеждались, что величественная

Балалакая и нависший над ущельем Софруджу — это вечность.

Проводив гостей в Москву, Кулиев стал готовиться к другой встрече — представителей писательской организации Латвии. В августе он встречал участников рейда дружбы, посвященного 50-летию образования СССР. Кулиев познакомил их с красивыми и живописными местами Кабардино-Балкарии: природой Баксанского ущелья, где создан всесоюзный комплекс туризма, альпинизма, горнолыжного спорта и отдыха. Приэльбрусье всем очень понравилось: они восхищались высокогорным климатом, прекрасными ландшафтами, наличием многих источников целебной минеральной воды, богатой флорой и фауной, возможностью заниматься на склонах Эльбруса зимними видами спорта круглый год. Жили гости в гостиницах «Чегет» и «Азау». Кайсын был с ними неотлучно. Писатели и поэты подружились с читателями Кабардино-Балкарии, познакомили их с лучшими своими произведениями. Писатель Айвар Калве говорил: «Для меня встреча с древней землей Кабардино-Балкарии была настоящим праздником. Я занимаюсь проблемами искусства. И естественно, первозданные красоты природы вашего края, ваши энергичные люди выше всех похвал. Каждый день встречаю здесь мужчин, которые освобождали в годы войны от фашистов Латвию. Такие встречи очень важны для меня, они — яркое свидетельство общего пути наших народов и в мирное время, и в годы борьбы с гитлеровцами».

Эта дружба поэтов Прибалтики и Северного Кавказа крепла и развивалась до 1989 года. Распад СССР повлиял на многие культурные процессы бывших республик Союза. Но тогда, в 1972 году, Кулиев искренне переживал радость тесного и длительного общения с латышским народом, когда писал эти проникновенные слова:

О Латвия, твой путь да будет светел,
Благословен и мирен каждый кров.
Пусть никогда не превратится в пепел
Никто отныне из твоих сынов ⁷⁷.

Перевел Н. Гребнев

В цикле стихов о Латвии, на земле которой Кулиев воевал, выражена не только радость победы. Поэт гор-

⁷⁷ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 236.

дился тем, что рядом сражались рука об руку сыновья многих советских народов. Нравственный опыт минувшей войны позволял с особой полнотой проявиться гражданскому темпераменту поэта при осмыслении человеческих судеб и дел, ставших нетленной памятью:

Тебя пришлось мне видеть в дни пные.
Горел песок твой, камень, валуны.
В твоей земле я хоронил впервые
Своих друзей в начале той войны.

Этот поэтический цикл был начат в 1959 году, а закончен в 1972-м. Осмысливая путь своего поколения, жизнь, прожитую в те годы, подробности фронтового быта, Кулиев писал:

В начале той войны так путь был труден,
Что ныне не забыл я ничего.
Я помню: сосны падали, как люди,
Стеная в миг паденья своего.

«Стихи, написанные в Латвии» звучали убедительно, они вобрали в себя реальную историю народного подвига, массового героизма советских людей на берегах Балтики, просторах Украины и Белоруссии, на площадях европейских столиц. И хотя прошло много лет после войны, но память поэта не ослабела, она еще острее стала. Еще ярче выступили образы боевых друзей, проливших кровь на латвийской земле. Кулиев обращался к теме бессмертного народного подвига, как к живому источнику, чтобы яснее ощущался и осмысливался неповторимый образ времени. Оглядываясь на пройденный путь, поэт снова и снова глубоко переживал многократно испытанное чувство горечи и боли за те страдания, которые переносил народ: «И девушки с разбитыми ногами идут, идут по двинскому мосту». Лирический монолог о первых трудных днях войны уступал место воспоминаниям о погибших товарищах и встречах с новыми друзьями, новой Латвией уже в мирное время. Здесь все дорого поэту: и нагретое солнцем море, и живописная природа Юрмалы, и птицы, щебечущие в густой листве, и реки.

Здесь дорого мне все и все любимо:
Зверье, деревья, галька и вода,
Как будто здесь ни пламени, ни дыма,
Ни смерти не бывало никогда.

Поэтические строки, подаренные латышскому народу, подсказаны многолетней дружбой Кулиева с писателями, художниками Латвии. У горского поэта было много друзей-рижан, среди них были поэты Эдуард Межелайтис, Ян Сирмбардис, Имант Аузинь, заслуженный артист Латвии Борис Тихов и другие.

Проводив гостей, Кулиев стал готовиться к выступлениям в Грузии. В октябре там проходили Дни поэзии всех народов нашей бывшей многонациональной страны, посвященные 50-летию со дня образования СССР. Кулиев находился там с 6-го по 12 октября. Начались празднества, как обычно бывало в таких случаях, с возложения цветов к памятнику В. И. Ленину на центральной площади⁷⁸. Вечером Кулиев выступал в Государственном академическом театре им. Шота Руставели. С ним были его друзья Р. Гамзатов, Р. Рза, Е. Евтушенко, М. Бажан, И. Драч и многие другие. Потом они в течение недели посещали города Кутаиси, Батуми, Ланчхути, Сухуми, Маяковский, где были организованы вечера поэзии, встречи с тружениками и интеллигенцией Грузии. Когда-то эти торжественные встречи, выступления нравились поэту, но теперь они утомляли его, и он ждал того момента, когда можно было бы остаться одному в тишине покоя долгожданного вечера. Но и вечерами были шумные застолья и примерно те же речи, что и на официальных приемах в честь гостей и хозяев, правительства и партии.

Кайсын думал о том, что в ноябре ему надо быть в Москве, и, не заезжая в Нальчик, он из Тбилиси выехал в столицу, остановившись, как обычно, в гостинице «Москва». 7 ноября во время демонстрации он выступал с трибуны на Красной площади, приветствуя всех москвичей и гостей столицы СССР. Это была большая честь для поэта. Не все удаивались доверия правительства выступать перед народом в такой день... Хотелось бы отметить, что начиная с 1972 года кулиевское гражданское воодушевление — надо прямо сказать — стало ослабевать. То ли это было связано с разочарованием в идеях партии и правительства, в идеологической деятельности КПСС, то ли с его состоянием здоровья. Конечно, поэт не мог не видеть, как жил народ и как жили «на блаженном острове коммунизма»

⁷⁸ Социалистический Рустави. 1972. 10 октября; Молодежь Грузии. 1972. 14 октября; и др.

работники ЦК и их прислужники. Искренней горячности и глубоких убеждений в социальной справедливости той системы у Кулиева не было. На подобных мероприятиях он старался иногда отмалчиваться, не добиваться поездок и выступлений.

Настроение поэта наглядно демонстрируют строки стихов семьдесят второго:

Что наша жизнь полна трудов и бед,
Что в ней порой тяжка любая малость,
Доподлинно я понял с детских лет,
Когда над грядкой мать моя склонялась.

Я вам не говорил, что просто жить,
Я говорил, что жить живущим надо,
Хоть жить порою — значит слезы лить
От горьких бед и непосильных тягот ⁷⁹.

Перевел Н. Гребнев

Появление подобных строк вполне закономерно, ведь поэт видел не только праздники, но и знал будни народа. О них-то и писал он.

Тысяча девятьсот семьдесят второй год был особенным годом для Кулиева еще и потому, что с 7-го по 12 декабря он побывал во Франции вместе с Расулом Гамзатовым. Они встречались с Жаком Дюкло, были в семье Мориса Тореза, побывали в гостях у писателей Анре Стиля, Луи Арагона, Робера Мерля. В дружеской беседе были затронуты актуальные вопросы литературы и искусства, воспитания молодежи. Эта беседа нашла свое продолжение в завязавшейся затем переписке между Кулиевым и Робером Мерлем ⁸⁰. Касаясь проблемы молодежи и задач писателя по отношению к ней, Кулиев писал в своем письме к Роберу Мерлю: «...нам ведь хочется, чтобы наши дети жили лучше и счастливее нас. Возможно ли это или нет? То, о чем я говорю, касается молодежи не только одной Вашей страны или одной моей родины. Речь идет о детях всех народов». Теоретические положе-

⁷⁹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 176.

⁸⁰ См.: Письмо Кулиева «Может ли устареть оптимизм?» (Окрытое письмо французскому писателю Р. Мерлю) // Литературная газета. 1974. 20 марта.

ния обоих художников о соотношении положительных и отрицательных сторон в интеллектуальной жизни современной молодежи, о позиции художника в осмысленных жизненных явлениях сочетаются с конкретным анализом их творчества, сущностей и особенностей его. «Не нужно забывать,— писал Робер Мерль,— что литература и искусство должны приносить людям большое эстетическое удовольствие. Например, когда Вы в своем письме говорите о «боли раненого камня», я нахожу, что это превосходное выражение. Оно принадлежит искусству, поскольку рождает эстетическое наслаждение»⁸¹.

Будучи во Франции, Кулиев, Гамзатов, Рождественский побывали во многих городах. Были они и в Марселе на встрече со студентами. Кайсыну был задан вопрос:

— На каком языке пишете Вы, мосье Кулиев, и Ваш друг мосье Гамзатов?

— Я — на балкарском, Расул — на аварском.

— И вас так широко читают в Советском Союзе? — удивился собеседник.

То, что за рубежом вызвало удивление и, очевидно, недоверие, в бывшем СССР было привычным явлением. Так, поэзия Кулиева к 1972 году стала достоянием почти всех народов многонациональной страны. Его отдельные стихи и книги были выпущены на родных языках во всех союзных и автономных республиках и стали широко известными. В общей сложности произведения Кулиева были переведены на 80 языков народов Советского Союза и 20 иностранных языков. То же самое можно было наблюдать и в отношении поэзии Р. Гамзатова, прозы Ч. Айтматова и многих других поэтов и писателей национальных республик. «История литературы действительно не знала такого взаимного интереса и уважения, такого взаимного обогащения,— сказал Кулиев на Пятом съезде писателей СССР.— Этим мы обязаны нашей новой, необычайной судьбе...»

Зарубежные поездки способствовали установлению творческих связей и новым знакомствам с писателями и поэтами, с которыми Кулиева связывали многие дела: он находил среди них переводчиков и издателей своих произведений. Это и венгерский поэт Антал Гидаш, и поль-

⁸¹ Ответ Р. Мерля «Дешевые соблазны отрицания» // Литературная газета. 1974. 20 марта.

ский поэт и переводчик стихов Кайсына Витольд Домбровский, арабский поэт Муин Бсису, чехословацкий поэт Вацлав Йелинек, переводчик с русского на немецкий Ф. Больгер и другие.

Поэтическая судьба этого года была благосклонной к Кулиеву. Его стихи были опубликованы в этом году на французском, английском и немецком языках⁸². Значит, они нашли путь к сердцу многочисленных зарубежных читателей. Вот что писал преподаватель русского языка в женской гимназии Альберт Лаврентьевич Расмуссен, американец, проживавший в ФРГ, когда прочитал о Кайсыне статью и его стихи в журнале «Русский язык за рубежом»: «Ваши стихи просто поразили меня великолепной красотой. Ваши мысли о человечестве очень важны для всех народов. Ваша «Женщина, которая купается в реке», не зная зла и смерти, вьюги и зимы, тюрьмы и сумы, должна познакомиться со всеми людьми всех стран!.. Я читаю книги других советских писателей, но Ваши стихи тронули меня больше, чем все другие. Вы действительно открываете свое сердце человеческому горю. К сожалению, в нашем мире есть много горя. Нам надо слушать Вас, дорогого поэта нашего времени. Спасибо за Ваше искусство, дорогой Кайсын Шуваевич! Я желаю Вам вечных успехов! Восхищающийся Вами А. Л. Расмуссен»⁸³.

Были опубликованы стихи Кулиева за рубежом и на еврейском языке. Об этом свидетельствовало письмо, отправленное из Риги 22 октября 1972 года редактором газеты. «...Посылаю Вам экземпляр варшавской газеты «Фолкс Штымэ» с опубликованным в переводе на еврейский Вашего потрясающего стихотворения «В пражском гетто». Этим переводом занимался я. Пусть это будет, так сказать, фундаментом нашей творческой дружбы. Я буду счастлив, если Вы выразите желание продолжать ее. Надеюсь, Вы мне пришлете обещанное стихотворение «Сон», с которым мне также очень хочется ознакомить еврейского читателя»⁸⁴.

Духовное общение между писателями разных стран

⁸² ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 161, л. 2; а также: Газ. «Дружба». ГДР. Берлин. 1972. 23 сентября.

⁸³ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 89, л. 5.

⁸⁴ Там же, оп. 2, ед. хр. 172, л. 5.

способствовало развитию их творчества, взаимопониманию и уважению чужих культур. Так, в предисловии к вышедшему в Болгарии в 1969 году сборнику избранных стихотворений Кулиева составитель и переводчик Н. Христов писал: «...Кайсын Кулиев — сын своего времени. Век долго не думал — оставил ему великое право говорить от имени Человека. Может быть, этим объясняется чувство планетарности в поэзии Кайсына Кулиева. Потому что и слово «Человечество» не имеет множественного числа»⁸⁵.

О том, как высоко ценилось за рубежом кулиевское поэтическое слово, свидетельствовали письма рядовых иностранных читателей. Вот строки из письма Мечислава Кргоуна из бывшей ЧССР: «Читая Ваши стихи, я понял, как страстно Вы любите свою горную прекрасную родину и по праву гордитесь ею»⁸⁶. Марта Вебер писала ему из ГДР: «...Вы стали для меня каким-то образом внутренне близки, стали ближе, как друг, которому можно довериться во многом. Литература то же самое, что музыка: у нее нет границ, и она чувствует себя, как дома, там, где люди исполнены добрых намерений и принимают ее с благодарным сердцем»⁸⁷.

Тысяча девятьсот семьдесят второй год принес Кулиеву удачу в публикации «Книги земли»⁸⁸. На нее сразу были написаны рецензии⁸⁹. Д. Долинский посвятил Кайсыну стихи «Надпись на «Книге земли»⁹⁰. А в начале 1973 года появились рецензии на этот сборник стихов и других читателей и почитателей поэзии Кулиева, в частности Н. Саакян, Н. Кашевой, З. Толгурова⁹¹.

Забегая вперед, скажем, что Воцлав Йелинек, поэт и переводчик стихов Кулиева из «Книги земли», писал ему

⁸⁵ Читатель и современный литературный процесс. Грозный, 1989. С. 249.

⁸⁶ Там же. С. 250.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Кулиев К. Книга земли. М.: Сов. писатель, 1972.

⁸⁹ Султанов К. Жизнь — прекрасный дар // Известия. 1972. 4 декабря; Эфендиева Т. Е. Гимн земле и труду // Кабардино-Балкарская правда. 1972. 10 июня.

⁹⁰ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 163, л. 79.

⁹¹ Саакян Н. Щедрое сердце // Литературная газета. 1973. 18 апреля; Кашева Н. Вечна в мире жизнь // Литературная Россия. 1973. 13 июля; Толгуров З. Любовь к земле и людям // Коммунизмге жол. 1973. 5 января. На балк. яз.

21 января 1975 года: «...я уверен, что Вас как поэта ожидает в Чехословакии успех. Ваши стихи глубоко гуманистические, богатые, как богат Ваш язык. Меня глубоко потрясла сила Ваших стихов»⁹².

В 1972 году ряд организаций снова выдвинули «Книгу земли» на соискание Ленинской премии. И снова Комитет по премиям отклонил эту книгу. Только через два года Постановлением Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР поэту Кулиеву Кайсыну Шуваевичу за сборник стихов «Книга земли» будет присуждена Государственная премия СССР 1974 года. А пока в этом году Кайсыну поступало очень много писем, в которых читатели говорили о силе воздействия его поэзии на них. Так, Людмила Владимировна Чеберяк из Алма-Аты писала в 1972 году: «...Кайсын Кулиев — это поэт моей души. «Юность из тумана мне машет белым рукавом» — это художественный образ, и так сказать мог только настоящий поэт. Я поклоняюсь его поэзии. Однажды и навсегда пленил меня один из верных рыцарей поэзии — Кайсын Кулиев.

Знакомство с поэтом было неожиданным. Читаю как-то его стихотворение: образы Прометея, орла-мучителя... И вдруг: «И я в горах был тем орлом примечен за то, что сердце у меня в огне», — ярко сверкнули в моей памяти эти слова, заставили запомнить имя поэта. Мне повезло: знакомство продолжалось. В «Литературной газете» я прочитала стихотворение «Дон-Кихот» поэта с огненным сердцем. Какое новое слово скажет он, размышляя о рыцаре Печального образа? Стихотворение необычайно взволновало меня. Полет мысли, смятение духа подарили мне поэтические строки о том, что «носитель зла бывает страшен, а Дон-Кихот, как правило, смешон». «О Дон-Кихот, ты никуда не канул, мы все страдаем болью ран твоих» и т. д. Низкий поклон поэту. На нелегких житейских перекрестках как часто нуждаемся мы в таком вот участии.

Я обрела любовь в лице мудрого, гуманного Кайсына Кулиева. Поэт покорила мое читательское сердце, ибо добрые всходы сеет его поэзия...

Кайсын Кулиев — поэт горячий, нежной, беспокойной души, к добру и злу отнюдь не равнодушный... Поэтиче-

⁹² ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 165, л. 164—166.

ская мысль Кулиева в «Монологе» никого не оставляет равнодушным, она созвучна нашим думам и чаяниям, дышит страстью, надеждой, призывом к добру, справедливости... Мудрая муза поэта то радостно сверкает, то рождает печаль, будоражит душу, одаряя ее озарением и светом»⁹³.

Письма приходили отовсюду. Были письма и от киностудий. Так, в письме от 4 ноября 1972 года Центральная ордена Красной Звезды студия научно-популярных и учебных фильмов просила Кулиева прочитать стихи и принять участие в съемках картины в фильме для юношества о поэзии «Что такое стихи»⁹⁴. Поэт уважил просьбу, был на киностудии, принимал участие, старался как мог.

Ноябрь для Кулиева был очень беспокойным. Как только кончились съемки на киностудии, нужно было уже готовиться к выступлению на объединенном пленуме правлений творческих союзов СССР. Пленум состоялся 29 ноября в Большом Кремлевском дворце. Здесь были его друзья-поэты А. Кулешов, Д. Кугультинов, С. Наровчатов. С ними Кайсын сфотографировался на память⁹⁵. Вечером они собрались в номере гостиницы «Москва» у Кулиева, говорили о Болгарии, о днях, проведенных в Софии, о предстоящих делах. Поздним вечером, когда Кулиев остался один, он думал о том, что «день прошел, но с ним не все ушло, осталось то, что совершилось за день, осталось и добро его и зло».

Дневная суматоха отшумела,
Не то что день — почти и вечер сник,
Но все ж осталось сделанное дело,
Осталось то, что за день я достиг⁹⁶.

Перевел Н. Гребнев

Кайсын в этом году успел побывать в Болгарии. Эта поездка была запланирована в прошлом году. Он ждал ее, ему надо было встретиться с переводчиками своих стихов на болгарский язык и с издателями. Уже находясь в самолете, он думал о том, что все ли сможет сделать в этом юбилейном году.

⁹³ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 165, л. 164—166.

⁹⁴ Там же, ед. хр. 168, л. 1—3.

⁹⁵ Литературная Россия. 1972. 1 декабря.

⁹⁶ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 194.

Наш самолет летит над облаками.
Земля внизу, там догорел закат,
Там зреет хлеб, там остывает камень,
Там, за день утомившись, дети спят⁹⁷.

Перевел Н. Гребнев

Спокойный полет позволял думать о минувшем дне. Кайсын вспомнил про письмо знакомого балкарца Таусултана Исхаковича Моллаева, жизнь которого прошла в Стране гор — Дагестане. Его отец, в свое время очень прогрессивный старик, имевший когда-то в Балкарии хутор «Моллаев», сразу же после ограбления во время коллективизации, взяв жену и сына Таусултана, уехал в Дербент — город памятников старинной архитектуры, начиная от цитадели Нарын-Кала, кончая надгробными памятниками и мавзолеями дербентских ханов. Город ему нравился, Исхак бывал здесь и раньше. Он остался здесь навсегда, избрав его второй родиной, обзавелся хозяйством, домом, сыну дал образование. Юноша еще до революции окончил коммерческое училище в Киеве. После смерти отца Таусултан продолжал жить в Дербенте, но думал о родине предков — Балкарии, о которой он знал по рассказам близких. И только после всех потрясений — война, высылка балкарцев, их возвращение — в 1968 году, будучи уже сам в возрасте отца, приехал с сыном посмотреть исконные земли родичей, хотя они ничего не говорили его сыну, не затрагивали никаких чувств мальчика, выросшего в другой республике. Однако Таусултан думал по-другому, вспомнив слова поэта:

У человека должен быть свой дом,
Свой отчий двор, свой мир в краю родном.
Жить человек не может по-другому.
Пусть человек всегда живет в тепле:
В конце концов любовь ко всей земле
Берет исток в любви к родному дому⁹⁸.

Перевел Н. Гребнев

Встреча с родиной — это, конечно, встреча с Кулиевым, ее лучшим поэтом. Таусултан был радушно принят им, погостил в Нальчике, удивился переменам, особенно тому,

⁹⁷ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 179.

⁹⁸ Там же. С. 215.

что увидел в курортной зоне города — Долинске: межколхозному санаторию «Голубые ели», санаториям «Нальчик», «Туркменистан», уникальной водолечебнице «Белореченские серные ванны» с хранилищем минеральной воды и многим другим новшествами. Гулял с Кайсыном по площади 400-летия воссоединения с Россией, смотрел на музыкальный театр и гостиницу «Россия» и думал о том, что здесь когда-то был почти пустырь с нехитрыми базарными постройками и частными домишками-халупами. Тогда-то Таусултан поведал Кайсыну о судьбе своего отца Исхака и рассказал о своей жизни. Сколько таких горестных судеб знал поэт! Ему всегда люди говорили откровенно, как на исповеди, изливали свою душу, иногда каялись в содеянном. Покаяние облегчало их, несло им утешение. В такие минуты о таких людях тоже думал поэт. И это нашло поэтическое отражение в его стихах:

Если слово «совесть», слово «честь»
Ты твердишь с ухмылкой затаенной,
Смейся надо всем, что в мире есть:
Над землей родной, травой зеленой,
Над едой, которую жуешь,
Над водой, которую ты пьешь.
Надо всем, что дорого и мило,
Над негромким именем отца,
Смейся над морщинами лица
Той, что молоком тебя вскормила ⁹⁹.

Перевел Н. Гребнев

«Человеческие судьбы неисповедимы, как пути господни», — подумал поэт и стал читать письмо, которое было датировано 1 августа 1972 года. «Дорогой Кайсын, — читал он. — Моя большая приятельница Лейла Атабекова сообщила мне, что Вы сильно болели. Вам сделали операцию и что теперь чувствуете себя по-прежнему бодро и жизнерадостно. Я этому искренне рад. Вы нужны нам, поклонникам Вашего творчества, Вашей поэзии. А мне близки еще и тем, что Вы мой соплеменник. Я горжусь Вами, как и гордятся все любящие Вас балкарцы. Вот почему хочу, чтобы Вы долго жили, долго творили и приносили нам радость.

Будьте здоровы и счастливы. Если встретите Тимура Шаханова, Хамзата Крымшамханова, Аскера Аппаева, передавайте им мой сердечный привет»¹⁰⁰.

⁹⁹ Там же. С. 180.

¹⁰⁰ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 54, л. 1.

Пока Кайсын читал письмо и размышлял, многие из его друзей заснули. Спал, склонившись на его плечо, и Д. Кугультинов. Ощущая его дыхание, Кулиев подумал:

Не совершится никакого чуда,
Не возвратятся годы, что прошли,
Но если сладко спится — спи покуда,
Уже вдали видны огни земли ¹⁰¹.

Перевел Н. Гребнев

Вскоре самолет плавно приземлился в Софийском аэропорту. Делегацию из СССР в составе: Юрия Грибова, Давида Кугультинова, Виктора Бокова, Кайсына Кулиева, Эмилиана Букова, Петра Заднипруи и Ливну Дамиана — встретили радушно ¹⁰². На другой день началась обычная работа, встречи, выступления, знакомства с издателями и пр.

...В последнее время Кулиев был очень доволен и спокоен: он понял, как много он успел сделать! Поэт был уверен, что поэзию его знают и любят. В этом он убеждался, получая письма читателей, и видел по их содержанию, что его понимают и ценят. Так, содержание письма М. Алексеева, отдохавшего в Приэльбрусье, от 17 февраля 1972 года говорило само за себя: «В ясные дни из своей 513-й комнаты вижу белую папаху Эльбруса, — писал он. — А вчера великан припожаловал ко мне в гости и долго говорил со мной мудрым и славным языком твоих стихов, Кайсын! Не скрою, давно я не испытывал такого наслаждения от поэзии: я и моя жена Галина Андреевна сидели перед телевизором совершенно очарованные.

Хвала творцу, посылавшему нам время от времени (к сожалению, очень редко) таких поэтов!

Будь же здоров и славен, Кайсын!» ¹⁰³

Когда Кулиев приезжал в Нальчик, ему приходилось быть не только воспитателем, учителем своих детей, но и радушным хозяином. Кто бы из знаменитостей ни приезжал в Кабардино-Балкарию, Кайсын был обязан приглашать их к себе в гости. Пригласил он к себе в гости и лётчика-космонавта А. Николаева, который 31 мая

¹⁰¹ Кулиев К. «Наш самолет летит над облаками...», 1972.

¹⁰² См.: Огонёк. 1972. № 25.

¹⁰³ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 7, л. 1.

1972 года своей рукой сделал дарственную надпись на память Алиму и Азамату Кулиевым на титульном листе плана-календаря основных мероприятий¹⁰⁴. Летчики-космонавты не раз приезжали в Кабардино-Балкарию, отдыхали в санатории, оставили на память посаженные ими голубые ели около здания бывшего Дома политического просвещения. Кулиев был в числе людей, встречавших дорогих гостей...

Весь этот год Кулиев упорно работал, много писал стихов. В них было то, что он сам пережил. И главное — болезнь, а значит, больница, боль, страдания.

Моя бывлая спутница — беда,
Привыкшая считать мои потери,
Вот ты опять, как в прошлые года,
В мой дом вошла, не постучавшись в двери,—

Перевел Н. Гребнев

писал Кулиев в 1972 году уже после операции и выздоровления, вновь и вновь переживая то, что с ним было во время болезни. «Стихи, написанные во время болезни», «Моя бывлая спутница — беда...», «Учись у Баха, что в былые годы...», «Тихо умер человек больной...», «Две свечи», «Тысячи дорог я исходил...», «Ушел твой полдень... наступил твой вечер...», «Памяти чегемского пахаря» — все они проникнуты мотивами грусти, боли, смятения души и страхом, что «проходит жизнь, а дальнейе все ближе». Это пугает поэта: «Может, скоро я, лишенный сил, распластаюсь где-то на дороге» («Тысячи дорог я исходил...»). Надо было находить в себе силу воли, мужество, чтобы преодолеть горе и болезни, неустроенность семейного быта и прочие беды. Поэт призывал к этому себя и своих близких в стихотворении «Учись у Баха...».

Печаль твоих невзгод, твоих сомнений
Пусть станет звуком иль строкой живой.
Так поступал боль превозмогший гений
И тот певец — земляк безвестный мой¹⁰⁵.

Перевел Н. Гребнев

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 183.

Несколько особняком, не вписываясь в эту тематику, было стихотворение, посвященное его дочери Жанне Кайсыновне Кулиевой — «След полдня, миновавшего когда-то...» (1972). Обращаясь к дочери с высоты прожитых лет, «к свету своего последнего заката», когда поэт, «усталый от трудов и бед», искал «слова в ночи бессонной», он вспоминает маленькую Жанну, то счастье, которое он испытал тогда.

Меня к истокам возвращает память,
Мне видится, как много лет назад
Тебя, обвившую меня руками,
Несу я из дому в зеленый сад ¹⁰⁶.

Перевел Н. Гребнев

Хотя поэт и дочь стали другими, и «годы не вернешь, как ни зови», Кайсын был уверен, что то чувство останется с ним навсегда, и «не погаснет свет моей надежды, куда светит свет твоей любви».

Мысли о радостном, о «следе полдня, миновавшего когда-то», сменялись печальными размышлениями о наступившей старости и болезни. В стихотворении «Расулу Гамзатову» (1972) он писал:

По-всякому в жизни бывало у нас,
И всякое в жизни случалось.
И снова настал мой нерадостный час.
А силы уже не осталось.

Беседуя со своим другом в «день испытанья, в черный свой час», Кулиев искал утешенья, моральной поддержки у тех, кто был близок ему по духу. В дни болезни поэта они писали ему письма, посвящали стихи.

Собрат мой, я дожил до горького дня,
Но день улыбнулся мне снова,
И снова надежду вселило в меня
Тобой изреченное слово ¹⁰⁷.

Перевел Н. Гребнев

Тысяча девятьсот семьдесят второй год, вопреки всему печальному, что было связано с болезнью поэта, оказался

¹⁰⁶ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 203.

¹⁰⁷ Там же. С. 226.

удивительно плодотворным для него. Все написанное и сделанное им за этот год трудно оценить с точки зрения моральной и физической нагрузки на организм человека. Кроме всех прочих дел, Кулиев занимался, как и в прежние годы, общественной работой, отвечая на письма все-союзного читателя, различных общественных организаций, и т. п. Вот небольшой факт. Учащиеся средней школы № 5 города Ярцева Смоленской области написали письмо от имени организаторов краеведческого музея — они собирали материалы о жизни и деятельности Н. И. Рыленкова. Вот что они писали Кулиеву 14 октября 1972 года: «Как нам стало известно, Николай Иванович хорошо знал Вас и поддерживал связь с Вами до конца своей жизни. Просим Вас прислать воспоминания о нем и другие материалы для музея»¹⁰⁸. Или: ученики школы № 46 города Николаева Николаевской области Украины просили для литературного кружка портрет Кулиева и книгу стихов с автографом. «Мы готовимся,— писали они,— к литературному вечеру «Созвездие равных», посвященному 50-летию СССР. На нем прозвучат и Ваши стихи»¹⁰⁹. И еще: «Патрули революции» пионерского отряда № 4 Всесоюзного пионерского лагеря ЦК ВЛКСМ «Орленок» из Туапсинского района Краснодарского края тоже просили прислать сборник стихов поэта и воспоминания о детстве¹¹⁰. Ученики СШ № 2 поселка Нюрба, Якутская АССР, Ленинский район, по поручению совета «Клуба международной дружбы» просили Кайсына выслать книгу стихов и материалы, показывающие жизнь Кабардино-Балкарии, и т. д. Кайсын отвечал почти всем, посылал свои книги с автографами, альбомы и книги о его республике.

Не мог не ответить Кулиев и на письмо доктора технических наук, профессора Ленинградской военной академии наук Магомеда Катханова, сына известного революционера на Северном Кавказе Назира Катханова, трагически погибшего в годы репрессии. В своем письме М. Катханов делился своими впечатлениями о «Книге земли», приглашая Кайсына к себе в гости в Ленинград. Он писал 23 мая 1972 года: «В Вашей поэзии многое созвучно моим мыслям, моей судьбе, судьбе моей семьи. Есть в ней что-то

¹⁰⁸ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 164, л. 6.

¹⁰⁹ Там же, л. 8.

¹¹⁰ Там же, л. 23.

от глубокой философской обобщенности, когда каждый может найти в ней предмет для раздумий, и особенно тот, кого жизнь во всей ее сложности и красоте провела через многие испытания. Я часто один (но чаще со своим братом Керимом) обращаюсь к образу отца, которого нам довелось намного пережить, и собираюсь постигнуть то, что просто не объять,—слишком все в наше бурное трагическое время по-шекспировски переплелось. Трудно подчас найти те духовные весы, на которых можно взвесить доброе и злое и по результату найти, вернее, не потерять себя. Ваши стихи (особенно «Чегемская поэма») повергли меня в долгие размышления и сопоставления на фоне опыта своей жизни,—жизни, намного превысившей срок жизни отца. И нельзя не удивляться силе судьбы на примере нашей семьи (так и других), как в калейдоскопе, соединявшей светлые и темные стороны времени нашего поколения. Все это звучит в Вашей поэзии — в ней все от жизни, с ее настоящими и мнимыми ценностями. Хотелось бы пожелать Вам и дальше не изменять себе — без себя нет поэзии. Настоящая поэзия — это всегда от личности»¹¹¹.

У Кулиева никогда не было личного секретаря. Всю обширную переписку с читателями, друзьями, вдовами писателей и поэтов он вел сам. Так, получив письмо от Марии Илларионовны Твардовской, Кулиев ответил ей сердечным посланием. 20 марта 1972 года он писал вдове поэта:

«...Благодарю Вас за письмо и книги Александра Трифоновича. Я, конечно, утрудил Вас, но Вы очень обрадовали меня. Все, что касается Твардовского, свято для меня. И это вполне естественно... Вы, Мария Илларионовна, очень добры ко мне, я глубоко уважаю Вас и почитаю. Мне не только посчастливилось есть и пить из Ваших рук вместе с Вашим великим мужем, редчайшим человеком, жившим рядом с нами, но я также был и свидетелем того, с каким мужеством и достоинством держались Вы все долгие месяцы роковой болезни, неотвратимой беды Александра Трифоновича, нашей общей беды. Вы сами — личность и умница, редкая женщина. Я каждый раз про себя восхищался Вашим отношением к творчеству, Вашим пониманием его сущности, Вашим знанием литературы и строгим отношением к ней. Все это

¹¹¹ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 37, л. 1—2.

я говорю Вам по праву человека, к которому Твардовский относился хорошо. Я ведь понимаю, что ничего подобного у меня теперь не будет. На днях я выезжаю в Москву, должен лечь в клинику... Благодарю еще раз, Мария Илларионовна. Низко кланяюсь Вам. Желаю Вам здоровья, всего доброго.

Ваш Кайсын Кулиев»¹¹².

Глубокие духовные узы связывали К. Кулиева и А. Т. Твардовского, наслаждение которого находило отклик в поэтической душе горского поэта, как одного из самых близких ему поэтов нашего времени. Кулиев восхищался его самобытным талантом, внутренним обликом, народной поэзией. В течение многих лет они дружили. С Твардовским Кулиев встречался на поэтических семинарах, традиционных Всесоюзных совещаниях молодых литераторов, на праздниках дружбы и муз, как называли Дни советской литературы, на юбилейных торжествах и съездах советских писателей, переписывался с ним, посылал ему свои книги, просил помощи и совета. И Твардовский всегда находил время поговорить с Кайсыном, посодействовать в публикации. «Мне посчастливилось в течение многих лет пользоваться хорошим отношением Александра Трифоновича, его дружеским расположением ко мне», — вспоминал не раз Кулиев.

В своих многочисленных выступлениях на симпозиумах, в творческих дискуссиях, на встречах со студентами, рабочими заводов Кулиев часто произносил имя А. Твардовского. «Чем старше я становился, — писал Кулиев — тем больше постигал могучую силу, значение и кажущуюся мне непостижимой художественную мощь его поэзии. Он из тех поэтов, для которых родной язык становится таким же священным, как земля отцов, ее хлеб и материнское молоко, сделавшие из нас людей». Кулиев высоко ценил поэзию Твардовского, его многогранный талант, чье творчество действительно помогло людям жить и трудиться, становясь их собственной радостью и болью, их стремлением к лучшему и благородному. Говоря о нем, Кулиев признавался: «Он был нашей творческой совестью. При его жизни я никогда не осмелился назвать себя учеником Твардовского, а когда его не стало, тем более не могу.

¹¹² Там же, оп. 2, ед. хр. 113, л. 1.

Быть учеником такого человека — слишком большое дело. Кто бы осмелился, например, назвать себя учеником Гёте или Пушкина? Я также никогда не старался писать под Твардовского, понимая бессмысленность подобных стараний»¹¹³.

В течение многих лет Кулиев печатался в журнале «Новый мир», который редактировал А. Т. Твардовский. Слова любви и уважения, идущие от сердца, сказал Кулиев о Твардовском в статье «Народный поэт», которую он начал за два месяца до смерти и закончил уже после смерти Твардовского. Эти заметки, по словам Кулиева, — прощание с ним, это горький реквием, слово горского поэта в честь и во славу великого поэта России.

Глубокой силой чувств проникнуто маленькое стихотворение Кулиева «Памяти А. Т. Твардовского», с которым он навсегда простился 21 декабря 1971 года в Москве у Центрального Дома литераторов, где состоялся траурный митинг. Поэтическое обращение к светлой памяти своего старшего собрата по перу было вызвано выражением боли, горечью утраты, которые с годами не проходили. Кулиев долго не мог примириться с мыслью о том, что А. Т. Твардовского нет в живых. Значение стихотворения не в том, что по первому четверостишью можно судить о характере личных переживаний Кулиева, а в том особом смысле, которым наполнены последующие строфы, равные признанию:

Даже по телефону
Теперь не смогу я ему позвонить.
Больше нет у него телефона
И адреса нет.

И голос его никогда не услышу,
Ни слова, ни голоса нет у него.
А я на рассвете и в сумерках
Видю еще белые горы...¹¹⁴

Перевел Я. Аким

«Слово прощания» — это небольшая статья о Твардовском, написанная Кулиевым в Нальчике в 1972 году. Она входит в сборник воспоминаний о Твардовском¹¹⁵. Среди

¹¹³ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 162.

¹¹⁴ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 307.

¹¹⁵ Воспоминания об А. Твардовском. М.: Сов. писатель, 1978. С. 441.

авторов воспоминаний писатели П. Бровка, К. Ваншенкин, Е. Воробьев, Е. Долматовский, Б. Полевой, К. Симонов, И. Соколов-Микитов и многие другие. Составителем сборника была М. И. Твардовская. Эту книгу она подарила Кулиеву в 1978 году.

...Старый год подходил к концу. Кайсын, как всегда, получал много поздравительных писем и телеграмм. Вот что писал ему 19 декабря 1972 года Уйгун: «Дорогой, милый Кайсын! Горячий привет из солнечного Ташкента. Недавно по телевидению весь Узбекистан слушал твою пламенную, сердечную, братскую, взволнованную речь обо мне. Я сам слушал с большой радостью и восхищением. Спасибо, дорогой, за это. Твои слова останутся на века жить, ибо они засняты, запечатлены на киноплёнке, будут сохраняться! Когда ты говорил на своем родном языке, у нас все поняли без перевода, ибо языки наших народов близки и понятны друг другу.

Поздравляю от души тебя и твою семью с наступающим Новым годом. В Новом году желаю тебе большого, как Эльбрус, творческого успеха, счастья, удачи и здоровья!

С братским приветом
твой Уйгун.

19 декабря 1972 года»¹¹⁶.

Поздравляли Кайсына и его друзья-однополчане. Одним из таких боевых товарищей была Мария Федоровна Архарова. Она писала Кулиеву часто. После поздравления она позволила себе сказать несколько слов о его стихах. «Из кавказских поэтов очень люблю стихи Р. Гамзатова и Ваши стихи, Кайсын,— писала она.— Они схожи своим мудрым, чистым и глубоким звучанием. По-моему, главное в них то, что они делают людей лучше. Когда я читаю такие стихи, то во мне все отзывается так, как будто я ощущаю аккорды симфоний Бетховена, а это любимейший мой композитор. И, конечно, я самая горячая поклонница Чингиза Айтматова. Вы правы—это орел. Но и у Вас, дорогой Кайсын, теперь орлиный размах крыльев. Так пусть же всегда сопутствует Вам большое доброе счастье»¹¹⁷.

¹¹⁶ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 163, л. 189.

¹¹⁷ Там же, ед. хр. 169, л. 7.

Это письмо принадлежит женщине старше на несколько лет Кайсына. А вот строки из письма молодой восторженной поклонницы Н. К. Кагиевой: «...Вы редкий человек, дар природы и не только как художник, но и как человек. Вам нет цены. Вам все мы обязаны самым светлым, самым добрым, самым красивым и самым человеческим, ибо Вы излучаете Свет, Добро, Красоту, Человечность и Мужество, высеченные из многострадального горного камня.

Человеческая душа — наивысшее создание природы. В Вас вместились душа самая яркая, самая нежная. А Вы — неисчерпаемый источник Добра и Совершенства. Пусть судьба к Вам будет доброй и справедливой. Я, как и многие, кто знает Вас, благодарна жизни, благодарна судьбе за то, что знаю Вас, за то, что Вы есть на Земле»¹¹⁸.

Поэт глазами читателей — это очень интересная страница его жизни, его поэтической судьбы. Письма читателей явились для поэта опорой осмысления многих жизненных явлений. Он ценил письма за правдивость и искренность, хотя в шутку иногда называл их «тайными агентами» его личной жизни. Конечно, иногда письма служили источниками информации. Вот письмо Наджми Назара, отдохавшего в Ессентуках в марте этого года:

«Дорогой Кайсын! Хотя великие поэты двадцатого века отличаются от великих поэтов девятнадцатого тем, что они не отвечают на письма своих корреспондентов, — шутил он, — но я не мог не придерживаться своей традиции — уезжая из Кавказа, не черкнуть пару слов.

Три радости заставили меня взяться за перо, связанные с твоим именем.

Первая радость: Ахмед Хакимов рассказывал мне недавно о том, что ты вел разговор с ним **обо мне** — спасибо тебе за это!

Вторая радость: в Ялте рассказывали, как ты, находясь в издательстве «Художественная литература» и узнав о том, что ты включен в томик поэтов в единственном числе из балкарцев, спросил: «Почему я один, а где Кязим Мечиев?» А как некоторым этого благородства не хватает! Спасибо тебе за это!

¹¹⁸ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 39, л. 1—2.

Греться радость: твоя «Книга земли» одной ногой стоит на пьедестале высшего звания. Уверен, что на этот раз недоразумений не будет.

Твой Наджми Назар.

29 марта 1972 года»¹¹⁹.

Он точно предвидел: через два года «Книге земли» будет присуждена Государственная премия СССР. Да и сам Кайсын был уверен, что Государственная премия будет им завоевана. В стихотворении «Мне снится молодость моя...» (1972) он писал:

Я радуюсь сиянью дня,
Я чуда жду и верю в чудо.
И нет сомнений у меня,
Ран и недугов нет покуда.

.

Мой белый конь, не отставай,
Беги быстрее по тропам узким
И черному коню не дай
Тебя догнать уже на спуске¹²⁰.

Перевел Н. Гребнев

* * *

Тысяча девятьсот семьдесят третий год начался для Кулиева почти так же, как и прошедший. Государственные и общественные организации продолжали говорить и писать о 50-летию СССР. Так, председатель Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцев, отвечая на вопросы главного редактора «Литературной газеты», сказал, что художественные произведения ныне создаются на 42 языках народов Российской Федерации. «В нашей стране и далеко за ее пределами известны имена крупных мастеров, работающих в автономных республиках и областях РСФСР. Это аварец Р. Гамзатов, якут С. Данилов, башкир М. Карим, кабардинец А. Кешоков, балкарец К. Кулиев, калмык Д. Кугультинов, татарин Заки Нури, чуваш

¹¹⁹ Там же, оп. 2, ед. хр. 140, л. 3—9.

¹²⁰ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 228—229.

Я. Ухсай и др.»¹²¹. Упоминание о Кулиеве в юбилейной речи такого крупного партийного работника — что-то значило! Но для поэта оно не имело уже никакого значения. Теперь о нем писали не просто статьи, а монографии, посвящали целые исследования по его творчеству: кандидатские и докторские диссертации. Так, Т. Е. Эфендиева, кандидат наук, преподаватель кафедры русской литературы Кабардино-Балкарского госуниверситета, написала докторскую диссертацию и повезла ее в Институт мировой литературы им. А. М. Горького в сектор советской литературы для обсуждения. Заведовал сектором член-корреспондент Академии наук СССР Г. Ломидзе. Кайсын написал записку своему ученому другу. Это было 9 апреля 1973 года в Нальчике, в Союзе писателей КБАССР. Он писал:

«Дорогой Георгий Иосифович! Шлю тебе сердечный привет и горячие поздравления. Я один из тех, кто радуется твоим большим успехам.

Мне неоднократно приходилось обращаться к тебе с просьбами, и ты по-братски относился к моим просьбам. Я очень благодарен тебе за это.

Вот снова прошу тебя, дорогой друг, встретиться с нашим литературоведом Тамарой Эфендиевой и посмотреть ее работу. Она этого очень хочет, и я прошу тебя сделать это, если только возможно. Ты извини меня, милый Георгий Иосифович, за то, что мне приходится порой беспокоить тебя. Я хорошо знаю, как ты занят, но большие должны иногда помогать маленьким. Что поделаешь! Окажи внимание нашей Тамаре!

Обнимаю тебя. Будь здоров и счастлив.

Твой Кайсын Кулиев.

9 апреля 1973 года. Нальчик»¹²².

Помог Кулиев в защите диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук и карачаевке

¹²¹ Литературная газета. 1973. 1 января.

¹²² Личный архив семьи Эфендиевых. Г. И. Ломидзе выполнил просьбу поэта: рукопись была обсуждена в секторе советской литературы, на основе ее была опубликована книга «Поэзия жизни» (О творчестве Кайсына Кулиева), а потом будет защищена в свое время и докторская диссертация; ведущим учреждением ее будет Институт Мировой литературы им. А. М. Горького, сектор советской литературы.

Н. М. Байрамуковой, которая в 1975 году опубликовала о нем книгу¹²³. Готовил к изданию литературный портрет о Кайсыне и Ст. Рассадин. Поэт уже прочитал сообщение в журнале «Роман-газета» (1973, № 24) о том, что в 1974 году выйдет его книга¹²⁴. Кулиев считал, что это было замечательным событием в его жизни: такой известный литературовед, критик написал о нем книгу! Рассадин хотел опубликовать свою рукопись в Нальчике, но здесь его работа получила отрицательную рецензию, и книга была опубликована в Москве. И Кулиев, и Рассадин понимали, что была дана необъективная оценка исследованию. «Пусть это останется на совести того, кто так недоброжелательно отнесся к работе своего коллеги,— сказал тогда Кайсын.— Время рассудит, кто прав...»

«Поэзия Кайсына Кулиева — явление резко своеобразное,— писал автор книги.— ...Кулиев — на перекрестке традиций. Его поэзию формировали русская поэтическая классика, народная поэзия балкарцев и вообще горцев, великая культура Востока. Он — поле их взаимопроникновения... Кулиев — явление ярко национальное, он поэт Кавказа»¹²⁵. Краткие и меткие характеристики нравились Кайсыну. Рукопись он прочитал и без всяких изменений и дополнений со словами благодарности отдал Рассадину. В будущем он не будет читать рукописей о себе, предоставив Н. М. Байрамуковой и Т. Е. Эфендиевой, С. К. Башиевой¹²⁶ самим решать, что и как писать о поэте.

Сейчас его радовало то, что подписанная к печати 3 мая 1973 года книга «Звездам — гореть!» в начале июля вышла в свет в хорошем красочном переплете в издательстве «Советская Россия». Поэт любил дарить свои книги друзьям и знакомым. Получив эту книгу, поэт написал следующее: «Тамаре и Салиху Эфендиевым, моим дорогим друзьям. С любовью Кайсын Кулиев. 12 октября 1973 г.»¹²⁷. В январе 1974 года на эту книгу появится рецензия¹²⁸.

7 июля Кулиев был в Москве на Международной кон-

¹²³ Байрамукова Н. М. Кайсын Кулиев. М.: Сов. писатель, 1975.

¹²⁴ Рассадин Ст. Кайсын Кулиев: Литературный портрет. М., 1974.

¹²⁵ Там же. С. 3—4.

¹²⁶ Башиева С. К. В оригинале и переводе: Литературно-критические статьи. Нальчик: Эльбрус, 1990.

¹²⁷ Личный архив семьи Эфендиевых.

¹²⁸ Эфендиева Т. «Звездам — гореть!» // Кабардино-Балкарская правда. 1974. 23 января.

сультативной встрече литераторов, а через три месяца в Москве открывался Всемирный конгресс миролюбивых сил. Литераторы должны были принять в нем участие. В числе многих известных писателей был приглашен на конгресс и Кайсын. После окончания работы конгресса он 20 июля приехал в Нальчик, чтобы 23 июля быть в радиокомитете в связи со звукозаписью его передачи: он сам читал главы из книги «Так растет и дерево». Звукозапись состоялась в тот же день: все было подготовлено, так как работники радиокомитета были поэтом заранее предупреждены, что он в Нальчике будет только один день. В 10 часов утра 24 июля он снова зашел в радиокомитет, чтобы еще раз прослушать звукозапись, билет до Москвы был у него на руках. Здесь уже шла работа над радиокомпозицией «Поэзии звонкое слово» (о лауреате Госпремии РСФСР поэте К. Кулиеве). Автор — литературовед Тамара Эфендиева. Кайсыну предложили посмотреть эту радиокомпозицию. Она была подготовлена на одиннадцати страницах машинописи. Он бегло просмотрел ее, взял ручку с красной пастой и размашисто на последнем листке машинописи этой маленькой рукописи оставил дарственную надпись, число, год. Вечером в этот же день Кайсын вылетел в Москву по делам издательства «Современник», в котором «Книга лирики» была подготовлена к печати в переводе Н. Гребнева ¹²⁹.

Кайсын был доволен изданием и оформлением книги. С выходом книги кончалась особая повышенная деятельность ума и сердца. И так бывало каждый раз, когда поэт брался за издание новой книги. В этом году вышла еще книга избранной лирики на монгольском языке. Кулиеву пришлось много работать с переводчиком. Были опубликованы некоторые стихи на польском языке в газете «Литературная жизнь» (Краков, 9-го грудня). Польский поэт Витольд Домбровский готовил книгу стихов К. Кулиева. Кайсын знал об этом и старался ему помочь в работе над переводами. На «Книгу лирики» в 1973 году будет написана только одна рецензия ¹³⁰.

В августе Кулиев отдыхал в Прибалтике, в писатель-

¹²⁹ Кулиев К. Книга лирики. М.: Современник, 1973. 283 с., с илл.

¹³⁰ Эфендиева Т. Большая любовь поэта // Кабардино-Балкарская правда. 1973. 15 сентября.

ском Доме творчества им. Яна Райниса. Он любил Латвию в эти предосенние месяцы. Здесь у Кайсына, по его рассказам, были прекрасные условия для работы — тишина, уют, чуткая забота обслуги, чудесная природа. Все в Дубултах влияло на хорошее настроение поэта — янтарное море и его побережье, песчаные дюны и приморские сосны, чудесный морской воздух и даже хлопотливые синицы под окном и почти ручные белки на деревьях. «Там было так хорошо жить и работать», — вспоминал не раз поэт. Здесь он написал статьи о Р. Гамзатове, они были опубликованы в Москве и Махачкале¹³¹. Побывал он на юбилее М. Л. Бауман: отмечали 25-летие ее работы в Доме писателей.

Приглашение Кулиев получил еще дома¹³². Нравилось Кайсыну бывать и в Риге. Он хорошо знал новую часть города и Старый город, однажды он посетил могилу Яна Райниса и Братское кладбище, окидывая грустным взором строгую красоту парковой архитектуры и весь торжественный ансамбль. Осенняя, зимняя или летняя Балтика всегда привлекала поэта: здесь были новые, свежие впечатления и легкое одиночество, уединение, позволявшее Кайсыну сосредоточиться, отрешиться от каждодневных земных забот и хлопот. О его настроении лучше всего свидетельствовали строки стихов о Латвии, которые он закончил писать в 1972 году.

В полдневный час нагрето солнцем взморье.
И я босой иду, травой шурша,
Как будто бы вовек не знал я горя
И, словно даль, светла моя душа¹³³.

Перевел Н. Гребнев

«Стихи, написанные в Латвии» ярко передали мироощущение поэта, его успокоенную душу.

Отдохнув и набравшись сил на рижском взморье, Кулиев вернулся к началу сентября домой: надо было подготовить и собрать детей к школе. Алим должен пойти в седьмой класс, а маленький Азамат — в первый. Кайсын

¹³¹ Кулиев К. Восхождение таланта // Слово о Расуле Гамзатове. Махачкала, 1973. С. 213—219.

¹³² ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 107, л. 1—10.

¹³³ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 234.

накупил сыновьям обновки: новые портфели, обувь — и радостный приехал в Нальчик. Дома было более или менее все благополучно. Он всегда переживал, когда покидал сыновей и жену. Мака, как обычно в последнее время, встречала его потоком упреков и вопросов. В таких случаях Кулиев осторожно объяснял ей необходимость близких и дальних поездок. Теперь снова нужно было доказывать ей, что в сентябре он должен поехать в Пятигорск на Лермонтовский праздник, а в октябре уехать в Берлин на Седьмой конгресс писателей. И Кайсын был на празднике поэзии, где он и Адам Шогенцуков стали первыми лауреатами премии М. Ю. Лермонтова. Они сфотографировались на память. Вот они стоят рядом, в строгих черных костюмах, белых сорочках, в галстуках, в руках держат памятные сувениры, оба улыбаются. Николай Маркелов, главный хранитель Государственного музея-заповедника М. Ю. Лермонтова, вспоминал: «Кайсын Кулиев любил приезжать в Пятигорск на Лермонтовские праздники. Приходил в Домик поэта, читал новые стихи. «Сон», «Парус», «Утес», «Горные вершины» — такие названия он давал своим стихотворениям, может быть, под впечатлением лермонтовских шедевров. На протяжении жизни он вновь и вновь возвращался к лермонтовской теме, создав прекрасную поэтическую сюиту: «Вечером, когда гремел гром» («Был на Кавказ он сослан из России»), «Подружка рябины, белеет березка», «Стихи, сказанные в Дарьяльском ущелье», «Мой Кавказ», «Я по улице Лермонтова иду», «Над Бештау тревожны тучи», «Белый парус в морской показался дали» (Кавказский край. 1996. № 37/273, 12—19 сентября). По мнению Кулиева, слова «Кавказ» и «Лермонтов» звучали для него одинаково. «Мне одинаково сладостно произносить их. Так было всю мою жизнь, — писал он. — Так будет до конца моих дней. Когда в ущельях произносится его имя, мне кажется, что навстречу из гнезд вылетают орлы. Горы полны звуками его имени, как ущелье — шумом ливня. Гул его поэм раздается здесь, как гул лавин. Они сродни». Обращаясь к Кавказу, Кайсын писал:

От вершин твоих Лермонтов горестных глаз
все не мог оторвать и, шепча твое имя,
боль свою доверял твоим звездам, Кавказ.
Ты слова его боли считаешь своими.

И не ты виноват, что припал он к тебе
на твоём Машуке и закрыл свои веки.
Был он равным тебе в твоей горькой судьбе.
Стал он вечно твоим, как вершины и реки.

Перевел Д. Долинский

Вернувшись в Нальчик, Кулиев стал собираться на Конгресс. Он понимал: это его работа, там будет публикация его стихов на немецком языке, и он должен встретиться с переводчиком и издателем газеты «Новая Германия». Кроме того, ему писал еще в 1972 году редактор журнала «Зиннунд форм» из Берлина и просил прислать стихи, которые нужно подготовить к X Международным играм молодежи. Вот что он писал: «Глубокоуважаемый друг, разрешите обратиться к Вам с просьбой. Летом 1973 года в Берлине состоятся Десятые Международные игры молодежи и студентов. В этой связи наш журнал намерен посвятить борющейся революционной молодежи специальный номер.

Мы просим Вас направить в Берлин любое свое произведение, которое было бы в том или ином номере связано с темой борьбы молодежи за братство между народами, за мир, социальную справедливость и культуру. Жанр произведения целиком зависит от Вас. Мы будем рады стихотворению, песне, рассказу, эссе, интервью, репортажу и т. п.

Заранее благодарим Вас.

С дружеским приветом профессор, доктор наук Вильгельм Гирнус, редактор журнала «Зиннунд форм». Берлин. ГДР»¹³⁴.

Убедив жену в том, что не всем писателям выпадает такая честь побывать в Германии на Конгрессе, Кулиев выехал в Москву, а потом вылетел в Берлин. Там, выступая, он размышлял о том, что его тревожило и волновало, говорил, что «художник, не поняв языка родной земли, не сможет понять другого, он приходит, если позволяет степень дарования, к человечеству только через образы отчей земли, своего очага, через опыт родного народа»¹³⁵.

¹³⁴ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 172, л. 2.

¹³⁵ См.: Статья С. Хенкеля об участии Кулиева в VII Конгрессе писателей // Газета «Новая Германия». 1973. 18 октября. С. 4.

После окончания работы Конгресса Кулиев вернулся в Москву. Надо было повидаться с сыном Эльдаром, вручить подарки его жене Белле Ахмадулиной, порадоваться рождению внучки, которую назвали Лизой. Так пожелала Белла, жена Эльдара. Аня и Лиза — две сестры, две дочери от двух разных мужей, но ни с одним из них Ахмадулина не создаст прочной семьи, будет воспитывать двух девочек одна.

Из Москвы Кулиев выехал 29 октября в Ригу. Там он должен быть 1 ноября по приглашению бюро пропаганды литературы Союза писателей Латвии, выступить на вечере поэзии и рассказать, как в столице в октябре проходил Всемирный конгресс миролюбивых сил, в работе которого поэт принимал участие. В Риге Кулиев встречался с читателями, он поделился своими впечатлениями от всего услышанного и увиденного на форуме мира, о масштабах его работы, об атмосфере взаимоотношения людей. С большой теплотой Кулиев рассказал о своих встречах с Латвией в суровые годы второй мировой войны, когда он, боец-парашютист, принял на ее земле свое первое боевое крещение.

«Я с большой любовью храню в сердце,— сказал поэт,— живописную природу Юрмалы. Здесь, в Доме творчества писателей в Дубулты, был начат новый цикл стихов».

Вместе с Кайсыном с чтением его стихов выступали поэт-переводчик Н. Гребнев и заслуженный артист РСФСР Я. Смоленский, чье мастерство способствовало успеху этого поэтического вечера.

Борис Тихов, заслуженный артист Латвийской ССР, высоко оценил поэзию Кулиева. Он писал о том, что «его поэтическая муза связана прежде всего с родной Кабардино-Балкарией. Но, как всегда бывает с настоящей народной поэзией, она выходит далеко за пределы родного края. Кайсын Кулиев — поэт сурового мужества, прямой, правдивой речи, и это его высокогражданское чувство вдохновенно прозвучало в стихах, прочитанных на творческом вечере в Риге»¹³⁶.

Из Риги Кулиев приехал домой. До окончания года оставался один месяц — декабрь, который оказался для Кайсына очень беспокойным. Дело в том, что в декабре

¹³⁶ «Советская Латвия. 1973. 2 ноября.

он получил в подарок книгу А. Кешокова «Сломанная подкова» (М., 1973) на суперобложке которой автор написал:

«Кайсыну Кулиеву, чей талант в ножнах мужества, с пожеланием новых творческих свершений.

Обнимаю, жму твою руку.

Алим Кешоков. Декабрь, 1973 г.».

Роман Кайсын с интересом прочитал, авторизированный перевод с кабардинского сделал В. Солоухин. Перевод был хорошим. Об этом произведении много говорили и писали в периодической печати. Идеологические работники Кабардино-Балкарского обкома партии встретили эту правдивую книгу враждебно, появились по их указанию отрицательные рецензии¹³⁷, было спущено «ЦУ» (ценное указание): книгу обсудить и осудить. В НИИ истории, филологии и экономики при Совете Министров КБАССР состоялось позорное судилище, не первое и не последнее в нашей стране (вспомним Б. Пастернака, И. Бродского и др.). Многие местные литераторы дискредитировали себя, они бесстыдно, по указке сверху, нападали на роман Кешокова. Кулиев был на обсуждении председательствующим. Он смело защищал роман, отстаивал позиции своего друга Алима, говорил, что «Сломанная подкова» является одним из лучших его произведений. Ему пришлось выступать несколько раз, убеждать, что книга правдивая и она займет определенное место в кабардинской советской прозе. Кайсын оказался прав. Необъективная критика романа Кешокова не могла коренным образом изменить положительной оценки в общественном сознании людей. Все, кто читал роман, были согласны с другими рецензиями, появившимися в 1973 году, — Л. Якименко («Испытание»), В. Воронова («Стойкость духа...»), Н. Джусойты («Люди чести и подвига»), В. Полторацкого («О людях Кабарды»), Н. Буханцева, Ю. Новикова, К. Селихова, А. Павловского, И. Козлова, Х. Хапсирокова,

¹³⁷ Шортанов А. О романе А. Кешокова «Сломанная подкова» // Кабардино-Балкарская правда. 26 августа; Коммунизмге жол. 1973. 29 августа (на балк. яз.) и Ленинский путь. 1973. 28 августа (на каб. яз.).

опубликованными в центральных газетах, таких, как «Комсомольская правда», «Литературная Россия», «Советская Россия», «Литературная газета», и в журналах «Молодая гвардия», «Нева», «Огонёк», «Литературное обозрение», «Дружба народов».

Алим Кешоков понимал, что если бы роман вышел не в Москве, в издательстве «Молодая гвардия», то местная цензура не пропустила бы его любимое детище. Он два года работал над этим произведением, собрал проверенные факты, был уверен, что книга понравится читателю, но не предполагал, что партийным функционерам не понравится то, как он изобразил их и их поведение в годы всенародного бедствия — в годы оккупации Северного Кавказа периода второй мировой войны.

Кулиеву он был благодарен за моральную поддержку. Идти против местной власти, защищая правду, — не всякий способен, ибо это чревато многими неприятными последствиями. В этот год Кешоков выпустил сборник стихов «Земля добра и винограда» (М., 1973), в котором он посвятил Кулиеву стихотворение. «Мы пили воду из Черема — ты наверху, а я внизу...» — писал Алим и знал, что Кайсын правильно поймет смысл этих строк. Еще в 1965 году, предвидя необыкновенный взлет своего друга, Кешоков писал: «В небольшой, но очень красочной балкарской литературе особое место занимает Кайсын Кулиев. Точно так же, как разлившийся горный поток, не вмещающийся в узкое русло, широко заливаает берега, так его творчество несет свои чистые воды в большую реку советской поэзии»¹³⁸.

Пройдут годы, не будет уже Кайсына в живых, но чувство благодарности со стороны Алима Кешокова останется. Так, на торжественном заседании, посвященном 70-летию со дня рождения Кайсына Кулиева, которое состоялось в Нальчике в музыкальном театре, Алим Кешоков сказал: «Он был для меня честью и совестью. Он высоко ценил дружбу, всегда был открытым и справедливым и никогда не кривил душой. Когда партийные руководители республики стали меня чернить и хотели оклеветать мой роман «Сломанная подкова», то Кайсын во время обсуждения моей книги встал горой в защиту романа, меня и моего творчества. Они пытались лбом прошибить стену,

¹³⁸ Писатели Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1965. С. 96.

лишь бы снизить достоинства моего романа, единственный Кайсын дал им понять, нашим партийным идеологам, что культура и искусство не создаются по указаниям сверху и криками. Против меня в те годы была организована настоящая травля. Кулиев был всегда мужественным человеком и не побоялся сказать правду. Хотелось бы мне сейчас еще отметить один факт его мужественного поступка. Когда был выслан его народ в Среднюю Азию и ему предлагали остаться жить в любом городе, за исключением Москвы и Ленинграда, то он сказал: «Я пойду по дорогам моего униженного и оскорбленного народа».

Наша с ним дружба всегда была искренней и настоящей. Мы часто с ним вспоминали, как вместе сражались на фронтах и как я его, раненного, спасал на Сиваше. Оба мы уроженцы из Чегемского ущелья, и я не преувеличу, когда скажу, что его поэзия останется бессмертной, а его имя сохранится на века в социальной памяти народов»¹³⁹.

Кроме дружбы и взаимопонимания, Кулиев высоко ценил такое чувство, как любовь женщины. В этот год он написал несколько стихотворений этой тематики. Женщина для него — святыня. И он был безмерно счастлив, когда испытывал к ней чувство любви и восхищения. «Женщинам, которых я любил» (1973) — это о тех, которые ему «дарили счастье, как вино, горячо, свободно и мгновенно». «Любовь воспринимается как величайшее счастье,— писал Ст. Рассадин,— не просто потому, что стихи Кулиева — о любви счастливой, взаимной, разделенной. Точно так же его жизнелюбие стойко не потому, что он не видит страданий и не страдает сам»¹⁴⁰.

Женщины, которых я любил,
Ни полслова нет для вас упрёка.
Ты, цветок, любивший одиноко,
Разве солнце чем-нибудь корил? ¹⁴¹

Перевел Я. Аким

Сила поэтических строк о любви заключена в умении Кулиева показать живую диалектику чувства, в котором сливались боль и радость, преодолевалась горькая печаль

¹³⁹ Личный архив семьи Эфендиевых.

¹⁴⁰ Рассадин Ст. Кайсын Кулиев. М., 1974. С. 139.

¹⁴¹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 304.

и страдание неразделенной любви. В этом отношении кулиевское понимание любви близко к известным строкам Щипачева — «Любовью дорожить умеете, с годами дорожить вдвойне». Читаем у Кулиева:

Любовь не только лунный свет в окне,—
Любовь остра, как лезвие кинжала!
То нам легко в спокойной тишине,
То слышится нам грозный гул обвала ¹⁴².

Перевел С. Липкин

В начале семидесятых годов Кулиев полюбил другую женщину. О ней он будет думать и писать стихи. Теперь Элизат Кульбаева будет его поэтической музой. В стихотворении «Рассвет возвещал мне рождение дня...» (1973) ее образ — это не только образ романтических грез, но и реальной земной женщины, которая «вовсе не ангел». Именно такую он любил, которая «стирает белье», колдует над хлебом и пищей. «Ты — женщина, вот оно, имя твоё, и лучшее имя не сыщешь», — итожил поэт. О ней, единственной теперь, думал поэт, когда уезжал из Нальчика.

От дома вдали, на чужой стороне
С улыбкой тебя вспоминаю.
Ты вместе с Чегемом мне снишься во сне,
Как первая радость земная ¹⁴³.

Перевел Я. Аким

Мака Магомед-Султановна почувствовала охлаждение мужа и поняла, что у него есть другая, глубокая привязанность. Это было началом их семейной драмы, длившейся десять последних лет. А Кулиев был счастлив в ожидании встреч с той, которую он полюбил. И то, чего он был лишен, теперь вернулось к нему: он знал, что Элизат понимает его и будет ему помощницей. Теперь он всегда спешил в Нальчик, тосковал о ней и знал, что она встретит его ласковой улыбкой:

А чистый голос твой из тишины,
А руки, встретившие на пороге!

¹⁴² Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 315.

¹⁴³ Там же. С. 299.

Я забывал с тобой мои тревоги,
Всю боль и все мучительные сны¹⁴⁴ —

Перевел Я. Аким

писал Кулиев в 1973 году в стихотворении «Увидев только снега белизну...».

Закономерным представляется и присутствие среди воспетых Кулиевым женщин Регины Даниловны Каффризлянци. Она была ответственным редактором издательства «Детская литература». Через «руки» и ум этой способной женщины прошли такие книги Кулиева, как «Я пришел с гор» (1959), «Горская поэма...» (1963, 1967), «Утренняя сказка» (1964), «Сказка солнца» и «Высокие деревья» (1975). Ей Кайсын посвятил «Стихи, в которых нет ничего нового» (1973).

Где бы ни были мы, у тебя, у меня,
Свет Кавказа в глазах, ослепительный свет.
Нет вкуснее воды, нет добрее огня,
Нет родного Кавказа — и радости нет¹⁴⁵.

Перевел Я. Аким

Эти стихи о Регине и о Кавказе, но больше все-таки о молчаливых чинарах и белых горах («Здесь, в горах, нас баюкала тихая мать, колыбель прижимая горячей рукой»), об алом цвете кизила и белом цветке алычи («Алым цветом кизила на лицах у нас затаились рассветного солнца лучи»), то есть о всем том, что видели в детстве Регина и, конечно, Кайсын, когда жили они в родном доме.

Далекий образ прошедшего детства на Кавказе и сегодняшние взаимоотношения с горским поэтом, когда Регину ничего не связывало с землей предков, были по-новому поняты в этом стихотворении. В письме Кулиеву она выразила благодарность поэту за внимание к ней. «Спасибо тебе, Кайсын! За стихи, за то, что ты такой, а не иной. «Сказочно много вносит честь в общедраматический замысел существования», — писал о тебе Пастернак. Прекрасно написал!»¹⁴⁶

¹⁴⁴ Там же. С. 311.

¹⁴⁵ Там же. С. 301.

¹⁴⁶ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 38, л. 12.

Кулиев, как поэт XVIII века Г. Р. Державин, воспел всех: друзей, соседей, жену, дочь, сыновей, дом, в котором родился, дерево, спасшее его, когда он падал в пропасть, чегемский камень ноздреватый, природу всех времен года, утраты и приобретения. Одним из таких стихотворений является «...А был он просто мой сосед...» (1973). Оно посвящено памяти водителя такси Павла. Кайсын любил постоянство во всем, в людях ценил это качество высоко. Он любил только старую гостиницу «Москва», предпочитая ее высотной «России», любил этого шофера за его приверженность к этой гостинице. С Павлом Кайсын не раз ездил на Курский, Киевский, Ленинградский вокзалы, чтобы встретить или проводить друзей. И когда его не стало, поэт вспомнил его задушевным словом:

...А был он просто мой сосед,
Водил машину. Умер он весной.
Цвели тогда каштаны. В знойный полдень
Играли ребятишки во дворе ¹⁴⁷.

Перевел Я. Аким

К этой грустной теме относились стихи «Свет матери». Памяти Нины Виссарионовны Маргиани (1973). «Мать друга умерла. Еще одна ушла навеки...» — так начинается эта печальная эпитафия. Она о двух матерях, качавших колыбели в Мулахи и в Чегеме.

Мать с матерью всегда — сестра с сестрой.
Нам на Кавказе две горы отныне
Родней всех гор. Под каждой горой
Мы — две печали средь одной долины ¹⁴⁸.

Перевел Д. Долинский

Кайсын хотел успокоить друга Реваза Маргиани через свое поэтическое слово, выразить соболезнование («Ты горе пьешь, Реваз, из речки горя, что уже испил я»). Но, видно, черную печаль не исцелить словами. Поэт это понимал и утешал друга тем, что матери навсегда останутся в сердцах сыновей. Они как Жизнь.

¹⁴⁷ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 315.

¹⁴⁸ Там же. С. 317.

Пока мы живы — живы на земле
И матери в Чегеме и в Мулахи!
Вершина над моею головой
Лучится белизною бесконечно.
Так матерей сердца бросают свой
Бессмертный свет на Жизнь. И это — вечно! ¹⁴⁹

Перевел Д. Долинский

Каждый раз, возвращаясь ненадолго в родные края, Кулиев живо интересовался всем, что происходило в Кабардино-Балкарии. Он был приятно удивлен, когда узнал, что горцы-альпинисты, покорив еще одну безымянную вершину Кавказских гор в Чегемском ущелье, дали ей его имя. Об этом сообщалось в газете в небольшой заметке «Пик Кайсына Кулиева»¹⁵⁰. Это был своеобразный подарок в честь рождения прославленного поэта из Чегемского ущелья.

С живейшим любопытством поэт читал и письма, которые аккуратными стопками собирались у него в кабинете на письменном столе. На этот раз он обратил внимание на письмо Д. Дереч из Винницы, в которое была вложена его рецензия на «Книгу земли». Она называлась «Орлиные крылья». В ней говорилось: «По моему мнению, таких поэтов, как Кайсын Кулиев, в Советском Союзе сейчас не более пяти-шести, а на Украине, к сожалению, с Кайсыном Кулиевым в данное время никто сравниться не может. Были у нас Павло Тычина, Максим Рыльский, Андрей Малышко, которые могли говорить, как поэты всего Союза, но они ушли, а молодые пока что не заменили их...»¹⁵¹

Приятно было читать письмо от Андроникова Ираклия Луарсабовича, который писал: «Часто вспоминаю наши совместные поездки. И встречи — в Белинском, Лермонтове, Пятигорске, Ленинграде. Что за дни были чудесные! И какой чудесный ты, Кайсын! Какой поэтичный, человечный и мудрый без важности! Какой ты простой и какой сложный (в смысле богатый духовно), какой благородный, какой в высшем смысле слова национальный и в высшем смысле общечеловечный! Ты, конечно, боль-

¹⁴⁹ Там же. С. 319.

¹⁵⁰ Советская молодежь. Нальчик, 1973. 9 октября.

¹⁵¹ Дереч Д. Орлиные крылья // Винницкая правда. 1973. 1 февраля.

шая радость нашего века и очень сильный его выразитель...»¹⁵² Эти письма, восторженные и радостные, приходили из Москвы. Улицу Кирова, дом 17 Кайсын хорошо знал и не раз бывал в гостях у Андрониковых. Ираклий тоже числился у Кайсына ближайшим другом.

Заинтересовало Кулиева и письмо профессора Ошского госпединститута Султана Аманкуловича Токтогонова, который в письме от 11 декабря 1973 года просил Кайсына написать воспоминания о своем пребывании в годы депортации балкарского народа в Киргизии. Он собирал материалы для будущей монографии, которую думал опубликовать в 1974 году¹⁵³. Дело это было непростое, и Кайсын задумался над письмом и просьбой. Горькую правду написать — нельзя, а в обтекаемой форме, все сгладить, кое-как — не хотелось. Да и временем особым не располагал поэт.

* * *

«Я себя почитаю счастливым» — так писал Кулиев в конце 1973 года. Пожалуй, и 1974 год был таковым для поэта: радостным и удачным. Почти все исполнилось, о чем мечтал он, чего желал. Во-первых, его «Книгу земли» выдвинули на соискание Ленинской премии и в начале года состоялись обсуждения ее и творческие вечера поэзии. Так, 28 февраля Ученый совет Кабардино-Балкарского госуниверситета поддержал выдвижение этой книги. На нем выступали декан историко-филологического факультета, доцент М. Л. Апажев, секретарь парткома В. Д. Лесев и др. А в начале апреля состоялся творческий вечер Кайсына в Доме культуры Нальчика, на котором общественность, преподаватели и учащиеся профтехучилищ единодушно поддержали выдвижение «Книги земли» на соискание Ленинской премии¹⁵⁴.

Этот год начался для Кулиева с дальних и близких поездок по Союзу. Так, 3 февраля он вылетел в Минск, потому что народному поэту Белоруссии Аркадию Кулешову исполнилось 60 лет со дня рождения. Кайсын спе-

¹⁵² ЦГА КБР, ф. 852, оп. 1, ед. хр. 256, л. 1—2.

¹⁵³ Там же, оп. 2, ед. хр. 153, л. 1.

¹⁵⁴ Кабардино-Балкарская правда. 1974. 4 апреля.

шил на его юбилей, опубликовав о нем статьи в двух республиканских газетах ¹⁵⁵.

После юбилейных торжеств Кулиев выехал в Москву и находился там до 15 февраля. 18 февраля он был уже в Нальчике, написал по указанию сверху маленькую статью «Клеймлю позором»¹⁵⁶. Кайсын всегда стеснялся этой публикации и дал бы многое, чтобы о ней никогда не упоминали. Признание своих вольных или невольных ошибок, нравственное покаяние в совершенной необъективной оценке находим в стихотворении «Я никогда не убивал людей...».

Я никого не предал и не продал,
И все-таки я был причиной зла.
По неразумию в былые годы
Я совершил ошибок без числа.

.

Я часто выдавал за убежденье
Свое непониманье иль вину.
Велик ли прок, что я, как наважденье,
Свои грехи вчерашние кляню ¹⁵⁷.

Перевел Н. Гребнев

Тогда все осуждали А. И. Солженицына, которого после 1965 года в СССР не печатали. Он подвергался резким нападкам властей. А в 1974 году, после появления первого тома «Архипелага ГУЛАГа», он был обвинен в измене родине и выслан за границу. С 1976 года он стал безвыездно жить в штате Вермонт США с женой и тремя сыновьями. Через 20 лет, т. е. в 1994 году, по приглашению приедет в бывший Союз, Российскую Федерацию. Ему окажут царские почести. Никого не встретит из бывших своих недругов. «Иных уж нет, а те далече...» В 1995 году он будет много выступать по ЦТ РФ о социально-политических трудностях обновления, о поднятии культуры и системе образования в России.

¹⁵⁵ Кулиев К. Глубокие корни // Кабардино-Балкарская правда. 1974, 2 февраля; Он же. Народный поэт // Коммунизмге жол. 1974. 2 февраля. На балк. яз.

¹⁵⁶ Кулиев К. Клеймлю позором // Кабардино-Балкарская правда. 1974. 20 февраля.

¹⁵⁷ Кулиев К. Вечер. М., 1974. С. 163.

...22 февраля Кулиев присутствовал на объединенном пленуме правлений Союзов писателей и журналистов в Нальчике, но не выступал. Он сидел и думал о том, что до сих пор не смог ответить на письмо Левона Мкртчяна, отправившего его 23 января из Еревана. Кулиев по его просьбе написал статью «Певцы нашего общего дела» для сборника «Художественный перевод» (Взаимодействие и взаимообогащение литератур) издательства Ереванского университета¹⁵⁸. И снова Мкртчян просил статью об Исаакяне к его 100-летию со дня рождения для сборника «Русские и советские писатели об А. Исаакяне» (Ереван, 1975). Подумал Кайсын и о том, что не ответил до сих пор и на письмо польского поэта Витольда Домбровского, который 15 января сообщал, что стихи Кайсына опубликованы на польском языке в литературном еженедельнике¹⁵⁹ и вскоре будут еще опубликованы в центральной газете польских профсоюзов «Голос рабочего»¹⁶⁰, а потом будет напечатана книга стихов Кулиева. Предисловие и перевод В. Домбровского.

Каждый день Кулиев, когда был в Нальчике, приходил на работу в Союз писателей КБАССР. Так было и 1 марта, когда его ждали знакомые писатели-фронтовики. Среди них был и профессор кафедры русского языка Б. М. Карданов. Ему надо было посоветоваться с Кайсыном о публикации своей книги. Кулиев со всеми поговорил, извинился, что очень занят, и вскоре ушел. Перед этим он подписал книгу избранной лирики «Звездам — гореть!»: «Витольду Домбровскому с сердечной благодарностью. К. Кулиев. 1 марта 1974 г. Нальчик»¹⁶¹. Попросил секретаря отослать эту книгу и письмо по адресу: Польша. 00—163. Варшава, Кармелиска, 15, кв. 33. Витольду Домбровскому.

Весь март был очень напряженным для Кулиева. Так, 9 марта в субботу вечером была организована по телевидению литературная передача о Кулиеве и его «Книге земли», в которой принимали участие артисты драматического театра Нальчика, преподаватели университета и, конечно, сам автор этой книги, а 11 марта, в понедель-

¹⁵⁸ Кулиев К. Певцы нашего общего дела // Художественный перевод. Ереван: ЕГУ, 1973. С. 318—329.

¹⁵⁹ Литературная жизнь. Краков, 1974. 9 грудния.

¹⁶⁰ Голос рабочего. Варшава, 1974. 9—10 марта.

¹⁶¹ Личный архив семьи Эфендиевых.

ник, Кулиев выступил по радио с чтением стихов из этой книги на балкарском языке. 12 марта принял участие в ее обсуждении в большом зале республиканской библиотеки им. Н. К. Крупской. Вел вечер кабардинский поэт Адам Шогенцуков, с докладом по анализу стихов из «Книги земли» выступила доцент кафедры русской литературы университета Тамара Эфендиева. С приветственными словами выступали профессор А. К. Текуев, декан ИФФ М. Л. Апажев, заслуженная учительница РСФСР А. В. Рыжеволова. Стихи читали студенты Т. Петренко, Ф. Гежгиева, Л. Калажокова, Ж. Малкарова и др. После окончания вечера поэт подписал автографы, отдал все цветы студентам, какие ему подарили, и вышел вместе со всеми, направляясь к гостинице «Россия»: там были его друзья из Москвы.

Этот месяц был расписан по часам: где выступать, с кем встречаться. Надо было отвечать и на письма. Так, почти в самом начале марта он получил от Аркадия Кулешова послание «Кайсыну Кулиеву. Все основное сказано, что можно...»¹⁶², в переводе с белорусского Якова Хелемского, и статью «Сила доброты»¹⁶³. Кулешов писал: «...«Книга земли» — так назвал Кулиев одну из новых своих книг. Название это объемно, органично и точно обобщает все созданное поэтом. И, говоря об этой лирической книге, хочется назвать ее, пользуясь любимым образом поэта, яркой сверкающей вершиной. Она — книга, рожденная нашим временем, родной нам землей, любовью человека к человеку, к природе, миру, еще не устроенному, но бесконечно дорогому сердцу поэта... Силой доброты и нежности к людям, к созданному их трудолюбием и борьбой стремится постичь поэт бесконечную во времени, неповторимую по красоте книгу земли — книгу жизни...

Осознавая себя певцом всей нашей необъятной страны, Кулиев как равный с равными обращается к собратьям по перу — к поэтам двадцатого века:

И ныне вам верить дано,
Что ум и любовь бесконечны,

¹⁶² Кулешов А. Кайсыну Кулиеву // Новый мир. 1974. № 2. С. 18—21.

¹⁶³ Кулешов А. Сила доброты // Советская культура. 1974. 5 марта.

Как верит крестьянин в зерно
И каменщик в камень извечный»¹⁶⁴.

В этот год очень часто звучали по центральному и местному радио литературные передачи о Кулиеве и его «Книге земли». О нем много писали в газетах и журналах его земляки — Ад. Шогенцуков, П. Шевлоков, К. Султанов, З. Тхагазитов, А. Алафаев, М. Мокаев, З. Налоев, В. Жарский, В. Лесев, Э. Гуртуев, М. Кармоков, А. Туркаев, Т. Эфендиева и многие другие.

11 апреля 1974 года в «Правде» сообщалось: «В Комитете по Ленинским и Государственным премиям СССР под председательством Н. С. Тихонова открылась сессия Комитета... После обсуждения кандидатур комитет примет решение о присуждении Ленинских и Государственных премий 1974 года». На этот раз Кулиев надеялся получить премию и терпеливо ждал решения. А пока выступал там, куда его приглашали. Так, 1 мая он выступал перед трудящимися и гостями Москвы с Красной площади. Торжественно и величаво звучал его красивый голос.

В Союзе писателей СССР и РСФСР для него было много работы, и он не приехал в Нальчик даже к открытию Дней литературы Волгоградской области в Кабардино-Балкарии 14 мая: он участвовал в это время в работе пленума СП в Москве, но успел приехать к заключительному вечеру Дней литературы, который состоялся 20 мая в доме политпросвещения. Поэтесса Маргарита Агашина ¹⁶⁵ говорила о том, что творчество Кайсына знают и любят волжане, что он был в Волгограде, выступал перед рабочими. В заключение речи она подошла к Кайсыну, дружески обняла его и подарила ему на память последний оставшийся у нее осколок с Мамаева кургана как воину, который храбро сражался за Сталинград — город на Волге ¹⁶⁶.

К выступлениям о «Книге земли» прибавились встречи с избирателями. Дело в том, что Кулиев был выдвинут

¹⁶⁴ Кулешов А. Сила доброты // Советская культура. 1974. 5 марта.

¹⁶⁵ Агашина М. — автор стихотворений-песен «Подари мне платок, голубой лоскуток», «Растет в Волгограде березка», «Что было, то было, скрывать не хочу»...

¹⁶⁶ Кабардино-Балкарская правда. 1974. 21 мая.

кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР и в мае начались встречи с будущими избирателями. Вот концовка его характеристики как общественного деятеля: «Тов. Кулиев К. Ш. был депутатом Верховного Совета СССР пятого созыва, является депутатом Верховного Совета КБАССР, членом Кабардино-Балкарского обкома КПСС, председателем республиканского Комитета защиты мира. Он — член правления Союза писателей СССР, РСФСР, секретарь правления Союза писателей республики». Вот сколько должностей может нести один человек! И все успевать в одинаковой мере!

Очевидно, поэтому рабочие, инженерно-технические работники, служащие республиканского полиграфического комбината им. Революции 1905 года и гидрометаллургического завода выдвинули К. Ш. Кулиева кандидатом в депутаты Совета Национальностей Верховного Совета СССР по Нальчикскому избирательному округу № 536.

Тогда, в 1974 году, начиная с 23-го по 26 мая Кулиеву пришлось много раз встречаться с рабочими, колхозниками, студентами и выступать: выступать в клубе поселка Хасанья, в Прохладненском городском Доме культуры, на республиканском полиграфическом комбинате, на гидрометаллургическом заводе, в университете и т. д., вплоть до 16 июня — Дня выборов. Так, выступая перед студентами КБГУ, Кулиев сказал:

«Дорогие товарищи, друзья, студенты и преподаватели, мне не раз приходилось говорить с вами с этой трибуны. Теперь я выступаю как слуга народа. Понимаю, какая большая честь мне оказана: быть депутатом Верховного Совета СССР. От всей души благодарю наш народ за оказанное высокое доверие.

Понимая значение этого события, хочу вам сказать, что я отдам все силы, чтобы оправдать ваше доверие. Все, чего я достиг, я достиг благодаря нашему народу и правительству.

Хотел бы подумать и оглянуться на то, что представляет мое выдвижение в Верховный Совет СССР. Я родился в таком доме, где никогда люди не держали книги в руках. Ни мой дед, ни мой отец не знали грамоты. И я все-таки получил образование. Дважды учился в Москве: в Театральном институте и на высших литературных курсах. Советская власть дала мне возможность поступить в вуз. Это имело большое политическое значение. Поверь-

те, когда Советская власть открыла школы в наших долинах, ущельях, не было людей, которые умели бы читать и писать. Я благодарен Советской власти, которая дала мне возможность выступить перед вами.

Кязим Мечиев и Бекмурза Пачев не могли себе представить, что у нас везде будут школы, будет сплошная грамотность, высокая культура! Я счастлив тем, что сказка стала действительностью. Для меня, сына чегемского скотовода, безграмотного пастуха,—великая честь, что во всех союзных республиках вышли мои книги. Нет такого европейского языка, где бы не были переведены мои стихи!

Сегодня наша литература сделал гигантский шаг. Многие писатели нашей страны перешагнули рубежи Родины, они известны во всем мире.

В эти дни июня у меня были встречи с работниками сельского хозяйства, рабочими. Сейчас выступаю перед вами. Выше молодежи нет ничего. С нее начинаются открытия и в науке, и в искусстве, и в области литературы. Вы являетесь именно такими людьми. Всегда славьте молодость, поэты! И я всегда славлю ее!

Поэт, художник могут умереть, но молодость вечна, а следовательно, нет конца жизни! Вы действительно знаете о больших достижениях во всех областях науки и культуры. Но чтобы заниматься наукой, нужно иметь крышу над головой и хлеб. Мы имеем это! В области экономики наша республика в прошлом была отсталой окраиной. Теперь на ее знамени ордена «Дружбы народов», Ленина, «Октябрьской революции». Четыре высоких награды имеет республика. Я горжусь этим. Думаю, что и вы рады этому, как и я».

Свою пылкую речь Кулиев закончил так, как полагалось будущему депутату: «Проведем выборы празднично, в единении. Я все сделаю, чтобы оправдать доверие партии и народа... Да здравствует нерушимый блок коммунистов и беспартийных!»¹⁶⁷

Примерно такая же концовка речи была у Кулиева, когда он выступал перед избирателями гидрометаллургического завода. На встречу с поэтом пришли и труженики заводов железобетонных изделий, треста «Каббалксельстрой», «Стройдеталь», треста «Каббалкпромстрой» и др.

¹⁶⁷ Личный архив семьи Эфендиевых.

О Кулиеве говорили и его доверенные лица, и присутствующие рабочие и служащие. Так, лаборантка гидрометаллургического завода Зарема Кумышева сказала, что молодежь особенно ценит поэтическое слово и с вниманием следит за творческими успехами Кулиева, от души радуется его всенародной славе и всеобщему признанию как в нашей стране, так и за рубежом.

Тепло поблагодарив присутствующих за оказанное ему доверие, Кулиев заверил, что он «отдаст все силы и творческие способности служению Родине»¹⁶⁸.

От таких однотипных выступлений в период выборной кампании Кулиев очень устал, но необходимость и долг заставляли его вновь и вновь встречаться с избирателями. В один и тот же день ему приходилось выступать несколько раз. Так, 28 мая с трех до пяти часов он был на встрече с избирателями санатория «Грушевая роща» в Долинске, а в шесть часов вечера он должен быть в зале республиканской библиотеки им. Н. К. Крупской. Здесь в связи со Всесоюзным праздником поэзии — к 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина — состоялся музыкально-поэтический вечер. На это мероприятие приехали гости из Москвы, Украины, Белоруссии, Латвии, Калмыкии — писатели и поэты Гарольд Регистан, Алексей Марков, Елена Николаевская, Марина Тарасова, Евгений Антошкин, Дина Красновская, Евдокия Лось, Имант Аузинь, Иван Драч, Бен Джибинов, Давид Кугультинов. Кулиев немного опоздал. Когда он на «Волге» подъезжал к библиотеке, председательствующий А. Шогенцуков уже заканчивал речь перед присутствующими. Кайсын быстро поднялся на второй этаж, с букетом цветов в руках вошел в зал и под гром аплодисментов устремился к Евдокии Лось, подарив ей цветы. Поэт сразу внес какое-то оживление и облегченность в атмосферу вечера. Его пригласили в первый ряд президиума, но он скромно уселся во втором ряду с Еленой Николаевской и Мариной Тарасовой. Кайсын стал им тихо что-то рассказывать, каждый раз наклоняя голову то к одной, то к другой. Он был в отличном настроении, никакой усталости в нем не чувствовалось. Оказалось, что в санатории «Грушевая роща» ему очень понравилась встреча с избирателями: веселые и приятные люди, в основном женщины, мило читали сти-

¹⁶⁸ Кабардино-Балкарская правда. 1974. 29 мая.

хи любимых поэтов, в том числе и Кулиева, не задавали много вопросов, одарили его улыбками, цветами и ласково проводили поэта на пушкинский праздник. И вот он здесь, среди своих литераторов—Сафара Макитова, Салиха Гуртуева, Магомета Мокаева, Кашифа Эльгарова.

Кулиев с воодушевлением говорил о Пушкине, сказал, что «вот уже 40 лет он читает Пушкина и не перестает удивляться чуду его поэзии». Потом он читал любимые стихи Пушкина и свои, посвященные великому поэту. 4 июля выступление Кулиева почти полностью передавали по центральному радио из Москвы.

В связи с Днями советской литературы в Казахстане Кулиев вылетел в Алма-Ату и 20 июня уже выступал на торжественном заседании в столице Казахской ССР ¹⁶⁹. Здесь он встретился с Ч. Айтматовым, тоже прибывшим по приглашению ¹⁷⁰. На другой день в составе делегации он выступал в колхозе им. Джамбула, где жил когда-то великий акын, посетил мавзолей, дом-музей Джамбула, видел яблоневый сад, посаженный руками акына, а 22 июня Кайсын выехал в Абайский район Семипалатинской области на традиционный праздник чабанов ¹⁷¹. Кайсын с удовольствием слушал состязания акынов, любовался народными играми, танцами, пением, лихими скачками. Возможно, тогда у него возник замысел написать цикл стихов «Половецкая луна» (1974) о своих предках половцах.

И может быть, в том танце непрестанном
Кружилась всех свободней и смелей,
Красивей всех лицом своим и станом
Прабабушка прабабушки моей ¹⁷².

Перевел М. Дудин

Лирика Кулиева семьдесят четвертого года — светлая, жизнеутверждающая. В ней, очевидно, много от того, как и чем жил поэт в этом году. Жизнь для него, что называется, была ключом. Поэт еле успевал бывать везде, где его хотели видеть и слышать, еле успевал закончить свое

¹⁶⁹ Вечерняя Алма-Ата. 1974. 20 июня.

¹⁷⁰ Казахстанская правда. 1974. 22 июня.

¹⁷¹ Литературная газета. 1974. 26 июня.

¹⁷² Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 340.

выступление в одном месте, а его уже ждали в другом, поэтому сентябрь был таким же напряженным для него, как июнь и июль. Так, с 3-го по 7 сентября он принимал участие в пленуме правления Союза писателей СССР. На пленуме были представители писательских организаций из Франции. Кайсын ждал, что приедет Робер Мерль, но он не вошел в состав делегации. Кулиев познакомился с французским писателем Ив Гандоном, с ним он разговаривал на темы, близкие им обоим. На память о встрече они сфотографировались ¹⁷³.

Участвуя в работе съезда, Кулиев находил время съездить в радиостудию на звукозапись: 12 сентября он должен был выйти во всесоюзный эфир. Сюда приходил и его друг М. Дудин. Он тоже должен был выступить по центральному радио о Кулиеве, а после них артист Михаил Ульянов должен был прочитать кулиевские стихи. Работники радио вели запись с каждым отдельно. Кайсыну было интересно прослушать все в определенной последовательности. Поэтому 12 сентября, в четверг, Кулиев и Дудин уселись в кресла в своем номере гостиницы «Москва» и в 10 часов утра прослушали всю передачу. Она им очень понравилась, и в хорошем настроении они спустились вниз, чтобы позавтракать в ресторане.

Через пять дней они вылетели в Румынию, к ним должен был присоединиться Р. Гамзатов. А в Нальчике 17 сентября начал свою работу VII съезд писателей республики. Первый раз Кулиев не присутствовал на съезде, но его имя постоянно упоминалось и в докладе А. Шогенцукова, который подробно остановился на этапах развития творческого пути поэта, и в выступлениях многих других, присутствовавших на этом съезде.

Из Бухареста Кулиев вернулся в Москву и сразу пошел в издательство «Художественная литература»: книга Ст. Рассадина «Кайсын Кулиев» была подписана в печать 10 августа. Она уже поступила в продажу. Позвонив Станиславу Борисовичу и поблагодарив его за такой замечательный подарок, Кайсын в центральном книжном магазине купил несколько экземпляров этой книги (стоила она 31 коп.!) и отправился в гостиницу, чтобы спокойно почитать о самом себе, но глазами и душой Станислава

¹⁷³ Литературная газета. 1974. 4 сентября. С. 2.

Рассадина. По дороге он зашел в некоторые книжные магазины и приятно был удивлен, что его книга стихов «Вечер» (М., 1974), которая поступила в продажу в конце апреля, уже раскуплена. Свои авторские экземпляры Кайсын получил давно, подписал и с автографом отослал своим друзьям. В одном из них он написал: «Салиху Эфендиеву с любовью. К. Кулиев. 24 мая 1974 года»¹⁷⁴.

На эту книгу вскоре были написаны рецензии Я. Козловским и Т. Эфендиевой¹⁷⁵.

Перед отъездом из Москвы Кулиев побывал в издательстве «Детская литература», поговорил с ответственным редактором Р. Д. Кафриэльянц. Они готовили избранные стихотворения для сборника «Высокие деревья», который был запланирован на 1974 год, последний квартал. Сборник стихов был сдан в набор 14 мая этого года, но работа затягивалась, и Регина Даниловна ничего не могла сделать: были более спешные издания. Выяснив все вопросы с изданием, Кайсын вылетел в Нальчик и 2 октября был уже на работе в Союзе писателей, просматривал довольно обширную корреспонденцию, накопившуюся за дни его отсутствия. Письма приходили из разных концов Советского Союза. Читая письма, он делал на полях заметки «Срочно ответить!» и откладывал себе в папку. Другие письма складывал в ящик стола. Сообщение оргкомитета по проведению юбилея 100-летия со дня рождения Д. Гулиа Кайсын отложил в ящик стола: время еще было и можно повременить. Прочитал письмо Р. Кармысова. В нем была его заметка «Как Эльбрус и вершины Алатау» — о пребывании Кайсына в Казахстане¹⁷⁶. Было и письмо от Н. С. Тихонова с его предисловием к сборнику стихов «Высокие деревья»¹⁷⁷. Андрей Вознесенский писал, что из всех стихов, напечатанных в последнее время, ему запомнился аналитический эпос Кулиева¹⁷⁸.

Когда Кайсын просматривал письма, к нему зашел В. Г. Кузьмин и подарил ему свою книгу «Мой дом —

¹⁷⁴ Личный архив семьи Эфендиевых.

¹⁷⁵ Козловский Я. Высокий небосвод // Литературное обозрение. 1974. № 9. С. 45; Эфендиева Т. «Прошел мой полдень, здравствуй, вечер мой...» // Комсомольское племя. Грозный. 1974. 18 июня.

¹⁷⁶ Вечерняя Алма-Ата. 1974. 24 июня.

¹⁷⁷ Тихонов Н. С. Мужество и нежность // Литературная газета. 1974. 14 июня.

¹⁷⁸ Литературная газета. 1974. 25 сентября. С. 6.

не крепость» с дарственной надписью, сообщил ему грустную весть, что писатель Керим Отаров тяжело болен. Кайсын сразу отложил все дела и пошел его навестить. С ним в годы войны Кулиев переписывался, потом оба были спецпереселенцами, знали тоску изгнания. «До отъезда в Москву надо было повидать его», — думал Кайсын, подходя к спецполиклинике. Грустное было свидание. Керим Сарамурзаевич страдал большой одышкой, мало ходил, постельный режим ему очень надоел. Кулиев старался ободрить поэта, рассказывал ему об общих знакомых, о работе. Это было их последнее свидание. 7 октября Кулиев вылетел в Москву, а через пять дней снова вернулся в Нальчик. 13 октября 1974 года на 63-м году жизни скончался народный поэт Кабардино-Балкарии К. С. Отаров. Об этом сообщал секретариат правления Союза писателей РСФСР в маленькой информации¹⁷⁹. В понедельник 14 октября были похороны и состоялся траурный митинг у могилы поэта на городском кладбище в Затишье. Кулиев присутствовал на похоронах своего друга, сказал взволнованные слова и навсегда с ним простился. Выразил соболезнование вдове, забегаая вперед, скажем, что она пережила поэта на 20 лет.

А дома снова ждали неотложные дела: надо было увязывать книги, упаковывать вещи, так как Кайсыну вручили ордер на получение четырехкомнатной квартиры в самом лучшем районе Нальчика — в ореховой роще, по улице Карашаева. Поэт выбрал сам квартиру на втором этаже. Мобилизовал своих сыновей, близких друзей, чтобы быстрее перебраться в новую квартиру. И все уговаривал жену, чтобы она подождала немного, пока он вернется из предстоящей поездки. Убеждал ее, что все будет хорошо и надо радоваться жизни, не обращать внимания на временные трудности.

Что есть дом у нас, пусть не хоромы,
Что не слепы мы с тобой, не хромы,
Что здоровы дети, слава богу!
Что скрипим на свете понемногу,
Что наш день — то холоден, то жарок,
Ты прими все это как подарок.

¹⁷⁹ Литературная газета, 1974. 16 октября.

Перевел Н. Гребнев

Только на один день Кулиев поехал в Пятигорск. Там седьмой раз проводился Лермонтовский праздник поэзии, и ни разу Кайсын его не пропустил. В зале городского театра в связи с 160-летием со дня рождения Лермонтова Кулиев выступил, читал любимые стихи поэта, потом слушал выступление своего друга М. Дудина ¹⁸¹. Они поделились друг с другом планами о предстоящих неотложных делах, пожелали друг другу удач, и Кайсын вернулся в Нальчик ¹⁸². Он уже знал, что его «Книга земли» удостоена Государственной премии СССР, нужно было подготовиться к торжествам и встречам гостей в Нальчике. Поэтому до 18 октября он находился дома. После вылета в Ригу: Латвия праздновала 30-летие освобождения от фашизма, на торжества были приглашены участники боев за освобождение Риги и те, которые были здесь в начале войны. Бывший боец-парашютист Кулиев, участвовавший в боях на латвийской земле в 1941 году, тоже был в числе гостей. Ему было что рассказать.

6 ноября Кулиев был в Нальчике. Днем в Курзале состоялся концерт артиста Махмуда Эсамбаева. «Свой танец,— сказал знаменитый танцор перед публикой,— я посвящаю поэту Кайсыну Кулиеву. Поздравляю его с высокой наградой: присуждением ему лауреата Госпремии СССР за «Книгу земли». Она получила широкое признание у советских читателей и заслуженно оценена правительством». Кулиев и Эсамбаев обнялись под громкие аплодисменты зрителей. Концерт начался в 12 часов дня.

Вечером этого же дня, в среду, вечерним рейсом Кулиев вылетел в Москву, а 7 ноября днем выступал по центральному радио, читал стихи из «Книги земли» и отвечал на вопросы диктора.

— Какие главные мотивы Вы старались выразить в «Книге земли»?

¹⁸⁰ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 350.

¹⁸¹ Литературная газета. 1974. 16 октября.

¹⁸² В Лермонтовском Пятигорске // Литературная Россия. 1974. 18 октября.

— В «Книге земли» я старался выразить любовь к земле, к моей стране и людям труда. Стремился выразить благодарность тем, кто давал мне хлеб, хотел воспеть хлебопашцев и мастеров, старался сказать о братстве народов и культур, быть благодарным моему отечеству, народу за все, что дано мне...

Три дня был Кулиев в Москве, ему вручили награду. В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР говорилось: «§ 7. Присудить Госпремию СССР 1974 года Кулиеву Кайсыну Шуваевичу, народному поэту Кабардино-Балкарской АССР,— за сборник стихов «Книга земли». Об этом сообщалось в газетах «Советская Россия», «Правда», «Известия», «Литературная Россия» и др.

Г. Марков, зампреда Комитета по Ленинским и Госпремиям СССР в области литературы и искусства, в статье «Гордость советской литературы» писал о том, что «поэзия Кулиева стала неотъемлемой частью всей нашей многонациональной литературы. Его «Книга земли» исполнена любви к земле родного Чегема и к «земле людей» — советской земле...»¹⁸³.

Несколько слов сказал о Кулиеве и его «Книге земли» Н. С. Тихонов, председатель Комитета по Ленинским и Госпремиям, в статье «Новые достижения советской культуры». «Сборник стихов «Книга земли» особо выделяется в его богатом поэтическом творчестве,— писал он.— Само название «Книга земли» символично. Любовь героя к родным горам перешагнула за их пределы, вобрала в себя широкий современный мир с его заботами и тревогами, мир, где лучшие люди борются за счастливое будущее, за передовые идеалы человечества»¹⁸⁴.

10 ноября Кулиев вылетел из Москвы в Нальчик. Здесь, как и везде по Союзу, готовились торжественно отметить знаменательную дату — 30-летие со дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Особую значимость приобретали тогда встречи воинов 70-х годов с ветеранами минувшей войны, сменившими боевое оружие на писательское мирное перо. Они рассказывали молодежи о героических делах бывших фронтовиков, отстоявших свободу и независимость Родины. Очевидно, поэтому бывшие воины К. Кулиев, Б. Карданов, А. Шогенцуков,

¹⁸³ Известия. 1974. 11 ноября. С. 4.

¹⁸⁴ Правда. 1974. 8 ноября.

М. Геттуев, А. Шортанов, Б. Гуртуев встретились 10 октября с воинами Нальчикского гарнизона¹⁸⁵. Они поздравляли Кулиева с высокой наградой, читали стихи из «Книги земли».

Все местные газеты за 11-е и 12 ноября вышли с портретом Кулиева, статьями о нем и со стихами из «Книги земли», были опубликованы и поздравления. В понедельник 11 ноября некоторые писатели, профессора университета, женщины с цветами собрались в Союзе писателей и ждали Кайсына, чтобы его поздравить. В 12 часов дня его еще не было. Кабинет его был открыт, на столе лежало много поздравительных телеграмм. Р. Гамзатов, Ч. Айтматов, Зульфия, Д. Кугультинов, М. Карим, А. Кулешов, И. Абашидзе, Наби Хазри, М. Агашина, Б. Ахмадулина, М. Дудин, А. Кешоков, Г. Марков и многие другие горячо поздравляли Кулиева. Приведем некоторые из них.

«Дорогой Кайсын, от всей души поздравляем тебя. Сердцами мы с тобой поднялись на Таркитау, ударили по струнам за нашего Кайсына = Расул Гамзатов, Шахтанов»¹⁸⁶.

«Дорогой Кайсын! Поздравляю! Всей душой, родной, за тебя, славного нашего лауреата! Взял тоже в восторге. Обнимаю тебя = Твой Олесь Гончар»¹⁸⁷.

Доктор исторических наук, бывший первый секретарь Дагестанского обкома КПСС писал: «Дорогой Кайсын, поздравляю Госпремией. Желаю дальнейших успехов в творчестве, расцвета яркого таланта = Даниялов».

Были и те, кто поздравлял Кайсына в стихах:

«Точка стиха чеканного — стрела.
Законная хвала не терпит зла —
И Беларусь, зеленая скала,
Светла улыбкой горного орла!

Минск. Рыгор Бородулин».

«Дорогой Кайсын! Ваша поэзия, привлекающая к себе любовь многих, получила теперь особое общественное признание. Я рад, что счастливая судьба сопутствует Вашим

¹⁸⁵ Советская молодежь. 1974. 12 ноября.

¹⁸⁶ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 163.

¹⁸⁷ Там же.

стихам,— они исполнены благородных помыслов и большой поэзии.

Желаю Вам новых свершений и крепко жму руку = О. Белинский».

«Сердечно поздравляю тебя, дорогой Кайсын, присуждением Госпремии СССР. От души желаю доброго здоровья, новых творческих успехов. Крепко жму руку = Кабалоев. Первый секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС».

«Безмерно рад за тебя, мой дорогой, за балкарскую литературу, за балкарский народ, что высокое твоё творчество получило высокое признание всей страны. Пусть всегда сопутствует тебе беспокойное счастье творчества. Обнимаю тебя и всех тех, кто тебя любит = Твой Мустай Карим».

«Дорогой брат, поздравляю. Безгранично радуюсь за тебя, за твой народ = Сильва Капутикян».

«Сердечно поздравляю присуждением Госпремии. Желаю новых творческих радостей, эльбрусского здоровья. Обнимаю = А. Кешоков».

«Дорогой Кайсын Шуваевич! Примите сердечные дружеские поздравления в связи с присуждением Вам Госпремии за выдающийся вклад в советскую поэзию своими великолепными произведениями.

Искренне желаю новых, ещё более ярких творческих успехов, долгих лет жизни. Крепко жму руку = Зампредседателя Совмина Грузии А. Лабахуа».

«Дорогой мой друг, безмерно счастлива поздравить тебя с высокой премией и Вашу самозаветную щедрую поэзию, которая дышит землей, небом, вершинами гор, душой народа. Приветствую песни, которые будут = Зульфия».

«Дорогой Кайсын, сердечно поздравляем присуждением Госпремии. Сердечно рады за Вас = Академик КазССР Кесенбаев, генерал-майор Дешпуев, доктора филологических наук Аппаев и Сарытаев».

Из Улан-Удэ:

«Дорогой Кайсын, мы безмерно рады присуждением тебе Госпремии СССР. Сердечно поздравляем, горячо обнимаем, поднимаем бокалы, которые вдвойне праздничны. С глубоким уважением и любовью = Домба и Валентина Жалсараевы».

Из Фрунзе:

«Желаю Кайсыну «так держать!», что бы ни случилось, что бы ни произошло. Думаю, и к твоему «нерукотворному» не зарастет народная тропа = М. Аксаков»¹⁸⁸.

Таких поздравлений было очень много. Невозможно привести все в этой книге.

В этот день ждали Кайсына и работники телевидения. Телепередача намечалась на 16 ноября. Кайсын пришел к часу дня, все окружили поэта и стали поздравлять...

Исполнена особого привета
У девушки улыбка на устах —
И зимний полдень превратился в лето,
Лавандой и смородиной пропах ¹⁸⁹.

Перевел М. Дудин

Этот день, 11 ноября, был особый: в начале осени в Нальчике выпал первый снег и сразу похолодало после теплых, солнечных дней. От белого снега стало праздничнее, тем более все знали — Кулиев любил белый цвет, любил первый снег, и он был как наградой поэту. В стихах семьдесят четвертого года читаем: «Ты раскрываешь новую тетрадь, как первый снег, она бела вначале»; или: «Вижу снег за окошками белый, в зимний день я сижу у огня...» и т. д.

Вернувшись с телепередачи, поэт стал просматривать полученные письма, которые шли на домашний адрес. В одном из них прочитал: «Наконец-то ты вспомнил обо мне и о журнале «Юность» и появился у нас, — писал 10 ноября 1974 года Б. Н. Полевой, секретарь правления Союза писателей СССР. — Правда, появился по телевидению. Но и это уже было счастьем и хорошим предзнаменованием, ибо давненько нам не доводилось видеть в редакции нашего самого редкого члена нашей редкой коллегии.

Так вот, от души поздравляю тебя, одного из мудрейших поэтов современности, с высокой наградой, увенчавшей твоё великолепное и своеобразное творчество.

Надеюсь, что награждение тебя не испортит и ты будешь хоть изредка сходить со своего лауреатского поста-мента и посещать свою «Юность»...

Твой Борис Полевой»¹⁹⁰.

¹⁸⁸ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 163, л. 1.

¹⁸⁹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 346.

¹⁹⁰ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 69, л. 1.

В этот год Кулиев был в зените славы, но она его не изменила. Он оставался самим собой, только стал более озабоченным и усталым. В стихотворении «Не хлопочи о славе...» (1974) он писал:

О славе ты не проявляй забот.
Те, кто и впрямь велик, не славе служат.
А слава и сама тебя найдет,
Когда однажды ты ей станешь нужен ¹⁹¹.

Перевел Н. Гребнев

Обсудив с друзьями и родственниками, как лучше отметить празднества в связи с наградой, Кулиев 14 ноября вылетел в Москву, а оттуда в составе делегации СП СССР выехал в Югославию. Это была его вторая поездка. Побывал он дважды и в Венгрии и оба раза проездом. Был в Будапеште, там жил его друг, венгерский поэт, с которым он встречался не раз,— это Антал Гидаш. Ему тогда было около 70 лет. Кулиев дружил с ним давно.

Кулиев не раз побывал во многих странах Европы и Азии — во Франции, Польше, Болгарии, Чехословакии, Германии, Индии, Монголии. Результатом этих поездок явились «Стихи, написанные в городе Скопле», «Стихи, написанные по пути из дальних стран», «Строки любви к Праге», «Дождь в Братиславе», «Прощание с Прагой» и др. Этот небольшой цикл произведений дополнял его главные поэтические раздумья о том, что тогда волновало передовое человечество, что могло тревожить каждого. В них поэт, безусловно, не мог дать целостного изображения инонациональной действительности, а продолжал те же темы, наметившиеся ранее. Так, в стихотворении «В городе Констанце дождь идет» (1974) говорилось об изгнанном из Рима поэте Овидии, памятник которому стоит в Констанце. Но не только об этом, но и о том, что пережил когда-то сам поэт Кулиев, когда он и его народ познали тоску изгнания.

Тот, кто был изгнанником, поймет
Боль тысячелетнего страданья,
Как похожи в мире все изгнанья.
В городе Констанце дождь идет ¹⁹².

Перевел Н. Гребнев

¹⁹¹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 358.

¹⁹² Там же. С. 366.

Будучи за границей, Кулиев не переставал думать о «малой» родине. Восхищаясь храмами, мечетями, построенными неизвестными югославскими мастерами, он не забывал родных камней Чегемского ущелья, из которых тоже строили его соплеменники сторожевые башни, могильные надгробья, мостили дороги, строили сакли и заборы. «Камень здесь над всем и всеми...» (1973) — это о трудной жизни горца, который видел «столько камня с малых лет, что ему казалось: боле ничего на свете нет. Меж камней варил он пищу, на камнях рубил дрова, было каменным жилище, мельницы и жернова...». И совсем не диссонансом ко всем этим высказанным впереди строфам, а их органической частью явились слова:

Каменным терпенье было
У людей моей земли,
Словно камень, до могилы
Боль они свою несли¹⁹³.

Перевел Н. Гребнев

Почти тот же мотив звучит в стихотворении «Чегемский камень» (1973): «Ты мне утешеньем был в печали, ты всегда помочь мне был готов, как и тем, чью кровь с тебя смывали все дожди за множество веков»¹⁹⁴. Мотив стихотворений семьдесят третьего года оставался в стихах 1974 года. «Говорю скале в Чегеме» (1974) — о том же. «Ты, скала, святыня для меня. Ты — мне утешенье и награда», — писал поэт, возможно, находясь вдали от нее, когда видел иные пейзажи. Но мысли о «малой» родине не покидали его, и они, вероятно, рождались естественно, как реки, берущие начало из-под ледников Эльбруса, и несли ощущение свежести форм и красок горного края. Влюбленный с детства в шумливые воды рек, в синеватые туманы узких ущелий, в воздух, напоенный ароматом субальпийских трав и вечнозеленой хвои, поэт создал свое неповторимое сочетание красок, трепетное движение жизни гор:

Олень зарю приносит на рогах
Над бездною обрыва под бедою.

¹⁹³ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 329.

¹⁹⁴ Там же. С. 328.

Он видит небо синее в горах,
Белеющих над тихою водою¹⁹⁵.

Перевел М. Дудин

Эту картину Кулиев мог увидеть только у себя в горах, и она уместилась в одной строчке: «Рассвет на скалах — розовый олень!» Эмоционально-выразительная метафора как нельзя лучше передает красоту рассвета в горах и глубокое восхищение поэта красотой кавказской природы. Средства образной выразительности Кулиева служили естественной формой выражения мыслей и эмоций поэта, его психологическим самораскрытием. Но пользовался он такими средствами не всегда. К примеру, в стихотворении «В Чегеме, там, под синим небом...» говорилось о чувствах и переживаниях героя открыто, просто, без применения особых средств образной выразительности (при одном-единственном сравнении — «как стебель в выгоревшем поле»):

Тот дом наш старый в тишине
Я вспоминаю, и бывает,
Что чистоту бывую мне
Воспоминая возвращает.

.
И если я по доброй воле
Воспоминаям изменю,
Как стебель в выгоревшем поле.
И я погибну на корню.

Перевел Н. Гребнев

В этом году, несмотря на большую общественную работу, Кулиев написал прекрасный цикл стихов «Море» (1974). Он их посвятил Маке Магомед-Султановне Дахкильговой, с которой поэт прожил 23 года. И она будет считаться его законной женой вплоть до 1983 года, когда брак будет расторгнут. Это были последние строки, посвященные ей. Это было прощание с молодостью, со всем тем, что когда-то было дорого поэту, поэтому стихи были светлыми, немного грустными и одновременно жизнеутверждающими.

¹⁹⁵ Там же. С. 345.

Романтический образ моря для выражения настроения лирического героя, его собственных переживаний использовали в своих лирических стихах поэты почти всех времен. Вспомним стихотворения А. С. Пушкина «Погасло дневное светило...», «К морю», Н. М. Языкова «Пловец», «Корабль», Ф. И. Тютчева «Море и утес», С. Д. Спасского «Над морем» и т. д., для которых картина моря в основном служит лишь средством выражения субъективных настроений и переживаний, отправным пунктом воспоминаний и размышлений, связанных с морем, как воплощением свободы.

Лирическая манера Кулиева в этом традиционном жанре своя, хотя нельзя не отметить органической близости к поэтам-романтикам, для которых характерен один тип художественного мышления — субъективный подход к изображению действительности.

Цикл стихов «Море» Кулиев написал, когда он отдыхал в Доме творчества им. Яна Райниса в Дубулты. Датированы они 1974 годом. Голубая Балтика, приморские дюны, сосны, мерный рокот моря — весь этот уют янтарного края с его тишиной навеял светлую грусть и легкое одиночество, помогая «вынашивать» у рижского лукоморья заветные мечты и мысли.

Среди сосен дом, где мы живем,
Рядом с домом море голубое.
Мирный рокот моря нам с тобою
Слышен утром, вечером и днем ¹⁹⁶.

Перевел Н. Гребнев

Чудесная природа и покой, общение с живой природой породили прекрасные строки целого цикла стихов, внутренне спаянных единым творческим замыслом. Поэт не просто бесстрастный созерцатель красоты моря. Море для него — живое. Оно дышит, у него свои краски, свои запахи и звуки. О нем можно говорить, как о человеке или земле, — ласково, проникновенно. Оно может понять поэта, как понимает его молчаливая гора в родном Чегеме. И поэт обращается к нему с просьбой:

И теперь тебя прошу все чаще,
Руку поднося к своей груди:

¹⁹⁶ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 373.

Убеди меня и подтверди,
Что не все на свете преходяще.

Разговор с морем — это своеобразная форма общения с людьми, форма исповеди, раздумий о роли природы и ее красот в духовной жизни человека. Поэт испытывал благотворное воздействие, наслаждение от умиротворяющих картин: синевы неба, мерного рокота моря, заходящего солнца и ласкового песка. И сама любовь к морю, благодарно принимаемая широко распахнутым сердцем, — это исповедь о большом и светлом чувстве, озарившем поэта в дни пребывания на Балтике («Я море полюбил, ширь его увидевши воочью»).

Многие поэтические строки рождены ощущением счастья бытия, к которому поэт не мог привыкнуть. Его радует здесь все: беспечно летящая птица над водой, женщина с мирно спящим ребенком на руках, лунный свет на морской глади. Жажда видеть людей счастливыми «под этим небом синим», а мир в лучах тепла и света являлся продолжением кулиевской концепции радостного восприятия жизни.

На песке сижу я под сосной,
Так смотрю на мир, как будто с детства
И за годы, прожитые мной,
Не успел досыта наглядеться.

Первозданность восприятия мира, свойственная поэтам, характерна и для Кулиева. Так, красноречивое признание: «Я гляжу и вижу синеву, будто я открыл ее впервые» — свидетельствовало о новизне мировосприятия, радости очарования увиденным. Мир гуманности и красоты выявлялся на внутренней взаимосвязи всех частей этого цикла стихов. В них синтезировалась не только проблематика поэзии Кулиева последних лет, но и его творческие усилия, эстетический опыт и достижения в области малых жанров. Всеобъемлющая радость бытия не заглушала ноты грусти, особенно в четвертой части цикла стихов. Воспоминания о прошлом («Будто раны все давным-давно зажили и не болят поныне», или: «тяжесть лети тяжесть бѣд») усиливают элегический тон послания. Радостные и печальные начала отражались во всех частях цикла. К конкретно-психологическому выражению переживания поэт шел через мир природы. В цикле стихов «Море» природа близка к человеку

и пейзаж ее очеловечен. Тема слияния человека с природой — давняя тема пейзажной лирики. «Выхожу один я на дорогу» Лермонтова, «Весенние воды», «Я помню время золотое» Тютчева, «Косарь» Кольцова и стихи многих других известных поэтов проникнуты то чувством гармонии и блаженства, то трагически мятежным чувством, в котором сквозит одержанная тревога: «Жду ль чего? Жалею ли о чем?» (Лермонтов) — или открытая тоска:

Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья —
Жизнь отошла. И, покорясь судьбе,
В каком-то забытии изнеможенья
Здесь человек лишь снится сам себе.

Тютчев

Ничего подобного мы не встретим в пейзажной лирике Кулиева, хотя тоже встречается диссонирующий контраст в гармонии природы, тревожные вопросы и думы, возникающие на лоне прекрасной природы, отдыха и умиротворения.

...Тысяча девятьсот семьдесят четвертый год подходил к концу. Декабрь пролетел незаметно. Кулиев был удовлетворен результатами работы этого года. Был завершен цикл стихов «Море», в Кракове была издана книга стихов Кулиева на польском языке. Поэт Витольд Домбровский сделал переводы на высоком поэтическом уровне с максимальным приближением к оригиналу, так как он исходил из кулиевских стилистических и нравственных пристрастий. Предисловие к этому сборнику стихов написал тоже он. Эту книгу стихов Домбровский выслал Кулиеву и профессору Т. Эфендиевой, очевидно, как благодарность за то, что она несколько раз посылала ему по его просьбе необходимые материалы по биографии Кулиева.

Знал Кулиев и о другом приятном факте: его стихи включались в общеобразовательные программы по литературе для русских и национальных школ¹⁹⁷. В список для внеклассного чтения предлагалось его стихотворение «Где б ты ни жил...» и помещался сопроводительный материал о нем. Знал Кайсын и о том, что его книга стихов с дарственной надписью лежала в библиотеке Нурекской

¹⁹⁷ См.: Русская литература для 6 класса: Учебная хрестоматия для национальных школ РСФСР. Л., 1974.

гидроэлектростанции, крупнейшей в Средней Азии. Он подарил ее строителям, когда приезжал в Таджикистан. В этой же библиотеке находились книги с автографами М. Шолохова, К. Федина, Л. Леонова, В. Катаева, Г. Маркова, С. Михалкова, О. Гончара, Р. Гамзатова, И. Абашидзе, Э. Межелайтиса, П. Бровки, Ю. Рытхэу.

Очень понравилась Кулиеву интересная статья И. Л. Гринберга¹⁹⁸, в которой этот известный литературовед глубоко проанализировал творчество Кайсына в тесной связи с современным литературным процессом. Писали о Кулиеве и Л. Мкртчян, Г. Эмин и многие другие.

Все в жизни испытал, я слышал хор похвал,
Я на пирах гулял, на свадьбах танцевал,
Я жизнь благодарил за все, чем обладал,
За всякий дар ее, велик он или мал¹⁹⁹,—

Перевел Н. Гребнев

подводил итог поэт в стихотворении «Все в жизни испытал...» (1974).

Год для поэта был успешным, он успел опубликовать на родном языке и свои стихи из новой книги «Высокие деревья»²⁰⁰, и статью о М. Джалиле «Поэт как личность»²⁰¹.

Не мог Кулиев поехать в этом году только в Волгоград. Там в сентябре проходили Дни литературы Кабардино-Балкарии. Его очень ждали, но делегация в составе А. Шогенцукова, С. Макитова, Б. Гуртуева, В. Кузьмина и других приехала без Кайсына. Его задержали дела. «Десять лет тому назад,—думал Кайсын,—я был в этом городе, встречался с рабочими тракторного завода, посетил Тракторозаводской район, 606-й комбинат. Даже запомнил Днепродзержинскую улицу, дом № 16. Встреча моя состоялась тогда в основном с молодыми рабочими в красном уголке общежития. Встретил я тогда среди них моего земляка из селения Гунделен балкарца Чочаева Николая Атаевича, работавшего начальником литейного цеха. Он окончил Волгоградский политехнический инсти-

¹⁹⁸ Гринберг И. Над картой советской поэзии. М., 1974.

¹⁹⁹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 386.

²⁰⁰ Шуёхлуков. 1974. № 1. На балк. яз.

²⁰¹ Кулиев К. Поэт как личность // Кабардино-Балкарская правда. 1974. 19 марта.

тут. «Как все изменилось за эти десять лет! — подумал поэт.— И мне под шестьдесят и им, наверное, за сорок...»

Мысли одолевали всякие: и грустные, и радостные, но одно хорошо усвоил поэт, что горе и радость надо встречать мужественно, с достоинством. Ведь в жизни бывает всякое. И он «по молодости лет когда-то песни пел бес-печно, считал, что счастье вечно, а горя в мире вовсе нет». Вспоминая молодость, Кулиев в семьдесят четвертом пи-сал, ничуть не осуждая того пылкого, романтически на-строенного юношу:

Вполне осознанно и мудро,
Сегодня так же, как тогда,
Я повторяю: «Здравствуй, утро!»
И «Здравствуй, чистая вода!»²⁰²

Перевел Н. Гребнев

Мучительных размышлений о жизни и смерти в стихах 1974 года нет. Стихи этого года светлые, многие из них посвящены женщинам, с которыми Кулиева сталкивала судьба. Они отличаются искренностью, проникновенностью и добротой. «Зульфий», «Послание грузинским женщинам», «Я уподоблял тебя луне...», «И я кому-то был на свете мил...», «Была ты озарением моим...», «Ты женщина, и, может быть...», «Мы по дороге давней ранней...», «Женщинам, которые любили меня...», «Снова Марики Чиковани» — это стихи одного года, одной тематики. В возвышенное и нежное слово о женщинах поэт вложил всю красоту и благородство своей души. Он благодарен им за то, что они когда-то его «любили, и тогда мир ему не казался серым, не казалась эта жизнь пуста».

Вам, которые меня любили,
Кланяюсь за то, что вы подчас
Слишком высоко меня ценили,
Думая, что я достоин вас²⁰³, —

Перевел Н. Гребнев

писал Кулиев в стихотворении «Женщинам, которые любили меня...». Значит, Кайсын не был достоин тех, кото-

²⁰² Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 395.

²⁰³ Там же. С. 379.

рых он любил и которые, по его словам, были озарением его «и вдалеке, и под родною крышей»? Или это просто поэтический прием, который помогал в самовыражении? Прием «самоуничтожения» давний в русской литературе. В древнерусской литературе тот, кто брался за перо, говорил с читателями со смирением, называя себя «грешным и недостойным», «убогим», «худым», в отношении к слушателям он употреблял ласковые и нежные выражения: «возлюбленные», «любимые мои», «духовное чадо мое» и т. д. У Кулиева этот прием часто встречаем в его стихах. Так, в стихотворении «Была ты озарением моим...» читаем:

Я у тебя прощенья не просил,
Но ты всегда прощать меня умела
За то недоброе, что я свершил,
За то хорошее, что я не сделал ²⁰⁴.

Перевел Н. Гребнев

Покаяться в совершенном никогда не поздно. Хорошо, что на склоне лет Кулиев осознал это, и его совесть — как последняя инстанция — заговорила. Нравственное очищение совести вполне естественное дело, и поэты — те же люди, что и все смертные. Покаяние как духовно-нравственная категория имеет опромное значение в обновлении человеческой души. И поэту, прожившему с Макой более двадцати лет, было, наверное, в чем покаяться.

Ибо больше, чем за двадцать лет,
Тех, что ты была моей женою,
Ты на жизнь мою бросала свет,
На листы, исписанные мною ²⁰⁵.

В «Послании грузинским женщинам» (1974) даны прекрасные образы матерей, жен, сестер. Они не только внешне красивы («Землю вы озарили красою или вас одарила она?»), но и внутренне чисты и благородны («Где прекрасней земля, там невесты да и жены добрей и нежней»).

Замечательные строки, исполненные необыкновенной печали, посвятил Кулиев вдове грузинского поэта Симона

²⁰⁴ Там же. С. 382.

²⁰⁵ Там же. С. 384.

Чиковани. «Марике Чиковани» (1966) и «Снова Марике Чиковани» (1974) проникнуты грустью, сочувствием. Глубокое чувство печали поэта перекликается с безмерным горем вдовы, потерявшей мужа. Ее горе принималось поэтом так близко к сердцу, что у читателя возникал отклик на каждое душевное движение убитой горестью женщины. Точный подбор речевых средств, в особенности эпитетов, богатство поэтической фразеологии, сила и выразительность стиха — все это служило общей задаче — передать душевное состояние во всей его цельности, сложности переживаний и мыслей. В речи поэта слышатся нескрываемое волнение и скорбь, усиливаемая тем, что трагизм положения ничем нельзя смягчить. Поэтому в конце первой части стихотворения звучит полное раздумья и драматизма восклицание поэта: «С любовью смерть равновелика, как боль и радость, день и ночь. О, как ты плакала Марика, но чем я мог тебе помочь!»

В другом стихотворении — «Снова Марике Чиковани» — поэт простился с женщиной, которую воспел в дни горькой печали, а теперь пришел к ее могиле, чтобы сказать ей навечно эти скорбные строки:

Пусть могилы твоей одинокой
Не нашел я среди прочих могил,
Как цветы, эти скорбные строки
Я принес и сюда положил ²⁰⁶.

Перевел Н. Гребнев

В стихотворениях-посланиях 1974 года запечатлены многие биографические моменты жизни Кулиева, его взаимоотношения с друзьями, большинство которых поддерживали поэта до конца его дней. Одним из таких поклонников таланта Кулиева был известный ученый Владимир Николаевич Орлов, проживавший постоянно в Ленинграде.

Он видел в Кайсыне своеобразного, талантливого поэта и всегда был рад встрече с ним. Они часто говорили о Пушкине, Достоевском, Блоке. Орлов открыл Кулиеву красоты города на Неве, и Кулиев был благодарен этому

²⁰⁶ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 393.

человеку: «Ты оказал мне высокую честь в благословенный день». Стихотворение, посвященное ему, так и называется «Владимиру Николаевичу Орлову» (1974). Вот его начало:

Я многих на милой земле любил,
И много прошел дорог,
И добрым словом не позабыл
Прославить чужой порог²⁰⁷.

Перевел М. Дудин

²⁰⁷ Там же. С. 348.

В КРУГУ СЕМЬИ И СВОИХ ДРУЗЕЙ

Я многих на милой земле любил..

К. Кулиев

январе 1975 года Кулиев находился дома. Нужно было окончательно заняться библиотекой у себя в кабинете. Новая квартира требовала внимания, хлопот, благоустройства. Времени не хватало: его постоянно отвлекали творческие дела. Так, из Москвы Кайсыну сообщили, что за активное участие в работе «Литературной газеты» 1974 года решением редколлегии он и В. Кожевников отмечены премиями. Сообщение было приятным, но Кайсын решил не отвлекаться от работы над книгой «Так растет и дерево», которую задумал в 1973 году. Некоторые материалы из этой книги в прозе он опубликовал в центральных и местных журналах¹. Книга была уже собрана, отредактирована и скоро ее должны были подписать в печать. Она была написана поэтом на русском языке и явилась итогом многолетних раздумий о законах творчества, о мастерстве и назначении поэта. В сентябре эта книга поступила в продажу, и многие знакомые Кулиева сразу обратили на нее внимание. Так, поэт К. Я. Ваншенкин писал 5 октября 1975 года: «Прочитал подаренную тобой книгу, главным образом, этим продиктована потребность написать тебе. Книга замечательная. И едва ли не основное ее достоинство в том, что буквально за каждой статьей, строкой и словом слышен голос Кайсына Кулиева. Это очень твоя книга»².

И в январе Кайсын получал тоже не менее приятные письма. Поэт и переводчик из Чехословакии Йелинек Вацлав писал 21 января 1975 года: «Я рад, что могу Вам со-

¹ См.: Дружба народов. 1975. № 2, № 3; Октябрь. 1974. № 6, № 10.

² ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 19, л. 1.

общить добрую весть. Я окончил переводы Ваших стихов для чехословацкого народного издательства. Книга, которая будет выпущена в Чехословакии в начале 1976 года, состоит из стихотворений, которые я выбрал из вашей «Книги земли». Это избранное я дополнил стихотворениями из цикла «Радость — золотая птица», которые Вы напечатали в газете «Литературная Россия».

Я уверен, что Вас как поэта ожидает в Чехословакии успех. Ваши стихи глубоко гуманистические, богатые, как богат Ваш язык, язык поэта. Меня очень глубоко потрясли стихи о скалах, и я мечтаю когда-нибудь увидеть Ваш родной Чегем.

О Вас мне много говорил чешский поэт Йослар Ганзлик. Вы были вместе с ним в Монголии несколько лет назад...»³

Новый год начинался для поэта с приятных известий. В конце января вышла его книга стихов «Высокие деревья», она была подписана к печати еще в середине ноября прошлого года. И вот теперь ее можно поддержать в руках, подарить друзьям и знакомым. Из издательства «Советский писатель» ему сообщили, что монография Н. М. Байрамуковой «Кайсын Кулиев» сдана в набор в январе.

Письма, которые обычно получал Кайсын, успокоительно действовали на него. Но на этот раз он читал их с тревогой: поездки утомляли его и семья слишком часто оставалась без хозяина, главы дома. Кайсын был все время в отъездах, и вот снова нужно собираться в Москву. В марте предполагалось VI Всесоюзное совещание молодых писателей, и Кайсын должен руководить одним из семинаров.

Он заранее приехал в столицу и остановился в гостинице «Москва», в которой находился вплоть до 24 марта. Здесь же поселились его друзья — Адам Шогенцуков и дальний родственник Кайсына Акаев Касым. Он был намного старше поэта, но выглядел всегда бодрым и жизнерадостным, сопровождая Кулиева. Он и уговорил Кайсына и Адама пойти в воскресенье в Малый театр и посмотреть «Последние дни», о Пушкине. Все трое 16 марта отправились на дневное представление. У входа в театр

³ Там же, оп. 5, ед. хр. 56, л. 1.

их ждали знакомые поэтессы, которые тоже прибыли на совещание.

18 марта, во вторник, в теплый весенний день, Кулиев пришел вместе с друзьями в гостиницу «Юность», где собрались на VI Всесоюзное совещание 337 молодых писателей — представителей литературных организаций всех республик, краев, областей Советского Союза. Открыл совещание писатель Георгий Марков. Кайсын сидел в зале. С ним в одном ряду сидели Мустай Карим, Георг Эмин, Николай Евдокимов, Борис Зубавин, Алексей Смольников, Виктор Полторацкий. Кроме первых двух, все остальные были московские литераторы. Кулиев смотрел на президиум и видел действительно уже старых своих коллег — Н. С. Тихонова, Л. М. Леонова, С. А. Баруздина, В. М. Кожевникова, А. П. Кешокова, М. К. Луконина, Р. И. Рождественского, А. Д. Салынского, А. Б. Чаковского, А. Г. Алексина, М. Н. Алексеева — и почти не знал молодых, заполнивших в этот день залитую солнцем гостиницу. М. Шолохов и К. Федин не приехали. Они прислали поздравительные телеграммы. «Им нужен отдых и спокойствие, — подумал Кайсын, — а не эта суета сует». И стал просматривать краткие записи в блокноте: он должен выступить на пленарном заседании. В заключение первого дня состоялся литературный вечер в Центральном доме литераторов им. А. А. Фадеева. Кулиев пошел на вечер, хотя и устал, думал о том, что завтра начнутся рабочие будни совещания. Одним из тридцати творческих семинаров будет руководить Кулиев. Пришлось выступить Кайсыну и на вечере. Свое выступление он закончил чтением стихотворения «Все еще впереди...».

Не подводите покамест итога,
Самая светлая наша дорога
Все еще впереди, —

напутствовал Кайсын молодежь и верил в то, что «горе забудется, чудо свершится, сбудется то, что покуда лишь снится».

На другой день началась работа творческих семинаров. На поэтическом семинаре Кулиева присутствовали, кроме молодых поэтов, Д. Кугультинов, С. Орлов и критик Борис Леонов. Они справедливо подходили к оценке произведений авторов: ленинградца Евгения Колухова, якута

Александра Михайлова, Натальи Батуриной из Волгограда, нальчан Абдулаха Бегиева и Руслана Ацканова. В своем выступлении о мастерстве начинающих авторов Кулиев сказал, что к творчеству молодых поэтов нужно подходить так, как требовательно и мудро подходил к нам наш учитель Александр Твардовский. Кайсын поправил тех выступавших, которые педантично требовали, чтобы рязанский поэт писал именно о Рязани, а деревенский — о деревне. Кулиев сказал: «Поэзия — не справочник и не путеводитель. Прикованность к одному месту, бытописание — опасность другая. Первая (о ней уже говорили) — краснота, вычурность, литературщина. Александр Твардовский, учитель для всех нас, однажды хотел меня высечь: я написал поэму о поэте. Он мне полтора часа говорил, что нельзя делать художество на художестве. Живопись, музыку, литературу надо знать»⁴.

Два дня, т. е. 19-го и 20 марта, Кайсын работал с молодыми писателями на творческом семинаре, а 21 марта он был с ними на одном из московских предприятий, где они выступали со своими произведениями. В субботу, т. е. 21 марта, Кайсын снова проводил семинар, а на следующий день, в воскресенье, он вместе с молодыми писателями возложил венки к Мавзолею В. И. Ленина и на могилу Неизвестного солдата, потом они посетили музей-квартиру В. И. Ленина в Кремле, осмотрели памятники Кремля. Все это время Кайсын был неотлучно со своими участниками поэтического семинара. Вот он стоит с красной гвоздикой в руках у входа в Мавзолей, входит в музей-квартиру, хотя здесь он бывал не раз... В 15.00 он отправляется с ними на экскурсию «Литературная Москва» по есенинским местам, встретился с родной сестрой Сергея Есенина — пожилой женщиной Екатериной Александровной Наседкиной (урожденная Есенина). Ей было тогда 70 лет. Она сфотографировалась с участниками семинара около своего дома, у памятника С. Есенину на Рязанском шоссе, у могилы поэта на Ваганьковском кладбище.

В последний день работы совещания Кулиев не пошел на заключительное заседание. Это был понедельник, тяжелый для него день: он должен был лечь в больницу. Об

⁴ Дардыкина Н. Все еще впереди // Московский комсомолец. 1975. 21 марта; Она же. Форум молодых // Советская культура. 1975. 21 марта.

этом он знал, будучи в Нальчике, и вот этот день пришел. 19 марта он написал Тамаре Эфендиевой, как его найти, когда она была на его поэтическом семинаре: «Улица 15-я Парковая. Центральная больница. Проезд: от метро «Площадь революции» до метро «Первомайское». Далее идем, налево две остановки»⁵.

С 25 марта по 14 апреля 1975 года Кулиев находился на лечении: линия — ЛОР, палата 537, 5-й этаж. Об этом времени, проведенном поэтом в больнице, лучше всего расскажут его краткие записи, которые он вел по просьбе Тамары Эфендиевой. 31 марта она пришла навестить поэта и не знала, что в этот день ему сделали операцию. К нему никого не пускали и ничего не брали, кроме цветов. Дежурная 5-го этажа спросила: «Что передать поэту?»

— Вот этот блокнот и цветы.

Она ушла, взяв и то и другое.

На первой странице блокнота было письмо Кулиеву следующего содержания: «Здравствуй, Кайсын Шувачев. Это я, Тамара Эфендиева, пришла Вас проводить, как и обещала. Узнала, что Вы лежите в палате № 537. Дежурная медсестра по телефону сообщила, что Вы чувствуете себя хорошо, состояние нормальное.

Вчера читала в газете «Литературная Россия» отрывок из вашей поэмы «Касыда женщинам» в переводе Самойлова. Выкупила фотографии. Вы вышли великолепно с участниками Всесоюзного совещания молодых писателей. Часть фотографий отослала с дочерью Ириной в Нальчик. Я принесу их Вам, когда приду в следующий раз и когда будут пускать к Вам в определенные дни.

Как Вы себя чувствуете? Нельзя ли увидеть Вас? Что Вам принести?

С уважением Тамара. Блокнот оставляю у Вас, чтобы Вы вели в нем записи»⁶.

Вероятно, прочитав письмо, Кайсын захотел увидеть землячку, и дежурная медсестра проводила меня из приемной на территорию больницы, и мы на лифте поднялись на 5-й этаж. Хорошо помню отдельную просторную палату с телевизором и телефоном, окно которой выходило в сторону МГУ. Кайсын лежал на спине, на лице были капли

⁵ Личный архив семьи Эфендиевых.

⁶ Там же.

крови, в усах засохла кровь. Смыть не стали, чтобы не причинять лишней боли. Сам он был какой-то умиротворенный, довольный, что благополучно прошел первый этап операции, через несколько дней предстояла вторая операция.

Я рассказала, что вместе с другими преподавателями вузов приехала на ФПК в МГУ, здесь буду до мая и буду навещать его, пользуясь тем, что у поэта теперь найдется время отвечать на все вопросы: он в больнице, а следовательно, он во власти врачей и посетителей. Кайсын спросил, видела ли я, когда ехала к нему электричкой, прекрасный березовый лес, пробуждающийся от зимы, всю ту весеннюю красоту, какая сейчас разлита во всем Подмосковье и в парке, который окружает эту центральную больницу. «Все это ожидает Вас, когда скоро выйдете из больницы и увидите эту обновленную землю и жизнь», — ответила я. Кулиев слушал, чуть-чуть улыбался и кивал головой. Он соглашался, а может быть, думал о чем-то своем.

— Кто Вам делал операцию?

— Профессор Лопаткин. Он у меня еще обнаружил доброкачественную опухоль предстательной железы и тогда же, в 1970 году, посоветовал лечь в онкологию. Но я не послушался и от операции отказался, — рассказывал Кайсын.

Вскоре я ушла, оставив ему блокнот. На прощанье Кулиев сказал: «Я подарю тебе стихи. Они только что вышли в издательстве «Детская литература». Вот она — «Сказка солнца». На первой обложке рукой поэта написано: «Тамаре Эфендиевой, первой посетившей меня в больнице после операции. Спасибо! К. Кулиев. 31 марта 1975 года»⁷.

У меня была уже одна его детская книга — «Времена года» (Нальчик, 1974). На ней он написал: «Тамаре Эфендиевой с глубоким уважением. 22 декабря 1974 года. К. Кулиев». Не знала тогда, что пройдут годы, и я буду бережно показывать эти детские книги своим внукам Рустаму и Джамиле, для которых слово «поэт» и словосочетания «Кайсын Кулиев», «дарственные надписи» ничего не говорили. Их детская душа еще не доросла до таких

⁷ Личный архив семьи Эфендиевых.

сложных понятий, но они уже осознавали, что это не просто книги, с которыми можно обращаться по-своему, а что-то такое, чем дорожат, берегут и бережно, с любовью относятся, как к той свадебной кукле-красавице, что стоит высоко на шкафу.

Итак, поэт в больнице. Вот его записи.

«31 марта 1975 года.

Москва.

Сегодня мне сделали операцию. Хотя я за свою жизнь и привык переносить боль, но было трудно. Да, к боли невозможно привыкнуть, так же как и к смерти. Тот, кому неведома боль, не знает — что значит жить.

Первым человеком, посетившим меня сразу после операции, оказалась Тамара Эфендиева, доцент нашего университета, литературовед. Спасибо ей! В свой трудный час я увидел человека с родной земли, своего человека! Она оставила у меня этот блокнот. И я решил сделать несколько записей.

Хочу видеть улицу, наблюдать, как проходят люди — мужчины, женщины, дети, хочется видеть, как идут по улице маленькие собачки, останавливаясь у забора, и большие псы. Но я лежу на спине, головой к окну и не вижу улицы. Жаль!

Прикрываю глаза и вижу горы, их белизну, их мудрый покой...

Действительно: «Мое сердце в горах, а сам я внизу», как у Роберта Бернса».

«1 апреля 1975 года.

У русских обычаев — в этот день обманывать друг друга. На Востоке этого нет. А я рад, что пришел апрель — второй месяц весны. Я люблю весну. А вот Пушкин, судя по его произведениям, больше любил осень. А такой во многом весенний поэт! Он пишет, что приход весны ему нерадостен:

Как грустно мне твое явленье,
Весна, весна, пора любви!..

А я, грешный, лежа сейчас на больничной койке, далеко от родных мест, радуюсь приходу весны. Скоро будет зелень, трава, тепло. У нас, наверное, уже начала цвести ива

и алыча. Они обычно цветут на моей земле первыми. Когда они зацветут, будет такая белизна! Это — как облик и выражение земной радости, вернее — ее невыразимое выражение. А потом своим чередом так же будут цвести друг за другом абрикос, персик, яблони, груши, вишня, слива, боярышник, кизил, орех, чинара, ольха, липа. Они цветут не одновременно, а именно друг за другом. В этом мудрость и прелесть этого цветения. О, это такая зеленая красота!..»

«2 апреля 1975 года.

Лежу я в больничном городке. Ранняя весна. Прислушиваюсь по утрам. Ведь должны петь птицы! Но нет, они здесь не поют, нет их здесь! А в чинаровых и ореховых рощах моего Чегема так они заливаются теперь на рассвете! Они поют и в саду моего брата Аубекира, где растет огромный орех. Пение птиц весной — это одно из чудес земных, это высшая поэзия и блаженство. Когда птицы поют — это лучшие часы мира!

А здесь ни одного птичьего голоса!..»

«3 апреля 1975 года.

Мне уже хорошо. Сегодня сбрил усы. Во-первых, они будут мешать, когда будут делать вторую операцию. Во-вторых, они испорчены, придется отпустить их заново после больницы. Это кажется пустяком. А вот мои земляки еще в мои детские и юношеские годы, когда клялись, говорили: «Ты сбрей мне усы, если я этого не сделаю...» Я, дурной человек, сам взял и сбрил усы, которые носил так долго! Как на земле меняется все и понятия тоже!..

В течение этого года я не написал ни одной стихотворной строчки. Этого со мной почти не бывало. А здесь, в больнице, перед операцией написал это маленькое стихотворение. Буквальный перевод, сделанный мной на русский язык:

На земле, где живут такие девушки,
тяжело, как тяжело стареть!
Я шел по земле, всегда радуясь им,
не обращая внимания на дурные слова.

Под этим звездным небом,
на земле, где так растут цветы,
как тяжело стареть с каждым днем,
на земле, где так цветут деревья!

О, улыбки девушек этих,
легкая походка их!
О, багровение цветов!
Я живу, ими всеми плененный!

Иду, машу рукой девушкам,
как тогда, давно, весной моей!
Трудно, как трудно стареть
на земле, где живут такие девушки!

1975, март, больница, Москва.

Так чувствуют себя, по-моему, все стареющие мужчины, во всяком случае многие. А я, ненормальный старик, взял да написал об этом стихи. Разве будут смеяться над этим? Это ведь когда-нибудь придет ко всем, к сожалению, и к моим сыновьям тоже.

Стихи обыкновенно рождаются неожиданно, то есть замысел их, идея, образ первоначальный. Так, я пришел в больницу, меня положили, и я увидел совсем молодых, легконогих. Их здесь легион. И вот мне, старику, захотелось написать о них стихи. Ничего не поделаешь. Жизнь!

Да здравствует жизнь и все девушки, и все дети на свете!»

В день посещений больницы, т. е. в субботу 5 апреля, мне пришлось долго говорить с Кайсыном. Он много рассказывал о себе и подробно отвечал на все вопросы. В частности, рассказал о своем женском окружении: Валентине Лебедевой, Вере Максимовне Сидоровой, Лейле Мечиевой из аула Шеки, Лие Степановне Ерусалимчик, Тамаре Залихановой и о многих других.

На вопрос: «Как Вы относитесь к своим переводам?» — поэт ответил, что трудность в том, что родной язык в переводах разрушается и изменяются до неузнаваемости национальные особенности.

— Национальное — не есть газыри, кинжал, бурка, папаха, аул и т. д. Оно — в национальном мышлении, национальном сознании и самосознании, в народном миропонимании. Тому, кто не знает оригинала, трудно представить Кайсына Кулиева. Мне очень часто бывает жаль оригинала!

— За это время, находясь в больнице, что Вы читали? Вот перед Вами на столе лежат только что вышедшие но-

мера журналов «Огонёк», «Новый мир» (№ 1) и «Анна Каренина» (т. 2) Л. Н. Толстого, а также Ваша книга стихов «Ахшам» («Вечер») на родном языке. Это все для души?

— Да. Но и в больнице я не перестаю работать, писать статьи. Вот «Избранное» Аветика Исаакяна. Стихи, поэмы, легенды, баллады и басни (Ереван, 1975). Я должен ознакомиться с этой новой книгой, так же как и со стихами Карло Каладзе «От Черного моря до белых вершин» (М., 1974), чтобы по просьбе «Литературной газеты» написать рецензии. Нужно быстро написать и другую рецензию по просьбе редакции газеты «Известия» на книгу Ивана Тарбы «Я встречаю солнце». Это заказы, и я должен в срок их выполнить, поэтому я уже придумал заглавие — «Нестареющая песня» и начал рецензию на книгу стихов Карло Каладзе. Кроме того, за время пребывания в больнице я прочитал Цвейга, Рильке, Булгакова. При этой больнице есть хорошая библиотека.

Кайсын умолк и посмотрел на часы. В 14.40 по центральному радио должна начаться передача о нем: «К. Кулиев. Стихи».

Голос диктора: «Недавно у нас в студии побывал Кайсын Кулиев, лауреат Госпремии СССР...» и т. д. После небольшого вступительного слова о нем Кулиев стал читать стихи из «Книги земли». Он прочитал такие стихотворения, как «Колосья и звезды», «Весенняя песенка», «Когда стареет красивая женщина», «Раздумья у реки Чегем» и некоторые другие. И снова голос диктора: «Вы слушали стихи в исполнении автора...»

Наступила тишина. В больнице шел «тихий час». Кайсын как бы очнулся от долгих дум, так он сосредоточенно слушал свое выступление.

Проводив меня до двери коридора, он пошел в столовую обедать с большим опозданием.

Следующий раз я увидела Кайсына 6 апреля, в воскресенье утром. Видимо, он только что вышел в холл. Я отдала ему обещанные фотографии с VI Всесоюзного совещания молодых писателей, уточнив фамилии тех, кто сидел с ним рядом в первом ряду. Это оказались все московские писатели, он знал их всех лично. Обрадовался, как ребенок, веткам сирени, настроение было у него приподнятое, веселое, может, оттого, что утро было солнечное и ему предстояла приятная прогулка в сад-оранжерею,

находившуюся на втором этаже, где обычно гуляли больные. Там стояли удобные кресла, мягкие диваны, чтобы любоваться редкими, необычайной красоты выращенными в теплице растениями.

Вечером в тот же день, часов в пять, его посетили студенты Литературного института, из радиокомитета его пришли навестить Наташа Упенник и земляк из Чегема Куанч Джаппуев. Кайсын всех расспрашивал, обращаясь почти к каждому, внимательно всех выслушивал, смеялся, когда Наташа Упенник показывала ему дружеские шаржи на известных писателей и поэтов. Они рассматривали фотографии, сделанные на VI Всесоюзном совещании, особенно во время экскурсии «По есенинским местам Москвы». Кайсын сожалел, что так и не увиделся с матерью Сергея Есенина. Вернувшись из Киргизии, он все собирался к ней поехать, но так и не выбрался, а потом уже было поздно: она умерла в 1955 году. «Никогда не откладывайте на «потом», — сказал с грустью поэт. — Другого раза может и не быть».

Завтра, т. е. 7 апреля, предстояла вторая операция — в левой части носа. К десяти часам утра в понедельник врач Г. Орлов операцию закончил. Она прошла тяжелее первой. Долго еще Кайсын ощущал сильные боли в голове, в области глаз, постоянно из носу сочилась кровь, и медсестра то и дело меняла повязку. Заходили дежурные врачи и спрашивали о его самочувствии. Одна из них положила перед ним журнал «Москва» и сказала, что, если ему будет легче, он, может быть, заинтересуется напечатанными здесь письмами Натальи Николаевны Гончаровой. Вероятно, она как-то хотела отвлечь Кайсына от боли и грустных мыслей.

Вскоре я опять навестила его. На столе стояли цветы: несколько веток мимозы и букетик подснежников. Кайсын взял их в руки, понюхал и сказал: «Это запах весны, жизни и красоты природы. Я очень благодарен Вам, Тамара Емельяновна, что в такие трудные для меня дни Вы были рядом со мной и старались облегчить мои страдания и боль...» Потом стал говорить о Натали Гончаровой, о ее письмах и о любви Пушкина к ней, о том, что Смеляков не должен был так неуважительно писать о Гончаровой, жене Пушкина, в своем стихотворении «Натали».

В это посещение я рассказывала Кайсыну о том, как

любят его поэзию люди всех профессий и возрастов, вспомнив недавно случай в ВАКе СССР, когда я получала диплом доцента и встретила там случайно незнакомую женщину — Наталью Дорошенко из Новочеркасска, агронома по профессии, кандидата сельскохозяйственных наук. Она сидела со мной в приемной и читала сборник стихов Кулиева «Высокие деревья», только что купленный, и стала рассказывать о том, что многие из ее коллектива знают Кайсына и любят его поэзию. «Поэзия ума и доброго сердца, — сказала она. — Как верно он понимает жизнь, человеческую душу, женское страдание и боль. Это тончайший лирик». И она тут же прочитала стихотворение по памяти «Не верю тем, чьи никогда глаза печалью не туманятся...».

Я попыталась поблагодарить ее за любовь к нашему кавказскому поэту. А Наташа ответила мне: «За что?! Это мы должны быть благодарны балкарскому народу, за то, что он дал людям такого великого поэта-лирика. И в радости, и в горе его можно читать: поможет одолеть беду и в славе не зазнаваться».

Кулиев вспомнил тоже один случай, который ему рассказала врач Сарра Адальгериевна Чеужева из Нальчика. Она была на ФПК в Москве, шла и увидела очередь к книжному лотку — продавали сборник стихов Кулиева «Книга лирики» с пластинкой (запись голоса автора: он читает стихи). Она хотела приобрести, но ей не досталось книги. Очень сожалела об этом. Кулиев, узнав о ее желании, будучи в Нальчике, подарил ей свои стихи с дарственной надписью.

— 14 апреля я выписываюсь из больницы, — сказал поэт на прощанье. — А 17 апреля должен выехать в Варшаву с Белорусского вокзала. Приходи проводить меня в дружескую Польшу к братьям-полякам. Я там уже был. Хорошо знаю польского поэта Витольда Домбровского, он переводил мои стихи на польский язык, писал обо мне в газетах, выходящих в Варшаве. Надеюсь, что в этот раз встречу с ним. Я буду в Польше до 24 апреля.

Приглашая проводить его, Кайсын, по его словам, хотел, чтобы я увидела его блестящим в кругу друзей, а не тем, каким он был жалким на больничной койке. Я не смогла пойти на вокзал, но еще дважды навестила его в больнице — 8 и 9 апреля.

У Кулиева в тот день в палате сидел Кази Лайпанов, кандидат исторических наук, доцент Карачаево-Черкесского пединститута, и вскоре пришла ответственный редактор издательства «Детская литература» Р. Д. Кафриэльянц. Они разговаривали вполголоса. Кайсын чувствовал себя плохо: опухла вся правая сторона лица, отекал глаз. Он не разговаривал, а только слушал новости Регины и слова утешения Кази.

Приходила я навестить Кайсына и в среду, т. е. десятого апреля. На Арбате в цветочном магазине взяла красные гвоздики: Кайсын любил эти цветы и всегда радовался им. Передала ему привет от Михаила Исмаиловича Мижаяева, кандидата филологических наук из Черкесска. Миша когда-то учился в университете вместе с дочерью Кайсына Жанной Кулиевой, спрашивал про нее, где она работает, и не удивился, когда узнал, что в госархиве Нальчика, заведует архивом Кулиева. Слушая меня, Кайсын сказал: «Дома уже негде было хранить личный архив, и я передал его в ЦГА КБР. Такие ценные материалы, как письма Б. Пастернака, вероятно, передам в Пушкинский дом г. Ленинграда или в ЦГА СССР. Очень жалею, что несколько лет назад с моего рабочего стола в СП КБАССР пропало письмо от художника М. Сарьяна, в котором он писал о моей книге «Раненый камень», о том впечатлении, какое произвели на него стихи этого сборника. Пропал и портрет А. Твардовского, подаренный мне этим замечательным человеком и подписанный самим поэтом на обороте. Не могу простить себе этой оплошности и рассеянности». И еще прибавил: «Некоторые нужные и ценные материалы, такие, как первое письмо Константина Симонова и другие письма известных писателей и литературоведов периода Великой Отечественной войны, взяла Н. М. Байрамукова, когда писала обо мне книгу, но так до сих пор и не вернула».

В это посещение поэту был задан вопрос:

— Кто побывал в гостях у Вас на родине?

— Константин Симонов. Он приезжал в Нальчик несколько раз. Отдыхал под Эльбрусом и здесь писал свою трилогию «Живые и мертвые». Кажется, это было в 1965, 1966 и 1973 годах, точно не помню. В первый приезд я организовал его встречу со студентами КБГУ. На вечере присутствовали тогда Алим Кешоков и другие наши поэты. Поэтический вечер прошел с большим успехом. Был до-

волен и Симонов, и я. Помню студенты ему задали вопрос: «Кого из современных поэтов Вы любите больше всего?» Он ответил: «Люблю стихи А. Твардовского и К. Кулиева. Не подумайте, что я говорю это потому, что здесь сидит мой друг Кайсын Кулиев, с которым мы прошли вместе по военным дорогам и другим дорогам в мирное время. Я повторю это и где угодно, и без него: люблю Кайсына, его мужественную и нежную поэзию!»

Далее Кайсын Шуваевич рассказывал о Николае Семеновиче Тихонове, о его поездках на Кавказ и в Кабардино-Балкарию. «Наш Кавказ Н. Тихонов знал лучше меня, каждую долину и ущелье видел, все наши красивейшие места и мой родной Чегем,— говорил Кайсын.— Мы с ним не раз ходили в горы, встречали рассветы и провожали закаты. Горы Тихонов любил так же, как и я. А в моей сакле Тихонов стоял босиком и пил из рога вино! Об этом я рассказал в стихотворении «Поэт и горы» (1956), посвященном ему. Теперь есть новый перевод этого стихотворения. Оно войдет в собрание сочинений».

Воспоминания о друзьях — служителях Музы были приятны Кайсыну. Помолчав, он добавил: «Не первый год крепкая дружба связывала меня с Расулом Гамзатовым и Мустаем Каримом. Оба были в моих родных местах. На мой юбилей приезжал Берды Кербабаяев. Гостили у меня Василий Гроссман, Владимир Солоухин, поэты Виктор Боков, Михаил Дудин, из Грузии приезжал Реваз Маргиани, неутомимый путник, восторженный почитатель красот природы. Ну и, конечно, был у меня мой первый друг из Калмыкии Д. Кугультинов. Хороши были эти встречи, сердечные. Мы духовно обогащали друг друга.

Разумеется, были у меня и мои переводчики: Н. Гребнев, С. Липкин, Н. Коржавин».

Я жил среди людей, и час моей печали
Сердечностью своей они мне облегчали.
Они зажгут очаг, они мне слово скажут,
И пожелают благ, и раны перевяжут⁸.

Перевел Н. Гребнев

О каждом из них Кулиев говорил с большой теплотой. Видно было, что он ценил, любил их и умел одной-двумя

⁸ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 424.

фразами определить сильные стороны их поэтического дара, особенности характера.

Зная о том, что Кулиев когда-то задумал написать роман «Тень орла», я спросила его: что стало с замыслом?

«Замысел остался неосуществленным, роман не написан,— ответил он.— В мои молодые годы, когда я жил в Киргизии, даже купил тетрадь, написал заглавие и стремительно развивающееся начало про всадника на коне, который спешит вернуться домой... Да, замысел остался, роман не написан». И он стал рассказывать, как в годы депортации, чтобы прокормить себя, семью, он занимался переводами стихов и прозы поэтов и писателей Киргизии на русский язык. «Все силы молодости, ума, энергии я отдал ненужной мне работе! Сколько ушло драгоценного времени, здоровья, и все для того, чтобы заработать жалкие гроши. А любимым делом — писать стихи, прозу — заниматься не мог. Это горькое воспоминание. Страшно жалею о том утраченном зря времени, о молодом кипящем уме. Начало моего литературного пути могло быть иным...»

На следующий день, 10 апреля, Кулиев занялся письмами и деловыми бумагами, которые приносили из Союза писателей РСФСР. Среди них было и приглашение принять участие в Днях литературы, посвященных М. Шолохову. «Надо же такое совпадение, когда я лежу в больнице», — подумал Кулиев и стал читать дальше. Ростовская писательская организация хотела видеть поэта на 60-лети Б. В. Изюмского, а творческая общественность Чувашии — на 60-лети литератора и критика Н. С. Дедушкина. Центральный Дом Советской Армии просил прибыть Кайсына на литературный вечер, посвященный 30-летию Победы. «Все эти даты уже прошли, пока я находился на совещании и в больнице, — думал поэт. — А вот сюда, возможно, поеду». Он прочитал телеграмму следующего содержания: «Сообщите участие в Днях советской литературы Грузии, посвященных заключительному году девятой пятилетки, также поэзии Маяковского. Подтвердите Ляшкевичу = Симонов, Абашидзе». И еще обратил внимание поэт на две телеграммы. Одна из них гласила: «Вы включены 29 мая с. г. в Кишинев и Одессу. Просим быть в Москве». Эту весть прислали из Нальчика. А эта пришла на Союз писателей Москвы: «Юбилей Аветика Исаакяна в Ленинкане 29 октября 1975». К 100-летию со дня рождения А. Исаакяна Кулиев написал статью «Повели-

тельница поэзии — жизнь», опубликованную в журнале «Октябрь» (1975, № 10). «Когда я, молодой еще человек, но уже прошедший через войну, купил только что изданную книгу А. Исаакяна, глубину и мощь его лирики я ощутил, принял всем сердцем, он покориł мою душу сразу и навсегда», — писал Кулиев⁹.

Приглашали поэта и на Лермонтовский праздник в Пятигорск и на 60-летие со дня рождения узбекской поэтессы Зульфийи — дал телеграмму первый секретарь КПСС Узбекистана Рашидов¹⁰.

— На одно письмо я должен был ответить давно, — сказал Кайсын, — да вот все времени не было. Сегодня обязательно напишу Тамаре Владимировне. Это жена Берды М. Кербабаева.

В письме от 20 марта 1975 года она писала поэту о том, что после смерти мужа ей очень трудно жить, сидит без работы, без средств существования, что она уже обращалась к друзьям мужа Р. Гамзатову, И. Абашидзе, Б. Шинкубе и просила их помочь ей переехать из Ашхабада. «...Я очень прошу Вас, — писала она Кулиеву, — ради памяти Берды Мурадовича, ради собственного престижа вытащите меня из этого болота. Пусть знают, особенно его недруги, что память о нем жива, есть у него друзья.

Знайте, ежедневно, ежечасно жду от Вас весточки. Извините Бога ради.

Тамара. Мой адрес: 744 000. Ашхабад. Главпочтамт. До востребования. Яшвили Т. В.»¹¹.

Прочитав все письма и телеграммы, Кайсын подумал о том, что он находится в больнице вот уже шестнадцатый день. И хотя здесь отличные условия для больных, прекрасный техперсонал, врачи высокого класса, хотелось скорее выписаться. На «этаже» Кайсына все любили: медсестры, нянечки, врачи, соседи по этажу. Общительность, доброта и ласковая улыбка привлекали к поэту даже незнакомых людей. Он умел выслушивать их горести, успокаивать даже тогда, когда самому было трудно. Приветливым, сдержанным и даже веселым видели Кайсына все, кто приходил к нему в те дни. И часто не посетители

⁹ Кулиев К. Повелительница поэзии — жизнь // Октябрь. 1975. № 10. С. 205.

¹⁰ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 111, л. 13—57.

¹¹ Там же, оп. 5, ед. хр. 86, л. 1—5.

его утешали, а он их, если замечал грусть в глазах, участливо расспрашивал о работе, здоровье, семье.

Меня в тот день Кайсын спросил, как продвигается работа над книгой, которая должна быть издана к его 60-летию со дня рождения. Я ответила, что книга «Поэзия жизни» уже написана, ее включили в план издания на 1977 год.

И очень удивился поэт, когда узнал от меня, что моя статья «Аветик Исаакян и Кайсын Кулиев» будет опубликована в одной из центральных газет Армении к 100-летию со дня рождения поэта.

«Какую смелость надо иметь, чтобы рядом поставить мое скромное имя с таким поэтом! — воскликнул Кайсын. — Что они подумают обо мне?»

«Правильно подумают — о сходных мотивах в поэзии великих поэтов разных времен».

«Кто же Вам помог? Наверное, профессор Левон Мкртчян. Скучаю о нем и при первой возможности поеду к нему в гости. Его супруга, сын — чудесные люди».

Больница мне ужасно надоела, хочется на свободу, думы одолевают, особенно по ночам. Здесь я написал «Стихи в бессонную ночь»:

Снова не уснуть мне до зари,
Память, может быть, тому виною,
Давнее проходит предо мною,
И не сплю всю ночь я до зари»¹².

Перевел Н. Гребнев

Лечение в больнице подходило к счастливому концу. 11 апреля поэт чувствовал себя хорошо, и лечащий врач сказал, что 14 апреля его выписывают из больницы. Сын Эльдар уже заказал машину и обещал приехать за ним. Беспокоило Кайсына только одно: в какой гостинице остановиться? «Москва» закрыта на ремонт, «Россию» он не любил, хорошо бы пожить в «Праге», но, подумав, решил ехать в гостиницу «Россия».

В это мое посещение он задержал взгляд на принесенных мной степных тюльпанах и сказал: «Они долго будут стоять и напоминать мне бескрайние весенние калмыцкие степи с яркими полянами цветов. Сейчас там море таких

¹² Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 407.

цветов — тюльпаны цветут в Калмыкии в начале апреля. Я был там со своим другом Давидом Кугультиновым и не раз видел эту необыкновенную красоту. Скоро он приедет в Москву и привезет огромные букеты разноцветных тюльпанов».

Бегло просмотрел рецензию на сборник стихов «Высокие деревья» (М., 1975). Не сделав никаких замечаний, он посоветовал отослать в газету «Коммунизмге жол»¹³. Тут же выразил неудовольствие в отношении подборки стихов в сборнике «Высокие деревья» в том плане, что в него не включили цикл военных стихов, посвященных России, девушке с Севера в переводах В. Звягинцевой. «Многое мне не нравится в этом сборнике, но теперь уже ничего нельзя исправить», — добавил он.

День подходил к концу, и Кайсын пошел к невропатологу. Здание, где тот вел прием, находилось рядом, соединенное с новым корпусом подземным переходом.

Итак, оставался один день, который нужно провести в больничной палате № 537. Кайсын радовался, что наступила суббота, 12 апреля, через день он постарается забыть все, что перенес в больнице, и мечтал, как он поедет в Польшу, а перед этим будет в Большом Кремлевском дворце, где 15 апреля состоится объединенный пленум правлений творческих союзов и организаций СССР. А в голове слагались стихи:

Как часто в час тревоги и беды
Спасался я, живя воображеньем,
И в бурю зацветали вдруг сады,
И оглашались дали птичьим пеньем¹⁴.

Перевел Н. Гребнев

В это посещение я спросила Кайсына: «Ведете ли Вы дневник? Вот Мариэтта Шагинян вела дневниковые записи с 14 лет».

«Ну, то Шагинян, ей был отпущен судьбой почти целый век жизни. Нет, я не веду дневника, и не в моем это характере. Я не собран для этого. И не все классики вели дневники. Пушкин не вел, Лермонтов и Есенин тоже...»

Спросила Кайсына и о его первой семье, жене. У него

¹³ Эфендиева Т. Высокие деревья // Коммунизмге жол. 1975. 2 мая.

¹⁴ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 455.

сразу испортилось настроение. Он сказал: «Никогда об этом никому не рассказываю, кое-что можно узнать из моих стихов, если кто-нибудь внимательно их прочтает».

Моя первая жена балкарка Тамара Залиханова¹⁵. Женился по любви в 1937 году. Есть высказывание Скотта Фицджеральда: «Разная на свете бывает любовь, а вот одна и та же не повторяется». То чувство было неповторимо. Как я радовался рождению дочери! Дочь воспитал я, дал ей образование, с ее матерью мы расстались. Нет, не война этому помеха. Одно ее достоинство, что она ничего не скрыла от меня, сама все рассказала. Я не мог ей простить и остаться с ней. Да и с ее стороны уже не было ко мне никаких чувств. Это все давно пережитое, перегоревшее. Остались одни неприятные воспоминания. Если помните мое стихотворение «Я слово искал...», то сможете понять меня в чем-то»¹⁶.

Любовь к женщине как великая сила жизнетворчества подчас изображалась в лирике Кулиева драматичной. Трагическое в любви у него — не повествование о горестных переживаниях, а как результат художественного разрешения противоречий в жизни конкретных людей с их духовными сложными внутренними процессами. Драма неразделенного чувства, разочарования в любви и дружбе, измена существовали и будут существовать для людей во все времена. «Милльон терзаний» от неразделенного и еще более от оскорбленного чувства испытали грибоедовский Чацкий и шекспировский Гамлет. Это же человеческое чувство заставило Б. Пастернака признаться: «...как будто бы железом, обмокнутым в сурьму, тебя вели нарезом по сердцу моему». Этот же мотив звучит, наперекор всем утверждениям о рациональности и рассудочности электронного века, вопреки философии эротомании, в строках Кулиева:

Да, раны, нанесенные любовью,
И раны, нанесенные войной,
Болят равно, равно нам стоят крови
И жгут нам сердце жгучестью одной¹⁷.

Перевел Н. Коржавин

¹⁵ Тамара Аслантоковна Залихановна (1919—1995).

¹⁶ Личный архив семьи Эфендиевых.

¹⁷ Кулиев К. Раненый камень. М., Сов. писатель, 1964. С. 100.

Такая любовь приносит человеку боль и страдание. Но это тоже проверка его сердца, его чести и умения беречь радость, когда с цветами вместе юность меч вручила, и это «наша жизнь — цветы и меч». Драма неразделенного чувства, горькое сожаление о несбывшихся грезах выражены в стихотворении «Я слово искал...». Интересно возникновение замысла этого стихотворения. О нем рассказал сам поэт. Пролетая в самолете над туркменской пустыней, Кулиев увидел сверху этот необозримый и однообразный песчаный простор, подумал о том, что какой бы проливной дождь ни обрушился на эти ненасытные пески, они его поглотят и останутся такими же сухими и знойными. «И вдруг без всякой связи с этой мыслью,— говорил Кулиев,— я вспомнил одну женщину, и в голове у меня мелькнули стихи». Вот начало их:

Я слово искал, перетряхивал снова
Свой скудный запас золотой,
Мечтал: подарю я тебе это слово,
Как влагу траве молодой¹⁸.

Перевел Н. Гребнев

Казалось бы, повод для ощущения счастья совсем небольшой: поэт мечтал подарить для любимой сокровенное слово, «как влагу траве молодой», но оно оказалось бессильным. Счастливого мгновения, умиротворения не произошло. В миг несчастья, как и счастья, человек может стать великим творцом, и потоки переживаний, ассоциаций пройдут через его сердце и разум. Простиравшаяся песчаная пустыня вызвала неожиданные ассоциации — образ равнодушной женщины. Повод для ассоциативных связей в контексте стиха у Кулиева всего лишь отправная точка, чтобы сказать о муках слова, ставших для него прежде всего муками души, жаждущей признания. Но женщина отвергла их. Без упрека и жалоб обращался поэт к отвергнувшей его женщине:

Не тронул я словом тебя первозданным,
Ты тут же забыла о нем,
Бессильном, как дождь над простором песчаным,
Как снег над открытым огнем.

¹⁸ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 433.

Стихотворение это написано в 1960 году, но чтобы воспринять и освоить эту поэтическую жизнь мысли в ее цельности, процессе развития, нужно ее истоки искать в живой жизни, возможно, десятью годами раньше, тогда, когда произошел один из горьких уроков понимания жизни, того самого, что зовут классически неразделенным чувством любви.

...Итак, вернемся к биографии поэта. В воскресенье 13 апреля Кайсын проснулся рано, ходил в парк гулять, слушать пение птиц, но, к сожалению, московские пернатые не могли сравниться с теми, кого любил слушать поэт у себя на родине. Настроение у него было отличное, все уже собрано и продумано. Завтра выйдет из больницы и поселится жить в гостинице «Россия». Завтрак оказался ему вкусным, все люди доброжелательными. Днем встречал и провожал посетителей. А вечером долго смотрел телевизор.

14 апреля покинул больницу. Уже будучи в гостинице, продумал свое выступление на объединенном пленуме правлений творческих союзов. Он был посвящен 30-летию Великой Победы. В Большом Кремлевском дворце Кулиев встретился с писателями — участниками войны. Здесь были В. Кожевников, М. Жаров, Н. Грибачев, А. Кешоков и многие другие поэты и писатели, с которыми Кулиев давно поддерживал дружеские творческие связи. Два дня поэт находился в Кремлевском дворце, а 17 апреля выехал в составе правительственной делегации в Польшу на празднование 30-летия Победы. В Варшаве встретился с поэтом и переводчиком своих стихов В. Домбровским. Им было о чем поговорить. Кайсын благодарил его за труд, за переводы его стихов и шутил, вспоминая слова Бориса Полевых, когда он в одном из писем писал: «...и с переводчиками тебе, Кайсын, повезло. Про переводы говорят, что они, как женщины: если красивы, то неверны, а если верны, то некрасивы...»¹⁹

Вернувшись из Польши в Москву, Кулиев еще успел побывать на вечерах поэзии, которые проходили с 23-го по 25 апреля в Центральном Доме работников искусств. Сюда приехали в связи с Днями кабардино-балкарской поэзии в Москве А. Шогенцуков, М. Геттуев и другие поэты — земляки Кайсына. Он был рад встрече с ними. Ве-

¹⁹ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 66, л. 1.

чера посвящались той же дате — 30-летию Победы над германским фашизмом. Кулиев выступал на всех вечерах и читал стихи из «Фронтовой тетради»²⁰.

Проводив родную делегацию в Нальчик, Кайсын задержался в столице в связи с книгой «Так растет и дерево»: после редактора и корректоров он еще раз вычитал ее, так как в конце мая или в начале июня ее должны подписать в печать. Закончив работу, он вылетел в Нальчик, но ненадолго, потому что снова начались боли в области носа, стала опухать левая часть лица, и он в середине мая уехал в Москву, лег в ту же больницу: надо было снова пройти почти двухнедельный курс лечения. Здесь Кайсын пробыл до конца мая. Выписавшись из больницы, он остался в Москве еще на недельку. Дело в том, что 6 июня Кулиев должен был выступить на заключительном вечере IX Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии. И в тот день его голос звучал в Концертном зале им. П. И. Чайковского. Он говорил проникновенные слова о своем любимом поэте²¹.

После этого Кулиев выехал в Нальчик. Кайсын соскучился за сыновьями, близкими и родными. И 12 июня, в четверг, он уже гулял по проспекту им. Ленина со своим другом профессором А. М. Аппаевым, были они и в парке. Потом Кайсын зашел в Союз писателей, но работать не стал, только взял накопившуюся корреспонденцию и вернулся домой. Не пошел на работу Кайсын и в пятницу, он решил этот день тоже посвятить отдыху. Его видели в компании А. М. Аппаева всюду: прогуливающимся по проспекту Ленина, сидящим на лавочке в парке, лежащим на зеленой траве у любимой ивы, росшей на берегу Комсомольского озера. Эту иву Кайсын когда-то посадил своими руками и каждый день ходил поливать ее, ухаживал за ней, молодой, неокрепшей...

Вечером, разбирая письма, Кулиев обратил внимание на письмо Антонины Баевой, которая писала ему: «Еще с тех пор, как я впервые прочитала «Черный конь умирает на белом снегу», к моему восхищению и преклонению перед Вашим талантом прибавилось материнско-женское,

²⁰ Бельский Г. Вечер поэзии в Москве // Кабардино-Балкарская правда. 1975. 30 апреля.

²¹ Литературная газета. 1975. 11 июня.

шающее чувство. И теперь мне тяжело думать, что Вы больны, что пишутся больничные стихи... Я прошу Вас: не болейте, переможьте, преодолите нездоровье, не поддавайтесь болезни! Вам это не в первый раз.

Двенадцать лет я живу в мире Ваших чувств, Ваших дум и благодарю Вас за счастье знать, что есть на земле такие люди, как Вы. Я знаю, как любима Ваша поэзия людьми, как она греет.

Будьте здоровы, пожалуйста, будьте!»²²

Последующие дни пребывания дома Кулиев решил посвятить семье. Алим стал совсем взрослым, он закончил девятый класс, перешел в десятый. Через год он будет выпускником. Надо будет подумать о начале учебного года. Азамат тоже требовал внимания, ему было девять лет, он любил рисовать и требовал, чтобы его рисунки рассматривали и комментировали. Кулиев замечал, что у него явно намечаются способности к рисованию. Его Азаматка не просто рассматривает картинки, он пытается их рисовать, удачно подражая оригиналу. Иногда поэт ходил с сыном в музей изобразительных искусств на выставку местных художников «Искусство Кабардино-Балкарии». Здесь будущий художник, будущий выпускник Санкт-Петербургской академии художеств Азамат Кулиев видел произведения профессиональных мастеров, присматривался к их богатому художническому опыту. Произведения всех видов, жанров и стилей вызывали удивление у горского мальчика. Потом он запомнит удивительное разнообразие творческих устремлений, манер и почерков художников Кабардино-Балкарии. Думая о сыновьях, Кулиев писал:

Я своих детей растил, как мог,
Сверстников не поучал уныло.
От беды друзей своих берег,
Как, бывало, мать меня учила²³.

Перевел Н. Гребнев

Тревога за детей, где бы ни находился Кулиев, не покидала его. Уезжая из дома, Кайсын постоянно теперь думал о сыновьях, особенно об Алиме.

²² ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 163, л. 18.

²³ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 449.

Как много говорит письмо Кайсына, вернее, небольшая записка, оставленная им для сына, когда он собирался уже уходить из дома, но вернулся и написал наспех свою мольбу на листке бумаги: «Алимчик, уезжая, очень прошу тебя — веди себя хорошо, не пропускай уроки. Один ведь месяц остался! Будь человеком, не подведи отца! Слушай маму — ей трудно с вами. Не твори безобразия! Как уеду, живу в постоянной тревоге из-за тебя. Пойми это! Будь здоров. До свидания. Папа»²⁴.

Но дети не хотели понимать отца, его тревог, дум, опасений и сожалений о напрасно растраченных душевных силах. И он это понимал.

Порой и я сникаю, загрустив,
Порой овладевает мной тревога.
Порой мне кажется: моя дорога
Окончилась и впереди обрыв ²⁵...

так писал Кулиев в 1975 году в зените славы, общенародного признания, всеобщего почета и уважения.

Вот письмо Бориса Полевого от 20 августа 1975 года:

«Мой дорогой, великий Кайсын,— писал он. — Хотя ты и самый редкий из всех членов нашей редкой коллегии, но ты нашел замечательный способ помогать своему журналу, который тебя любит и уважает. Я сразу же, как говорится, с ходу прочел подборку присланных тобою стихов. Я не хочу вдаваться в банальности, но так как ты уже в том поэтическом возрасте, когда похвалы не портят и угроза евтушинизма для тебя не существует, с удовольствием говорю тебе, что твои стихи глубоки и мудры. Собственно, это своеобразный тематический цикл, объединяющий философские раздумья о жизни, о предназначении человека, о бессмертии добрых его дел на земле, о связи времен, и все это на фоне песен об отчем крае, любви и верности.

Дорогой и великий Кайсын! Стоя у подножия твоего будущего гранитного монумента, могу сказать, что и с переводчиками тебе повезло... Ты нашел переводчика, кото-

²⁴ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 28, л. 5.

²⁵ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 464.

рый дает тебе возможность беседовать с русскими читателями на родном тебе языке.

С лучшими пожеланиями, твой Борис Полевой»²⁶.

А вот что писал профессор МГУ Азиз Шариф, когда прочитал книгу «Так растет и дерево»: «Дорогой друг и земляк Кайсын-ага!.. Ваша проза вся та же поэзия, по-кавказски искренняя, вдохновенная, мудрая. Прошу считать меня в рядах горячих поклонников и ценителей Вашего яркого поэтического таланта и принять самые добрые пожелания здоровья и счастья Вам и Вашей семье.

Ваш Азиз Шариф»²⁷.

Или: «Мой очаровательный брат, бесконечно рад твоей Государственной премии. Желаю покорения безымянных вершин в поэтическом альпинизме. Крепко обнимаю, целую, горжусь=Твой Вилает Рустамзаде»²⁸.

«Дорогой Кайсын, обнимаю, целую тебя, поздравляю! Радуюсь за тебя всей семьей. Очень любим тебя и очень желаем тебе счастья=Твой Константин Симонов»²⁹.

«Дорогой Кайсын — любимый мой брат! Разреши крепко тебя обнять и поздравить с присуждением тебе Госпремии. Я очень и очень рад за тебя, хотя считаю, что это только временная награда. Должно, обязательно должно быть больше! Ты такой сильный, такой крепкий, такой настоящий — что все еще впереди. Я верю в твой огромный талант, в твои духовные силы — ты напишешь еще такую книгу, которая удивит всех — весь мир... Желаю тебе творческого счастья и успеха=Твой Э. Межелайтис»³⁰.

Таких писем и телеграмм в 1974 году поступили сотни. Читая их, Кайсын, вероятно, утешался, забывая на время о своих тревогах за семью. Или, наоборот, он чувствовал

²⁶ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 66, л. 1.

²⁷ Там же, оп. 5, ед. хр. 85, л. 1—2.

²⁸ Там же, оп. 3, ед. хр. 113, л. 113.

²⁹ Там же, л. 117.

³⁰ Там же, л. 96.

ответственность перед обществом за детей, которых видел и воспитывал время от времени?

...Но утешаюсь, слабый человек,
Я в час такой у очага родного,
Гляжу на летний дождь, на горный снег —
И силу духа обретаю снова,—

Перевел Н. Гребнев

писал Кулиев в стихотворении «Порой и я сникаю, загрустив...».

Почти весь июнь Кулиев был дома, с семьей. По утрам он ходил гулять в парк с Касымом Акаевым или Аскером Аппаевым. Они были чуть старше Кайсына и были дружны с юношеских лет. В такие часы Кулиев бродил по траве босиком, мог долго сидеть на берегу, слушать журчание речки и смотреть на воду. У его любимого дерева собирались друзья, фотографировались на память, шутили, а потом все вместе провожали поэта домой. Но дни отдыха были краткими.

В начале июля Кайсын вылетел в Минск на юбилейный вечер, который состоялся в театре оперы и балета. Вечер посвящался 70-летию со дня рождения П. У. Бровки, народного поэта БССР, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии³¹.

В Белоруссии Кулиев был недолго. После окончания торжеств он сразу вылетел в Нальчик. Предстояло проводить детей в школу и в начале сентября принять участие в торжественном вечере, посвященном 75-летию со дня рождения Али Шогенцукова. Но 10 сентября Кулиев не смог принять участия в этом важном для республиканской писательской организации деле: его срочно вызвали в Москву. 15 сентября Кулиев был уже во Фрунзе, где проходили Дни советской литературы. Кулиев был в числе большой группы писателей во главе с секретарем правления СП СССР А. Чаковским. Кайсын всех хорошо знал, со многими из них был в большой дружбе. В делегацию входили: А. Алимжанов, В. Бахревский, Э. Вахидов, А. Веян, И. Волобуева, Д. Гранин, Р. Давоян, С. Данилов,

³¹ Литературная газета. 1975. 9 июля.

Д. Жалсараев, С. Липкин, И. Лиснянская, И. Тарба, Л. Шерали, И. Юсунов и др.

Устроившись в гостинице, Кулиев вышел побродить по знакомым местам, позвонил друзьям, с которыми давно не виделся, поблагодарил Н. Н. Удалова за его теплые слова о нем, за статью на сборник стихов «Огонь на горе»³².

16 сентября в 10 часов утра Кулиев в составе делегации участвовал в возложении венков к памятнику В. И. Ленину, к монументу павшим в борьбе за Советскую власть в Киргизии и к памятнику Токтогулу Сатылганову³³. В последующие дни Кайсын вместе с другими литераторами побывал на заводе, в колхозе, на альпийском пастбище. Его стихи были опубликованы в антологии советской поэзии «Единым сердцем» и в сборнике стихов «Салам тебе, Киргизстан!», изданном во Фрунзе. По вечерам Кулиев смотрел документальные киноочерки о советских писателях, посетил кинофестиваль.

Кулиеву здесь было хорошо. Осень в Киргизии приходит поздно. По-летнему было тепло и солнечно. Он много гулял, посещал шумные восточные базары, где покупал сувениры родным и знакомым, фрукты и сладости.

Еще будучи в Нальчике, он получил приглашение от оргкомитета научной конференции МГУ, в котором сообщалось, что 27 сентября Кулиев в числе других писателей должен быть (желательно выступление!) на научной конференции «Жизнь и творчество С. А. Есенина» (в связи с 80-летием со дня рождения). Статью «Чародейный лирик» (о С. Есенине) Кулиев написал и отдал ее для публикации в «Литературную газету» (1975, 1 октября). «Конечно, надо поехать на конференцию и выступить. Потом зайти в издательство «Художественная литература» и посмотреть свое предисловие, написанное к книге стихов Зульфии «Избранное», — решил Кулиев. В предисловии он писал: «Иногда интересно и любопытно слово о художнике, сказанное человеком со стороны, живущим не рядом, а где-то за рекой или за горой»³⁴.

Долгожданная книга «Так растет и дерево» поступила

³² Удалов Н. Н. Среди друзей. Фрунзе: Кыргызстан, 1975. С. 47—57.

³³ Литературная газета. 1975. 24 сентября.

³⁴ Зульфия. Избранное. М.: Худож. лит., 1975.

в книжные магазины в сентябре. На нее появилось сразу много рецензий³⁵ и целый поток писем от читателей со всех концов Советского Союза. Кулиев получил восторженные отзывы на эту тему и на сборник стихов «Высокие деревья». Так, М. М. Арустамова, по профессии инженер из г. Еревана, в своем письме благодарит издательство за прекрасно оформленную книгу «Высокие деревья», переводчиков Н. Тихонова, Б. Ахмадулину, Н. Гребнева за прекрасные переводы. «...Особенно писателя Н. Тихонова, который так тепло, по-родному, с гордостью отзывался о друге— «певце мужества и нежности», «певце весны и красоты жизни». Читаешь стихи Кайсына и восторгаешься его любовью к отчому дому, к селу, людям, ко всему земному, ко всему прекрасному— к природе, к камням,— писала она.— ...Какую надо иметь добрую душу, чтобы до боли в сердце, так крепко любить свой народ, свою Родину! Любить мать («Дворик моей матери», «Глаза матерей»), детей (посвящение дочери Жанне), давать напутствие сыновьям («Пусть доброта не покидает вас...», или: «...Быть не старайся всюду первым, но добрым, честным быть стремись...»).

Вот эту непосредственность, простоту души, ее силу почувствовала я, перечитав несколько раз стихотворения Кулиева...»³⁶

А Людмила Николаевна Павлова из Уфы признавалась Кулиеву: «При чтении хороших стихов можно восторгаться, плакать... При чтении Ваших книг каждый раз хочется не только читать, но и говорить с Вами, писать Вам. Да, Кайсын Шуваевич! Вы вызываете такое чувство своими произведениями, что хочется сказать Вам от всего сердца простого русского человека: живите долго, долго, дорогой Кайсын Шуваевич! Вы нужны людям, Вы и Ваши стихи нужны нам. Читая Ваши стихи, хочется думать, хочет-

³⁵ Алиев М.-Самед. Сердце должно согреваться в своей теплоте // Азербайджан гянджляри. Баку, 1975. 18 октября; Берегов В. «Так растет и дерево» // Рабочий путь. Смоленск. 1975. 14 ноября; Янин Э. И возвращаясь вновь... // Советская молодежь. 1975. 11 декабря; Шаizzo К. У древа поэзии // Наш современник. 1976. № 4. С. 189—191; Гринберг И. Рядом за горами // Литературная Грузия. 1975. № 6. С. 61—64; Бельский В. Золотая свирель // Кабардино-Балкарская правда. 1976. 8 января; Медведева Е. Простое слово поэзии // Октябрь. 1976. № 12. С. 213—214.

³⁶ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 79. л. 1—2.

ся плакать. Вы даете силу, и хочется пожить еще на земле. Хочется любить землю и все на земле так, как Вы любите. Даже камень под ногой и то хочется благословить после чтения Ваших стихов. Хочется быть лучше, добрее — вот какие чувства возникают от Ваших слов. Так писать может человек, у которого добрая душа, который сам любит жизнь»³⁷.

А вот что писал Д. Пятаков из г. Николаева, когда он прочитал отрывок из книги «Так растет и дерево» — «А парус все белеет...»: «Когда читаешь чудесный и душевный очерк Кайсына Кулиева о великом русском поэте Лермонтове, то на память приходят звенящие строки из его стихотворений... Очерк заслуживает того, чтобы назвать его подлинным гимном — торжественной песнью поэтическому труду великого поэта. О Лермонтове много опубликовано очерков, но такого, который бы помогал читателям глубже заглянуть во внутренний мир великого поэта, запечатлеть незабываемый его образ, познать его как верного друга людей с тонкой душой, еще не встречалось...»³⁸ Заканчивая свое письмо, Пятаков благодарил Кулиева как верного друга поэта Лермонтова, создателя нетленных сокровищ в русской литературе.

Роллан Сейсенбаев 2 сентября 1975 года писал Кулиеву из Москвы: «Салям-аллейкум, Кайсын-Ага! Вашу книгу купил вечером, сейчас только пробивается дымное московское утро. Закрыв последнюю страницу и долго сидел молча. Так неожиданно пришла мысль написать Вам. Написать слова благодарности от имени молодежи, от имени тех, кто только начал свой путь в литературе. Не только благодарность, а преклонение чувствую перед Вашим талантом и человеческой мудростью.

Не только, чтобы кто-нибудь из братских литератур (не имею в виду литераторов, критиков) написал книгу такого характера. Это не «заметки». Я их понимаю как взволнованный и честный рассказ о людях, чьи судьбы и талант достойны самого божественного восторга и удивления.

Ваши эссе о Пушкине, Лермонтове, Твардовском, Сарьяне и других — это целая школа понимания и усвоения гениев.

³⁷ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 78, л. 43.

³⁸ Там же, л. 47.

«Страницы автобиографии» потрясли меня там, где Ваша семья подъезжала к Нальчику после одиннадцатилетней разлуки. Вы, обняв сына, сказали: «Вот она, наша родная земля, земля отцов». А у самого щеки были мокры от слез. ...Какими извилистыми тропами шли Вы, сколько бед и несчастий натерпелись Вы и Ваше поколение. Об этом мы редко задумываемся и не сразу понимаем слова: «Не ради забавы слагаю я стих...» Или же: «Мир — это такое горькое море, чьи только в нем не тонули корабли». Спасибо Вам и за Кязима Мечиева. Я добуду все его вещи, которые есть в Москве... Спасибо, Ага, за книгу, за Ваш мудрый совет и наставления. «Так растет и дерево» будет для меня самым дорогим подарком от Вас, от Ваших гор и народа... Вы блестяще написали книгу «Так растет и дерево»...

Обнимаю Вас, радуюсь за Вас. Горжусь!

С уважением Роллан Сейсенбаев, бывший половец, казах в настоящем»³⁹.

Письма от читателей и почитателей поэзии и прозы Кулиева были разными по стилю и манере изложения, но в чем-то они были сходными по сути своей: признанием необыкновенного таланта, тем, что покоряло в Кайсыне людей различных возрастов. Эти слова, конечно, можно с полным правом отнести к ровесникам поэта в стихотворении «Мало жили, много пережили...» (1975):

Не была поката и полога
Поколенья моего дорога.
Много ли осталось нас в живых?
«Мало жили, пережили много», —
Сказано о сверстниках моих⁴⁰.

Перевел Н. Гребнев

«Говорю весной старому чинару», «Со своей старухой горец старый...», «Быть может, в жизни праведной...», «Пейзаж с мулом», «Колыбельную песню слагал я горам...», «Только если мать ее качает...», «Безмолвный камень, ничего плохого...», «Мула погонял когда-то...», «Летние строфы», «Душою не криви...» — это стихи о старшем поколении, об их прожитой жизни, об ошибках и удачах,

³⁹ Там же, л. 49—50.

⁴⁰ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 459.

маленьких радостях и печалях, потерях и приобретениях. Но в них есть и о молодых. В стихах Кулиева 1975 года каждый найдет свое.

...1 октября Кайсын в числе большой группы художников слова прибыл в Баку на открытие Дней советской литературы в Азербайджане⁴¹. Из окна гостиницы было видно море, и поэт часто подходил к окну и смотрел вдаль. «Это рабочее море, а не для любования,— говорил он своим знакомым.— Нефтяные камни и вышки — золотой запас страны». После выступления на торжественном открытии Дней Кайсын побывал в Мардакянах, в шахском дворце, где когда-то жил С. Есенин и написал прекрасный цикл стихов «Персидские мотивы» («Улеглась моя бывшая рана...», «Я спросил сегодня у менялы...», «Шаганэ ты моя, Шаганэ...» и др.). Вспомнил, что перед отъездом из Москвы в Баку он в числе поэтов С. Шипачева, М. Луконина, Е. Винокурова, Р. Казаковой, Е. Евтушенко, А. Вознесенского и Б. Ахмадулиной был в телестудии на записи «Сергей Есенин» (к 80-летию со дня рождения). И 5 октября в 18 ч. 15 м. по 8 каналу Кайсын смотрел эту передачу. Вместе с ним в номере гостиницы «Интурист» сидели его друзья — Н. Тихонов, М. Карим, Н. Хазри, М. Геттуев, Л. Новиченко. Передача была интересной. После чтения стихов Винокуровым и Ахмадулиной выступил Р. Ивнев. Он рассказал о своих встречах с С. Есениным. Первая произошла в 1915 году (60 лет тому назад!), а вторая — на литературном вечере, когда С. Есенин вернулся из Европы после поездки с Дункан. Кайсын ему позавидовал, о чем и сказал своим друзьям.

Кулиев говорил о Есенине после поэта А. Вознесенского. «Слушайте,— обратился он к Вилаету Рустамзаде,— я буду читать стихи Есенина те, в которых много света и любви,— «Шаганэ ты моя, Шаганэ...». Они напоены воздухом Востока и романтики».

8 октября Кайсын был на заключительном вечере в Доме Советов. Вел программу первый секретарь ЦК Азербайджана Г. Алиев.

— От Кабардино-Балкарии выступит народный поэт Кайсын Кулиев,— сказал он.

⁴¹ Азербайджан встречает гостей // Литературная газета. 1975. 1 октября.

Когда Кайсын шел к трибуне, то весь зал приветствовал его стоя. Шла прямая трансляция. Его слушали миллионы телезрителей. Кайсын, как всегда, говорил свободно, образно, вдохновенно о том, что он любит народ Азербайджана, страну, которая дала миру великих поэтов от Физули до Самеда Вургунa, что он готов обнять всех сидящих в зале от имени своих земляков. Свое выступление Кайсын закончил чтением стихов «Все еще впереди». На вечере присутствовали М. Шагинян, Г. Марков, Н. Тихонов, Ю. Шесталов и многие другие известные писатели страны. Кайсына попросили выступить по местному телевидению, кроме того, он встречался с корреспондентами газет и дал интервью. Оно было опубликовано в газетах «Молодежь Азербайджана» и «Вышка»⁴².

Вечера поэзии были организованы 6 октября одновременно около трех памятников: Низами, Физули и Вургунa. Кайсын был у памятника Вургуну, а потом после окончания встречи пошел навестить вдову и детей поэта, разговаривал с его сыном. На другой день Кулиев присутствовал при открытии музея С. Вургуну. Кайсын знал Самеда с 1938 года, виделся с ним и в 1943 году в Москве на вечере поэзии, организованном в честь Кулиева, когда он приехал с фронта. Кайсын был благодарен Вургуну и за те дружеские письма, полные сочувствия и поддержки, которые он получал, находясь со своим наказанным народом вдали от родного Чегема — в Средней Азии.

Восемь дней Кайсын провел в Баку, а 9 октября утром вылетел в Нальчик. В этот день он успел побывать в Союзе писателей и узнал, что завтра состоится юбилейный вечер, посвященный 50-летию со дня рождения писателя В. Г. Кузьмина, его земляка. В назначенный час десятого октября Кулиев сидел в президиуме зала республиканской библиотеки им. Н. Крупской и зачитывал приветственные телеграммы в адрес юбиляра.

Только четыре дня пробыл Кайсын с женой и детьми, два из которых работал в Союзе писателей КБАССР — там тоже для него были неотложные дела.

14 октября солнечным осенним днем Кулиев выехал поездом в Москву в составе делегации на празднование 75-летия со дня рождения Али Шогенцукова (1900—1941),

⁴² Вышка. 1975. 8 октября; Молодежь Азербайджана. 1975. 9 октября; Литературная газета. 1975. 15 октября.

а через два дня в Центральном Доме литераторов состоялся торжественный вечер под председательством Сергея Михалкова. Когда Кулиеву предоставили слово, он рассказал, что 25 лет тому назад, в октябре 1950 года, когда был вечер памяти Али Шогенцукова в Москве, он не мог приехать, чтобы отдать дань уважения основоположнику советской кабардинской поэзии, потому что был на положении депортируемого и находился в ссылке в Средней Азии. Кайсын говорил о трагической судьбе поэта. «...Он, замученный гитлеровцами, погиб в концлагере, который находился в городе Бобруйске. Героическая земля Белоруссии впитала кровь и поэта Кабарды,— сказал Кайсын.— Я знал Али и помню, с каким вниманием относился он к моим незрелым еще опытам. Это было мудрое отношение мастера к подмастерью»⁴³. На этом вечере Кулиев по памяти читал стихи поэта и отрывки из поэм в переводе на балкарский язык М. Мокаевым, читал Кайсын стихи Али и на русском языке.

После окончания вечеров поэзии Кулиев вместе с делегацией вернулся в Кабардино-Балкарию. Оставшиеся дни октября Кулиев провел в Нальчике. Шестого ноября он был занят на работе в Союзе писателей. С утра с ним были С. Макитов, В. Жузьмин, Касым Акаев.

В тот день к нему пришла Тамара Эфендиева, чтобы посоветоваться о том, какой лучше взять снимок для портрета Кулиева к книге «Поэзия жизни» (очерк о его творчестве). Поэт озабоченно рассматривал фотографии и остановился на одном фотоснимке, когда он 18 марта 1975 года стоял за трибуной ЦДЛ и читал стихи молодым литераторам на VI Всесоюзном совещании писателей. «Вот этот, ничего, подойдет для книги,— сказал он.— Подойдет, если ничего лучше не придумаем. Приходи сюда 10 ноября, я принесу хороший портрет для этого случая». На мою просьбу пойти сфотографироваться в фотостудию Алексея Шахмурзаева, который ждал его, Кулиев ответил отказом: он не в настроении, хорошо не одет и пр. В назначенный день и час я опоздала. Дежурный сказал, что Кулиев был здесь до 12 часов дня, его ожидали какие-то люди, с ними и ушел поэт. «Буду в это же время завтра»,—

⁴³ Кулиев К. Живой родник // Литературная газета. 1975. 10 октября.

сказал поэт уходя. Однако 11-го он срочно выехал в Москву. Там ему и вручили текст Указа Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР «О награждении участников Дней советской литературы в Азербайджане Почетной грамотой президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР»⁴⁴. К награждению Почетной грамотой Кулиев отнесся равнодушно, но к сообщению о том, что его стихи переведены на азербайджанский язык и опубликованы в сборнике стихов «От сердца к сердцу», обрадовался⁴⁵. Приятно было и другое: Гасанзаде написал о Кайсыне сердечную статью «Певец гор»⁴⁶.

Последние дни ноября и начало декабря Кулиев был в Москве. Он очень потом сожалел, что не мог приехать на похороны и проститься с одним из первых просветителей балкарского народа Саидом Османовичем Шахмурзаевым (1886—1975), родившимся в ауле Верхний Чегем, соседом Кулиевых. Похоронили поэта на родине — земле его предков и предков Кулиевых и Бечеловых. Кайсын не мог приехать: он как депутат принимал участие в сессии Верховного Совета СССР. Пройдет время, и Кулиев напишет «Реквием» Саиду Шахмурзаеву — поэту из Чегема:

Каждый раз вспоминаю тебя, по Чегему идя.
Наш Чегем, он всегда чист и светел, как после дождя.
Это родина наша с тобой, дорогой мой Саид,
Мы уходим, она остается стоять, как стоит...⁴⁷

Перевел Д. Долинский

Знал Кулиев и о том, что открытие IV съезда писателей РСФСР состоится 15 декабря. С одиннадцатого декабря стали уже прибывать делегаты. Кайсын часто навещался на набережную Мориса Тореза, где в помещении правления Союза писателей РСФСР шла регистрация участников, начиная с утра до 21 часа. Он всегда интересовался теми, кто приезжал из его друзей и знакомых. Четырнадцатого декабря Кайсын вместе с другими делегатами съезда посетил Мавзолей В. И. Ленина, участво-

⁴⁴ Вышка. Баку, 1975. 9 октября.

⁴⁵ От сердца к сердцу (Баку: Гянджлик, 1975) // Кабардино-Балкарская правда. 1975. 17 октября.

⁴⁶ Гасанзаде Н. Певец гор // Вышка. Баку, 1975. 30 августа.

⁴⁷ Кулиев К. Человек. Птица. Дерево. М., 1985. С. 78.

вал в возложении венка на могилу Неизвестного солдата у Кремлевской стены. В этот же день он был на возложении венков к памятникам А. С. Пушкину и А. М. Горькому. Вместе с ним были его друзья — Д. Кугультинов, М. Дудин, Р. Гамзатов, М. Карим и др. На следующий день в десять часов утра в Большом Кремлевском дворце открылся съезд. Кайсын был избран в рабочие органы и в Президиум съезда писателей, сел рядом с Гамзатовым и вполголоса изредка делился с ним впечатлениями. Свое выступление Кулиев начал так: «Сидя в этом прекрасном зале и мысленно перелистывая страницы родной литературы, я вспомнил о том, что двум нашим выдающимся поэтам — Кязиму Мечиеву и Бекмурзе Пачеву — в дореволюционное время нигде было печататься, но, несмотря ни на что, они продолжали работать, создавали произведения, впоследствии ставшие классикой и гордостью нашей поэзии»⁴⁸. Заканчивая речь, он сказал: «Поэт — это прекраснейшее звание. Будем стараться всеми силами быть достойными этого высокого звания, будем стараться оправдать хлеб родной земли, который едим, чистоту воды, которую пьем. Будем пытаться оправдать доверие народа, вскормившего нас, подарившего нам чудо из чудес — язык свой».

Перед выступлением Кулиев внимательно прослушал доклад Сергея Михалкова «Российская литература на новом этапе коммунистического строительства». В своем докладе Михалков отметил «Книгу земли» Кулиева. В частности, он сказал, что широкое осмысление мира, ощущение неразрывной связи республики, своего народа с большими заботами всей страны характерны для такого произведения, как «Книга земли»⁴⁹.

На этом съезде Кулиев был снова избран секретарем СП РСФСР. Завершив все дела в Москве, Кулиев выехал в Нальчик. Год уже был на исходе. Дома он узнал, что в декабре вышел Указ Президиума Верховного совета Армянской ССР «О присуждении К. Ш. Кулиеву Почетного звания заслуженного деятеля культуры Армянской ССР» от 23 декабря 1975 года. В связи с этим его друг профессор Левон Мкртчян шутливо писал Кайсыну:

⁴⁸ Кабардино-Балкарская правда. 1975. 20 декабря.

⁴⁹ Воспевать величие эпохи // Правда. 1975. 18 декабря; Высокий долг писателей // Правда. 1975. 19 декабря.

«Дорогой мой! Ты теперь не просто армянин, но заслуженный армянин... Еще раз поздравляю и приветствую тебя, великого кавказца. С Новым годом!

23 декабря 1975 года»⁵⁰.

1975 год был добрым для поэта, и, провожая его, он радовался тому, что все домоладцы живы и здоровы. И о себе он мог сказать: «Делал я немного и немало, что, казалось, делать я умел...» («Песни слепого ашуга» — 1975). Или так, как в стихотворении «Как теперь себя я самого» (1975):

Проходили дни, я жил, как жил,
Каждый день вставая утром ранним,
Я проклятем злым не грешил,
Не грешил недобрым пожеланьем.

Я зимою грелся у огня,
Жил. Как люди, то смеялся, то плача.
Не гордился, если на меня
Снисходила невзначай удача⁵¹.

Перевел Н. Гребнев

Удача не бывает случайной. Чаще всего она подготовляется неустанным трудом. Удач у Кулиева на литературном поприще было много. Его радовало, что о нем так много пишут известные и малоизвестные критики и литературоведы. С интересом прочитал о себе статьи Дм. Хренкова, Е. Белостоцкой, И. Гринберга, Т. Эфендиевой и многих других⁵².

Огорчала Кулиева в этом году усилившаяся болезнь жены. И куда только он ни обращался и какие только врачи ее ни лечили, везде диагноз был неутешительный. В период ее болезни он выполнял всю домашнюю работу, которая обычно падает на плечи женщины, ходил на базар и в магазины, покупал необходимые продукты. И его не раз видели с авоськами и сумками в автобусе возвращающим-

⁵⁰ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 116, л. 1.

⁵¹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 107—113.

⁵² Хренков Д. Совесть Кайсына // Дорогие спутники мои. М., 1975. С. 107—113; Белостоцкая Е. Кайсын Кулиев: Знакомые имена // Труд. 1975. 30 ноября; Гринберг И. Счастливое искусство удивляться // Три грани лирики. М., 1975. С. 376—396; Эфендиева Т. Духовное родство // Коммунист. Ереван, 1975. 17 октября; Она же: Поэма «Перевал» // Ученые записки. Нальчик, 1975. Т. 27. С. 16—27; Она же. Высокие деревья // Коммунизмге жол. 1975. 2 мая; и др.

ся с покупками домой. На проспекте Ленина рядом с Кулиевым жил врач Тлапшоков. Он удивлялся могучему организму поэта: Кайсын мог долгое время не вставать из-за стола и писать, питался кое-как, чаще всего всухомятку, заботясь обо всех остальных и никогда не думая о себе.

Годами Кулиев упрямо надеялся, верил, искал врачей, знахарей, экстрасенсов, использовал различные лекарства, лечебные травы — все верил, что способен совершить чудо — спасти жену. Наверное, он считал это судьбой, роком, предопределением. И нес терпеливо свой, как говорят, крест. Все ждал: вот сыновья подрастут, он их выучит, даст им специальность, они определят свои судьбы и лишь потом он будет жить для себя, обретет спокойствие. Для Кайсына болезнь жены была огромным, невыносимым горем, и он мужественно принял на себя удар судьбы. Он думал, что это не случай — это фатум. А он так мечтал жить без горя, боли и страдания. Считал, что счастье — это жить просто так, видеть, как «за водой красавица идет, и в снегу весеннего цветенья сад стоит, как в первый день творенья, жизнь идет, вдали петух поет и седые женщины селенья не спеша взрыхляют огород» («Ясен день, и в мире благодать» — 1975) ⁵³.

От громкоголосой семейной трагедии Кулиев находил утешение в поэзии, когда он работал, отдавшись забвению. В «Песне решимости» (1975) слышен мотив отчаянной жизнестойкости: надо уметь противостоять и ударам, и дарам жизни:

Пусть свербит былая рана,
Пусть рассеется мечта.
За тобою неустанно
Пусть крадется клевета,
Помни: это все тшета.

Пусть тебя осудят строго,
Пусть подумают, что ложь
Все, что правдой ты зовешь,
Избранной всегда дорогой
Все ж иди, и ты дойдешь ⁵⁴.

Перевел Н. Гребнев

⁵³ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 483.

⁵⁴ Там же. С. 476—477.

И Кайсын работал, то есть писал стихи, когда ему было плохо, работал — когда ему было хорошо. Вероятно, поэма «Говорю Лейле в Чегеме» (1975) была написана, когда поэту было больше чем грустно. Поэме предшествовали стихи, посвященные Лейле, внучке Кязима Мечиева, умершей совсем молодой в Средней Азии. В стихотворении «Лейле» (1938) образ девушки овеван атмосферой поэтической нежности, идущей, по-видимому, от личности автора: об этом свидетельствовали воспоминания Кулиева о своей молодости, юношеской дружбе и влюбленности. Юная горянка, несущая чистоту и счастье любви, ассоциируется у Кулиева то с цветами в лесах Сары-Тюзе, то с шумом веселых рощ и радостью вешнего тепла. Будто весеннее половодье заполнило до краев все существо юного влюбленного в предчувствии счастья:

Как входит солнце в сонный двор —
Без разрешенья, напролом —
И ветер оснеженных гор
Вдруг спозаранок будит дом,
В мою судьбу ты ворвалась!

.

Ты — радость вешнего тепла,
Ты — шум веселых вешних рощ⁵⁵.

Перевел Д. Голубков

Любовь к Лейле — это не только влечение пылкого сердца, но и полет мысли, вдохновение души. Лейла настолько прекрасна, что поэт искал для нее самые нежные, ласковые слова, лучезарные сравнения: «Ты — весны зеленой песня», «Свет предутренней звезды», «Вся радость мира, все улыбки детства тебя своим сияньем озарили» и т. д.

В другом стихотворении — «Еще три песни Лейле» (1938) — чувства молодой влюбленности, усилившиеся и окрепшие от девичьего обаяния героини. Литературный образ Лейлы покоряет читателя своей красотой, гармонической слаженностью. В цикле стихов, посвященных Лейле, Кулиев создал гимн чистой, романтической любви. Эту извечную тему, тему первой любви, которая стала в его

⁵⁵ Кулиев К. Избр. произв.: В 2 т. Т. 1. С. 38.

стихах символом великой и вечной человечности, красоты и гармонии, Кулиев решил целомудренно и возвышенно в поэме «Говорю Лейле в Чегеме» только с высоты прожитых лет, с иных нравственно-философских позиций, когда в «край свой отчий пришел, судьбой сбереженный, и родных не нашел на земле разоренной».

Ты, Лейла, в том краю, что дышал запустеньем,
Мне опорой была и была утешеньем.

.

Все, что было со мной: и несчастье и милость,—
Все по воле людской на земле совершилось.

Если люди одни рану мне наносили,
То другие в те дни эту рану целили ⁵⁶.

Перевел Н. Гребнев

Другая поэма — «Вечерняя звезда» (1975) тоже о любви, но о любви материнской. Легенда о звезде, которую люди нарекли «Сердцем сына Матери Несчастной», была рассказана Кайсыну. Эта одинокая звезда, озарившая скалы, отводит беды, спасает от пули и отстраняет «всякие возможные несчастья». Кулиев верил в свою счастливую звезду и ей «молился не однажды».

Хоть минули годы, все равно,
На пирушке или же в больнице,
Где б ни был, я смотрю в окно,
Потому что там твой свет струится ⁵⁷.

Перевел Н. Гребнев

* * *

Тысяча девятьсот семьдесят шестой год в жизни поэта был почти таким же, как и прошедший. Он его славил и благословлял:

Все в мире, слава богу,
Как испокон веков,—
В ночи луна двурога
Над крышами домов ⁵⁸.

Перевел Н. Гребнев

⁵⁶ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 554.

⁵⁷ Там же. С. 550.

⁵⁸ Там же. С. 10.

Кулиев любил во всем постоянство: в дружбе, любви, принципах, пристрастиях, симпатиях, во взаимоотношениях, вкусах и даже в одежде. Не любил часто менять костюмы, галстуки, свитера, шляпы и обувь. Радовался простоте одежды и, как маленький ребенок, ликовал, когда босой стоял или ходил по зеленой траве какой-нибудь лужайки. И бесконечное число раз благодарил «зеленую траву, весенний цвет кизила и эту синеву, что небо мне дарило, и птиц в тени листвы, и маки полевые...».

В этот год предстояло тоже много трудиться на великом поприще — на ниве Поэзии — с издателями, с редакторами газет. Кроме того, было запланировано и немало поездок по стране. Разбирая корреспонденцию, поступившую в январе, он решил отослать поэму «Говорю Лейле в Чегеме» и цикл стихов «Мечта лелеяла меня» в «Литературную Россию», а в «Советскую культуру» — «Женщинам». Они будут опубликованы⁵⁹. Предстоял Международный год женщин. Через год редакция коллегии «Литературной России» поздравит Кулиева с присуждением ему годовой премии за эти опубликованные вещи. Ему будет также присуждена Почетная грамота на конкурсе газеты ЦК КПСС «Советская культура», посвященном Международному году женщин за поэтический текст песни «Женщинам».

Январь пролетел быстро, начался отсчет первых дней февраля. Поэту предложили выступить по телевидению под рубрикой «Писатель и время». Он ходил на съемки, редакторы проверяли текст: Кайсын должен увязать свое выступление с приближавшимся XXV съездом партии. В преддверии его личная и общественная жизнь художника, писателя, поэта полностью подчинялась задачам и духу времени. Свое выступление Кулиев так и закончил: «Перед XXV съездом КПСС хочется заверить партию в нашей преданности, любви к Родине и народу». Просмотрев во вторник, т. е. 3 февраля, эту телепередачу, Кулиев стал собираться в Казань, чтобы к пятнадцатому февраля быть на юбилейных торжествах, организованных в честь 70-летия со дня рождения Мусы Джалиля. Кулиев высоко ценил его поэтический дар. «В невероятно тяжелых условиях фашистского застенка он сумел создать тысячи строк стихов, написанных кровью и сердцем,— говорил он,—

⁵⁹ Литературная Россия. 1976. № 22, 36.

и даже смог позаботиться об их сохранности. Это был уже его поэтический подвиг. Поэтому мы говорим о нем как о поэте-герое, выдающейся личности... Создания художника — это его судьба, его совесть и жизнь. Художнику необходимо бесстрашие, которое так трудно дается. Муса Джалиль проявил двойное бесстрашие — бесстрашие бойца и бесстрашие художника. Это делает его необычайной и крупной личностью...»⁶⁰

Из Казани Кулиев вернулся в Москву и почти весь февраль находился в столице: занимался делами по изданию своих сборников стихов, работал над рецензией к «Избранному» Алыкула Осмонова, которое вскоре вышло в Москве на русском языке и всесоюзный читатель мог впервые познакомиться с его интересной лирикой. Кайсын лично знал этого поэта, умершего тридцати пяти лет от роду — в декабре 1950 года. «Он рано ушел от нас,— писал в рецензии Кулиев,— но успел сделать так много, что остался навсегда с родным народом. У него было две весны: одну прожил он сам, а вторую переживают сегодня его песни.

Прощай, весна! Прощай до новых светлых дней!
Пусть дети будут нас и лучше и умней.
И в них продлится жизнь — я под семью пластами
Сырой земли скажу, что благодарен ей»⁶¹.

Перевел И. Синельников

Для многих людей Кабардино-Балкария — это прежде всего Кайсын Кулиев, и красоты ее — это тоже поэт. Поэтому на его имя в СП КБАССР приходило много писем. Вот что написал из Башкирии Закия Ишмуратов 10 февраля 1976 года: «В июле 1975 года мне пришлось, вернее, посчастливилось побывать в Вашем прекрасном краю Северного Кавказа. Я отдыхал возле Нальчика, в санатории «Нартан». Ездил на экскурсию по Чегемскому ущелью, видел Чегемские водопады и воспетый Вами чинар, Ваше любимое дерево. О нем написаны чудесные стихи.

Мы, башкирцы, очень довольны отдыхом и от души

⁶⁰ Кулиев К. Поэт как личность // Кабардино-Балкарская правда. 1974. 19 марта.

⁶¹ Кулиев К. Две весны Алыкула // Литературная газета. 1976. 21 апреля.

благодарим в Вашем лице трудолюбивый балкарский народ и в том числе замечательных поэтов и прозаиков Северного Кавказа»⁶².

Очевидно, поэзия Кулиева и он сам как самобытная, неповторимая личность имели опромное влияние на умы и чувства людей, поэтому увлечение его творчеством — это как новое открытие для себя духовного мира. Многие стали впервые лучше понимать жизненные ценности, когда соприкасались с его поэтическим миром. В связи с этим интересно привести признания одного из партийных работников — секретаря райкома КПСС Мардакянского района Азербайджана Нанагюняна: «Нас связывает с Вами одна судьба. В тех местах, где Вы родились, жили и боролись, сражался и погиб мой отец.

Я всегда восхищался Вашей поэзией, что-то родное, близкое звучит в ней. Через нашу газету я хочу выразить глубокую признательность Вам, сыну балкарского народа, за прекрасные стихи.

Посылаю один экземпляр газеты «Барекамутюн» («Дружба»), где напечатано мое открытое письмо к Вам. Там есть такие строки: «Поклонники Вашей поэзии хотели бы в дни празднования победы над фашистами услышать Ваш голос, воспевающий славный подвиг советских воинов»⁶³.

Ответил Кайсыну и Олесь Гончар. Он писал 20 марта 1976 года из Киева:

«Спасибо тебе, дорогой Кайсын, за слова привет.

Я горжусь, что есть у меня на Кавказе такой друг, что рядом с белоснежным Эльбрусом сверкает его такая же высокая, поэтическая и отзывчивая душа»⁶⁴.

В этот приезд в Москву Кулиев успел побывать и в литературном музее столицы. Там была открыта выставка «Литература и современность», и поэт получил приглашение посетить ее. Выставка Кайсыну понравилась. Он рассматривал знакомые произведения Героев Социалистического Труда, лауреатов Ленинской и Госпремий многочисленные фотографии, рассказывающие о встречах писателей с читателями. Музею Кулиев подарил свою книгу «Ране-

⁶² ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 79, л. 3—4.

⁶³ Там же, ед. хр. 57, л. 1.

⁶⁴ Там же.

ный камень» с дарственной надписью: «Пусть вечно живут хлеб и книга. Кулиев»⁶⁵.

Находясь в это время в Москве, он много работал над книгой стихов «Живу среди людей», она должна быть готова и подписана к печати в сентябре. Сделав все необходимое, Кайсын в начале мая вернулся в Нальчик. Его попросили выступить по радио о писателе Хабу Кациеве (1916—1974), так как приближалось шестидесятилетие балкарского прозаика. Хабу был старше поэта только на один год, они дружили. Кайсын согласился выступить. 13 мая в 6 часов вечера он говорил: «Больно сознавать, что Хабу ушел так рано от нас, не дожив два года до своего юбилея. Я хотел бы сегодня сказать о нем самые достойные слова, потому что он честно служил своему народу и писал веселые рассказы в грустное время...» Кулиев подробно остановился на сатирических и юмористических рассказах книги «Насмешник Омар» (М., 1969), на романе «Тамата» и других произведениях.

Весь май Кулиев находился в Нальчике. По утрам ходил гулять в городской парк, купался в озере, потому что вода в нем была намного теплее, чем в речке Нальчик, отдыхал около своей любимой ивы на берегу Комсомольского озера. С ним часто были преподаватели КБГУ Аскер Аппаев, Зейтун Толгуров, Салих Эфендиев. Об этих проведенных вместе утренних прогулках остались на память фотографии: вот они вместе сидят на траве или стоят босиком, обнявшись, положив друг другу руки на плечи. Рядом с ними сидит маленькая белая собачка — любимица Касыма Акаева, который каждый день сопровождал Кайсына на прогулку и с прогулки. Кулиев был всегда одет в спортивный костюм фиолетового цвета, в руках была трость, он чуть-чуть начинал прихрамывать на раненую ногу. Это было начало роковой болезни...

Такие раскованные прогулки, вероятно, пробуждали воспоминания о детстве, а они слагались в стихи:

Трава, где я босой бродил,
Где на заре роса блестела,
Которую и дождь мочил,
И солнце грело,

⁶⁵ Автограф поэта // Кабардино-Балкарская правда. 1976. 6 апреля.

Луга, где я так сладко спал,
Как никогда не спал я боле,
Я видел вас и вспоминал
Потом в моей другой юдоли ⁶⁶.

Перевел Н. Гребнев

В начале июня Кайсын по приглашению Чечено-Ингушского общества любителей книги побывал в Грозном, выступил среди книголюбов. Здесь его приветствовали профессор Ибрагим Алироев, ученый секретарь НИИ Юша Айдаев, поэт Джемалдин Яндиев ⁶⁷. 7 июня в лекционном зале библиотеки им. А. П. Чехова Кулиев читал стихи, посвященные Д. Яндиеву. Оба они когда-то находились в Средней Азии, разделив тоску изгнания. «Не плачь и постарайся, друг...» — это о том времени, когда рука судьбы нещадно била и того, и другого...

Десятого июня, будучи уже дома, Кулиев прочитал в «Правде» речь Индиры Ганди. Она находилась в Москве, и ее выступление было опубликовано. «Советскому Союзу пришлось преодолеть много препятствий,— говорила она,— решить возникшие трудные задачи, отражать нашествия. Жертвы, принесенные советским народом во имя защиты своих идеалов, обусловили его горячее стремление к миру, испытав на себе все ужасы войны. Как справедливо сказал поэт Кайсын Кулиев, «каждая пуля на войне поражает одну цель — сердце матери» ⁶⁸. Этой фразой Индиры Ганди Кулиев очень гордился. Это известные стихи:

Первой пулей на войне любой
Поражают сердце материнское.
Кто б ни выиграл последний бой,
Но страдает сердце материнское ⁶⁹.

Перевел Н. Гребнев

На другой день Кайсын дал телеграмму Индире Ганди: «Москва. Индире Ганди = Благодарю Вас за высокую оценку моего скромного труда = Кайсын Кулиев». Теле-

⁶⁶ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 25.

⁶⁷ Грозненский рабочий. 1976. 9 июня.

⁶⁸ Правда. 1976. 10 июня.

⁶⁹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 425.

грамма была дана с уведомлением о вручении адресату. Индира Ганди получила ее, будучи в Москве.

В связи с предстоящим VI съездом писателей СССР Кулиев выехал 18 июня в Москву. Пять дней работал съезд писателей — с 21-го по 25 июня — в Большом Кремлевском дворце. Поэт, как всегда, выступил и, как всегда, ему казалось, что он недостаточно убедительно и ярко говорил. Вечера он проводил с друзьями, приходившими к нему в гостиницу «Москва». Тогда он и узнал, что ему присвоили звание заслуженного деятеля культуры Грузинской ССР. Его поздравляли с этим почетным званием и с избранием VI съездом писателей СССР в правление Союза писателей секретарем⁷⁰. В эти дни Кайсын побывал на радиостудии, поделился своими впечатлениями о работе съезда, и 29 июня в 9 часов утра он слушал свое выступление по центральному радио. Три стихотворения в его исполнении прозвучали на волнах России — «Колосья земли», «Горный поток», «Когда стареет красивая женщина». После Кулиева выступал переводчик его стихов Наум Гребнев. Он тоже читал стихи поэта.

После завершения работы съезда писателей СССР Кулиев приехал в Нальчик и был дома почти целый месяц. Каждое утро его видели на прогулке в парке, он купался в озере, потом лежал на траве в тени ивушки, про которую рассказывал целую историю, как лет 20 тому назад он вместе с Иссой Боташевым посадил маленькое деревцо на берегу озера и каждое утро ходил его поливать. «И вот оно выросло огромным и раскидистым,— говорил он.— Я люблю здесь отдыхать, делать утреннюю зарядку или просто сидеть здесь, глядя на зеркальную поверхность озера...»

Однако часы и дни отдыха были краткими, так как Кайсын не позволял себе долго расслабляться. Поэтому с 20-го по 23 июля Кайсын был уже в Москве по делам издания книги «Живу среди людей» и первого тома собрания своих сочинений. Возвратившись из Москвы, он продолжал активно работать над собранием сочинений, но не забывал и об укреплении здоровья: врачи советовали ему больше гулять на свежем воздухе. И Кайсын

⁷⁰ Литературная газета. 1976. 30 июня.

по утрам ходил пешком в Долинск, купался в бассейне, пил у источника минеральную воду, старался соблюдать режим в питании и работе. В августе вместе с сыном Азаматом уехал на месяц в Прибалтику — в Дубулты, в дом отдыха. Рижское взморье ему очень нравилось, и он отдыхал там раз девять: и один, и с женой, и с детьми. Сыну было уже десять лет, с ним было легко и интересно повсюду. Он был любознательным мальчиком, быстро знакомился с детьми своего возраста, мог целыми днями рисовать, лишь бы были кисточки и краски. Из Юрмалы Кайсын дал две телеграммы домой. Первую для сына Алима: «Нужное для проигрывателя достал. Здоровы. Целую = Кайсын»⁷¹. Вторую телеграмму дал для жены: «У нас все хорошо. Целуем = Кайсын и Азамат»⁷².

К началу сентября поэт вернулся в Нальчик, чтобы собрать и проводить детей в школу: Алима — в выпускной, а Азамата — в третий класс.

Вечером 1 сентября вся семья Кулиевых уселась у телевизора. Показывала Москва. В передаче принимали участие летчик-космонавт СССР Н. Руковишников, поэт К. Кулиев и учащиеся разных классов московских школ. Они рассказывали о себе, своих учителях, о своем увлечении. После них выступал космонавт. Николай Николаевич рассказывал, как он учился, о чем мечтал. И вдруг крульным планом — поля, колыхающаяся пшеница и голос Кайсына:

У всех у нас в начале были речки,
С их берегов мы начинали путь,
В их водах, маленькие человечки,
Учились мы нырять и не тонуть.
Пусть эта речка — малый ручеек.
Ее течение — это твой исток.

Диктор: «Сейчас перед вами выступит народный поэт Кабардино-Балкарии Кайсын Кулиев».

«У человека должен быть свой отчий край, земля отцов и дедов. Это необходимо, потому что связывает человека с его корнями, людьми, которые учат жизни и труду. Такие люди обычно не забываются. Для меня такими были

⁷¹ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 28, л. 1.

⁷² Там же, л. 2.

в родном Чегеме мой тезка, слепой столяр Кайсын. У него были золотые руки, умел делать все: столы, шкафы, детские колыбели. Я тоже спал в колыбели, которую сделал он. Вторым человеком в Чегеме был Исмаил, мой родственник. Он был сказочником, народным ашугом. Мои земляки помнят его песни до сих пор. Третьим уважаемым человеком в моем ауле был Борис Игнатьевич. Он носил пенсне и внешне походил на Чехова. Учил нас русской азбуке и открыл мне мир, великую русскую литературу от Пушкина, Лермонтова до Есенина и Твардовского.

Родной, отчий край всегда воспитывает нас и удивляет.

Блистают звезды, цвет меняют горы,
Снега сползают, розы опадают,
Мне жалко тех людей, которых
На свете ничего не удивляет.

Рождаются великие творенья
Не потому ли, что порою где-то
Обычным удивляются явлениям
Ученые, художники, поэты.

Я удивляюсь и цветам и птицам,
Хоть мне их не понять, как ни пытаюсь.
Я удивляюсь и словам и лицам,
Чужим стихам и песням удивляюсь».

Этими стихами Кулиев закончил свое выступление. Сыновья сидели притихшие и слушали отца. Кайсыну были приятны подобные минуты. Ему казалось, что дети уважают его труд и между ними есть взаимопонимание.

В сентябре у Кайсына было время ответить на письма, присланные ему. Из Чебоксар он получил письмо от супруги известного чувашского писателя Хузантая — В. К. Кузьминой-Хузангай. Она и сын писателя просили Кулиева написать свои воспоминания о Хузангае⁷³. Кайсын знал его по работе, встречался с ним несколько раз.

Получил поэт и приглашение из Союза писателей СССР быть почетным гостем на первой встрече молодых писателей Азии и Африки в Ташкенте, которая должна была состояться с 27 сентября по 4 октября⁷⁴. Кулиев вылетел в Узбекистан и пробыл там до конца форума.

⁷³ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 99, л. 1.

⁷⁴ Там же, ед. хр. 102, л. 1.

Начиная с этого года на Кайсына стали появляться дружеские шаржи. Так, грузинский прозаик Тенгиз Гоголадзе поместил в «Литературной газете» шаржи-портреты на коллег-писателей Р. Рождественского, М. Бажана, В. Шкловского, Ю. Мориц и К. Кулиева⁷⁵. «Всерьез и в шутку» — появились дружеские шаржи Н. Лисогорского⁷⁶. «Изограмма. Кайсыну Кулиеву» — дружеский шарж Игоря Макарова⁷⁷. Кулиев по этому поводу шутил, что они создают ему популярность.

Осень текущего года была для Кулиева порой многих поездок и выступлений. Из Средней Азии поэт вылетел в Москву. Его выступление по центральному телевидению предполагалось на 29 октября. Кулиев приехал намного раньше, чтобы отработать текст выступления. Он должен был выступить с комментариями речи Л. И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС 25 октября 1976 года. Для поэта не составляло труда выступить по этому вопросу, но выступление должно было быть идеологически выдержанным, в духе времени. 29 октября его выступление было передано по московскому телевидению. Свою краткую речь он закончил словами: «Все, что наметила партия, выполним». Верил поэт в то, что говорил, или просто выполнял предписания властей? Вероятнее всего последнее, теперь трудно судить. Отдушину в таких ситуациях поэт находил в стихах, которые писал в 1976 году. О чем-то же говорят эти поэтические строки:

Целый день проведшая в трудах
Птица возвращается в бессилье
В то гнездовье, где ее родили.
Но и птиц одолевает страх,
Что родное дерево срубили⁷⁸.

Перевел Н. Гребнев

Выполнив свой партийный долг, Кулиев приехал домой. Он долго отсутствовал, скучал за сыновьями. Решил, что ноябрьские праздники проведет дома, в кругу семьи.

⁷⁵ Литературная газета. 1976. 14 июля.

⁷⁶ Москва. 1977. № 1. С. 223.

⁷⁷ Литературная газета. 1976. 8 сентября.

⁷⁸ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 23.

Он, как всегда, радовался встрече с родными. Свои чувства и мысли он выражал в стихах:

Здоров я, близкие мои на месте.
И все-таки покоя нет нигде:
Ужели счастлив и спокоен вестник,
Спешащий с вестью о чужой беде?⁷⁹ —

Перевел Н. Гребнев

писал Кулиев в стихотворении «Ужель мое минуло лихо-летье...» (1976).

В воскресный день 7 ноября Кулиев находился на праздничной трибуне рядом с самыми почетными людьми республики. Мимо трибуны проходили колонны трудящихся, те, которых славил поэт в своих стихах. Он стоял в первом ряду и приветствовал демонстрацию. День был пасмурный, моросил мелкий дождь, было холодно. Но Кулиев стоял на трибуне до последнего момента, когда прошли дружинники с красными повязками на рукавах. Поэт им тоже приветливо помахал рукой. Лицо не светилось обычной кулиевской улыбкой, оно было печальным, как этот осенний серый день. Возможно, он думал:

Когда нелегкая дорога
Подарена тебе судьбой,
Когда уже и дней немного
Перед тобой,
Ты должен жить и должен верить,
И скупю дней остаток мерить...⁸⁰

Перевел Н. Гребнев

Кулиев давно мечтал об издании собрания своих сочинений. В 1976 году его мечта осуществилась: в Москве в издательстве «Художественная литература» вышел первый том. Вот что писал по поводу выхода первой книги трехтомника Б. Стукалин, в руках которого находилась вся печать огромной страны: «Искренне обрадовался, встретив среди сигнальных экземпляров только что выпущенную издательством «Художественная литература» первую книгу Вашего трехтомного собрания сочинений.

⁷⁹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 11.

⁸⁰ Там же. С. 12.

В эти часы, когда книга только начинает свое шествие к почитателям Вашего самобытного таланта, захотелось послать автору его детище, поистине ставшее примечательным событием в культурной жизни страны.

Примите, дорогой Кайсын Шуваевич, мои поздравления и сердечные пожелания новых творческих свершений Вашей полюбившейся народу Музе, доброго Вам здоровья, счастья.

С глубоким уважением

Борис Стукалин»⁸¹.

Кулиев был очень доволен. В Нальчике шла подписка на собрание его сочинений (по ул. Ногмова, 35). Об этом сообщалось в газетах. Предисловие к первому тому его сочинений написал известный ученый литературовед Ираклий Андроников. Поэт думал о том, что этот год завершался для него радостными событиями. Выход из печати собрания сочинений был давнишней его мечтой. Он долго работал над ним. И вот первая книга в руках друзей и стоит в личной библиотеке на полке рядом с другими его книгами. Вышла в свет и еще одна книга — «Живу среди людей», рецензию на эту книгу написала исследователь его творчества Т. Эфендиева⁸².

23 ноября Кулиев выехал в Грозный. Там 24 ноября начнет работу пленум правления СП РСФСР под девизом «Борьба за мир — высокий долг писателя». Это был брежневский период, когда все боролись за сохранение и упрочение мира, но ни одно государство, в том числе и СССР, не разоружилось, а, наоборот, наращивало военный потенциал. Однако лозунги о борьбе за мир были в ходу. Кулиев, как и все поэты Союза, писал прекрасные стихи о мире, о борьбе за него. На этом пленуме он, как секретарь правления СП, сделал доклад на тему «Поэзия Северного Кавказа сегодня»⁸³. Свое выступление он начал так: «В познание народа — поэта величье...» Говорил, как всегда, эмоционально, убедительно. Он умел увлекать слушателей яркими примерами, казалось, неоспоримыми

⁸¹ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 76, л. 3.

⁸² Эфендиева Т. «Живу среди людей» // Кабардино-Балкарская правда. 1977. 24 марта.

⁸³ Грозненский рабочий. 1976, 26 ноября; Литературная газета. 1976. 24 ноября.

фактами. В Грозном Кулиев встретился с Р. Гамзатовым, Д. Граниным, Д. Кугультиновым, А. Коптяевой, В. Боковым, С. Орловым. Два дня, проведенные здесь, пролетели быстро.

Вернувшись в Нальчик, Кулиев стал собираться в дорогу. Он беспокоился за Алима. Перед выходом из дома сына не было в квартире, поэтому Кайсын оставил ему записку: «Алимчик, как уеду, живу в постоянной тревоге за тебя. Пойми это. Будь здоров. До свидания. Папа»⁸⁴.

С ним ехала и жена Мака. Он должен был показать ее врачам в Ярославле. Дети оставались дома с сестрой Кулиева. Они выехали в воскресенье, 28 ноября, поездом до Москвы. Вместе с Кайсыном ехали на научную конференцию по линии общества «Знание» преподаватели КБГУ Азрет Малкандуев и Асхат Зумакулов. Они заходили к Кайсыну в купе, разговаривали с ним. Поэт говорил им, что вернется в Нальчик не скоро, так как ему предстоят поездки в Ярославль, Ленинград, Кузбасс. 30 ноября рано утром Кулиев был уже в Москве. Устроившись в гостинице, он пошел в радиокомитет. Там его уже ждали Алим Кешоков и редактора. Поэты должны были выступить со словами приветствия к юбиляру: Н. С. Тихонову исполнилось 80 лет со дня рождения.

В ноябре Кулиев успел выступить и на юбилее М. Дудина: ему исполнялось 60 лет со дня рождения. В связи с этим в Концертном зале им. П. И. Чайковского 19 ноября состоялся вечер поэзии. Вечер вел С. Михалков. Он зачитал приветственное письмо П. Антокольского «младшему товарищу». «Слово о Дудине» произнес Ю. Бондарев. Один за другим выходили на трибуну К. Ваншенкин, С. Викулов, Г. Горбовский, Ю. Друнина, А. Межиров, С. Наровчатов, С. Орлов, Л. Ошанин. Эти поэты-фронтовики читали стихи о войне и о любви к Мише Дудину, бывшему солдату, молодому товарищу и бойцу по оружию. Со словами приветия к юбиляру обратились представители многонациональной литературы — М. Карим, Д. Кугультинов, К. Кулиев, И. Нонешвили, А. Шогенцуков.

Был Кайсын и в Ленинграде, где вечер прошел в Большом зале им. Д. Д. Шостаковича. Кулиев поздравил юбиляра с правительственной наградой — присвоением звания

⁸⁴ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 28, л. 5.

Героя Социалистического Труда. С приветствием выступили и многие другие писатели — Д. Гранин, С. Орлов, Д. Кугультинов, В. Шефнер, Л. Ошанин, Г. Горбовский, А. Чепуров. Побывал Кулиев и на родине Дудина — в г. Иванове⁸⁵.

«Мы дружим с Дудиным давно и никогда ничем не огорчали друг друга,— говорил Кулиев. — И для этой дружбы у нас много есть оснований. Еще в юности Дудин побывал у нас в Кабардино-Балкарии, строил Баксанскую ГЭС и как-то полушутя сказал, что в лампе, стоящей на моем столе, есть маленькая частица добытого им света.

Мы оба крестьянские сыновья и знаем, что такое труд земледельца, знаем, как пахнет свежеспаханная земля. Мне приходилось воевать под стенами Ленинграда в парашютно-десантных войсках. И это, конечно, нас сближает с Дудиным. Можно сказать, это у нас общая память. Я рад, что Михаил Дудин был в моей сакле, видел Чегемское ущелье, наблюдал, как плещется в Жылги форель. Мне нравится то внимание, с которым присматривается Дудин к разным краям, новым пейзажам, новым людям, как он слушает стихи, звучащие на незнакомом языке. Он убежден, что общительность — неотъемлемое свойство поэзии. Может быть, поэтому много переводит»⁸⁶.

М. Дудин написал Кулиеву прекрасное послание «Письмо Кайсыну», которое начинается так искренне:

Кайсын, мне хочется в Чегем,
Под своды старой сакли,
Там угли в низком очаге
И хворост не иссякли.
Там мягок легкий мех козы,
И мы, присев на шкуре,
Поговорим о днях грозы
И предстоящей буре...

Подарил Дудин своему другу еще одно замечательное стихотворение — «Сонет Кайсыну»⁸⁷ (1977).

В этот приезд в Москву Кулиев успел побывать и в Ярославле на приеме у врачей, которые обследовали жену и пришли к неутешительным выводам. Спокойствие

⁸⁵ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 102, л. 16.

⁸⁶ Кто твой друг // Литературная Россия, 1973. 2 ноября.

⁸⁷ Дудин М. Сонет Кайсыну // Собр. соч.: В 4 т. М.: Современник, 1987. Т. 2. С. 302.

и спокойствие — вот что для нее необходимо. Вскоре они вернулись домой. В начале декабря Кулиев был дома, старался уделять внимание сыновьям, ходил в школу, беседовал с классными руководителями, встречался с предметниками, особенно с учителями физики и математики.

Десятого декабря поэт выехал в Москву, а оттуда — самолетом 12 декабря добрался до Кузбасса. О том, что думал он, когда летел, рассказали стихи «Говорю в самолете» (1976):

В небеса вползает самолет —
Словно путник перевал берет.

.

Там, на земле, ютятся города
И дом один, где ждут меня всегда,
Где целовал детей я на прощанье,
И каждый раз я именно туда
Спешу вернуться после всех скитаний⁸⁸.

Перевел Н. Гребнев

Там в течение пяти дней проходили Дни советской литературы. Тринадцатого декабря в Кемерово состоялось их торжественное открытие. В гости к труженикам Кузбасса приехали первый секретарь правления СП СССР Г. Марков, секретарь правления СП Ю. Верченко, писатели и поэты К. Кулиев (Нальчик), И. Нонешвили (Грузия), И. Стаднюк (Москва) и многие другие. 14 декабря Кулиев в составе одной из делегаций выехал в Прокопьевск, там встречался с читателями — рабочими фарфорового завода. Завершились Дни советской литературы в Новокузнецке⁸⁹. Все эти дни, проведенные вне дома, Кулиев с тревогой думал о жене и детях. Из Киселевска он дал жене телеграмму по адресу: «Карашаева, 9, кв. 31. Кулиевой = Здоров. Беспокоюсь о тебе. Срочно шли телеграммы в Кузбасс, Новокузнецк, в горком партии, для меня = Кайсын»⁹⁰.

Вернувшись из Кузбасса в Москву, Кулиев отнес в редакцию «Литературной газеты» свою небольшую статью

⁸⁸ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 20, 22.

⁸⁹ Гости Кузбасса // Литературная Россия. 1976. 14 декабря.

⁹⁰ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 28, л. 3.

«Красавицам нашей земли», в которой от себя лично и от лица поэтов сердечно поздравлял женщин с наступающим Новым 1977 годом. Эта газета как раз вышла 29 декабря, и поздравления Кайсына были как нельзя кстати. Он писал: «Женщина дарит нам жизнь и сама создает. Я помню сердечных и мужественных женщин, спасавших нас на поле боя, лечивших наши раны. Я вспоминаю врача Веру Максимовну Сидорову, я благодарю ее снова и снова за себя и за своих фронтовых друзей. На днях я возвратился из Кузбасса. Каких самоотверженных и мудрых людей я встретил там, и сколько было среди них замечательных женщин: Элеонора Филипповна Тарасова — секретарь Новокузнецкого горкома партии, Лидия Кирилловна Смирнова — заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации Кемеровского обкома КПСС, Инесса Михайловна Полухович — в свои 27 лет уже начальник цеха на фарфоровом заводе в Прокопьевске. Я счастлив поздравить через «Литературную газету» всех женщин, пожелать им в Новом году и во все последующие годы, чтобы успех сопутствовал их славным делам, чтобы они познали высокую радость творчества, материнства, любви.

Да здравствуют советские женщины — красавицы нашей земли! Я написал стихи, обращенные к вам, матери, жены, невесты, подруги:

Вы жизни и в горе не кляли,
Вы нам утешенье несли,
Где вы, там не место печали.
Красавицы нашей земли!»

Перевел Н. Гребнев

15-го и 16 декабря состоялся пленум правления СП РСФСР на тему «Российская литература в борьбе за мир, за разрядку международной напряженности» (О задачах российской литературы в свете решений XXV съезда КПСС). Кулиев присутствовал на пленуме, но не выступал. Он сидел и слушал внимательно доклад С. Михалкова, который, анализируя освоение российской литературой темы мира, отметил, что в «Книге лирики» Кулиева есть и освоение международной темы и эмоциональная выразительность в сочетании с четкой идейной направленностью⁹¹.

⁹¹ Литературная газета. 1976. 22 декабря.

За два дня до Нового года Кулиев еще находился в Москве, потому что 28 декабря состоялось заседание секретариата правления СП СССР. Кулиев выступил на нем как участник Дней советской литературы в Кузбассе, сделал краткий отчет о проведенных Днях, поделился личными впечатлениями об этой поездке, поздравил всех присутствующих с наступающим Новым годом и сказал: «Я хотел бы встретить Новый год в Москве. Видеть ее всегда для меня — благо и награда. «Как с матерью, когда я ни приду, с Москвой встречаюсь. И она мне рада» — это строка из «Стихов, сказанных в Москве зимним днем» (1977).

Слив свет Москвы с сияньем вечных гор,
На всем пути почти что жизни целой,
Я видел мир, и — светел был мой взор,
Хоть не всегда была дорога белой.
И, от обвалов спасшийся не раз,
От гибели под грохотом снаряда,
Я от Москвы не отрываю глаз:
Вновь ее видеть — благо и награда!⁹²

Перевел Д. Долинский

На другой день Кулиев выехал в Нальчик. Он ждал встречи с той, которую теперь любил. Ей он посвятил строки своей неудержимой радости в стихотворении «Хороша ты...» (1976).

Хороша ты и так светла!
Радость встречи с тобой бела,
Как гора, что вся в белизне.
Счастлив — радость ты даришь мне!⁹³

Перевел Д. Долинский

Элизат Кульбаева теперь была для поэта счастьем и отрадой. К ней он стремился и приезжал, отдыхая душой, находя взаимопонимание во всем, что бы ни волновало и ни тревожило поэта.

Дома его ожидала, как всегда, большая корреспонденция. Письма были очень разные по содержанию. Так, кандидат физико-математических наук Юрий Константинович

⁹² Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 33.

⁹³ Там же. С. 32.

Худенский в статье «Люди помнят пришельца из Космоса» затрагивал проблему внеземных цивилизаций и просил высказаться по этому вопросу⁹⁴. Кайсын внимательно прочитал письмо, но отвечать не стал. А вот по поводу письма Григола Чиковани поэт задумался. Дело в том, что Чиковани писал: «...вот уже 23 года ни одному грузинскому писателю не присуждалось ни Ленинской, ни Государственной премии»⁹⁵.

Взволновало Кайсына письмо фронтового друга из Армении Дарбни Аршавира. Он писал: «Сегодня вечером, когда я сидел у себя в комнате и писал письмо в Баку, вдруг вошла в мою комнату супруга Амалия и радостно сказала: «По телевидению выступает наш Кайсын!» Я бегу в другую комнату и вижу, что выступает наш Кайсын, мой Кайсын, мой друг, брат мой, с которым мы провели тяжелые и страшные дни у Турецкого вала...

Я прослезился от радости. Говорил наш Кайсын красиво, от сердца, от души. Образы мастера колыбели, Исмаила, и твоего учителя — Чехова я не забуду никогда!

Кстати, я не забывчив, как ты. Я удивлен, как мог забыть ты нашу фронтовую — самую священную — дружбу?

Ты — поэт, ты — романтик, ты — философ, ты — человек жизни, земли и гор. Стало быть, ты должен лучше всех знать, что у солдата лишь одно святое богатство — фронтовая дружба... А ты все-таки забыл меня. А я помню тебя. И помню Алима Кешокова. Наши фронтовые встречи не забуду»⁹⁶.

Приведем еще одно письмо от молодого ингушского поэта Гарихана Гочияева, по которому можно судить о роли поэтического дара Кулиева.

«...Я буду благодарен Вам всю жизнь,— писал он.— Вы для меня не просто знаменитый поэт, знакомством которого можно гордиться. Вы для меня — любимый поэт, учитель в поэзии. Первое знакомство с Вашими стихами просто потрясло меня... Ваши стихи помогли мне определить свою главную тему — любовь к людям, служение доброте. Мог ли я мечтать в то время, что когда-нибудь буду переписываться с Вами? Нет. Не мог. И сейчас я благодарен Вам за это счастье. Я Вам завидую, Кайсын Шу-

⁹⁴ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 2, л. 1.

⁹⁵ Там же, ед. хр. 83, л. 1.

⁹⁶ Там же, ед. хр. 48, л. 1.

ваевич. У Вас есть самое высокое счастье, о котором только может мечтать поэт: Ваши стихи помогают людям жить»⁹⁷.

В 1976 году было написано всего несколько стихотворений, но все они почти маленькие шедевры, исполненные большого чувства к малой родине. Среди них выделяется «Река Жылги», наполненная воспоминаниями о прошедшем, которое уже никогда не вернуть, но без которого нет ни настоящего, ни будущего.

Ты течешь, река родная,
Как в былые дни текла,
Вечной песней поминая
Годы, коим нет числа.

Перевел Н. Гребнев

Эту речку детства поэт воспевал не раз, без нее нет и его родного Чегема. Она напоминала ему мать, которая в дни своей молодости приходила сюда с кувшином за водой, его отца, пившего ее чистую горную воду. Все минуло, все прошло,

Только ты одна осталась.
И пока стоит Чегем,
Ты жива на радость всем⁹⁸.

Во многих стихах Кулиева семьдесят шестого года бед времени пронизан мыслью о непрочности жизни, ее скоротечности, и новое поколение придет на смену старому, переняв по традиции «...зеленую траву, весенний куст кизила и эту синеву, что небо мне дарило». Связи времен для поэта не рушились, так как он понимал, что они переходили от одного поколения к другому. Дети повторили своих отцов, а внуки шли по стопам дедов. Дети выросли, и судьба мира стала их судьбой.

Всеобща радость и беда от века.
Пусть рухнул не его, а чей-то кров,—
И нету счастья сыну человека,
А я — из человеческих сынов!..⁹⁹

Перевел Н. Гребнев

⁹⁷ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 43, л. 2.

⁹⁸ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 27.

⁹⁹ Там же. С. 11.

Пока был жив поэт, он был уверен в истинности человеческих отношений, основанных на любви, доверии, отзывчивости, потребности одного человека в общении с людьми. Наиболее глубоко и отчетливо эта мысль прозвучала в стихотворениях «Знал я когда-то потери...», «Каких бы ни случилось бед...», «Как листья дерева — от века...», «Жизнь не прожить без черных дней...».

Горя и злобы немало
Видел я в жизни своей,
Строят опять, как бывало,
Козни глупец и злодей.
Но я твержу, как сначала:
«Свет не без добрых людей!»¹⁰⁰

Перевел Н. Гребнев

ЮБИЛЕЙ ПОЭТА

Душу и культуру балкарского народа я познавал через прозу и поэзию Кайсына Кулиева.

Ч. Айтматов

Новый 1977 год Кулиев встретил по традиции дома. В первых числах января он получил много поздравлений. Обратил внимание на письмо от детей армянского поэта Исаакяна. Они писали 4 января 1977 года: «...Ваша поэзия бесконечно дорога нам, она часть нашей жизни, продолжение дела Аветика Исаакяна. Пусть Новый год принесет счастье славному балкарскому народу, ее сыновьям и дочерям. Всегда Ваши — Виген и Авак»¹.

Среди многочисленных писем было и приглашение в СП СССР. Вскоре Кулиев выехал в Москву. На заседании секретариата правления СП СССР Кулиев, как участник Дней литературы в Кемеровской области, сделал такой же отчет, как и в конце декабря в СП РСФСР².

Несколько раз Кулиев побывал на телевидении, его просили принять участие в передаче «Книга в твоей судьбе». Он сам выбрал стихи А. Твардовского из его книги «За далью — даль» и с удовольствием их читал. Читал Кулиев и стихи молодых поэтесс. Эта передача вызвала отклики тех, кто смотрел ее. Одна из поклонниц поэзии писала Кулиеву: «Мой друг! Голубой, нет цветной, как радуга, экран все передал. Ваше одухотворенное от истинности Ваших чувств лицо — все говорило нам. Если не ошибаюсь, особо тепло, с любовью произносили Вы мое коротенькое имя каждый раз, и я гордилась собратом по

¹ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 57, л. 1.

² В секретариате правления СП СССР // Литературная газета. 1977. 5 января.

перу и благодарю за это. Что скрывать, мне приятно слышать от Вас искренние слова. Но мне неловко бывает, что Вас так мучают, Вы так заняты. Нам очень понравилась вся передача по телевидению, она была сделана с любовью и с большим вкусом»³.

Эту передачу «Книга в твоей судьбе» Кулиев смотрел, будучи в Нальчике. Она ему тоже очень понравилась своей искренностью и умением поддержать начинающих поэтов. Рядом с именами прославленных мастеров прозвучали имена молодых.

Поэт был дома, обстановка располагала к работе. Он писал стихи и мечтал о том, что скоро кончится зима. Эти свои мысли он художественно отобразил в «Четырех песенках, сложенных зимой» (1977).

Опять весна придет,
Придет с зеленой ветвью,
Как с долгожданной вестью,
Что сгинул зимний лед ⁴.

Перевел Д. Долинский

В четырех небольших частях поэт коротко рассказал о весне, лете, осени и зиме и воспел их с удивительной простотой.

«У красной скалы в Чегеме» (1977) — снова воспоминания о трудном детстве, когда он слабым и малым ходил с осликами по дрова. Пока он собирал их, животные ушли, «...а осликов и нет, и нет людей, кого б позвать на помощь». И, обращаясь к скале, когда он вновь пришел сюда сильным и взрослым, поэт спрашивал ее:

Ты не забыла это? Что тебе
Десятки лет, когда — века во взоре!
А я все помню, ведь в моей судьбе
Ты — первая опора в первом горе ⁵.

Перевел Д. Долинский

«Зимний день в Чегемском ущелье» (1977) — посвящен брату Исмаилу Кулиеву. Но это послание было песнью во

³ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 57, л. 1.

⁴ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 34.

⁵ Там же. С. 37.

славу Чегема, родного для них обоих, когда они были молодыми и видели не раз «ручьев нетерпенье, падение их с высоты, величие этой застывшей воды красоты...».

А он и зимой полон солнца, родной мой Чегем,
С чистейшей вершинных снегов белизной, мой Чегем,
С кизиловым светом рассветов своих, мой Чегем,
С камнями прогретыми стен вековых, мой Чегем...⁶

Перевел Д. Долинский

В других стихотворениях этого года, таких, как «Пейзаж с осликом», «Четыре выстрела в горах», «Щедрая пора даров природы...», «Мальчик в речку упал...», «Мальчишкой в былые дни...», «Стихи, сказанные солнечным днем в мае», «Мама не пришедших из атак...», те же мотивы: о родном крае, о детстве, о матерях-горянках, потерявших на фронте своих сыновей, о счастье жить и видеть мир.

Несколько не подпадает под эту тематику стихотворение «Марта улицей Праги идет» (1977). Это о поэтессе из Германии Марте Вебер. С ней Кулиев беседовал по вопросам поэзии и перевода стихов во время поездок за границу. Воспоминания о ней сложились в поэтические строки:

Слышишь, Марта, идущая Прагой,
Прощай! Как звезда, далека ты.
Пусть каштаны прошепчут тебе
Моим голосом эти стихи!⁷

Перевел Д. Долинский

Они некоторое время переписывались. В одном из писем Марта писала: «В номере 7 «Советская литература» за 1974 год я с большим интересом прочитала Ваше письмо французскому писателю Роберту Мерлю, в котором Вы, в частности, говорили о Вашей любви к красивым деревьям. Ваши строки взволновали и обрадовали мое сердце, потому что я разделяю Вашу любовь к деревьям. Правда, у нас нет платанов, но есть береза, клен, дуб, липа, ива и сосновый лес, который растет вблизи моего

⁶ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 39.

⁷ Там же. С. 45.

дома: сосны заглядывают ко мне в окно и, сидя за пишущей машинкой, я вдыхаю их пряный аромат.

Вы — человек, тесно связанный с природой и черпаете из общения с ней новую жизненную силу Вашей поэзии. С того момента как я прочитала Ваше письмо, Вы стали каким-то образом мне внутренне близки, стали ближе как друг, которому можно довериться во многих вещах. И я тоже черпаю из общения с нашими зелеными друзьями новое вдохновение, новую радость. Литература — то же самое, что и музыка. Она чувствует себя, как дома, там, где люди исполнены добрых намерений и принимают ее с благодарным сердцем.

...У меня нет друзей, и поэтому я общаюсь с деревьями, с живой природой, с которой можно говорить открыто, раскрываясь в метафорах, которыми поэт всегда располагает в большом количестве»⁸.

Пожалуй, Марта Вебер правильно осознала, что значит для поэта природа. Она для него живая. У Кулиева есть стихотворение «Деревьям родного города» (1977). Вот что они значат для него:

Когда вас белит снег, я бел, как вы.
Мне летом от полуденного жара
Невмочь, как вам, хоть я в тени листвы,
И в дождь я мокну, как и вы — чинара,

Каштан, ольха, акация, платан.
При вас вся жизнь моя — все сны и бденья.
Как счастлив я: нам дар общения дан,
Как рад: мы — собеседники с рожденья...⁹

Перевел Н. Гребнев

6 февраля Кулиев выехал из Нальчика в Москву. Дело было в том, что 14 февраля общественность столицы широко собиралась отметить 70-летие со дня рождения рано ушедшего из жизни Дм. Кедрина (14.II.1907 — 18.IX.1945). В журнале «Молодая гвардия» была опубликована статья¹⁰, начинавшаяся оценкой творчества и личности Кедрина поэтом Кулиевым.

«Если бы меня спросили: что главное в поэзии Кедри-

⁸ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 42, л. 2—3.

⁹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 49.

¹⁰ Стесина С. Поэт сверкающего таланта // Молодая гвардия. 1977. № 2. С. 296.

на? Я бы не задумываясь ответил: большая человечность. А она, думается мне, очень родственна мужеству, без которого немислима настоящая любовь к людям и миру». Эту оценку Кулиев дал давно, когда он жил еще в Средней Азии с 1945-го по 1955 годы. Кулиев был на вечерах памяти своего друга, встречался с вдовой поэта Л. И. Кедринной, поддерживал ее добрым словом, восхищался тем, что она так много делает, чтобы Кедрин не был забыт соотечественниками.

В начале марта Кулиев возвратился в Нальчик. 10 марта он был на работе в Союзе писателей, встречался с другом Тимуром Шахановым, вместе обговорили, как лучше отметить его юбилей в ресторане «Эльбрус». Но Кайсына неожиданно вызвали правительственной телеграммой в Москву, и он не был на вечере Тимура Шаханова. Утром 12 марта Кулиев вылетел в столицу. Надо было формировать делегацию для поездки на Север. Сделав все необходимое, он вернулся и был дома до конца месяца, недели две писал статьи, которые он отнес 5 апреля в редакции газет «Кабардино-Балкарская правда» и «Коммунизмге жол». Много работал над стихами и подстрочниками к ним. А через неделю он снова уехал в Москву.

В середине апреля Кулиев вместе с поэтами Д. Кугультиновым, М. Дудиным, И. Драчом вылетел на Север. Из сообщения «Литературной газеты» он узнал, что на 72-м году жизни после непродолжительной болезни умерла Екатерина Александровна Есенина — родная сестра Сергея Есенина¹¹. Секретариаты правлений союзов писателей СССР и РСФСР, Московская писательская организация выражали соболезнование родным. Кулиев лично знал Екатерину Александровну, в дни праздников, когда был в Москве, ходил поздравлять ее. И вот теперь ее нет. «Осталась племянница Наташа, очень похожая лицом на Сергея Есенина. Она теперь одна из их рода, близкая поэту», — думал Кайсын.

Уезжая из гостиницы «Москва», Кулиев оставил номер, в котором жил, за собой. В нем поселились на время его отъезда сыновья — Эльдар и Алим. Кулиева очень беспокоила их судьба. Кроме того, Эльдар уже год как развелся с Беллой Ахмадулиной и не имел теперь постоянного пристанища. Алим, окончив 10 классов, учился в ГИТИСе

¹¹ Литературная газета. 1977. 13 апреля.

им. Луначарского на актерском факультете. Когда Кайсын бывал в Москве, они приходили к нему, чтобы его навестить и посоветоваться по многим вопросам, которые их волновали и которые они не могли разрешить без его участия. Кайсын, как мог, помогал им, заботился о них, стал строить им кооперативную квартиру.

Теперь, будучи в Норильске, Кулиев беспокоился о них, поэтому дал телеграмму жене: «Нальчик, Карашаева, 9, кв. 31. Кулиевой = Все нормально. Целую. Звоните сыновьям, номер 509 = Кайсын»¹².

Пять дней Кулиев находился в Норильске¹³. Север произвел на него необычайное впечатление. Он был здесь впервые, и его все поражало: ветры, которые дуют почти триста дней в году и скорость которых достигает 28, а то и 44 метров в секунду, около 200 морозных дней, снежные заносы, от которых спасают людей мощные снегоуборочные машины. «Все это непривычно и удивительно мне, выросшему среди чинаровых лесов родного Чегема,— вспоминал впоследствии Кулиев.— Как же велика наша страна, как разнообразны ее ландшафты, ее природа!»¹⁴

Несмотря на сильный ветер, метели, Кулиев ходил по городу, любовался зданиями, разговаривал с теми, кто приходил на их литературные вечера в библиотеки, во Дворец культуры, в клуб строителей, музыкальное училище, в драматический театр. И тогда поэт думал: «Этот город олицетворяет разум человека, силу, мощь его духа, его величие и стойкость. Он символ торжества человека над природой Севера». В этом городе Кулиев встречался со многими людьми, и они произвели на него такое же впечатление, как и сам город. Так, он беседовал с Борисом Ивановичем Колесниковым, директором комбината, где работало почти сто тысяч человек — половина города. Тридцать лет Колесников руководил этим большим промышленным предприятием. Директор обогатительной фабрики Хазбечир Асахметович Базоев, проработавший на ней 20 лет, рассказывал Кулиеву, как строилась фабрика, как она механизирована. А мастер смены Вера Федоровна Силантьева поведала поэту о своей профессии, о том, что

¹² ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 28, л. 4.

¹³ Литературная газета. 1977. 27 апреля.

¹⁴ Кулиев К. Красивы эти люди // Литературная газета. 1977. 27 апреля. С. 3.

она начала свой трудовой путь в год пуска этой фабрики — в 1948 году.

Беседовал Кайсын и со старожилами города. Это пенсионер Михаил Алексеевич Битадзе, приехавший сюда из солнечного и зеленого Тбилиси да так и оставшийся здесь на всю жизнь. Кулиев узнал и удивился, что в городе живут, оказывается, представители всех пятнадцати республик нашей страны. Поэт встретил здесь даже своих земляков из Чегемского ущелья. Один из них — Джонсон Талович Хагажеев, сын кабардинского крестьянина, директор медного завода. Другой — вообще родственник поэта — электрик Хасан Кулиев.

Два дня не могли вылететь из Норильска, так как погода была нелетной. Кулиев, Кугультинов и Дудин сидели в аэропорту и ждали с часу на час объявления о посадке. Но время шло, а метель все не утихала. Телевизор им надоел. Из архива «Литературной газеты» на фото видно, как Давид и Кайсын сидят рядом на диване. Голова Кугультинова покоится на плече Кайсына, и он тоже склонился к нему. Оба спят, а Дудин сидит в кресле напротив них и читает газету.

Вернувшись в Москву, Кулиев ушел с головой в работу. Дел было много и в СП РСФСР, и в СП СССР. Надо было срочно ответить издательству «ДИЛИА», с которым был составлен договор в 1976 году об издании произведений поэта на болгарском, чешском и венгерском языках, когда он был последний раз в Чехословакии. Надо было пойти в издательство «Прогресс», оно должно было выпустить в свет стихи Кулиева на чешском, испанском, английском языках в сборнике «Россия в стихах и прозе» (в 2 томах). В этот сборник вошли два стихотворения поэта: «Женщина купается в реке» и «Колосья и звезды»¹⁵. Кайсын знал, что в издательстве «Народная культура» (НРБ) в сборнике «Советская поэзия 75/76 гг.» опубликовано его произведение «Море»¹⁶, а на английском языке вышел сборник стихов «Трава и снег», переводчик английской редакции О. Н. Шарце, контрольный редактор Р. С. Боброва¹⁷.

...Четвертый очередной фестиваль студентов вузов Се-

¹⁵ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 105, л. 1—15.

¹⁶ Там же, л. 12.

¹⁷ Там же, л. 14.

верного Кавказа проходил в Кабардино-Балкарии. Кулиева пригласили в качестве почетного гостя. В актовом зале университета в конце мая встретились два поколения: старшее, вынесшее на своих плечах тяготы и лишения войны, и молодое поколение. В президиуме сидели: В. К. Тлостанов, К. Кулиев, А. Шогенцуков, К. Л. Карданов, В. Брагин, М. Таукенов, С. Задумкин, В. Лесев.

Приветствовал собравшихся Кулиев, один из тех, кто прославил Кабардино-Балкарию. Вдохновенным словом поэт напутствовал молодых, читал стихи «Все еще впереди!».

Торжественная часть закончилась выступлением ректора КБГУ профессора Тлостанова В. К. В конце своей речи он по установившейся традиции зачислил в почетные студенты К. Ш. Кулиева и вручил ему студенческий билет¹⁸.

В июле и августе Кулиев отдыхал под Ригой в писательском Доме творчества имени Яна Райниса. Отдыхал и работал. Готовил статью «Поэзия Северного Кавказа сегодня» для журнала «Дон»¹⁹, написал письмо Ивану Драчу. Он был переводчиком стихов Кулиева на украинский язык. Драч написал и предисловие «Огонь на горе поэзии» к «Избранному»²⁰. С ним предстояла встреча в октябре в Москве на пленуме. Здесь он узнал, что в поэтической рубрике «Литературной газеты» (1977) отмечались три лучшие поэмы года: «Ночные раздумья старого мастера» М. Бажана, «Поэма Прометея» Ю. Марцинкявичюса и «Песнь моей любви» К. Кулиева. Здесь Кулиев получил от Т. Е. Эфендиевой книгу «Поэзия жизни», которая вышла в Нальчике в этом году²¹. На обложке книги было написано: «Дорогому Кайсыну Шуваевичу, чей талант выражает высокие идеи гуманизма и гражданственности; замечательному поэту, воспевающему любовь ко всему живому, ясное небо, красоту природы, чистые снега родных гор, бессмертный труд хлебопашцев и скотоводов, великих людей человечества — Низами, Саади, Бетховена, Лермонтова, Шопена, Гарсиа Лорку.

¹⁸ Университетская жизнь. Нальчик, 1977. 27 мая.

¹⁹ Дон. 1977. № 6. С. 161—172.

²⁰ Кулиев К. Избранное. Киев, 1977. На укр. яз.

²¹ Эфендиева Т. Е. Поэзия жизни. Нальчик, 1977.

Благодаря Вашей поэзии вековые скалы Чегемского ущелья приобрели философский и поэтический символ, став достоянием миллионов читателей, а маленький балкарский народ через Вашу Музу стал известен всему миру. От автора. 21 июля 1977 г.».

Эту книгу Кайсын получил в Дубулты, когда там отдыхал. При книге находилось и письмо. Вот его содержание:

«Дорогой наш Кайсын Шуваевич, пишут Вам друзья из Нальчика Эфендиевы Салих и Тамара. Соскучились мы по Вас и часто вспоминаем, когда видим Ваше дерево в парке у Комсомольского озера, там, где Вы любите сидеть, гуляя утром в парке. И чтобы освежить воспоминания былого, посылаю фотографии. Ровно год тому назад мы застали Вас на прогулке в парке, и Касым, Ваш родственник, фотографировал Вас и меня вместе. Касыму и Зейтуну я давно отдала фотографии, а Вам все не могла, не было случая, да и редко видимся, хотя и живем в одном городе. Пусть эти фотографии напомнят Вам о родном крае, о нашем замечательном парке. Касым вчера говорил (мы его случайно встретили вечером с дочкой и женой. Они гуляли около фонтанов на пл. Ленина): «И зачем Кайсын отдыхает там, в этом сумрачном краю! Ведь у нас лучше, а в Верхнем Чегеме еще лучше!» Вообще Касым неодобрительно относится к Вашему пребыванию на Балтике.

Если это письмо дойдет до Вас, то я желаю Вам хорошего творческого отдыха. Набирайтесь сил для предстоящего трудового года.

У нас обычные заботы: летние, отпускные. Завтра едем с семьей в Пицунду. Салиху врачи советуют бывать на море, дышать морским воздухом, где много йода. А по мне лучше моего Нальчика и города на свете нет.

Лето у нас было дождливое, солнца было мало, лишь только в конце июля установилась жаркая, солнечная погода.

До свидания.

Посылаю Вам книгу «Поэзия жизни». Мой скромный труд о Вас, о проблемах кулиевского творчества. Не судите меня слишком строго. Всего Вам доброго.

Тамара».

Монографии, написанные о нем, были не новостью для поэта. До этой, присланной ему в Дубулты книги, были еще две монографии — Ст. Рассадина и Н. Байрамуковой. Эти три монографии о Кайсыне, изданные в разных издательствах, были больше нужны авторам, чем самому поэту. В эти семидесятые годы поэт относился к славе равнодушно. Он был достаточно известен в своей республике и вне ее, любим и почитаем среди всех народов СССР. Было, конечно, приятно сознавать, что о нем пишут монографии, но особого восторга он не испытывал, как когда-то, когда была написана о нем первая статья.

К сентябрю Кулиев приехал домой. Надо было подготовиться и встретить делегацию московских писателей. С 12 сентября начинались Дни литературы Москвы в Кабардино-Балкарии. Эту делегацию Кайсын встретил в аэропорту Нальчика. С ним были Т. Зумакулова, А. Шогенцуков, С. Макитов, В. Кузьмин. С букетами цветов они проводили гостей столицы до гостиницы «Россия». Кулиев тепло простился с ними, извинился, что по некоторым обстоятельствам он не может быть вместе с ними в последующие дни.

Второго октября Кулиев выехал в Москву вместе с первым секретарем обкома партии Т. К. Мальбаховым на внеочередную седьмую сессию Верховного Совета СССР девятого созыва, которая открылась в Кремле 4 октября. На этой сессии выступал с докладом председатель Конституционной комиссии Л. И. Брежнев о проекте новой Конституции и об итогах его всенародного обсуждения.

Кулиев все дни работы сессии находился среди друзей, слушал выступления Р. Гамзатова, Г. Маркова, А. Чакковского, но сам не выступал. «7 октября теперь будет Днем Конституции, — думал он. — Мы единодушно приняли на сессии Закон нашей жизни. Каким он окажется для народа и надолго ли?» В перерывах работы сессии Кулиев находил время, чтобы уделить внимание жене Маке (она приехала вместе с ним) и профессору А. М. Аппаеву, которому Кайсын помог лечь в одну из клиник по невропатологическому заболеванию (после паралича). Лечение подходило к концу, и 10 октября, в понедельник вечером, с Курского вокзала Кайсын проводил Маку и Аскера в Нальчик. Немного посидел с ними в вагоне, попрощался и на метро добрался до гостиницы «Москва».

Сразу его охватила усталость, сказалось напряжение последних дней. Хотелось побыть одному.

На следующий день, 11 октября, Кулиев вместе с делегацией был уже в Болгарии. Своей телепередачи с земляками, приехавшими на сессию Верховного Совета как депутаты от Кабардино-Балкарии, он не видел, но уже знал, что 12 октября его земляки не плохо рассказывали о своих достижениях на заводе в г. Тереке и в колхозе «Трудовой горец». Хорошо выступил и сам Кулиев. Он вел эту передачу, и свое выступление закончил словами: «Друзья мои, я уверен, как и наши телезрители, что мы все будем работать каждый на своем месте под солнцем новой Конституции во имя лучшей жизни и процветания нашей Родины». Этого пафосного выступления, трафаретных слов и словосочетаний «под солнцем новой Конституции», «во имя лучшей жизни», «процветания Родины» Кулиев стеснялся всегда, но так было принято говорить.

Из Болгарии Кулиев вместе с делегацией поехал в Польшу. Там должны были проходить Дни советской литературы²². Предстояли встречи с рабочими и интеллигенцией. В эти дни Кайсын встретился с польским поэтом и переводчиком стихов Витольдом Домбровским. Он переводил стихи Кулиева с 1975 года. Они переписывались и дружили уже давно.

О смерти поэта-фронтовика Сергея Орлова Кулиев узнал за границей из газет²³. Его очень опечалила столь ранняя смерть такого замечательного певца русской земли.

Вернувшись на Родину, Кулиев принял участие в объединенном пленуме правлений творческих союзов СССР, посвященном 60-летию Великого Октября. 19 октября Кайсын сидел рядом с другими художниками слова в Кремлевском дворце²⁴. Это были аварская поэтесса Фазу Алиева, Чингиз Айтматов, Иван Драч и др.

Несколько дней октября Кайсын провел в телестудии: готовилась юбилейная передача о нем в связи с 60-летием со дня рождения. В телепередаче принимали участие Д. Кугультинов, М. Дудин и другие поэты, хорошо знав-

²² Газ. «Политика». Варшава, 1977. 26 ноября. С. 9; Литературная газета. 1977. 2 ноября.

²³ Литературная газета. 1977. 12 октября.

²⁴ Известия. 1977. 20 октября.

шие Кулиева. Эта передача намечалась на 1 ноября — день рождения поэта. В этот день он был еще в Москве. С удовольствием вслушивался в свои стихи, которые читали его друзья.

«Я знаю стихи Кулиева, в которых звучит песня детей, травы, горы, и радость, и боль людей», — говорил Д. Кугультинов. Он прочитал стихотворение «Всегда гордился тем, что горец я!»:

Как старый горец любит свой Казбек,
Так я люблю все земли и края.
Но, к родине привязанный навеки,
Всегда гордился тем, что горец я... ²⁵

Перевел Д. Кедрин

«Познание жизни через собственное горе, через собственную печаль — вот что видим в стихах Қайсына», — сказал М. Дудин.

В конце передачи выступал сам Кулиев. Он говорил о своей родине, земле предков. Она вскормила пастухов и поэтов, героев и землепашцев. Здесь поэт впервые увидел рассвет и горы в розовом снегу, веселую речку Жылги и парящего в вышине орла...

3 ноября Кулиев вернулся в Нальчик, а в день 7 ноября он стоял на трибуне и приветственно махал рукой, улыбался, когда мимо трибуны проходили студенты университета.

Одиннадцатого ноября состоялся торжественный вечер в Музыкальном театре Нальчика по случаю 60-летия со дня рождения поэта и награждения его орденом Ленина. Вечер начался в 18 часов. На нем присутствовали гости: Ч. Айтматов, М. Дудин, М. Карим, Зульфия, С. Михалков, В. Рустамзаде, Н. Гребнев, Г. Бородулин, Д. Яндиев, Г. Горбовский, В. Н. Орлов, О. Хубиев, М. Цагораев. Вел вечер председатель правления СП КБАССР А. Шогенцуков.

Первым выступил первый секретарь обкома партии Т. К. Мальбахов. Он сказал: «Мы собрались сюда, дорогие товарищи, чтобы любимому поэту высказать радость за то, что правительство удостоило его высшей награды — ордена Ленина. Разделить с нами эту радость приехали:

²⁵ Кулиев К. Избр. произв.: В 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 84.

гости из Ленинграда, Москвы, Башкирии, Киргизии, Узбекистана, Азербайджана, Белоруссии, Карачаево-Черкесии, Южной Осетии...»

После него А. Шогенцуков дал слово председателю Президиума Верховного Совета КБАССР М. Геттуеву:

«Я выполняю почетную миссию: вручаю орден Ленина Кайсыну Кулиеву за большие заслуги в области развития советской литературы. Желаю ему большой высоты!»

Секретарь обкома по идеологическим вопросам М. Х. Шекихачев сказал: «Народному поэту Кабардино-Балкарии Кайсыну Кулиеву исполнилось 60 лет. Горячо и сердечно поздравляем Вас с высшей наградой — орденом Ленина. Вы продемонстрировали своим талантом умение показать диалектику жизни, сложнейшие человеческие отношения и чувства. Ваше творчество — это достойный вклад в советскую литературу. Оно известно всему миру».

Слово предоставляется Герою Социалистического Труда, секретарю Союза писателей СССР С. В. Михалкову:

«Дорогой Кайсын Шуваевич, сначала разрешите мне огласить приветствие из Российской Федерации Союза писателей: «Примите наши сердечные поздравления в день Вашего 60-летия со дня рождения. Желаем Вам новых творческих удач и побед = Кочемасов».

Дорогие товарищи! Сегодня у нас с вами общий праздник. У народа редко рождаются хорошие стихотворцы и еще реже рождаются такие, как Кайсын Кулиев!

Думаю, что это глубоко символично, что Кайсын Кулиев родился в год рождения советской власти. Они вместе прошли путь испытаний, следовательно, вместе ощутили радость победы и вместе празднуют свое 60-летие.

Кайсын Кулиев — плоть от плоти своего народа. Он вместе со своим народом прошел сложный и доблестный путь, путь огорчений и радости. Беды и огорчения балкарского народа были и его несчастьем.

Мы уверены, что он еще не прошел свой жизненный путь, хотя Кайсын как-то сказал, что он на рубеже старости. Я считаю, что он не прав. Я старше его и знаю, что дело не в паспорте, а в том, что он делает. А делает он очень много, полон творческих сил и очень молод душой. Старики будут смеяться, если сказать им, что он перешел рубеж старости.

Вот в этой кожаной папке лежит приветственный адрес от Союза писателей СССР. Зачитывать не буду. Но ска-

жу, что в честь 60-летия Союз писателей РСФСР и СССР наградили Кулиева автомобилем, но небольшим: он умещается на ладони. Это автомобиль-символ. Во-первых, он символизирует скорость к следующим наградам; во-вторых, он противопоставлен старой арбе и, в-третьих, он — зажигалка.

Кайсын Шуваевич, когда Союз писателей будет справлять Ваш следующий юбилей²⁶, то этот маленький автомобиль увеличится до размеров настоящего автомобиля. Будем надеяться!»

Чингиз Айтматов сказал:

«Я впервые в этом городе. Душу и культуру балкарского народа я познал через прозу и поэзию Кулиева. Здесь живут два брата — кабардинский и балкарский народы, живут дружно, рука об руку трудятся вместе. Это их праздник — праздник великого поэта Кайсына Кулиева. Мне представляется, что в этом факте есть сложная связь. Это чествование дает нам повод чествовать поэта, историю и культуру его народа. Ведь поэзия — это немеркнувшее достояние народа. Не случайно именно поэзия является элементом прошлой культуры. У истинно великого поэта есть свои связи с миром. В один прекрасный день у меня была полемика по поводу поэзии Кайсына. «Он воспеваает вечное: воду, камни, горы, деревья. Но ведь еще Вергилий это все воспел», — говорил мой оппонент. Да! Вергилий воспел все это, но и наши поэты советского времени воспевают то же самое. Поэтому-то нам и дорог Кулиев, что восторженно воспеваает мир: горы, камни, воду, солнце, дождь и снег. Сегодня этому доказательство — любовь к нему людей, которые собрались здесь. Художественная глубина, мужественность, философичность слышатся в его стихах и поэмах.

Наша дружба с ним началась с того времени, когда он был со своим народом, высланным в Киргизию, делил с ним все тяготы и радости жизни. И тогда он вложил большой вклад в киргизскую литературу своими переводами с киргизского на русский язык. Это было в середине 40—50-х годов, поэтому киргизский народ считает его своим кровным сыном и празднует с ним его юбилей. Не надо думать, что 60 лет — это старость.

²⁶ Другого юбилея не будет. Этот юбилей был последним в жизни поэта.

Балкарский народ — маленький народ. И из него вышел большой родник поэзии. Кулиев поднял художественную литературу родного народа на высочайший пьедестал. Он стоит в одном ряду с такими поэтами, как Твардовский, Дудин, Кулешов, Гамзатов. А в мировой поэзии он стоит рядом с Назымом Хикметом».

Айтматов подошел к Кулиеву, обнял его и накинул ему на плечи киргизский халат, дал национальную шапочку и подарил шахматы, где все фигуры — герои Манаса.

Следующим выступал М. Дудин:

«Любезный моему сердцу Кайсын! Ты — настоящий, истинный поэт. А что такое поэт? Поэт — это редкостный человек, который отдает свою душу для народа. А большие и малые народы стоят вровень со всеми. Твои 60 лет — это годы служения своему народу, Родине, Коммунистической партии. Ты есть богатырь творчества духа нашего времени, твоя песнь позволяет приблизиться к человеческому духу людей всего мира.

Мои ленинградские друзья, твои братья по перу, поручили мне от их имени и имени трудящихся Ленинграда передать поклонение твоей Музе, твоему таланту, твоей песне. У тебя, Кайсын, сильные крылья. Будь всегда в полете, наш горный Орел! Будь, Кайсын!

Мы тоже привезли тебе подарки из Ленинграда — ленинградские декреты, благодаря которым ты и твой народ обрели свободу, письменность, культуру».

Глеб Горбовский (Ленинград):

«Позвольте мне обратиться к Вам стихами в прозе:

— С чем рифмуется имя Кайсын?

— Горы!

— Что не вянет на склонах крутых?

— Его улыбка.

— Что не высохло, когда высохло все?

— Вера поэта!..»

В. Н. Орлов подарил Кайсыну картину «Ленинград»:

«Пусть она напоминает Кайсыну о нас, о Ленинграде, где его все любят и всегда ждут».

Далее слово предоставили М. Кариму:

«Дорогие соотечественники, Кайсын Кулиев, дорогие друзья, мы сегодня чествуем здесь не только Кайсына, но и его народ, его время, его чабанов и шахтеров Тырны-ауза. Балкарский народ не просто породил его, а выстрадал. Появление такого поэта было необходимым явлением

жизни, и этот приход был осуществлен в пору Великого Октября. Это значительное национальное явление. Его большая слава идет по всем республикам. Его высокое место определено давно в мировой поэзии и в нашей отечественной литературе.

Я привез тебе, Кайсын, поклон и слова привета от своего башкирского народа и великого башкирского лирика. Они почитают тебя, как мастера и учителя. Прими нашу благодарность! Я кланяюсь тебе и желаю долгой жизни, короткой старости».

Министр культуры КБАССР К. Қ. Эфендиев зачитал приветствие в адрес юбиляра и подарил большую красивую вазу.

Выступала и Зульфия. Она сказала:

«Ассалом-алейкум! Кайсын Кулиев — это выдающийся поэт современности, замечательный человек, и я поздравляю его, как и мой узбекский народ, с днем рождения.

Кайсын Кулиев — это великолепное явление жизни. Кто знает его стихи, тот не может не любить его поэзию. Его книги изданы в Узбекистане на родном языке, наш народ знает и читает Кулиева. Ко дню его юбилея мы подготовили книгу стихов Кулиева, и она будет опубликована в Ташкенте. Стихи Кулиева высоки, как горы, они впитали в себя все оттенки чувств. Балкарский народ породил великого поэта.

Ваш край, Кайсын, удивительно красив. Я рада, что увидела его. Чтобы понять поэта, надо побывать на его родине, среди его односельчан. Кайсына я знаю долгие годы, люблю его поэзию. Жизнелюбие и доброта — характерные качества его поэзии. Рубцы и раны свои поэт прячет умно, но и о них можно прочесть в его стихах. Как человек, Кайсын щедрой и широкой души. Он радостно отзывается на удачи своих друзей, он может исступленно отстаивать правду, бороться за истину. Он искренне восхищается красотой своей и чужой земли, неба, женщины, прелестью ребенка и цветка.

Поэзия знает Алишера Навои. Я не случайно назвала это имя. Я привезла вазу с портретом Алишера Навои, дарю ее Вам. Вы достойны этого высокого имени.

Дорогой друг, наш диван (совет поэтов) приехал сюда, чтобы чествовать тебя, великого поэта современности, желаем на долгие годы сохранить здоровье.

Живите, творите, Кайсын Кулиев».

От жителей г. Прохладного и почитателей его поэзии выступил бригадир строительной бригады Н. Чепурков. Он зачитал приветственный адрес.

Представитель Грузии Карло Каладзе сказал:

«Дорогой Кайсын, почти все сказано. Мой грузинский народ поручил мне чествовать тебя, и я тоже привез приветственный адрес. Грузинский народ желает, чтобы вся твоя жизнь поэта была чиста и высока, прочна, как горы Балкарии. Кайсын — это поэт каждой республики. Он часто бывает везде, но в Тбилиси — чаще всего, чем в других городах. Мы гордимся этим и радуемся, что он пишет на балкарском языке, а читают его по-русски и на всех других языках. Мы гордимся, что он один из лучших поэтов современной мировой и отечественной литературы.

Я думаю, что быть народным поэтом — это значит писать о народе и находить новые формы для выражения своих мыслей и чувств, быть современным, то есть знать, чем живет и как живет его народ. Кайсын именно таков. От имени своих друзей, Кайсын, я поздравляю тебя! Благодарим тебя, что ты воспел и Грузию. В Нальчике я впервые, хотя с Кайсыном я был много раз за границей. Я привез тебе маленький подарок — народный инструмент — ложку для пробы вина.

Пусть живет и здравствует наш Кайсын!»

Далее выступал казахский писатель Нурпеисов:

«Друзья, чувство любви к народу делает поэта всегда высоким. В эти дни Кулиева приветствуют все: прозаики, поэты, рабочие... Перед Кайсыном преклоняется наш видный 70-летний аксакал Альжапар Абишев, поэты и писатели молодой казахской литературы. Все они шлют Кайсыну приветствие и самые лучшие пожелания.

Некогда в прошлом малоизвестная Балкария сейчас хорошо видна и слышна далеко за ее пределами благодаря Кайсыну Кулиеву. Мы отмечаем расцвет балкарской литературы тоже в лице Кайсына Кулиева. Редко кому удастся уберечься от соблазна славы, а он остался скромным, с сердцем гражданина, с умом философа. Я почитатель его поэзии. Он воспевает женщину-горянку, пастуха, столяра, учителя, солнце, горы — то есть все земное, «руки в глине и тесте». Но все это — сплав мысли и чувства. Поэтому его поэзия философична, она нравится всем, так как рождает в нас различные чувства, когда мы читаем

его стихи в подлиннике или в переводах. Он человек и как поэт непреходящего изумительного обаяния. Я по природе своей — человек необщительный, может, поэтому всегда нуждаюсь в нем: часто беру его стихи в руки и читаю. Он становится тогда мне еще дороже и ближе, как будто он понимает меня. Он как поэт наделен огромным талантом.

Обращаюсь к тебе, Кайсын, словами Данте: «Пусть возносится твоя слава над сменой времен».

Под аплодисменты Нурпеисов подарил поэту бархатный чапан с синей шапочкой и камчой.

Земляк Кайсына из Верхнего Чегема, председатель сельского Совета Мухажир Сорбашев зачитал приветственный адрес от имени односельчан и подарил ему бурку, папаху, кинжал.

Григорий Бородулин сказал: «Наши писатели, поэты, весь белорусский народ шлют Вам привет и посылают стихотворение, посвященное Вам (стихотворение он зачитал на белорусском языке). Великому поэту и его народу низкий поклон!» Он подарил скульптурную фигурку зубра и вышитый рушник вместе с приветственным адресом.

Александр Жигатов, первый секретарь обкома комсомола, зачитал приветственный адрес, поздравил поэта с орденом Ленина и подарил ему черную полированную доску с золотым теснением.

Виляет Рустамзаде говорил о том, что все читатели Азербайджана поздравляют его и низко кланяются великому поэту балкарского народа. «Ваше творчество многогранно, известно всем до мировых масштабов,— говорил он,— и стало духовным достоянием всех. Пусть Вам сопутствует удача!

Дорогие горцы, поздравляю Вас с национальным праздником. Мне выпала большая честь поздравить Вас и Вашего поэта от имени белобородых поэтов Азербайджана. У нас Кулиева считают азербайджанским поэтом, как и в любой национальной республике. Правы Ч. Айтматов, М. Карим, Г. Бородулин, сказавшие о том, что Кайсын является именно таким поэтом.

Дарю сааз — старинный музыкальный инструмент.

Великий сын балкарского народа, будь здоров на долгие годы, живи, твори для всех нас, радуй своими великолепными произведениями».

Иван Торба:

«Присоединяюсь ко всем словам, сказанным здесь в честь поэта. Мои долгожители Абхазии подарили Вам белый башлык, чтобы Вы не теряли свою молодость!»

Осман Хубиев зачитал приветственный адрес, отметил «Раненый камень» и «Книгу земли» в числе лучших произведений советской литературы. «Кулиев — один из лучших поэтов нашей страны, достойный наставник молодых поэтов, — говорил он, — своей поэзией он обессмертил себя». От карачаевцев и черкесов он подарил поэту черную бурку из Теберды («К белому башлыку!»), а от студентов Карачаево-Черкесского института вручил поэту портрет Лермонтова.

Сафар Макитов огласил некоторые поздравительные телеграммы — от К. Симонова, Н. Тихонова, Ю. Бондарева и других литераторов. В адрес юбиляра поступили три тысячи телеграмм.

От Северной Осетии выступил М. Цагораев.

«Мы привезли в подарок Кайсыну посуду для вина — чарку и чашу. Я дарю этот бокал, чтобы Кайсын со временем подарил его своим сыновьям, а они, наполнив его вином, подарят своему отцу Кайсыну, когда будут отмечать его 100-летие со дня рождения».

От Чечено-Ингушетии выступил Дж. Яндиев. Он зачитал приветственный адрес и свое стихотворение, посвященное Кулиеву, «Джигит непреклонный...». Подарил статуэтку.

В заключение вечера выступил сам поэт.

«Дорогие друзья, я думаю, что эти минуты самые ответственные в моей жизни. Для этих минут стоило мне прожить 60 лет! Вечер длился три часа. Вы устали. Я буду краток.

Все говорили о моей мудрости, а мне, кажется, всегда не хватало ее. Я благодарю свой народ: он подарил мне свою мудрость, доброту, нежность, мужество, терпение. Он дал мне все, и я кланяюсь ему, кланяюсь своей родине, земле отцов.

Я хочу сказать о своей радости и поблагодарить тех, кто приехал и пришел на мой юбилей. Я тронут такой высокой оценкой, которую дали мне мои друзья: С. Михалков, Ч. Айтматов, М. Карим, М. Дудин, В. Орлов, Зульфия-ханум, В. Рустамзаде и все другие мои товарищи. Пусть никому не будет обидно. Вот перед нами власти-

тельница восточной поэзии ханша Зульфия-ханум! Я благодарю прекрасного поэта М. Карима, крупнейшего юмориста Нурпеисова, замечательного деятеля культуры Орлова. Я бы всех вас славил, да времени нет. Если хватит сил, я оправдаю ваше доверие. Буду писать, много работать. На Востоке есть присловие: «Не менее умен и тот, кто умеет слушать». Я благодарю еще раз всех, кто находится здесь»²⁷.

После торжественной части все гости были приглашены на дружеский ужин в ресторан «Берет». Юбилейная комиссия заранее каждому вручила красочно оформленный пригласительный билет. Было около двухсот человек. Присутствовала и его жена Мака Дахкильгова, но после тоста в ее честь, ее увели домой. До конца ужина была дочь Жанна Кайсыновна, здесь же находился старший сын Эльдар с женой Ольгой Борисовной (урожденной Кузиной). Она казалась совсем девочкой; белокурая, тоненькая и стройная, она всем сразу понравилась. Родом с Тамбовщины, она работала артисткой ТЮЗа. Зарегистрировался с ней Эльдар через полтора года после развода с Беллой Ахмадулиной. Кайсын не препятствовал браку, хотя и было жаль внуку Лизу, ей шел пятый годик, и Кайсын ее очень любил: еще бы, первая внучка от старшего сына. На свадьбу сыну и снохе Оле Кулиев подарил двухкомнатную кооперативную квартиру почти в центре города. И вот они приехали на юбилей отца. Эльдар и Оля радовались успеху и славе отца.

Кулиев сидел в центре, рядом с Ч. Айтматовым, М. Дудиным, М. Геттуевым, Х. Хутуевым, К. Кушховым. Поэт много произносил тостов в честь гостей, выслушивал приветственные адреса, принимал подарки. Вечер был веселым: молодежь много танцевала, музыка играла, не переставая. Украшением зала были степенные пожилые горянки, родственницы Кайсына. Они чинно сидели рядом, накинув на плечи красивые национальные платки и молча рассматривали молодежь. Особенно интересовала сноха Кайсына — Ольга Борисовна, которая много танцевала и совсем не чувствовала стеснения в новой для нее обстановке.

²⁷ См.: Кабардино-Балкарская правда. 1977. 15 ноября; Коммунизмге жол. 1977. 15 ноября; а также материалы архивов телевидения и радиокомитета КБАССР, магнитофонная запись всего вечера, хранящаяся в ЦГА КБР.

новке. Глядя на молодую невестку Маки, они говорили: «Не стесняется старших, какая-то ненадежная как жена». Но они ошиблись. Через два года после замужества Ольга Борисовна подарила Эльдару сына, а Кайсыну — внука. Кулиев предложил им три имени для мальчика — Азрет, Салих и Ильяс. Родители выберут имя «Ильяс» (по-русски: Илья). Белокурый, милый мальчик станет любимцем семьи, а Оля — единственной женой Эльдару на многие годы...

В конце вечера, когда Кулиев проводил почти всех именитых гостей, остались самые близкие родные и знакомые. Сидя с ними за одним столом, Кулиев поблагодарил всех родственников, которые обслуживали гостей, и супругов Толгуровых, Зейтуна и Абидат, которые приняли многих его друзей у себя в сел. Яникое и угостили обедом. У них в гостях были Ч. Айтматов, М. Дудин, Зульфия, М. Карим и другие.

Произнес тост Кулиев и в честь Тамары Эфендиевой, которая написала о нем монографию к его 60-летию — «Поэзия жизни».

В два последующих дня, то есть 12-го и 13 ноября, Кайсын вместе с гостями выезжал на автобусах и легковых машинах на экскурсии. В первый день он побывал с ними в Чегемском районе. Население встречало гостей хлебом-солью. На Чегемских водопадах была первая остановка. Гости уже ждали, и земляки Кайсына вышли навстречу им. Ч. Айтматов и его супруга, К. Каладзе и Зульфия восхищались природой ущелья, а Чегемские водопады поразили их своей необычностью. Айтматов произнес речь о том, что много видел разных городов в различных странах мира, видел людей, их культуру и природу Европы, но горцы из Чегемского ущелья и их уникальная природа — выше всех похвал.

Высокие слова о земляках Кайсына сказал Айтматов и на родине поэта — в Верхнем Чегеме. Громады скал, каменные глыбы, суровая и величественная природа, старинные сакли рода Кулиевых оставили неизгладимое впечатление у всех, кто в первый раз видел Верхний Чегем. Айтматов и Зульфия удивленно смотрели по сторонам, запоминая все приметы горского быта и пейзажа. Чингиз старался говорить с местным населением на родном языке — киргизском, и балкарцы его понимали.

Был Кайсын вместе с гостями и в Приэльбрусье, на Го-

лубых озерах. С ним находились М. Карим, Ч. Айтматов, К. Каладзе, Зульфия, М. Цагораев. Но не было уже М. Дудина: он после вечера, еще 11 ноября, вылетел в Ленинград.

В воскресенье, т. е. 13 ноября, Ч. Айтматов с супругой, Зульфией и Кайсын были приглашены на обед к Танзиле Зумакуловой. Остаток дня они провели в гостях у поэтессы, а 15 ноября Кайсын проводил Зульфию вместе с Зумакуловой в Кисловодск. Там они отдыхали в санатории в течение двух недель. Всем гостям были вручены подарки: кавказские бурки.

Проводив всех, Кулиев стал собираться в Москву. Он вылетел в тот же день, то есть 15 ноября, так как должен быть на очередной сессии Верховного Совета как депутат. Только два дня находился поэт в столице. Ему надо было срочно возвращаться в Нальчик, и 17 ноября он уже выступал на шестой сессии Верховного Совета КБАССР девятого созыва, сразу после доклада депутата М. И. Геттуева²⁸.

В субботу, то есть 19 ноября, Кулиев уехал снова в Москву: там надо было договориться о проведении его юбилея в столице, который был перенесен на 20 декабря. В связи с этим дел было очень много. К тому же Кулиев должен был срочно поехать в Баку по делам издательства и в двадцатых числах ноября поэт вылетел в столицу Азербайджана. До конца ноября Кулиев занимался в Москве различными оргделами и только в начале декабря приехал в Нальчик. Его очень просил композитор Абдин Байчекуев, который создавал музыку на стихи Кулиева и Зумакуловой, присутствовать на записи на телевидении. Готовился вечер композитора. Кайсын не мог ему отказать, понимая, что значит в судьбе человека такая телепередача. И 5 декабря Кулиев выступил по телевидению в Нальчике. Здесь находились и другие поэты и композиторы. В частности, рядом с Кайсыном сидел карачаевский поэт Юсуф Каракетов.

6 декабря в восемь часов вечера в разделе «Для вас моя песня» (о творчестве А. Байчекуева) на балкарском языке прозвучали в эфире Северного Кавказа песни на слова Кулиева и Зумакуловой.

²⁸ См.: Кабардино-Балкарская правда. 1977. 18 ноября; Коммунизмге жол. 1977. 18 ноября.

На другой день в Союзе писателей к Кайсыну подошел писатель Ж. Ж. Залиханов и пригласил на свой юбилей, который должен состояться 9 декабря в помещении нальчикского музыкального училища. Но Кайсын не мог присутствовать и выступать на юбилее. Он объяснил причину, и Жанакант не обиделся на друга, понимая, как важно для Кулиева в этот день быть в Москве.

В тот же день вечером Кулиев вылетел из Минеральных Вод в столицу и пробыл там до начала своего юбилея. Он встречал гостей, размещал их в гостинице «Москва», где остановился и сам. 19 декабря из Кабардино-Балкарии приехала делегация в составе писателей А. Шогенцукова, В. Кузьмина, Т. Зумакуловой, артистов и кинооператоров. Кулиев их встретил рано утром на Курском вокзале. С ними приехала и дочь Кайсына Жанна. Поезд «Нальчик — Москва» прибыл по расписанию в шесть часов утра. Поэт больше всего тревожился, чтобы всем было удобно и приятно в столице. Днем раньше Кулиев встретил, как он обычно называл, «короля поэтов Кавказа» — Ираклия Абашидзе и поместил его на третьем этаже гостиницы, часто спускался к нему и все спрашивал, хорошо ли он себя чувствует.

Вечером этого же дня, то есть 19 декабря, гости стали собираться к Кайсыну в номер. Он жил в люксе 802. Первым пришел его старый знакомый Юрий Иващенко, он когда-то был в зените славы, работал в «Известиях» вместе с зятем Хрущева — А. И. Аджубеем, редактором этой газеты. Иващенко несколько месяцев тому назад тоже исполнилось 60 лет. Он теперь был не у дел и все жаловался Кайсыну, что многие забыли его, и в частности Р. Гамзатов, который обязан ему, Иващенко, тем, что он первый организовал телепередачу о нем и написал статью «Его лирический герой» (о первой книге стихов Гамзатова). «Я его тогда еще защищал, когда Аджубей сказал Гамзатову о том, что он написал антиправительственную поэму — против культа личности Сталина, когда «оттепель» хрущевская кончилась, а кончилась она быстро». — говорил Иващенко Кулиеву.

Кайсын слушал Юрия, отвечал на телефонные звонки. Выбрав время, сам позвонил жене Твардовского и пригласил Анну Васильевну с дочкой на свой юбилей.

Вторым человеком, который зашел поздравить Кулиева, был Юрий Рытхэу. Он только что приехал из Ленин-

града, устроился в гостинице и сразу пришел к Кулиеву. Они обнялись.

— Кайсын, я не был на твоём торжестве в Нальчике, не был в твоём ущелье, не видел Чегемских водопадов, но я хочу увидеть их и твой выносливый народ. Ты прости меня, что я не смог приехать, хотя твоё приглашение я получил. Моя жена Галя не раз говорила мне, что я должен поехать, но по ряду причин не смог. Теперь я поздравляю тебя, Кайсын! — сказал он.

Кулиев поднял бокал и сказал: «За Галину Петровну Рытхэу, самую чудесную женщину, какую я только знал!»

Они говорили в основном о своих друзьях, вспоминали К. Симонова, С. Чиковани, Э. Межелайтиса. Когда разговор зашел о присуждении Госпремий РСФСР, то беседа приняла более оживленный характер. Они говорили о том, кому в предстоящем году возможно стать лауреатом, кто более достоин этой высокой награды.

В это время Кулиеву позвонила дежурная администратор и сообщила, что внизу стоят его жена Мака и сын Азамат, они только что приехали, но швейцар не пускал их в номер. Кайсын быстро спустился, встретил их, проводил в свою комнату. Вскоре они пошли ужинать в ресторан с Касымом Акаевым, родственником Кулиевых. Сам же поэт остался с гостями, встречая вновь прибывших. Им оказался украинский поэт Борис Олейник, лауреат Госпремии РСФСР им. Горького. (Ему дали звание лауреата после Д. Кугультинова.) Кайсын налил бокалы и сказал: «Здравствуй, брат мой! Ты оказал мне честь, когда написал стихотворение «Конь»²⁹ и посвятил его мне. Твое стихотворение лучше, чем мое — «Черный конь умирает на белом снегу». Года два назад мы с тобой были на юбилее Петра Устиновича Бровки. Тогда ты выступил замечательно, просто чудно, мой дорогой Олейник! Ты годишься, Боря, мне в сыновья, но поэт ты прекрасный, заслужил уважение многих старших по возрасту поэтов и мое уважение тоже. Я люблю и ценю твои стихи. Ты и Драч — два замечательных поэта, Олейник и Драч! Эти имена звучат на всю нашу огромную Страну Советов. Этот тост за тебя поднимаем мы!»

Олейник подарил Кайсину книгу «Стихи», открыл ее

²⁹ Олейник Б. Стихи. М., 1976. С. 182.

и прочитал стихотворение «Конь» в переводе Л. Смирнова. Оно датировалось 1973 годом.

«И я к тебе, Боря, хорошо отношусь,— сказал Рыхэу.— Ты хороший поэт. А теперь я прощаюсь, мне пора уходить».

«Погоди,— сказал Кулиев.— Я расскажу один случай, который касается тебя, друг. Мне пришлось много ездить и по нашей стране, и за рубежом. Уверен, что в нашей стране нет ни одного человека, который бы не знал имени Рыхэу. Громадную известность имеешь ты, Юра, и за границей. В этом я убедился, когда был в Вене. Во время выступления среди населения меня спросили, знаю ли я Рыхэу и просили рассказать о нем. Я рассказывал им о народностях Севера, насчитывающих всего несколько тысяч, а то и сотен человек, о том, как они после Октября обрели письменность, создали свою литературу, своеобразное искусство, говорил им и о писателе Ю. Рыхэу, В. Санги, Ю. Шесталове, С. Курилове, Г. Ходжере, П. Киле, о молодой долганской поэтессе Огдо Аксёновой...»

Когда Рыхэу ушел, Кулиев еще долго говорил с Б. Олейником, рассказал ему, как он в молодости любил читать Шевченко. «Я топил русскую печь дровами, ложился на теплую лежанку, читал Шевченко и плакал от восторга. Любил я этого поэта до самозабвения. Он облегчал мне душу, учил жить, бороться и побеждать!» — говорил Кулиев. Потом он с восторгом говорил о замечательном издании «Кобзаря», которое у него есть, и он гордился этим.

Кайсын выразил сожаление, что Олейник не смог приехать на его юбилей в Нальчик. «Как хорошо, что мы встретились с тобой здесь,— говорил поэт,— я ценю тебя и ставлю в один ряд с такими прекрасными поэтами, как Межелайтис, Кутультинов, Карим...» Говорили они долго, вспоминали Ю. Бондарева, Ч. Айтматова, С. Михалкова, грузин Нателлу и Хуту. Больше других говорил Иващенко, а Кайсын и Олейник слушали. К этому времени Мака вернулась из ресторана, уселась в удобное кресло в углу у окна и не проронила в течение всего вечера ни одного слова. Азамат ушел спать в другую комнату.

Разошлись гости поздно, часов в одиннадцать вечера. На другой день в шесть часов утра Кулиев поехал встречать на Белорусский вокзал народного поэта А. Кулешова. Такси было заказано с вечера. День был холодный

и ветреный. Кулиев думал о предстоящем вечере и о том, что сегодня до 19 часов он должен побывать на телевидении, в радиокомитете, встретиться с друзьями и вовремя прийти на юбилей в Концертный зал имени П. И. Чайковского: Через несколько минут Кайсын был на вокзале. На платформе он встретил сына Кулешова, который тоже пришел встретить отца вместе с пожилой москвичкой, много лет дружившей с Кулешовыми.

Через двадцать минут поезд подошел к станции. Аркадий Кулешов стоял у окна, и Кайсын его заметил первым, заулыбался, замахал рукой и что-то закричал, приветствуя его. Сын помог отцу сойти с поезда. Поэты обнялись и пошли к такси. Кайсын благодарил его за приезд и все намеревался взять его маленький чемодан, но Кулешов не позволял ему и говорил, что он легкий и ему не в тягость. Такси ждало Кайсына. Встал вопрос: куда идти Кулешову — к сыну, он очень его просил об этом, или в гостиницу к Кайсыну? Сын убеждал отца, что ему, уставшему, не надо мотаться по гостиницам, у него в центре Москвы трехкомнатная квартира, отца ждут и будут в обиде, если он не придет. Кулиев предлагал сегодня ехать к нему, а уж завтра можно будет поехать и к сыну. Так и решили. Поэты сели рядом на заднее сиденье и сразу стали говорить о переводах стихов Кулиева на белорусский язык.

— Как дети? — спросил Кулиев.

— Отлично, — ответил Кулешов. — В моей семье четыре кандидата наук: сыновья, дочь, невестка. Все работают, внуки растут.

В гостинице ему быстро оформили номер, и он ушел отдыхать с дороги. А Кайсын вместе с кинооператорами В. Вороковым, А. Аттаевым и их ассистентами поехали на киностудию, чтобы сделать киносъемки для хроники.

Мака была поручена Касыму Акаеву, он должен привезти ее и Азамата к семи часам вечера в Концертный зал. Эльдар с Ольгой Борисовной должны были приехать сами.

Вечер, посвященный 60-летию со дня рождения поэта, начался в семь часов вечера. Из приглашенных приехали не все. Не участвовали в вечере Ю. Бондарев, Р. Гамзатов, Э. Межелайтис, А. Межиров, Ю. Рытхэу, А. Тарковский, Н. Тихонов, Г. Эмин. Это был последний вечер в Москве, посвященный Кулиеву. Первый творческий ве-

чер, организованный А. Фадеевым в честь Кулиева-фронтовика, был в 1942 году. И вот через 35 лет наступил и последний. Тогда были среди литераторов А. Фадеев, Б. Пастернак, Н. Асеев, С. Вургун, П. Маркиш, М. Рагим, Д. Кедрин, переводчики В. Звягинцева, М. Петровых, М. Зенкевич. Другое время — другие люди пришли теперь на юбилей Кайсына. Это — председатель вечера С. Михалков, И. Абашидзе, А. Кулешов, Н. Гребнев, С. Данилов, М. Дудин, Е. Евтушенко, М. Карим, А. Кешоков, Я. Козловский, Д. Кугультинов, С. Липкин, И. Лиснянская, К. Симонов, А. Шогенцуков.

«Мы пришли чествовать выдающегося советского поэта, лауреата Государственных премий, народного поэта Кабардино-Балкарии, который удостоен высокой правительственной награды — ордена Ленина, Кайсына Кулиева, — так начал вечер С. В. Михалков. — 60-летний путь поэта — это неуклонное восхождение на вершину, и он прошел вместе с народом большой путь от 1917 года до 60-летия Советской власти. Недавно в издательстве «Художественная литература» вышло его полное собрание сочинений в трех томах. Поэт в расцвете творческих сил. Я много мог бы говорить о нем, но мы решили сделать доклад сообща. Хочу только зачитать вам письмо от старейшины литературы Н. С. Тихонова: «Я очень люблю Чегемское ущелье. Я люблю Верхний Чегем с его легендарными башнями. Здесь прошло детство поэта. Длинный путь прошел Кулиев. Его творчество впитало в себя зной и прохладу родника, звук наковальни, стон раненого дерева, лунный отблеск скал. Кайсын — воин и поэт. Он рожден, чтобы сказать людям: «Ваша боль стала моей болью». И мы верим поэту, потому что он доказал правду жизни своим стихом, который несет свет мужества». Вот это письмо. Остальное добавят мои товарищи по перу».

Адам Шогенцуков, председатель Союза писателей КБАССР:

«Юбилей Кайсына Кулиева в Кабардино-Балкарии прошел как праздник национальной культуры. О нем можно говорить много, как о гражданине в самом высоком смысле, как о воине, который прошел путь от Прибалтики до Сталинграда, как о депутате Верховного Совета СССР, но прежде всего он — поэт, и в этом смысле он высок. Его поэзия вышла из маленького родника балкарского народа и стала достоянием народов Советского Союза

и народов мира. Приобщаясь к его поэзии, мы делаемся чище и выше. Лирический герой Кулиева проходил через равенные камни родной земли и беды Родины. Его герой — гуманист и интернационалист... Оставаясь глубоко национальным поэтом, он обогатил многонациональную советскую литературу. Стихи его чисты, как песни жаворонка, звонкие, как горные ручьи, в них тайный трепет чувства и печали!

Живи, твори и здравствуй!»

Константин Симонов, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий, поэт:

«Дорогой Кайсын, в этот торжественный день, после того как на родине отпраздновали Ваш юбилей, я хочу сказать, что люблю Ваши стихи. Вам бог дал дарование. Но еще больше у Вас мужества, силы воли, и их Вы проявили на войне и в мирное время. Твердость духа — замечательное качество Вашего характера, дорогой друг! Желаю Вам, чтобы Вас еще больше любили за Ваши прекрасные стихи. Живи долго. Пиши, твори!»

Ираклий Абашидзе, вице-президент АН ГССР, поэт:
«Мое выступление на четыре минуты».

«Даю Вам больше,— сказал С. Михалков,— потому что мы с Вами оба заикаемся».

«Кайсын достоин того, чтобы и немые заговорили! Его влияние на людей безмерно. Я люблю его стихи, потому что Кайсын — монолитная фигура. В этот прекрасный юбилей я горжусь его качествами характера и его поэзией. Биография истинного поэта — это биография его страны. Все отражено в стихах Кайсына: война, послевоенные трудные годы. Он тысячу раз заглянул в глаза смерти, когда с винтовкой в руках защищал Россию и Чегемскую землю. Именно тогда он возлюбил жизнь и восславил ее во всех проявлениях. Уверен, что мой друг будет жить и жить, сквозь годы мчась...»

Аркадий Кулешов, народный поэт Белоруссии, лауреат Государственных премий:

«Дорогой Кайсын, ты знаешь, что «Книгу земли» я перевел на белорусский язык. Тебя я знаю давно, люблю как человека и поэта. Сейчас я почитаю твои стихи, которые мне очень нравятся, на белорусском языке». (Прочитал несколько стихотворений на родном языке.)

Алексей Сурков, Герой Социалистического Труда, поэт:

«Вы один из ровесников революции и являетесь живым аргументом того, что принесла Советская власть малым народам. Ваш взлет, Ваше величие — яркое доказательство того, какого расцвета достигла наша культура. Я люблю Вас не только как великого поэта, но и как великолепного человека. Дай Вам Бог быть таким молодым, как наша страна, прожившая только 60 лет!»

Алим Кешоков, лауреат Государственных премий, поэт:

«Дорогие друзья, дорогой юбиляр, мы родились оба на берегу реки Чегем и вместе росли, но не знали друг друга. Познакомила нас Великая Отечественная война, когда мы воевали под Сталинградом. Кулиев прибыл к нам из Москвы в качестве военного корреспондента. Мы вместе участвовали в боях за Ростов, потом были Донбасс, Крым, Севастополь. Свою поэзию мы поставили на службу родине. Все свои чувства я вложил в стихотворение, которое перевел Я. Козловский. Вот оно: «Мы пили воду из Чегема...». Я прочитаю Вам его».

Лев Ошанин, поэт, поздравил Кулиева с 60-летием со дня рождения, прочитал свое стихотворение, посвященное Кулиеву, и шутливо сказал: «Кайсына очень любят женщины, и он увлекался ими. Но женщины тоже бывают разными. Вот тебе, Кайсын, черная девушка» — и подарил поэту женскую статуэтку.

Мустай Карим, лауреат Государственной премии, поэт:

«На родине Кайсына я был в дни его юбилея. Говорил там и скажу здесь, что пророки бывают в своем отечестве. Таким пророком явился Кайсын, которого породил маленький балкарский народ. Ты оправдал надежды своего народа, потому что ты стал замечательным поэтом, его защитником, выразителем его дум, стремлений и чаяний. Я почитаю стихотворение, посвященное Кулиеву. Оно называется «Под солнцем высоким...».

Сергей Михалков, поэт:

«Любой поэт, пишущий на родном языке, не был бы известен, если бы не было переводчиков. Поэтому я представляю слово переводчику Кулиева — С. Липкину».

Семен Липкин, переводчик, поэт:

«Впервые я увидел Кайсына, когда ему было двадцать лет. Он порастил меня большим знанием русской поэзии и ярким, самобытным талантом. Поэтами рождаются, а не делаются. Он принадлежит к вершинам мировой ли-

рики. Я прочитаю то стихотворение, которое мне дороже всего. Это «Погонщики мулов».

Николай Замдинов, поэт из Бурятии:

«Основой всему является солнечный луч, и я привез его из Бурятии, а вместе с ним трубку, изделие бурятских мастеров. Они дарят Кайсыну свое мастерство — великому мастеру стиха.

Я люблю поэзию Кулиева и прочитаю то стихотворение, которое мне нравится, — «Кремень, кремень...».

После Замдинова на сцену вышел с хором мальчиков известный певец Иван Семенович Козловский, и они запели «Сейте разумное, доброе, вечное...».

Кайсын и Козловский обнялись. Иван Семенович один исполнил в честь Кайсына песню «Вечерний звон», потом подарил Кайсыну венок, который надел ему на голову. «Увенчал лаврами», — шутил певец, а хор в это время исполнял: «Слава! Слава! Слава!»

Далее выступали переводчики стихов Кулиева Инна Лиснянская и поэт Семен Данилов из Якутии. Он сказал: «Приветствую Кулиева от края, где морозы достигают 60 градусов. Но и там живут люди, трудятся, любят хороших поэтов и знают цену теплу. За теплоту поэзии любят северяне Кулиева и считают его одним из лучших поэтов.

Я перевожу стихи Кулиева на якутский язык и одновременно учусь, как надо писать настоящие стихи. Прочитаю стихотворение Кулиева на якутском языке. У нас на Севере уважают старших. Я немного старше Кулиева, но чувствую себя перед ним как младший брат и его друг. Поэтому приветствую его как друга!

Желаю крепкого здоровья, чтобы жил он на благо своего народа, писал о нем и прославлял его. Передаю ему приветственный адрес и добрые пожелания от всего якутского народа».

Белла Ахмадулина, поэтесса:

«Как человек, Кайсын замечательный, прекрасный, удивительный! Такой же и он поэт — удивительный, прекрасный, замечательный.

Да, Кайсын обрел любовь людей. Лучше расточать любовь, чем слушать преклонение. Кулиев как поэт прекрасен на своей земле и ему идет быть там. Лучшее лицо и лучшие глаза у Кайсына тогда, когда он видит свою родную землю и находится среди своих земляков.

Герои Кулиева — это люди труда, герои войны. Он вос-

пел лунный свет, море, тишину, горы, снег на вершинах скал. Что суета, а что нет — Кайсын знает. Я прочитаю стихотворение, которое перевела, — «Чокка».

У юбиляра должны быть неожиданности. Я тоже приготовила ему подарок: перевела стихотворение «На этом камне нищий и мудрец...» и сейчас я его читаю.

Наум Гребнев, переводчик, поэт, заслуженный деятель искусств КБАССР:

«Я читаю два маленьких стихотворения, которые я перевел недавно. Вот одно из них — «Когда нелегкая дорога...».

Желаю юбиляру долго жить и писать прекрасные стихи».

Танзиля Зумакулова, лауреат Государственной премии РСФСР, поэтесса:

«Очень много было сказано о Кайсыне самыми уважаемыми людьми, известнейшими поэтами. Верно, Кулиев совершил подвиг. Таким простым языком воспел свой народ, сделал его известным. Кайсын — плоть от плоти своего народа. Я благодарна судьбе, что читаю Кайсына на своем родном языке. Благодарна ему и за то, что он всегда поддерживал нас, молодых поэтов, и мы иногда берем его поэтические образы и следуем его традициям. Так, я уверена, что «Конь» Б. Олейника навеян стихотворением Кулиева «Черный конь умирает на белом снегу...». Считаю, что благодаря поэзии Кулиева читатель стал более требовательным к поэтической строке и выражению чувства и мысли.

Кулиев научил своих учеников понимать поэзию и друг друга, понимать язык трав, скал и птицы, потерявшей гнездо.

От имени писателей Кабардино-Балкарии я говорю Вам большое спасибо за Ваши чудесные стихи, за большую школу творчества».

Евгений Евтушенко, поэт:

«Слово «поэт» у нас произносят с большим уважением, так как он является защитником народной судьбы, народных интересов и чаяний, боли и радости людей, их чувств. Все эти качества принадлежат Кулиеву. Совесть его чиста, как чиста его поэзия. В Чили и до Неруды были большие поэты, но Неруда поднял поэзию Чили на небы-

валую высоту. Маяковский сделал то же самое, подняв советскую поэзию. Кайсын — это дитя родных гор — поднял балкарскую поэзию до самых высоких вершин Эльбруса. Родные скалы подарили ему ритмы и звучание, родная земля дала ему силу и смелость дерзаний. И когда у него иссякали силы, он припадал к источнику живой воды — к родному фольклору.

Он знал трудности жизни, беды и злоключения, радости и счастье. Теперь он переносит новую ступень жизни: вынести все, когда его только хвалят».

Давид Кугультинов, народный поэт Калмыкии:

«За многие годы дружбы с Кайсыном (война, послевоенное время, 70-е годы) я узнал его очень хорошо и как человека, и как поэта. Все это я выразил в своем стихотворении, посвященном ему, «Приснились джунгли мне во сне...».

Сегодня о нем говорили много хороших слов, я скажу о другом. Вспоминаю, как мы однажды сидели и смотрели на вершину горы. Он смотрел неотрывно. Я его спросил: «О чем сейчас думаешь?» Поэт ответил, что подумал о вечности и мимолетном счастье — вот сидеть с любимым другом и смотреть на скалы.

Расскажу и о другом случае, когда я был за границей. В Индии меня спросила одна девушка: «Как поживает автор стихотворения «Женщина купается в реке»? А другая тоже поинтересовалась, где сейчас автор, чьи строки цитировала Индира Ганди — «Первой пулей на войне любовью поражают сердце материнское...».

Мне, как и всем людям земли, нравится поэзия Кулиева. Я прочитаю свое любимое — «Когда стареет красивая женщина...». Эти строки Кайсына я прочитал в свое удовольствие. Люблю читать его замечательные стихи!»

В заключение вечера выступил сам юбиляр. Он сказал: «Я люблю язык моего народа, он был для меня колыбельной песней и лучом солнца, который падал на дворик моей матери и на ее руки, на подсолнух, выросший около моего отчего дома.

В этот торжественный вечер в знак почтения к родному языку я прочитаю стихотворение на балкарском языке. В этом зале много читали моих стихов. Я благодарю всех за это. Но я хочу прочитать еще одно, которое перевел Н. Гребнев. Это — «Мать» («Проходит женщина к себе в аул...»).

Спасибо, вам, мои друзья, что вы пришли сюда. Вы, собравшиеся здесь, пришли ко мне из-за уважения к моему народу. Считаю радостью для себя, большим счастьем, что моя скромная работа оценена так высоко моим правительством: меня наградили орденом Ленина — высшей наградой страны».

Поэт закончил свое выступление чтением стихотворения «Колосьям на земле и звездам неба я поклоняюсь...».

На вечере присутствовал Г. Марков, но не выступал. Он сидел в центре, рядом с Кулиевым. Тамара Эфендиева подарила юбиляру красные гвоздики. «Это были на юбилее единственные цветы», — сказал потом поэт. Эти гвоздики он подарил жене И. С. Козловского, когда они уходили с вечера раньше других и Кайсын провожал их. На концерт супруги не остались, вероятно, они устали от суматохи, да и возраст у них был преклонный.

Концерт был проведен силами артистов, приехавших из КБАССР. Сергей Беппаев, Исмаил Жанатаев, Людмила Кульбаева пели песни на слова Кулиева, исполнялись национальные танцы. Кулиев и гости сидели в первом ряду. Когда исполнялась песня «Эльбрус», то И. Абашидзе тихо подпевал и притоптывал ногой в такт музыки. Потом Кулиев, уже после концерта, с возмущением будет говорить, что Министерство культуры республики плохо отнеслось к подготовке концерта, не было даже зурны, бубна и других музыкальных инструментов.

До гостиницы Кулиев ехал в машине Гребнева, который сидел за рулем. Рядом сидели Абашидзе и Мака.

После юбилея Кайсын еще несколько дней оставался в Москве. 21 декабря он прослушал по московскому радио свое выступление; проводил каждого из гостей, кто приезжал на его юбилей. А 22 декабря, когда закончились съемки по телевидению, Кайсын пошел в гостиницу «Россия», где жили его дочь Жанна и Танзиля Зумакулова, чтобы проститься и с ними. Жанна и кинооператоры выезжали 24 декабря. Днем Кайсын, его дочь и Танзиля гуляли на Красной площади. Кулиев любил бывать здесь. В этом зимнем декабрьском дне было что-то необычно прекрасное: искрящийся на солнце снег, небольшая поземка и рядом шли милые ему люди — Жанна и Танзиля.

Вот снова я в Москве. И снег идет,
Как шел он в мои годы молодые.

И я уже не тот, и снег не тот.
Но он идет, он каждый раз — впервые! ³⁰

Перевел Д. Долинский

Это начало «Стихов, сказанных в Москве зимним днем» (1977). Очевидно, так думал поэт, когда шел по Красной площади, направляясь в гостиницу «Россия». Внешне он выглядел спокойным, но каким-то усталым. Вся эта предъюбилейная и юбилейная суeta утомила его. Кайсын зашел в гостиницу с главного хода. А вскоре Жанна и Танзиля присоединились к нему. Кайсын сразу сел в кресло и тяжело вздохнул. «Все окончено. Через два дня выеду и я домой», — сказал он, прикрыв чуть глаза. За сыновей он был теперь спокоен: Эльдар работал на киностудии Горького, Алим учился в ГИТИСе.

25 декабря Кулиев вылетел в Нальчик. Его провожали сыновья.

Все предновогодние дни Кайсын находился дома, принимал новогодние поздравления и сам писал их друзьям и знакомым.

31 декабря 1977 года в 19 часов 35 минут по местному телевидению население Кабардино-Балкарии видело своего любимого поэта и слышало его новогодние пожелания. Кайсын поздравлял всех с наступающим 1978 годом и читал свои стихи. Днем раньше по центральному радио из Москвы звучали поздравления Кулиева и его известные строки, посвященные первому учителю русского языка Борису Игнатьевичу:

Мне в сердце запали уроки,
Когда я впервые постиг
Зовущий, как мир, и широкий,
Чарующий русский язык...

* * *

Новый 1978 год начался для поэта с его выступления по телевидению. Миллионы телезрителей 1 января в 00 час. 05 минут в «Голубом огоньке» по 8-му каналу Москвы слушали поздравления Кулиева с наступившим Новым го-

³⁰ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 32.

дом. Кайсын читал свои стихи. Это была звукозапись от 20 декабря 1977 года, когда он после своего юбилея утром пошел на телестудию и, прилагая большие усилия (он очень устал после своих юбилейных вечеров), усердно выполнял все указания и требования работников телепередачи.

Почти весь январь поэт был в Нальчике. Предстоял торжественный вечер чествования балкарской поэтессы Т. Зумакуловой. Поэт по ее личной просьбе должен был вести вечер. А пока он ходил на работу в Союз писателей, писал письма друзьям и выполнял разную общественную работу и как депутат, и как секретарь правления СП. 20 января он написал директору центрального госархива КБАССР Горбатовской отношение следующего содержания:

«Я, Кайсын Кулиев, разрешаю пользоваться своим архивом, поступившим к вам, в ЦГА КБАССР, в частности тем разделом фонда, где содержатся письма к Кулиеву его друзей, знакомых, писателей, поэтов, общественности и т. д., преподавателям Кабардино-Балкарского госуниверситета — Эфендиевой Тамаре Емельяновне и Эфендиеву Салиху Ибрагимовичу.

К. Кулиев».

Вечером этого же дня, открывая вечер, посвященный Т. Зумакуловой по случаю присвоения ей звания лауреата Государственной премии РСФСР им. Горького, Кулиев говорил:

«Дорогие товарищи, мы собрались сюда, чтобы отметить радостное событие в жизни нашей республики: одна из наших лучших поэтесс — Т. Зумакулова удостоена звания лауреата Государственной премии.

Почитаю большим счастьем выступить здесь, когда мы чествуем выдающуюся поэтессу, сделавшую очень много для нашей прекрасной родины. От имени всех друзей поэзии, от имени всех писателей, поэтов, художников, композиторов, студентов, то есть от всего нашего народа, приветствую Зумакулову с этой большой наградой Российской Федерации. Правительство Советского Союза, Комитет по присуждению Государственных и Ленинских премий, Союз писателей РСФСР оказали нашей республике, нашему народу большую честь, дав звание лауреата Государственной премии РСФСР одной из крупнейших поэтесс

не только на Кавказе, но и во всей стране. В великой российской поэзии ее имя звучит среди крупнейших поэтесс страны, стоит в одном ряду с ними.

В своем недавнем прошлом наша республика не имела своей письменности, культуры, сегодня мы имеем все, что нужно человеку для духовного развития, и наши талантливые поэты выходят на орбиту созвездий литературного мира. Ее награда — это яркое свидетельство того, что дала нам Советская власть, дал Великий Октябрь. Поэтому, когда Зумакулова получила эту высокую награду наряду с другими лучшими поэтами страны, для нас всех — это большое, радостное событие. В этот замечательный час я хотел поздравить всех присутствующих с этой премией, всех ее друзей, близких, родственников, особенно ее мать, которой мы обязаны тем, что она вскормила и воспитала ее.

В этот вечер пожелаем Т. М. Зумакуловой новых книг и больших творческих удач. Разрешите, товарищи, открыть вечер, посвященный Т. М. Зумакуловой, лауреату Государственной премии РСФСР. Выступать будут все талантливые люди, а это значит — коротко и ясно». (В зале раздался смех и аплодисменты.)

Вечер прошел успешно, было сказано много добрых слов в адрес поэтессы. Кайсын весь вечер был веселым и радостным. В зале музыкального училища, где проходил вечер, присутствовали жена поэта Мака Дахкильгова и дочь Жанна.

После вечера Кулиев был на дружеском ужине в ресторане «Эльбрус». Много танцевал, смеялся в кругу друзей. Глядя на него, можно было представить себе счастливого человека.

В воскресенье, т. е. 22 января, он выехал в Москву, чтобы оттуда (после небольших дел в издательстве) выехать в Ленинград на свой творческий вечер. Здесь все уже было подготовлено Союзом писателей к приему К. Ш. Кулиева и его гостей из Кабардино-Балкарии. Для них были забронированы номера в гостинице «Европейская», расклеены объявления, опечатаны и разосланы приглашительные билеты, оповещены творческие организации и т. д.

Кулиев прибыл из Москвы «Стрелой». С ним должен был приехать сын Алим. Они заранее договорились встретиться на вокзале. Кулиев приехал за полчаса до отправления поезда и все ждал сына, волновался, но тот опоздал.

Кайсын на ходу вскочил в вагон и уехал в Ленинград один. В Ленинграде его встретили дочь Жанна (она выехала сюда 21 января), М. Дудин, Г. Горбовский, и прямо с вокзала все поехали в гостиницу. В этот же день, т. е. 26 января, в ленинградской госфилармонии им. Д. Д. Шостаковича в большом зале состоялся вечер поэзии, посвященный 60-летию К. Ш. Кулиева. Вел программу М. Дудин. Выступали А. Шогенцуков, Г. Горбовский, Д. Кугультинов, Д. Хренков, Ю. Шесталов, Н. Гребнев, Т. Зумакулова, А. Межиров. Не приехали, хотя и были приглашены и значились в программе, Д. Гранин, С. Липкин, И. Лиснянская, А. Чепуров, Я. Смоленский.

В начале вечера зачитали приветственное письмо юбиляру от доктора филологических наук, профессора В. Н. Орлова, его на вечере не было, так как он лежал в это время в больнице. На другой день Кайсын ездил навестить его. С ним были М. Дудин, Д. Кугультинов. Всего три дня поэт был в Ленинграде, дел особых здесь у него не было, и он вернулся в конце января в Нальчик. Работал в Союзе писателей, дома по вечерам писал стихи, делал подстрочники к ним. Зима в этом году была снежная, обильные снегопады затрудняли поездки в Верхний Чегем. И однажды он написал «Стихи, написанные зимней ночью в Чегеме» (1978):

Будто конца не будет зиме —
Такой снегопад большой.
А в мире у скольких пусто в суме
И ни гроша за душой³¹.

Перевел Д. Долинский

Так думал поэт, болея душой за тех, кто не имел крова, кто сбился в пургу и метель с дороги, кто стал скитальцем не по своей воле. За всех тревожился Кайсын и признавался, что его «сердце не может жить без тревог. Как же не горевать о тех, кто сейчас на ветру продрог...».

³¹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 94.

НОВЫЙ ПОВОРОТ В ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ ПОЭТА

...Мне светло до слез
От этой красоты в моем Чегеме.

К. Кулиев

 еперь Кулиев редко бывал на Карашаева, 9, у жены Маки. Он купил небольшой дом в селении Чегем I, по улице Степной¹. Не сам дом понравился, привлек внимание поэта сад. Деревья в нем были разные: яблони, груши, сливы, черешня, вишня. Дом был без удобств, предстояла работа по благоустройству. Все нужно было строить и устанавливать заново — от забора, ворот до ванной и канализации. Жил в этом доме пока поэт один, ему по хозяйству помогали родственница из рода Кулиевых и ее муж.

Первым посетил поэта в его собственном доме Н. Гребнев. Он побродил по саду, по улице Степной, увидел окраину села и пошутил: «Теперь у Кайсына есть своя Ясная Поляна. Тут будут собираться друзья поэта». Для Наума Кулиев выхлопотал через обком партии легковую автомашину «Москвич» новой марки и довольный тем, что исполнил просьбу друга, проводил его в Москву. Он остался один в своем доме и решил описать свой сад. Стихотворение он назвал «Мой сад зимой» (1978). Вот его начало:

Как в садике вновь тихо у меня —
В снегу тишайшем зыбко светят выси!
Мне кажется: в любое время дня
Деревья понимают мои мысли.

Цвет белый яблонь, груш и абрикос,
Как близок он моей извечной теме —
Добру и Свету! Мне светло до слез
От этой красоты в моем Чегеме².

Перевел Д. Долинский

¹ Теперь эта улица называется именем Кайсына Кулиева.

² Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 93—94.

Но поэту, видно, на рёду было написано — быть постоянно в дороге и в тревоге. Он получил печальную весть: 4 февраля 1978 года умер его переводчик и друг — поэт Аркадий Кулешов. Кулиев срочно вылетел в Минск. Еще совсем недавно, т. е. 20 декабря 1977 года, Кулиев встречал его на Белорусском вокзале в Москве. Аркадий Александрович тогда приезжал на юбилей Кайсына, и никто не мог предположить, что осталось ему жить только 44 дня. Был он тогда полон энергии, думал о предстоящих делах, о переводах стихов Кайсына на белорусский язык и все рассказывал Кулиеву о своих творческих планах. Жили они в гостинице почти рядом — на одном этаже, у Кайсына был 802-й номер, у Кулешова — 825. Вместе они ходили завтракать, гулять. Их обычно сопровождали Ахия Ахматов и Касым Акаев. И вот белорусского поэта не стало.

В «Литературной газете» от 8 февраля 1978 года появился некролог, его подписали шестьдесят пять человек, в том числе и Кайсын Кулиев.

Через два дня после похорон он вернулся в Нальчик. Ему предстояло выступить в телепередаче о Т. Зумакуловой. Он несколько раз ходил на телезапись. И 16 февраля телезрители смотрели передачу о поэтессе. Выступали К. Кулиев, М. Мокаев, а также другие поэты. В ее честь был дан концерт артистами музыкального театра.

Почти полтора месяца Кулиев жил безвыездно в Чегеме I, в своей усадьбе, наслаждаясь тишиной и уединением. Он по-прежнему жил один, иногда его навещали друзья и родственники, которым он был всегда рад. Так, 26 февраля он встречал в своей усадьбе скульптора Михаила Тхакумачева и двоюродного брата по материнской линии Азрета Элекуева. С авоськами и сумками в руках они остановились у ворот дома Кайсына. Он вышел им открыть калитку. Одет был по-крестьянски: в полушубке, на ногах солдатские сапоги, на голове рыжая меховая шапка. Лицо поэта счастливое и веселое: их всех троих ожидает шумное застолье. Такими их запечатлел фотограф. Отсюда, со Степной улицы, поэт почти каждый день приезжал на работу в Нальчик, выполняя разные дела, забирая почту и отвечая на многочисленные просьбы. А дома его никто не ждал, кроме верного пса Бойнака, к которому он очень привязался и даже описал его в стихотворении «Снежный день в Чегеме» (1978):

В этот снежный день в Чегеме
Приболел я. Но сдаваться
Не хочу недомоганью —
У окна сижу. Пишу.
И Бойнак, мой пес любимый,
Будто понял, что мне худо,
Приуныл, притих. Лежит
Под окном, уткнувшись в лапы,
Умные глаза тревожно
В мою сторону кося³.

Перевел Д. Долинский

Был также душевно привязан поэт и к другим животным, которые жили у него в доме. «Два кота еще. Солма-ном одного зовут, Хажасом звать другого». Обращаясь к своим молчаливым друзьям, понимавшим взгляд поэта, Кулиев в эти мгновенья вспоминал детство, мать, вспоминал,

...как в горах мы жили.
Вот в такой же белый-белый
Давний день пылал очаг
В нашем доме. Тишь. Тепло.
И на дом, на двор, на горы
Падал снег...

Ах, годы, годы!⁴

Перевел Д. Долинский

В 1978 году поэт много пишет, и его публикуют в различных журналах, периодической печати — центральных и местных газетах. Так, в «Литературной газете» (1978, 4 января) были опубликованы такие стихотворения, как: «Здесь буря бушевала...», «Все в мире, слава богу...», «Тот белый перевал...», «Пусть истина стара...», «О любви эта книга...» и др. В этот же год о нем много статей было опубликовано в Москве, Тбилиси, во Фрунзе⁵, а журнал «Юность» обратился к Кулиеву, как и к Ч. Айтматову и К. Симонову, с просьбой ответить на вопросы анкеты о своем литературном дебюте. Они откликнулись и каждый рассказал о времени и о себе⁶.

³ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 96—97.

⁴ Там же. С. 97.

⁵ Мкртчян Л. М. Родное и близкое: Статьи. М., 1978. С. 105—159; Асатиани Г. Слово о поэте // Литературная Грузия. Тбилиси, 1978. № 1. С. 146—148; Эфендиева Т. Е. Певец дружбы // Литературный Киргизстан. Фрунзе, 1978. № 1. С. 109—113; и др.

⁶ См.: Юность. М., 1978. № 5. С. 66—79.

Три месяца — январь, февраль, март — пролетели для поэта быстро. 10 апреля, пробыв целый день на работе в Союзе писателей, он простился с друзьями, и они его проводили в пять часов вечера на девять дней в Москву. Поэт вылетел самолетом из аэропорта «Нальчик». Кайсына не было на родине, а песни его звучали в четверг 13 апреля в исполнении Кобзона, Зарубина, Жеттеева и других известных певцов. Жизнерадостные мелодии и слова таких стихов, как «Все еще впереди...», «Баллада о черном коне», «Скалолазы», поддерживали в людях веру в то, что в жизни стоит бороться с трудностями и побеждать...

В Москве поэт пробыл недолго. В составе небольшой делегации он и Танзиля Зумакулова вылетели из Москвы в Таджикистан на юбилей Садриддина Айни — 100-летие со дня рождения. До 20 апреля они участвовали в торжествах, много выступали среди населения республики, а по возвращении в Москву они писали краткие отчеты в секретариат СП СССР.

22 апреля, в день рождения В. И. Ленина, как всегда по традиции, звучали в эфире по всей стране стихи о нем. По местному радио на балкарском языке читал о вожде отрывки из «Горской поэмы...» Кулиев. Запись была сделана намного раньше — еще до отъезда в Москву.

Цветущий май Кайсын встретил на родине. Две недели сразу после праздников он провел в заботах и в «добывании» различных строительных материалов для дома: он начал ремонт. Предстояла большая работа, и Кайсын буквально метался по хозмагам, искал то одну, то другую необходимую вещь. Теперь его окружали то водопроводчики, то сантехники, то жестянщики, то каменщики. Так, 16 мая, во вторник, он был с утра на базаре в Нальчике и с каким-то «специалистом» покупал гвозди, шурупы, вентиля в хозмаге и все сокрушался, что нет необходимых вещей, а где взять — он не знает. Потом он будет говорить своим друзьям, что ремонт сельского дома — это хуже всякого стихийного бедствия и обходится он значительно дороже, чем сама покупка дома. Теперь его крепкие руки держали не только перо и ручку, но еще таскали сумки и сетки с различными нужными железками и другим хозяйственным инвентарем. А из секретариата СП СССР ему напоминали, что «20 июня с. г. он должен быть в Москве на вечере поэзии И. Абашидзе и выступить». Стояла перед Кайсы-

ном и другая, более важная и ответственная задача: он должен был в начале июня выехать в Ленинград, чтобы помочь третьему сыну — Азамату после окончания восьми классов средней школы № 2 г. Нальчика поступить в Ленинградское училище ваяния и зодчества. У мальчика был талант к этому виду искусства, и поэт понимал, как важно найти себя в профессиональном деле и мастерстве.

В июне Кулиев должен побывать в Польше, потом заехать в Венгрию и вовремя вернуться в Москву, так как в июле открывалась девятая сессия Верховного Совета СССР, а он, как депутат, обязан принять в ней участие. Сессия проходила под девизом «Во имя мира и созидания». 6 июля 1978 года она завершила свою работу в Большом Кремлевском дворце, и Кулиев вскоре вернулся в Чегем. Он продолжал заниматься в эти летние дни нескончаемым ремонтом дома. Как всегда, приезжал на работу в СП Нальчика, но долго не задерживался: июль и август поэт официально находился в трудовом отпуске.

Сентябрь прошел для поэта в тех же заботах по дому. Дела шли неплохо, друзья видели поэта в хорошем настроении. Он шутил и смеялся по поводу своих хозяйственных построек в «Ясной Поляне», подписывал на память свои книги по многочисленным просьбам, когда находился на работе. Так, 13 сентября он подписал сборники своих стихов азербайджанским ученым Института литературы им. Низами — директору М. Ю. Гулизаде, завсектором советской литературы Хансувару Касымзаде и ученому секретарю совета Фариде-ханум Велихановой. С радостью принял в этот день книгу от профессора С. И. Эфендиева «Формирование и развитие советского патриотизма и социалистического интернационализма народов Северного Кавказа» (Нальчик: Эльбрус, 1978), зачитал при всех слова, адресованные ему, засмеялся и сказал: «Не стоит так преувеличивать мою особу. Я значительно меньше значу, чем обо мне говорят и пишут... Но такова слава».

14 сентября поэт встретился с С. И. Эфендиевым, чтобы, вероятно, поговорить о своей дочери Жанне Кайсыновне: ему очень хотелось, чтобы она стала кандидатом филологических наук и взяла одну из проблем для исследования по современной балкарской литературе. «У нее есть все данные к тому, чтобы быть ученой, — говорил он Салиху. — Серьезная, трудолюбивая, любит литературу, очень

грамотная, имеет филологическое образование. Пусть она возьмется за исследование поэзии 1941—1945 годов». Так и решили тогда: пусть подготовит все необходимые документы для прикрепления ее соискателем к сектору Института литературы Низами, к сдаче кандидатских экзаменов и работы по диссертации на примере творчества К. Огарова, А. Будаева и других поэтов периода военных лет. Поначалу Ж. К. Кулиева даже загорелась этой идеей, и Кайсын поверил в ее силы и духовные возможности. Он понимал, что трудности с написанием диссертации и ее защиты у всех бывают. Будут, конечно, они и у нее.

А пока все оставалось по-старому: Кулиев продолжал всюду выступать, когда он находился в Нальчике. Так, 15 сентября в главном корпусе КБГУ состоялся литературный вечер, посвященный 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого. Выступая, он сказал: «Я пришел сюда не потому, чтобы оценивать творчество Л. Н. Толстого, этого великого человека, гениального художника слова. О нем много написано и сказано без меня. Я хочу сказать о том, как я люблю его произведения».

И хотя, как говорил поэт, он не собирался давать оценку его произведениям, студенты с живым интересом слушали его анализ «Хаджи-Мурата». Поэт говорил о трагизме и оптимизме, о смысле творчества Л. Н. Толстого, о его живых плодотворных традициях, неиссякаемой щедрости таланта, о его кипучем уме и силе художественного слова.

Кроме Кулиева, на вечере присутствовали А. Шогенцуков, З. Тхагазитов, А. Теппеев, Ж. Токумаев, А. Бицуев и др.

17 сентября Кулиев собирался поехать провести сына в Ленинград, оттуда вернуться в Москву, встретиться там с дочерью Жанной: она свой отпуск проводила в столице. Так он и сделал. К 24 сентября Кулиев приехал в Нальчик, чтобы встретить гостей из Адыгеи. Их он встретил в полдень у въезда в Аушигер хлебом и солью вместе со старожилками, школьниками и общественностью района, первым секретарем Советского райкома КПСС М. Таумурзаевым, председателем райисполкома А. Маршенковым, директором совхоза Б. Барагуновым. Улыбающиеся пионеры организованно приветствовали гостей, прочитали стихи адыгейских поэтов и преподнесли им букеты цветов. Помпезные встречи были в духе тех времен.

У въезда в Бабугент стоит памятник балкарскому поэту Кязиму Мечиеву. Адыгейский поэт И. Машбаш вспомнил, как он и Кайсын Кулиев были здесь несколько лет тому назад на открытии этого памятника. «С тех пор неузнаваемо изменилось село,— сказал Машбаш,— выросли красивые жилые дома и как будто все помолодело»⁷.

Отсюда Кайсын направился с ними в Черекское ущелье, а вечером в переполненном зале турбазы «Голубое озеро» состоялась встреча писателей и артистов с жителями селения Бабугент и отдыхающими. Поэты И. Машбаш, А. Гадагатль, К. Кумпилов, Нальбий читали свои стихи, а артисты из Адыгеи исполняли песни.

Все дни Кайсын постоянно находился с гостями, сопровождая их по республике. Он думал о том, что ему в середине октября предстоит поездка в Ташкент. Там он должен принять участие в Международной встрече литераторов, посвященной 20-летию Первой Конференции писателей стран Азии и Африки. С некоторыми из них Кулиев встречался десять лет тому назад в гостях у журнала «Огонёк» в Москве, когда работники этого журнала принимали у себя ливанскую делегацию литераторов и издателей, в состав которой входили Генеральный секретарь Союза писателей Ливана, прозаик и драматург, редактор журнала «Аль-Абаб» («Литература») Сухейль Идрис; поэт, редактор и издатель журнала «Мауакиф» («Позиция») Адонис; переводчик и издатель журнала «Аль-Улум» («Наука») Муин Баальбеки; критик и редактор журнала «Аль-Сакаса Арабия» («Арабская культура») Жозев Мугайзель и др. Кайсын их всех хорошо помнил, с некоторыми из них поддерживал творческие связи и думал вновь встретиться с ними в Ташкенте. Так все и произошло, только пролетели незаметно десять лет и пришел некоторый опыт общения.

18 октября Кулиев прилетел в Нальчик: в Ташкенте закончились все дела, все встречи. И 19 октября Кулиева уже видели гуляющим с друзьями по проспекту Ленина — профессором А. М. Аппаевым и доцентом Д. М. Маммеевым. Он рассказывал им о днях, проведенных в Узбекистане, о встречах с писателями стран Азии и Африки, о том, что ему надо завтра выступить в милиции на тему

⁷ Дни литературы Адыгеи в Кабардино-Балкарии // Кабардино-Балкарская правда. 1978. 29 сентября.

воспитания юношества — уж очень просили его об этом начальники из МВД. Поэт пошутил, что побоялся отказать им, следуя мудрой народной пословице — не отказывайся никогда ни от тюрьмы, ни от сумы...

До конца октября и первые два дня ноября Кайсын находился дома. Рано выпавший снег радовал поэта. Второго ноября он был на работе, ходил в обком партии по служебным делам, а в 15.00 он уже шел по улице Пушкина, направляясь к автостанции. В Союзе писателей перед уходом сказал, что завтра, т. е. 3 ноября, он вылетает в Москву по общественным делам как депутат и пробудет там до 15 ноября.

День был солнечный, выпавший снег подтаивал, с крыш падала капель. Все напоминало дружную и звонкую весну. Об этом он и сказал своим друзьям, провожавшим его в аэропорту «Нальчик».

В ущелье рано выпал снег,
И холода пришли неожиданно.
Ничто не тронет мертвых, нет,
Зима к живым пришла незвано⁸.

Перевел В. Краснопольский

Так писал Кулиев о настоящем в стихотворении «В ущелье выпал снег» (1978), а думы влекли в то время, когда он «бездомный брел, пути не зная... Безжалостные холода, я вас сегодня вспоминаю!..»⁹.

Перед отъездом Кайсына пригласили на телевидение в Нальчик. Аркадий Кайданов готовил литературную передачу «Звезда в вашем доме», и 5 декабря, вечером, телезрители слушали Кайсына. Ему был задан вопрос:

— В Ваших стихах есть строка: «Юноши, не бойтесь трудных книг». Как ее понимать?

— Эта строка моего стихотворения выражает мое отношение к литературе и искусству вообще. В этом стихотворении я обратился к юношам, чтобы они знали, что жизнь бывает трудной и поэтическое творчество тоже нелегкое дело. Я не отдыхаю, когда пишу стихи, хотя некоторые говорят об обратном.

— Как была воспринята критиками Ваша первая книга стихов «Здравствуй, утро!»?

⁸ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 96.

⁹ Там же.

— С самого начала мой поэтический путь был трудным. Мою первую книгу атаковали мои местные недруги, за объективной рецензией мне пришлось обратиться в Москву. Дальнейшая жизнь и мой неустанный труд показали, что они были не правы и порой несправедливы ко мне. Сейчас меня много печатают. Книги издаются и переиздаются без моих усилий.

— Почему, как Вы думаете, Ваши стихи нравятся современному читателю?

— Наверное, потому, что я говорю людям то, что их интересует, выражаю их чувства и настроения. Ведь поэты должны давать людям то, что их тревожит, радует, огорчает. Уметь выражать их душевное состояние и делать это надо с предельной искренностью. И еще я хотел бы добавить, что поэзия должна учить людей стойкости, мужеству и чистоте отношений. Литература не должна отрицать жизнь, а должна быть поддержкой и опорой в трудные дни. В радостные часы жизни и в горестные для них дни люди должны находить опору в поэзии. Если этого нет, тогда зачем она?!

Эта телепередача вышла на экраны республики в те дни, когда Кайсын был уже во Фрунзе. 2-го и 3 декабря он был у себя в Чегеме, а 5-го вылетел на юбилей Ч. Айтматова. Ему исполнилось 50 лет. Кайсын выступил с приветственными словами в адрес юбиляра, был в гостях в семье Айтматова, рассказывал о себе, о жизни в Чегеме.

Декабрь выдался в этом году в Киргизии погожим, солнечным. Кулиев выбрал время и обошел знакомые места, где он жил когда-то со своей матерью-старушкой, часто меняя «углы» и переезжая с места на место. Вспомнился неустроенный быт, бедность и постоянные думы о возвращении на родину. Как все изменилось с 1955 года! За двадцать два года он стал знаменит, одним из самых известных поэтов, к голосу которого стали прислушиваться известные литераторы, критики и ученые-литературоведы.

До поездки во Фрунзе Кулиев успел побывать на вечере, посвященном 60-летию со дня рождения поэта М. Луконина, в Центральном Доме литераторов им. А. А. Фадеева, где выступил с приветственным словом к юбиляру¹⁰. В этот месяц Кулиев побывал и на литературном вечере

¹⁰ Литературная газета. 1978. 13 декабря. С. 1.

«Творческое наследие А. Т. Твардовского». Как и другие вечера подобного типа, он проходил в ЦДЛ, где выступали М. Алигер, Е. Воробьев, М. Дудин, Д. Кугультинов. Выступал и Кулиев. Он сказал, что для него А. Т. Твардовский не просто очередной юбиляр, а великий поэт, с которым была связана вся его литературная жизнь.

Декабрь 1978 года выдался трудным для поэта, очень беспокойным и напряженным: нужно было много ездить по стране, выступать на сессиях, юбилеях, заседаниях с отчетами и т. д. Так, на состоявшемся пятом пленуме правления Союза писателей СССР Кулиев выступил на заседании и отчитался за проведенную работу почти за год. Пленум подводил итоги работы правления за прошедший год, и много прошло дел и событий через ум и сердце поэта, отливаясь в гранит его непреходящего слова.

14 декабря в одиннадцать часов дня в зале заседаний Верховного Совета СССР в Большом Кремлевском дворце Кайсын принял участие в открытии восьмой сессии девятого созыва на совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей и с чувством удовлетворения работал все последующие дни, приняв еще участие в заседании Совета Старейшин Верховного Совета РСФСР.

19 декабря 1978 года в концертной студии телевизионного технического центра имени 50-летия Октября (Останкино) Кулиев выступал со своими стихами. Принять участие в съемке авторского вечера поэзии его пригласила главная редакция литературно-драматических программ Центрального телевидения. Закончив все свои дела в Москве, Кулиев спешил попасть в Нальчик.

Вылетая из Москвы на родину, поэт думал о том, что в этом году он мало писал стихов. Но именно они пришли по душе переводчику Н. Гребневу, опубликовавшему их в журнале «Октябрь»¹¹, а газета «Молот» напечатала — «Если я упаду...»¹². Вспомнил и о том, как на заседании секретариата правления Союза писателей СССР обсуждались циклы стихов, принадлежавшие перу Ю. Шесталова, К. Курбаннепесова и ему самому, как хвалили его стихи и восхищались его художественным мастерством мысли.

¹¹ Кулиев К. Частица вечности // Октябрь. 1978. № 2. С. 51—53.

¹² Кулиев К. «Если я упаду...» // Молот, 1978. № 6. С. 9.

В предновогодние дни он находился у себя в Чегеме. Радовался, что он здоров, дети определены, учатся, всем он материально помог, поддерживал в учебе и работе. Сыновья обзавелись семьями. На работу в Союз писателей в Нальчик он приезжал редко. Сидел дома и писал стихи.

Декабрьским днем
Пред Новым годом
Сижу в Чегеме
В снегопад.

Мне хорошо. Сижу спокоен.
Гляжу на снег. И эти строки
Пишу...
Понстине, живому
Ничто не трудно,
Кроме смерти¹³.

Перевел Д. Долинский

«Декабрьским днем», «Свадебной песней» и «Одой» завершаются стихи Кулиева 1978 года. Они спокойные и счастливые, каким, очевидно, был поэт. У него на письменном столе лежал его книжный знак, сюжеты экслибриса¹⁴ понравились ему, о ксилографии поэта заговорили. Ему это было приятно.

Свое умиротворенное состояние души он передал в стихотворении «Ода», в котором восхвалял любимую землю, хлеб и воду, родное небо («...в нем облачная легкость величава»), солнце, молодую мать и ее красоту...

Дождю и снегу слава и хвала,
Горе и камню, чья щека шершава,
Луне, что всем возлюбленным мила,—
Всему хорошему хвала и слава!¹⁵

Перевел Д. Долинский

* * *

1979 год не принес облегчения в личной и общественной жизни поэта. Он продолжал жить в довольно сложной

¹³ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 97—98.

¹⁴ Литературная газета. 1978. 27 сентября.

¹⁵ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 100.

обстановке: трудный ремонт дома, большая общественная работа, постоянные поездки по стране, домашний неустроенный быт, одиночество и многое, многое другое накладывало свою печать на все стороны жизни Кулиева, особенно на процесс его художественного творчества и на здоровье. Его могучий организм и личная воля продолжали еще выдерживать физические и моральные перегрузки, но кто помнил его в эти два последних года, утверждал, что бросалась в глаза при встрече с поэтом душевная усталость.

Почти весь январь поэт находился у себя в Чегеме, приезжая аккуратно на работу в Нальчик. 13 января он принимал у себя в Чегеме Юшу Айдаева, который приехал из Грозного с двоюродным братом жены Кулиева Маки. Дела были сугубо личные, но надо уделить им внимание, достойно принять и проводить гостей. А Кулиева тревожил обком партии в связи с его выдвижением депутатом в Верховный Совет СССР. На четвертое марта, в воскресенье, были назначены выборы. Среди всех этих больших и мелких дел поэт находил время писать стихи и рецензии, предисловия и юбилейные речи. Он создал прекрасный цикл стихов «Новая песня моя — Безенги», которую 15 января первый раз передали на балкарском языке по местному радио, и его земляки были поражены тем, что поэт как бы заново переживал счастье творчества, молодости и вдохновения. Поэтическое и житейское прошлое органически сливались и грели сердце поэта, воссоздали сладостные картины ушедшего детства и юности. В печати этот цикл стихов первый раз появился в республиканской газете ¹⁶.

В последние дни января Кулиев присутствовал на областной партийной конференции, выступал ¹⁷. Сидя в президиуме, он думал о том, что февраль предстоит трудный: будет много поездок по стране, проведение Дней литературы и т. д.

Приятным сюрпризом для Кайсына явилась фотовыставка заслуженного артиста КБАССР Алексея Шахмурзаева, которая открылась в республиканском музее изобразительных искусств 23 января. Кулиев был приглашен на ее открытие, выступал, оставил записи. На ней было

¹⁶ Кабардино-Балкарская правда. 1979. 13 января.

¹⁷ Там же. 28 января.

представлено более 150 работ. Внимание поэта привлекли фотографии «Реквием», «Наш Кайсын», «Репетирует «Кабардинка». С большим интересом Кулиев просмотрел и тематические серии «Прощай, прекрасная пора!», «Старые сосны Чегема», «София Ротару в Нальчике», похвалил и поблагодарил Шахмурзаева за доставленное эстетическое наслаждение, за его искреннюю любовь к природе своего родного края, его людям и умение это художественно отразить в фотоискусстве.

29 января Кулиев утром был на работе в Союзе писателей, но всех, кто ждал его, он предупредил, что скоро уезжает. Наспех написал небольшое письмо завсектором советской литературы Института литературы им. Низами АН Азербайджанской ССР Касыму Хансувару и приложил его к документам и заявлению своей дочери Жанны с просьбой о прикреплении ее к Институту для работы по диссертации. Вот это письмо, написанное рукой поэта:

«Дорогой Касым Хансуварович! Шлю Вам сердечный привет и обращаюсь с просьбой — удовлетворить просьбу моей дочери Кулиевой Жанны Кайсыновны о прикреплении к Вашему Институту.

С уважением

29 января 1979 г.

Кайсын Кулиев»¹⁸.

Своим азербайджанским друзьям он подарил книги с автографами и краткими надписями. Так, академику Мамеду Джафарову на книге стихов «Звездам — гореть!» (М., 1973) он написал: «Мамеду Джафаровичу — по-братски, на счастье! К. Кулиев». А замдиректору Института, профессору Камалу Абдулле Шаиг-оглы он подарил фото-портрет (Кулиев стоит с поднятой гвоздикой в руке на своем 60-лети со дня рождения) с надписью: «Профессору К. А. Шаиг-оглы с уважением на добрую память. 29 января 1979 г. К. Кулиев». Профессору Халилову из бакинского университета Кайсын подарил с автографом книгу «Горской песни два крыла» (Нальчик, 1974).

Выполнив кое-какие дела, Кулиев уехал в Верхнюю Жемталу на похороны своего дальнего родственника

¹⁸ Личный архив семьи Эфендиевых.

Х. Занкишиева, внезапно скончавшегося от паралича сердца. Его смерть вызвала в душе поэта огромную боль: он хорошо знал его, любил как человека. Выразив соболезнование родным и близким, Кайсын пробыл там до вечера. Вернувшись в тот же день домой, поэт стал собираться в Москву, и 31 января он выехал в столицу. В одном из московских книжных магазинов Кулиев купил новый сборник стихов известного поэта-переводчика Якова Козловского «Две музы — две сестры», вышедший в издательстве «Советская Россия». В этой книге особенно привлекали внимание подборки стихов народных поэтов Кавказского Кавказа Кайсына Кулиева и Алима Кешокова. Эти стихи Кулиев хорошо знал, высоко ценил их за прекрасный перевод и еще раз с удовольствием пробежал их глазами. Завершался сборник авторскими произведениями.

В Москве Кулиев встретился с режиссером Александром Орловым. Он по сценарию Анатолия Степанова снял на киностудии «Мосфильм» музыкальный художественный фильм «Женщина, которая поет». Это рассказ о судьбе эстрадной певицы, о ее пути к славе через поражения и победы, о поисках своего стиля, своей манеры исполнения, своей песни. Главную роль в фильме героини Анны исполняла популярная эстрадная певица Алла Пугачева. Она выступала в фильме не только как актриса, певица, но и как автор музыки и стихов к песням. А. Пугачева взяла стихотворение Кулиева «Судьба, не пожалей добра...», написала к нему музыку, и оно вошло в содержание фильма под названием песни «Женщина, которая поет». Эта песня звучала уже 3 февраля по московскому радио, исполняла ее Алла Пугачева. Кайсын ничего не имел против такого творческого сотрудничества, наоборот, он был очень доволен, благодарил и режиссера Орлова и исполнительницу песни — Пугачеву.

Было еще одно дело, ради которого приехал Кайсын в Москву. В эти же дни февраля в конференц-зале Союза писателей РСФСР состоялась дружеская встреча Кулиева с украинскими литераторами, приехавшими в Москву на торжество по случаю юбилея — 325-летия воссоединения Украины с Россией. Кайсын выступил в Центральном лектории Всесоюзного общества «Знание» в зале Политехнического музея со словами приветствия к посланцам укра-

инской литературы в связи с этой большой исторической датой¹⁹.

Выполнив эти дела, в столице Кулиев больше не задержался. Как всегда в каждый свой приезд, он встретился с сыновьями, выполнил их просьбы, материально поддержал, поинтересовался их учебой и успехами в работе.

Кулиев выехал в Чегем 1, и 12 февраля он уже выступал перед избирателями в поселке Залукокоаже Зольского района КБАССР. Он говорил о проделанной работе: что ему удалось сделать и выполнить из намеченных планов и наказов избирателей, а что — нет. Разговор шел откровенный, и он как кандидат в депутаты Совета Национальностей Верховного Совета СССР обязан был говорить об всем, держать совет с народом, ради которого поэт жил и работал.

Весь февраль Кулиев провел в своем поместье, писал стихи, выполнял общественную работу, встречался с избирателями, ездил на похороны, когда умирали его земляки. Так, 21 февраля 1979 г., «в черную среду», как сказал потом он, Кайсын в 10 часов утра был в селении Гунделен Баксанского района, чтобы выразить соболезнование Салиху Ибрагимовичу Эфендиеву и его братьям и сестрам по поводу кончины их матери Шабат Сарбиевны (урожденной Мусукаевой из Булунгу). С ним были поэтесса Т. Зумакулова и С. Макитов. Кайсын, узнав, что старушка умерла на 103-м году жизни, сказал: «И засохшее дерево умирать не хотело». Вечером поэт написал стихотворение «Засохшее дерево» (1979):

И засохшее дерево умирать не хотело,
А мечтало остаться в окружении трав.
Но врубился топор в его жесткое тело,
И на снег оно рухнуло, стон предсмертный издав²⁰.

Перевел Л. Шерешевский

В этот день Кулиеву предстояло везти гостей из Винницы на Чегемские водопады и в село Яникой, потому что в это время проходили Дни литературы и искусства Винницкой области Украины в Кабардино-Балкарии. Кулиев встретил гостей, выступил с приветствиями в их честь.

¹⁹ Литературная газета. 1979. 14 февраля. С. 1.

²⁰ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 102.

И, возвращаясь с Чегемских водопадов, поехал с ними в колхоз имени А. Байсултанова, где провел встречу населения Яникоя с гостями. Вечером дружбы назовут эту встречу журналисты²¹. На другой день, т. е. 22 февраля, Кулиев, Т. Зумакулова вместе с гостями были вечером на встрече со студентами Кабардино-Балкарского государственного университета. Кулиев сидел в президиуме, он был серьезный и сосредоточенный, вероятно, думал о чем-то своем, что очень тревожило его. Видно было, что он очень устал и физически, и духовно. Волнение, напряжение при встречах с людьми, публичное выступление последних двух дней — все это теперь его утомляло, и он осознавал, что такой темп жизни ему не под силу.

Об этой встрече студентов с литераторами из Винницы передали по местному телевидению 24 февраля, в субботу вечером. Кайсын не смотрел этой передачи: он так устал, занимаясь гостями. Зато его посетила в Чегеме та, которую он давно ждал и просил приехать. Элизат Кульбаеву он боготворил:

Ночью я слышал дыханье моей любимой,
Видел ее лицо при свете зари.
Утро, твои подарки горят рябиной,
Сколько б ни одаряла, еще дари!²²

Перевел О. Чухонцев

Так он писал в стихотворении «Ночь и рассвет» (1979), выражая свою радость и счастье быть любимым.

Первые две недели марта поэт провел в Чегеме в хлопотах по благоустройству поместья, он готовился к приему хозяйки дома. Все остальные события для него не имели теперь большого значения. Выборы его депутатом в Верховный Совет СССР 4 марта прошли успешно, на суматошное это воскресенье он не обратил внимания, так как был уверен, что его кандидатура, одобренная обкомом партии, пройдет. С удовольствием прослушал местную радиопередачу, когда 8 марта звучали в эфире его стихи на балкарском языке «Женщинам-горянкам» в исполнении самого автора.

²¹ Добрынин М. Вечер дружбы // Кабардино-Балкарская правда. 1979. 23 февраля.

²² Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 101.

В связи с Днями литературы и искусства Кабардино-Балкарии в Винницкой области ему пришлось покинуть Чегем в понедельник 12 марта²³. Это был как бы ответный визит, и отказываться было неудобно. Он вылетел в Винницу, в аэропорту его встретили друзья и поселили жить в гостинице «Южный Буг». Кайсын участвовал во всех мероприятиях, был очень занят, но не забыл о дне рождения своей любимой. 15 марта 1979 года он дал телеграмму Элизат Кульбаевой: «Всем сердцем поздравляю тебя, самую прекрасную из женщин, с днем твоего рождения, желаю тебе долгих лет здоровья, много радости. Всего доброго = Кайсын»²⁴.

После окончания традиционных встреч и выступлений, Кулиев с Украины вылетел в Москву. Здесь в течение двух недель должен был проходить смотр молодых литературных сил. До 26 марта шли занятия в 32 творческих семинарах. Литературной учебой VII Всесоюзного совещания молодых писателей руководили известные мастера художественного слова. Одним из таких руководителей поэтического семинара был Кулиев. Он вместе с молодыми поэтами встречался с передовиками производства Москвы и Подмосковья, возлагал, по традиции, венки к Мавзолею В. И. Ленина и к могиле Неизвестного солдата.

Из Москвы в начале апреля 1979 года Кулиев и его друг Д. Кугультинов вылетели в Японию. Кайсын был первый раз в этой Стране восходящего солнца. Он мечтал побывать в ней, и вот его мечта осуществилась. Делегация из Союза была приглашена коммунистической партией Японии (КПЯ), вышедшей в 1945 году из подполья, сумевшей укрепить влияние в массах и завоевать доверие миллионов избирателей. В рядах компартии к 1979 году состояло около 460 тысяч членов.

Кулиев и Кугультинов побывали в городах Хиросиме и Нагасаки, испытавших атомные бомбардировки, встречались с людьми, которые на себе ощутили эти страшные взрывы, потеряли близких людей. Для Кайсына здесь все было интересно: и «исключительность» Японии, и ее «особый» путь развития, и «превосходство» японской нации над другими народами не только Азии, но и всего мира.

²³ Белгорокова Е. Вечер дружбы // Кабардино-Балкарская правда. 1979, 17 марта.

²⁴ Личный архив Э. Кулиевой.

Об этой пропаганде поэт не раз читал. И вот теперь он мог сам многое узнать и даже своими глазами увидеть императора, ранее обладавшего всей полнотой власти, а теперь ставшего лишь номинальным «символом государства и единства народа». Заинтересовало поэта и другое: почему продолжительность жизни людей в Японии является одной из самых высоких в мире, а сама Япония обогнала страны Западной Европы по объему промышленного производства и вышла на второе место в капиталистическом мире после США? В разговоре с Кугультиновым на эту тему поэт ответил довольно убежденно: «Страна не знала милитаризации и не расходовала средств на военные цели, сосредоточив основные усилия на экономическом развитии, поэтому Япония занимает первое место по современной технологии. Люди стали хорошо питаться, жить спокойно, разнообразно проводить свой культурный досуг, умеют отдыхать». Давид, соглашаясь со своим другом, пошутил: «Дело, по-моему, в прекрасной сакуре. Давай ее посадим в твоём Чегеме на улице Степной. Она нам будет приносить надежду на долголетие. А мы, долгожители, будем рассказывать внукам о Японии».

Результатом этой поездки явились многие стихи, отражавшие драму людей, испытавших ядерные взрывы.

Погибла Хиросима, но сквозь мглу
Свет звездный серебрил ее золу²⁵,—

писал Кулиев в стихотворении «Светите, звезды» (1979). Или:

И жить нельзя, не думая про это,
Ни пить, ни есть. И, человечий сын,
Боюсь я, в тыщи рек заплещет Лета,
И землю выжгут тыщи Хиросим²⁶,—

Перевел О. Чухонцев

предупреждал поэт в стихотворении «Не думать об этом не могу» (1979).

Вернувшись из Японии, Кулиев успел побывать как депутат на первой сессии Верховного Совета СССР десятого созыва, начавшей работу 17 апреля 1979 года.

²⁵ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 144.

²⁶ Там же. С. 113.

Выбрав свободный день, Кайсын сходил в гости к сыну Эльдару, принес подарки Ольге Борисовне и узнал радостную весть: они ждали ребенка. «Вот уже третий раз я стану дедушкой,— подумал поэт.— У меня есть две внучки — Лейла и Лиза. Теперь надо иметь и внука. Но, как говорят, что судьба и Аллах дадут».

Дел особых в Союзе писателей СССР и РСФСР для него не было. Книга его стихов «Колосья и звезды» вышла в издательстве «Современник» (1979), и он выехал домой. 24 апреля Кайсын вышел на работу в Союз писателей Нальчика очень рано, был там часов до 10 утра, много рассказывал о своих впечатлениях о Японии. К обеду он ушел и в этот день на работу уже больше не вернулся. У него было много дел в Чегеме. Корреспонденция теперь шла сюда, на улицу Степную, 21, редко писали в Союз писателей и еще реже на улицу Карашаева, где проживала его бывшая супруга Мака Дахкильгова.

Разбирая почту, Кулиев обратил внимание на небольшую брошюру Т. Е. Эфендиевой «Проблемы традиций и новаторства в творчестве Кайсына Кулиева» (Нальчик, 1979). Полистав ее, он понял, что это методические указания по спецкурсу для студентов филологических факультетов, который читала на протяжении ряда лет автор этой работы. Движимый чувством благодарности, поэт нашел время при всей своей занятости ответить письмом скромному доценту университета. Вот это письмо.

«26 апреля 1979 г.

Чегем.

Дорогая и глубокоуважаемая Тамара Емельяновна! Сердечно благодарю Вас за книгу «Проблемы традиций и новаторства в творчестве Кайсына Кулиева», которую сегодня получил от Вас в Чегеме. Мне это было очень интересно, хотя своей особе я, разумеется, не придаю такого значения. Все равно — большое Вам спасибо.

Мне еще раз хочется похвалить Вас, Тамара Емельяновна. Ваш энтузиазм, Ваша неутомимость, Ваша преданность нашей литературе, непрестанный интерес к моей работе вызывают у меня большое уважение к Вам. Ваша энергия действительно похвальна.

Мы, балкарские авторы, все обязаны Вам! Эти слова я вывожу в моем чегемском одиночестве, в маленьком

крестьянском домике. Они вызваны моим уважением к Вам.

Станет теплее (в этом году страшная у нас весна — холодно!), приезжайте с Салихом ко мне. Буду рад. Большой привет моему дорогому Салиху. Поздравляю Вас обоих и Ваших детей с наступающим праздником Первомая.

Еще раз спасибо!

Ваш Кайсын Кулиев».

На первомайской демонстрации трудящихся Кабардино-Балкарии Кайсына не было (обычно его привыкли видеть на трибуне). На то была серьезная причина: он заболел и находился у себя в Чегеме. За ним ухаживала и смотрела русская женщина из этого же поселка Женья. Она выполняла в доме и роль экономки, и роль сиделки, и прислуги: убирала по дому, готовила, стирала, ухаживала за больным поэтом. По характеру была молчалива, спокойна, трудолюбива. Дочери Жанне Кайсыновне она нравилась степенностью нрава, скромным поведением.

3 мая друзья Кайсына решили его навестить и собрались в Союзе писателей, чтобы вместе поехать к нему, предварительно созвонившись с ним. Но Кайсын по телефону ответил довольно твердо, что в эти праздничные дни он хочет видеть только Элизат. Всех остальных он примет в другой раз, специально в назначенный день. Элизат поехала в Чегем. Молодая артистка вызывала в поэте чувство восхищения. Она в какой-то мере олицетворяла для Кулиева теплый семейный очаг, взаимопонимание, благоразумие и покой, к которому так стремился поэт. Он мечтал начать с ней новую жизнь. И вот теперь, на шестьдесят втором году жизни, Кайсын кинулся за счастьем, но не знал поэт одного, что осталось ему жить каких-то пять лет, два года из которых — мучительных страданий. И не только для него, но и для нее. Перед великим горем Элизат будет мужественно нести свой крест, понимая, что балкарцы лишаются своего любимого национального поэта. Тогда, будто предчувствуя беду, Кулиев писал в стихотворении: «Человеку, одолевшему все тяготы жизни» (1979):

И хотя сознаешь ты, что дней пред тобою
Много меньше, чем дней позади,— ты спокойно
Свое дело вершишь и живешь так, как будто

Нет конца твоим дням, и годам, и дорогам,
И ты трудишься так, так глядишь пред собою,
Словно снова весна ждет тебя впереди²⁷.

Перевел Л. Шерешевский

Друзьям, которым он сказал по телефону третьего мая, что примет их в другой раз и специально, другого дня не представилось. В понедельник 7 мая он получил телеграмму следующего содержания: «Центр Союза писателей. Кулиеву. Москва. Убедительно просим срочно сообщить о Вашем участии в юбилее Капиева в Москве 29 мая = Лукьянов». Поэтому 9 мая, в среду, первым рейсом в 13.00 Кулиев вылетел в Москву. Там 11 мая состоялся пленум правления Союза писателей, на котором он выступил, а через день выехал в Киев в связи с 325-летием воссоединения Украины с Россией. На вокзале его встречали Олеся Гончар, Иван Драч. Сфотографировались на память и отправились в гостиницу «Украина».

Будучи еще в Москве, Кулиев не забыл и другого — важного дела для учителей. Он дал телеграмму по адресу:

«Нальчик, ул. Пачева, 55. Средняя школа № 5. Рыжевой А. В., Хараевой С. М. Москва = Сердечно приветствую организаторов — участников Пушкинской конференции. Пушкин есть и навсегда останется общей любовью, гордостью всех народов нашей Родины = Ваш Кайсын [Кулиев].»

Телеграмма была зачитана директором школы С. М. Хараевой 11 мая 1979 года участникам республиканской конференции членов общества «Горный родник», посвященной 180-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Подавая телеграмму, Кулиев думал о том, что 1 июня он должен поехать в гости к Пушкину на предстоящие торжества в Михайловское и Тригорское, в Псков и Петровское. Здесь в тридцатый раз будет проходить Всесоюзный пушкинский праздник. Ему хотелось побывать в доме-музее Осиновых-Вульф, где воссоздана библиотека, которой пользовался Пушкин, увидеть восстановленную баньку, в которой, как утверждают исследователи, Пушкин написал

²⁷ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 105.

«Вакхическую песню». В ней тоже развернута новая музейная экспозиция. А всего в дни юбилея в музейных залах, Кайсын это точно знал, будет открыто пять выставок работ художников на пушкинские темы.

Затем Кулиев вернулся в Москву и успел побывать 29 мая на юбилее Эффенди Капиева. Книгу, написанную Натальей Владимировной Капиевой, женой поэта, Кулиев ценил очень высоко. «Жизнь, прожитая набело», раскрывающая страницы юности и годы исканий поэта, его мироощущения на фронтовых рубежах Родины, и бесценные правдивые записи военных лет 1941—1945 годов — яркие документы времени, «трагической и великой эпохи».

Выступая на юбилее поэта, Кулиев говорил о молодом таланте, замечательном поэте и прозаике, обогащенном жестоким опытом войны и так рано ушедшем на рассвете 27 января 1944 года в госпитале г. Пятигорска. О своих более чем грустных мыслях Кайсын рассказал в стихотворении «Дайте отдохнуть печали» (1979), когда вернулся с вечера, посвященном Капиеву. Война и ее горести до сих пор тревожили сердца.

Ноги у печали стали черные,
Шла она босой по неживым
Пепелищам, по жилищам взорванным,
По снегам войны пороховым.

Платье у печали стало черное,
Слишком долго с нами шла она
Той дорогой, где по обе стороны
Сыновей обугленных тела ²⁵.

Перевел К. Симонов

Из Москвы Кулиев приехал в родные края и на второй день выехал в Адыгею: там начинались Дни литературы Кабардино-Балкарии. Делегация республики побывала в одном из примечательных районов области — Майкопском, ознакомились с его экономическими и культурными достижениями. Гости также встретились с работниками областного радио и телевидения и историко-краеведческого музея, выступили со своими произведениями в До-

²⁵ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 105—106.

мах культуры среди местного населения. Членов делегации представлял народный поэт Амирхан Шомахов.

Из Адыгеи Кулиев вернулся 4 июня и сразу вышел на работу в СП. Утром к нему зашла дочь Жанна и высказала ему свои опасения: следует ли браться за кандидатскую диссертацию в такой формулировке, в какой ей было предложено?

— Ведь военной фронтовой лирики балкарцев нет, — прямо сказала она Кайсыну. — Есть только лирика Кулиева и К. Отарова военных лет. Так о ком мне писать — об отце или об Отарове?

Решили тогда изменить тему и взять такую: «Кязим Мечиев и современная балкарская поэзия». Она знала, что Кайсын любит поэзию Мечиева, много написал о нем сам и будет рад, если дочь продолжит его исследования. Научным руководителем решили просить назначить доктора филологических наук, профессора Н. Г. Джусойты. Кайсын его хорошо знал и ценил как ученого.

Остаток дней июня Кулиев провел у себя в Чегеме I, выглядел он в это время хорошо: был бодрым, жизнерадостным, немного загорел. Много времени проводил на воздухе, писал в саду, в небольшой беседке, которой гордился и которую всем обязательно показывал, а жил во времянке, так как большой дом был на капитальном ремонте. Поэт сам руководил работами и намного преуспел «в добывании» различных стройматериалов: нужда сделала его опытным в таких делах.

Весь июль Кайсын отдыхал в Пицунде в доме творчества писателей имени Дм. Гулиа, но и там он сочетал отдых с работой. Утром рано гулял по берегу моря, любуясь его непостоянной красотой и мощью, вдыхая морской воздух, напоенный ароматом, а потом до завтрака успевал набросать несколько строк задуманного накануне. Этот месяц оказался плодотворным для него. Он много написал стихов о море. Эта тема новаторски раскрылась в таких его произведениях, как «Парус», «Как будто сердце не на месте...», «Будем слушать море», «Закат над морем», «Солнце идет к закату», «Стоит человек у моря», «Деревья и море», «Собеседник вечности — море», «Говорю морю», «Слушая море», «Петух на взморье». В каждом из них — исповедальные, кажется, глубоко личные мотивы, но дорогие и близкие нам, читателям. Эти небольшие стихотворения, емкие по мысли, легко запоминаются.

Они просты по сюжету, но сложны своей философской направленностью.

Чувствовал себя поэт в Пицунде хорошо: ему было легко и радостно в эти умиротворенные дни. Он написал стихотворение «К радости» (1979), в котором выразил свое настроение этих дней. Кайсын не мог насмотреться и нарадоваться

На женщину, идущую вдоль моря по песку,
На женщину, чьи пряди струятся по виску,
На женщину с улыбкой спокойной и простой,
На женщину, вдоль моря идущую босой,
На женщину, чьи зубы — как пены белизна,
Похожа ты, о Радость! Такой ты мне видна²⁹.

Перевел Л. Шерешевский

Первого августа за ним приехали на «Волге» друзья, и поэт покинул этот благодатный край, а второго августа был уже в Чегеме. На другой день поехал в сел. Гунделен на похороны Ануара Улакова, работника радиокомитета. Его Кайсын знал по работе, общался с ним, когда приходил в радиокомитет Нальчика по делам. Выразив соболезнование родным, поэт долго не мог успокоиться, примириться со страшным словом «смерть». Одно его успокаивало: жизнь продолжалась и все оставалось как будто по-прежнему. «Свет весны останется» (1979), — скажет уверенно поэт.

Какая бы горькая весть ни примчалась,
Кто б мертвым ни рухнул, чья б жизнь ни кончалась,—
Но будет все в мире живое согрето
Урочным приходом весеннего света³⁰.

Перевел Л. Шерешевский

Черкесский композитор Аслан Дауров написал ораторию к «Горской поэме...» Кулиева. 18 августа она впервые звучала в эфире по местному радио в передаче «Салам». Эта оратория для чтеца, смешанного хора и симфонического оркестра была исполнена в декабре в концертном зале Нальчикского музучилища в исполнении хора Госкомитета телевидения и радио КБАССР, хора Карача-

²⁹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 106.

³⁰ Там же. С. 109.

ево-Черкесского радио и симфонического оркестра под управлением Б. Темирканова.

Дауров — один из немногих композиторов Северного Кавказа, произведения которого печатались всесоюзными издательствами «Советский композитор», «Музыка». Всесоюзная фирма «Мелодия» выпустила пластинку с записью его сочинений. А. Дауров сказал, что каждое слово поэмы Кайсына просится на музыку и что в течение семи лет он вынашивал свою работу. Без усталости работали над ораторией хористы, оркестранты. Они тоже вложили много сил в создание музыкального обрамления поэмы.

Кайсын прослушал всю ораторию, она ему понравилась. Он сказал: «Музыка хорошо передает эмоциональный настрой и лирический пафос поэмы. Поздравляю Вас и желаю Вам дальнейших успехов».

В начале радиопередачи звучала музыка Даурова и одновременно голос Кулиева:

Наш дом лепился у Чегемских скал.
Их солнце одевало в позолоту,
Их свет луны таинственный ласкал,
В них уходили горцы на охоту³¹.

Перевел М. Дудин

Справедливости ради, необходимо отметить, что к 1979 году творчество Кулиева неплохо было отражено в музыке. Так, фирма грампластинок «Мелодия» выпустила новый большой диск «Поэзия народов СССР». Стихи читают сами авторы переводов. Теплым словом о Кулиеве предваряет чтение его стихов Н. Тихонов. А затем звучат в исполнении русского поэта «Как пахнет трава на родной земле...», «Как только ночь, полет прервав...». На слова Кулиева звучали песни в исполнении известных певцов — И. Кобзона, М. Бернеса, Зарубина, С. Беппаева, А. Пугачевой и др. Кайсын творчески работал с такими композиторами, как Я. Френкель, Мих. Жеттеев, А. Шахгалдян, В. Молов, И. Власов, Х. Карданов, А. Байчекуев, Дж. Хаупа и др.³² По их словам, с поэтом легко было работать:

³¹ Кулиев К. Горская поэма о Ленине. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1966. С. 7.

³² Песни на слова поэта: муз. А. Байчекуева — «Песня о Родине», «Ты, красавица». Исполняет С. Беппаев; муз. Х. Карданова — «Мой город». Исполняет С. Беппаев; муз. И. Власова — «Баллада о черном

он никогда не диктовал свою волю, соглашался с композиторами, полагаясь на их знания и мастерство. Был благодарен за то, что его стихи можно петь. «Они тоже работают на мою известность», — шутил Кайсын.

Был благодарен Кулиев и тем молодым и старым поэтам, которые писали ему дружеские стихи-послания. Стихотворения, посвященные Кулиеву до 1979 года, писали Д. Кедрин, А. Кулешов, Я. Козловский, И. Абашидзе, Р. Гамзатов, М. Карим, Д. Кугультинов, С. Капутикян, М. Дудин, К. Ваншенкин, В. Васильев, Н. Джусойты, А. Кешоков, С. Львов, А. Рубен, А. Созаев, Евг. Долматовский, С. Гуртуев, Т. Зумакулова, И. Макаровичина, И. Михайлов, Ю. Николаев, Б. Олейник, Л. Ошанин, Р. Семенов, З. Тхагазитов, Б. Укачин, С. Фиксин, Н. Хубиев, М. Чикатуев, А. Шогенцуков, Зульфия, С. Данилов, Я. Смеляков, М. Мокаев, Шукрулло, И. Бабаев и др. Каждого из них Кулиев хорошо знал, имел с ними творческие связи. Приятельские и бытовые симпатии не заслоняли принципиальных требований к искусству слова и литературной работе. И они знали его не только как их литературного спутника, которого часто встречали в его многочисленных поездках по стране, но и как блестящего критика, полемиста и оратора.

...Почти весь сентябрь Кулиев провел у себя в Чегеме. Этот осенний месяц выдался солнечным и теплым. Поэт радовался любому погожему дню и выходил в сад, гулял в нем, присматриваясь к каждому дереву, потом заходил в беседку. В ней ждали его записи. В стихотворении «Пора тепла» (1979) он писал:

Пришла пора не зноя, а мягкой теплоты.
Настало время жатвы, поля желты, желты.

Спокоен, ясен воздух, нет летней пестроты,
И гроздья винограда прозрачны и желты.

коне», «Восхождение», «Бубен». Исполняет И. Кобзон; муз. В. Молова — «Песня, подаренная девушкам». Исполняет С. Беппаев; муз. О. Отарова — «Люблю тебя», «Лейла». Исполняет С. Беппаев; муз. Я. Френкеля — «Все еще впереди». Исполняет М. Бернес; муз. М. Жеттеева — «Скалолазы». Исполняет Зарубин; муз. А. Шахгадьяна — «Ласточка», «Горная речушка», «Песня о зурначе Хажосе», «Скачи, мой ослик»; и многие другие.

Перевел Л. Шерешевский

В это время Кулиев очень сожалел, что потерял своих прекрасных переводчиков: Наум Коржавин был под запретом, так как считался «перебежчиком» и «врагом народа». Стихи в его переводах запрещалось печатать, ссылаться на них критикам и литературоведам тоже было нельзя. С ярлыком «антисоветчика» стали жить в Союзе С. Липкин и И. Лиснянская. Их тоже постигла такая же участь: они не печатались и не имели права переводить. Лучшие переводчики восточной поэзии оказались в опале и под запретом.

Понимая ситуацию, Кулиев теперь обращался с просьбой перевести его стихи к Д. Долинскому, Л. Шерешевскому, Б. Ахмадулиной, Ю. Нейман, Я. Аким, О. Чухонцеву, М. Синельникову, В. Краснополскому, Н. Кондаковой, А. Баевой. Много сложного и трудного в жизни перенес поэт, пришлось пережить и это. Жайсын понимал, что не только он один понес тяжкую утрату, потеряла много и вся национальная поэзия советского Востока. «Что делать,— думал поэт.— Жизнь противоречива, как и наши чувства и мысли. Все еще может измениться». Но не дожидаясь до того времени, когда было возвращено доброе имя его любимых переводчиков. Стихи и переводы Н. Коржавина и С. Липкина стали печатать в СНГ и Российской Федерации в постсоветский период. В 1992 году Наум Моисеевич приезжал из Бостона в Москву, встречался с работниками «Известий»³⁴, «Нового мира» и «Московских новостей», даже пообещал выслать им свои мемуары «В соблазнах кровавой эпохи». После годов молчания вернулся к плодотворной работе и С. Липкин. Его заинтересовала проблема депортации — тема насильственного изгнания людей с отчей земли. Об этой трагедии он рассказал в повести «Декада», которая вошла в его первую большую книгу «Воля». Составителем и редактором ее стал известный поэт, лауреат Нобелевской премии Иосиф Бродский. Липкин встречался в Москве с земляками Ку-

³³ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 107.

³⁴ Соколов Ю. Два дома Наума Коржавина // Известия. 1992. 17 февраля.

лиева, и тогда он сказал поэту Магомету Мокаеву: «В трудные для меня дни только Кайсын не отвернулся от меня. В каждый свой приезд в столицу он навещал меня и поддерживал добрым словом. В знак глубокого уважения к его памяти я перевел на русский язык его поэму «Завещание», которая была долгое время под запретом, и написал повесть о балкарском народе и его трагедии».

...В октябре Кулиев принял участие в обсуждении темы «Круглого стола», проведенного в Софии болгарским еженедельником «Литературен фронт» и «Литературной газетой». «Вторая мировая война в художественной литературе и историографии» — такова была основная тема, подлежавшая дискуссии. Для Кайсына не составляло особого труда вести диалог о прошедшей войне на любом уровне, с любыми литераторами и учеными-историками и философами. Социальная и художественная память о второй мировой войне и прошедших годах могла поэту служить большим и конкретным содержанием.

К ноябрьским праздникам Кайсын вернулся домой. К нему на работу в Союз писателей приходил заслуженный артист КБАССР и РСФСР Магомет Кучуков, чтобы посоветоваться, как лучше отметить юбилей, — ему 20 ноября исполнялось 60 лет со дня рождения. Они были большими друзьями, все вместе продумали и «расписали». Кайсын в этом деле имел опыт, и Магомет во всем полагался на него. Кулиев предложил преподавателям университета И. Х. Ахматову, М. М. Текуеву, С. И. Эфендиеву выступить с приветственным словом к юбиляру и преподнести ему от коллектива КБГУ приветственный адрес. Встретившись с профессором Эфендиевым, поэт сказал: «Пусть один из вас скажет доброе слово о моем друге, а другой подарит ему туркий рог. Ему будет приятно, что профессора ценят его актерский талант». Юбилей отмечали в областном театре им. А. Шогенцукова. Выступая с приветственным словом, Кулиев сказал: «В этот радостный день, а он именно таким является для меня, вся интеллигенция, трудящиеся Кабардино-Балкарии отмечают Ваш юбилей, потому что любят Ваше талантливое искусство и чествуют своего известного артиста...» После торжественной части Кайсын был и на дружеском ужине в ресторане «Эльбрус», веселился, шутил, много танцевал балкарские танцы с Элизат Кульбаевой. Она была привлекательна: в длин-

ном розовом с блестками платье, в белых перчатках, с красивой прической. Выглядела королевой бала. Ею любовались все: ее умением грациозно танцевать, мило улыбаться. Но больше всех ею любовался Кайсын. Видно было, что он был от нее в восхищении. После вечера поэт поехал ее провожать.

Через три дня, то есть 23 ноября 1979 года, в университете отмечали 125-летие со дня рождения основоположника кабардинской литературы Б. Пачева. Кулиев был приглашен на торжество, но его там не было. Он извинился перед Союзом писателей, так как должен был выехать в этот день в Грузию: в Тбилиси отмечали 70-летие со дня рождения И. В. Абашидзе, родившегося 23 ноября 1909 года в селении Хони (ныне город Цулукидзе). Поэт-академик был большим другом Кайсына, приезжал на его юбилей в Москву, во всем всегда его поддерживал, и Кулиев не мог не поехать к нему. В своем выступлении Кайсын подчеркнул особую роль Абашидзе в исследованиях о Руставели, а написанная им книга «Грузинский крестовый монастырь» — это новое слово в науке о Руставели и его «Палестинском дневнике». «Я люблю поэзию Ираклия военных лет. Мы с ним участники Великой Отечественной войны, только он был старше меня на десять лет и писал лучше, чем я», — сказал Кулиев и в заключение своего выступления прочитал стихи о том времени — «Дети», «Сталинград» и «Капитан Бухайдзе».

Я грузин Бухайдзе.

Повержен

Вражьей пулей в Кавказских горах.
Если б мог я воскреснуть из мертвых,
Если б ожив внезапно мой прах,—
Я бы отдал опять свое сердце
Милой родине в грозном бою,
Вновь бы умер за землю родную,
Ту, что грудь покрывает мою³⁵.

Перевела В. Звягинцева

В декабре Кайсын на несколько дней ездил в Москву по сугубо личным делам: у Эльдара и Ольги Борисовны родился первый ребенок. Это был мальчик, внук, о кото-

³⁵ Абашидзе И. Избранное: Стихотворения. М.: Худож. лит., 1989. С. 333.

ром мечтал поэт, и сразу, как вошел в квартиру, предложил три горских имени на выбор: Азрет, Ильяс и Салих. Эти имена имели особое значение для него. Так звали Азрета Будаева и Салиха Хочуева, это были друзья-поэты, погибшие в годы Великой Отечественной... А имя «Ильяс» — это имя одного из пророков. Молодые супруги называли сына Ильясом. Ольга Борисовна пошутила: «Пусть для деда он будет Ильясом-пророком, а для нас — Илья, Илюша». Накупив в «Детском мире» для новорожденного подарков, счастливый Кулиев вернулся в Нальчик. Здесь его ждали неотложные дела: во-первых, надо было продолжать готовить торжества в связи со 120-летием со дня рождения Кязима Мечиева, во-вторых, срочно написать статьи о нем и отдать в республиканские газеты³⁶. Кроме того, он должен написать статью к 70-летию со дня рождения славного сына болгарского народа Вапцарова³⁷.

Приглашения на торжества от правления Союза писателей и Министерства культуры КБАССР были разосланы заранее. Вечер состоялся в актовом зале КБГУ 21 декабря в 16 часов, председательствовал сам Кулиев. На этом вечере присутствовали дорогие его сердцу люди: дочь Жанна и Элизат Кульбаева. Теперь она была постоянной спутницей всех его мероприятий и начинаний, духовной поддержкой и опорой. Элизат переживала за Кайсына. Дело в том, что вот уже неделя как он болел гриппом. Было видно и по нему: вступительное слово о Кязиме он произнес несколько сбивчиво, временами останавливался и долго и надсадно кашлял, дыхание было тяжелым и прерывистым. Выглядел он утомленным, голос осел, был хриплым. Но не прийти Кайсын не мог. Из многих областей и республик Северного Кавказа приехали гости, их надо было принять и проводить с почестями. После торжественной части Кулиев поехал с гостями на ужин в ресторан «Эльбрус». Вечер в ресторане несколько затянулся, поэт сидел грустный, мало говорил, видно было, что чувствовал он себя неважно. Однако уехал последним, «разбрасывая» по дороге тех, кто уехал с ним в его машине: сначала завезли домой его дочь Жанну, потом Назифу Кагиеву из

³⁶ Кулиев К. Поэт народа // Кабардино-Балкарская правда. 1979. 20 декабря; Он же. Бессмертный, как колос // Советская молодежь. 1979. 20 декабря.

³⁷ См.: Литературная газета. 1979, 5 декабря. № 49. С. 3.

Карачаево-Черкесии в гостиницу, потом Эфендиевых Салиха и Тамару на Советскую, 69.

В целом тысяча девятьсот семьдесят девятый год был хорошим для поэта. Об этом свидетельствуют стихи того времени.

Кажется, будто сначала живу,
Будто унынья не знал,
Будто не ведал зла наяву
И радость одну воспевал³⁸.

Перевел Я. Аким

Это четверостишие взято из стихотворения «Дерево радо — растет высоко...». Столь же светлыми и радостными являются «Пусть роза багровеет и звезда горит», «Чистота воды», «Слушая море», «Светите, звезды».

³⁸ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 130.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

Многие и долгие недели
Боль моя коварна и слепа.
Нынешняя черная ужели
Для меня последняя тропа?

К. Кулиев

Начиная с 1980 года трагическая тема — тема старости, увядания и смерти прочно вошла в поэзию Кулиева. Он как бы уже предвидел скорый и неизбежный трагический конец и старался в стихах убедить, что причина смерти не в том, что он слаб и немощен, а это судьба, рок, фатум. Все в мире имеет неизбежный конец. В стихотворении «Говорю моему поколению» (1980), посвященном М. Дудину, поэт писал:

Становимся мы тоже стариками,
Всех поколений участь повторив.
Не возвратимся, в ту же бездну канем,
В конце пути ждет каждого обрыв¹.

Перевел М. Синельников

Это стихотворение, несмотря на свой определенный смысл, подчеркнутый тремя частями содержания — 1. Повторяя участь всех поколений; 2. Уходит наше поколение; 3. В последний бой, воспринималось как духовное заветование двух поэтов: Кайсына и Дудина. Они оба с трагической искренностью поведали о том, что их волновало в начале 80-х годов: «Уходит наше поколение без грома с молнией, тайком. А ведь когда-то мы каменья раскалывали кулаком».

Костром в снегу перед веками
Пылали верности года.

¹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М.: Худ. литер., 1987. Т. 3. С. 167.

Теперь мы стали стариками
И вот уходим... Навсегда².

Перевел М. Дудин

В последние пять лет жизни Кулиев много болел, ложился в московские больницы лечиться. Он все надеялся, что сможет перебороть болезни, вылечиться от недугов. И, находясь в больницах, поэт писал стихи, письма переводчикам, просил их ускорить переводы и публикации. Не всегда удавалось Кулиеву сохранить свой былой оптимизм и веру в свои силы. Показательными в этом отношении являются стихи «Вдали от Чегема» (1980):

Лежу я вдали от Чегема в больнице,
Тоскуя, как ссыльный, по мыльным горам.
Смогу ли когда-нибудь к ним возвратиться?
Не знаю. Чего не обещано нам!³

Перевел О. Чухонцев

Январь 1980 года был для поэта относительно легким и интересным. В начале месяца он работал с редакторами в концертной студии Останкино, где готовился вечер его поэзии. И 16 января в концертном зале Кулиев читал свои стихи и отвечал на многочисленные вопросы. Вот запись этого вечера.

Начался вечер поэзии с чтения автором таких стихов, как «Самому себе» и «Мать».

— Что Вы считаете предметом поэзии в наши дни?

— На этот вопрос поэты обычно отвечают своими стихами, в которых они отстаивают гуманизм, доброту и человечность.

— С каких лет Вы стали писать стихи и о чем?

— Стихи я стал сочинять лет с десяти. Жил я в то время в горах в песенной атмосфере балкарского народа и поэзии Кязима Мечиева.

— Прочитайте стихотворение на родном языке. Мы хотим послушать звучание балкарского языка.

Поэт прочитал стихотворение «Раненый камень». «Так называется и моя книга», — сказал Кулиев. Потом поэт

² Там же. С. 167.

³ Там же. С. 169.

читал «Старинную заповедь», «Мы слушали музыку», «Дворик моей матери».

— Почему Вы не стали артистом, ведь Вы учились в ГИТИСе, в театральной студии.

— Да, я учился, но, видно, не судьба была стать актером. Литературу я любил больше и ушел в Литературный институт, который окончил, и не жалею об этом.

— Что будет с миром? Конечно, Вы не политик, а поэт, но Ваше мнение нам интересно знать.

— Верю, что мир как стоял, так и будет стоять. И все останется так, как есть: хлеб будет хлебом, вода — водою.

— Не грозит ли нашей молодежи бездуховность?

— Да, некоторые ученые-теоретики пишут об агрессивности молодежи и ее бездуховности. Но я считаю, что вся абсолютно молодежь не может быть бездуховной. Какая-то часть, возможно, подвержена этому явлению. А в целом все мы должны опасаться этого страшного явления, особенно злобы и ненависти.

Занимались ли Вы когда-нибудь переводами классической литературы на балкарский язык?

— Да, я переводил Пушкина, Лермонтова, Есенина, Твардовского, Лопе де Вега, Лорку, Шекспира. Сейчас перевожу «Кровавую свадьбу» Лорки.

— Согласны ли Вы, что поэзия должна прежде всего воспевать и отстаивать доброту и любовь к людям?

— Да. Жестокость и злоба не могут быть предметом воспевания. Сейчас я почитаю Вам «Колыбельную» и другие мои любимые стихи, и вы согласитесь со мной.

Кулиев прочитал «Путь мой был труднее с каждым днем...», «Не я ль ревел подранком-туром...», «Упал на траву я...», «Сказал мудрец...», «Вторая старинная заповедь».

— Кроме того, что Вы услышали, я люблю писать о женщине. Мы все обязаны ей, и поэты никогда не перестанут восхищаться женщинами и будут воспевать своих любимых. Я тоже пытался в разные годы писать о них. Позвольте прочитать «В мой легкий день я буду вспоминать...».

Кроме этого стихотворения, Кулиев прочитал «Тыпустила волосы свои», «Твоим рукам, дарующим тепло» и «Женщина купается в реке».

— Что такое по-вашему любовь?

— Настоящая любовь — это прийти на помощь другому, уметь чем-то пожертвовать. В этом случае женщины всегда стоят выше мужчин, они благороднее и выше.

— Любите ли Вы петь?

— Да, я любил петь всегда, особенно, когда был маленьким. И сейчас люблю. Смог бы спеть Вам старинную балкарскую песню.

— Любите ли Вы Тютчева и его поэзию?

— Да, Тютчева я люблю.

— Что человека делает личностью?

— Если человек смог остаться человеком в трудные дни, не изменить своим принципам — это личность. Для меня такой личностью был Твардовский.

— Каких Вы поэтов считаете своими учителями?

— У меня их было много. Первый мой учитель — это Кязим Мечиев. Мир его знает мало. Он скитался по Востоку еще до революции. По моему мнению, он не уступает самым известным поэтам-ашугам Кавказа. Его печатали и печатают.

Любимым поэтом в юности был Лермонтов, любил я и Пушкина, Тютчева, Лорку, глубоко уважаю как поэта Анну Ахматову, Бориса Пастернака, А. Твардовского и многих других.

— В каком возрасте Вы сели на коня?

— В пятилетнем возрасте. С детства помню, как я выводил из конюшни коня, садился без седла и скакал галопом. У деревенских мальчишек это было обычное дело. В 35-летнем возрасте я снова попробовал сесть на дончика на Иссык-Куле, и через два часа он привез меня на место весь в белой пене. Меня в детстве звали «шкурой коня» — так прочно я держался на коне.

— Сколько у Вас детей?

— У меня три сына и одна дочь.

— Любите ли Вы детей?

— Да, я люблю маленьких детей, их радости и будущее. У меня есть стихи на эту тему, прочитаю Вам их: «В беде один малыш на свете и вся вселенная в беде», «Тревога сердца озадачит, во мне отзовется стихом...», «Где-то стонет женщина вдали...». (Поэт прочитал их.)

— К какой языковой группе относится балкарский язык?

— Балкарский язык относится к тюркской группе языков. Иногда говорят, что к татаро-тюркской группе. На

Кавказе на этом родственном языке говорят карачаевцы, кумыки, ногойцы и азербайджанцы. Их можно легко понять. В Сибири — тувинцы и алтайцы. В Средней Азии — туркмены, узбеки, киргизы, казахи, а в Поволжье — татары, башкиры, чувашаи.

Язык каждого народа — это целый мир! Каждый язык заслуживает изучения, почитания и уважения. Эти все мысли я постарался изложить в стихотворении, которое назвал «Язык родной земли» и посвятил его профессору А. М. Аппаеву.

После этого Кулиев прочитал это стихотворение и еще другое — «Учитель Борис Игнатьевич». Это стихотворение Кулиев читал по книге, а все другие — по памяти.

— Что Вы думаете об интернациональном и национальном?

— Поэзия должна говорить своим родным языком, но понятно для всех. Интернациональное — это уважение прежде всего ко всем людям и их языкам, в частности, к их культуре, традициям и обычаям.

— Часто ли Вы ездите по стране?

— Да, часто. Я люблю поездки. Они дают возможность увидеть мир, другую культуру и природу, иных людей. Поездки многое дают. А человек постоянно должен учиться всему хорошему. Поездка — это своеобразная учеба. У нас есть даже присловье: в каждом ауле по-разному режут барана. А мир такой разнообразный и этим интересней.

Я родился между Эльбрусом и Казбеком. Моя республика осенена белизной Главного Кавказского хребта. И все, что я написал, освящено светом этих скал, народом, который живет у этих скал, светом реки Жылги, у берегов которой родился я. О Чегеме я написал стихотворение «Ах, мой Чегем...». (Прочитал.)

— Где Вы были в годы Великой Отечественной войны?

— Был на войне. Я встретил ее в Прибалтике. Воевал под Орлом, Сталинградом, в Крыму, на Украине. Имею боевые награды. Под Севастополем я был ранен. И на войне писал стихи. Их у меня много об этой трудной поре. Эпиграфом к ним я взял слова Шекспира: «Над раной шутит тот, кто сам не был ранен».

И Кайсын по памяти прочитал несколько стихотворений о войне.

— Не мешает ли Вам сейчас творческое благополучие?

— Благополучие не способствует расцвету дарования. Я убежден, что поэт должен знать трудности!

— Трудно быть поэтом? Не устает ли он?

— Поэт занимается не только поэзией. Он еще и изучает жизнь и должен хорошо знать ее светлые и темные стороны, понимать страдания людей и уметь выражать их чувства. Поэтом быть трудно всегда — во все эпохи и времена.

— Вы любвеобильны?

— Я люблю и любил женщин, жизнь, мир! Я прочитаю Вам стихотворения — «Женщинам, которых я любил», «Моему сердцу».

Эти стихи Кулиев читал по книге, сидя за столиком. Видно было, что он устал, голос его стал глуше.

В первом ряду, почти перед ним, сидели его друзья: М. Дудин и Д. Кутультинов. Они часто аплодировали поэту, давая ему передышку. Вопросы все сыпались:

— Как Вы пишете стихи: сидя, лежа, стоя?

— Пишу обычно сидя за столом, иногда стоя, могу — на ходу, но никогда — лежа. Знаю, что Пушкин писал лежа. Но он великий человек, ему это было позволено.

— Как Вы относитесь к поэзии А. Вознесенского?

— Я отношусь спокойно ко всем стилям и направлениям. Время разберется в нас. А. Вознесенский — человек большой культуры и замечательный поэт. Желаю ему больших удач и успехов.

— Нравится ли Вам поэзия Р. Гамзатова?

— Нравится. Я люблю этого большого поэта.

— Ваше отношение к славе? Портит ли она поэтов?

— Настоящих поэтов слава не портит.

— На страницах «Литературной газеты» много спорят о поэзии А. Вознесенского, о традициях и его новаторстве. Каково Ваше мнение?

— На этот вопрос я уже ответил. Но добавлю: надо разумно относиться ко всему. Игра в простоту так же противна, как и в новаторство.

После этого Кулиев сказал:

— Дорогие друзья, в заключение я прочитаю Вам стихи «Мир и радость, вам, живущие».

На этом вечер поэзии был закончен.

В конце января Кулиев был дома. Временами его видели в Союзе писателей, но чаще всего поэт был в Чегеме. Год начинался с приятных событий для поэта. Во-пер-

вых, вышла в продажу в самом начале 1980 года его книга «Колосья и звезды», которая была подписана к печати еще в октябре 1979 года, но вышла только через четыре месяца. Вскоре на нее появилась первая рецензия — «Свет исканья»⁴. Исследователю своего творчества Кайсын подарил эту книгу и написал: «Тамаре Эфендиевой, как всегда, с благодарностью за все Ваши труды. Кайсын Кулиев. 16 марта 1980 г. Москва». Во-вторых, о Кулиеве была подготовлена монография довольно большого объема и отослана в издательство «Советская Россия», но там потребовали отношение-ходатайство от Союза писателей Кабардино-Балкарии. Председатель правления СП КБАССР направил следующее письмо на бланке Правления. Вот его содержание:

«Главному редактору издательства «Советская Россия»
гов. Шкаеву В. В.

Уважаемый Василий Васильевич! Союз писателей КБАССР просит Вас включить в план издательства работу доцента КБГУ Эфендиевой Тамары Емельяновны «Мир поэзии Кайсына Кулиева» (о некоторых социально-нравственных проблемах творчества), объемом 25 п. л.

Председатель правления СП КБАССР А. Шогенцуков.
29 января 1980 г.»

Кулиев к этому ходатайству написал небольшое письмо от себя лично: «Дорогой Василий Васильевич, милый Вася! Прими мой братский привет. В Москву едут мои большие друзья — наши ученые Эфендиевы Тамара и Салих, литературовед и философ. У них есть к тебе дело, о котором мне неловко писать. Но прошу тебя, милый Вася, принять их, быть ласковым и добрым к ним. (Ты иначе и не можешь, конечно!)

С тех пор как был с Давидом у тебя, в Москву не ездил. И Давида не видел. Приедем, посетим тебя. А пока обнимаю тебя, желаю тебе здоровья, всего доброго.

Твой Кайсын Кулиев.

1 февраля 1980 г.
Чегем».

⁴ Эфендиева Т. Е. Свет исканья // Кабардино-Балкарская правда. 1980. 29 августа.

Книга «Мир поэзии Кайсына Кулиева» была включена в план издания после всех чтений и рецензий на 1983 год. За три года мытарства по рецензентам и литературным отделам ее предложили сократить с 25 до 5 п. л. И это еще не все. Завредакцией национальных литератур издательства Евгения Николаевна Имбовец обнаружила в рукописи переводы стихов Н. Коржавина и С. Липкина. Она пришла в ужас от такой дерзости автора будущей книги, обвинив его в заговоре с «врагами народа» и «антисоветчиками», хотя ни Коржавин, ни Липкин не знали о существовании некой Эфендиевой, проживающей где-то на периферии. Издание рукописи было под угрозой. Ни уверениям, ни клятвам не верили, что автор рукописи просто не знал о том, что Липкин и Коржавин относились к числу запрещенных переводчиков, и ни в какой связи с ними не состоял, а пользовался их переводами потому, что они были лучшими. Написав объяснительную записку на имя директора издательства и в соответствующие органы, Эфендиева взяла рукопись и должна была заменить их переводы другими. Издание было задержано еще на два года. Обо всем этом Кайсын знал, так как всегда интересовался делами издания в отношении этой рукописи, возмущался и ругался, но что он мог сделать против системы подозрительности, всюду выискивавшей «врагов». Зря, конечно, унижался Кулиев перед этой «милой» Женей (да сделанного не вернешь!), когда писал ей: «Милая Женя, к тебе зайдут мои большие друзья, наши ученые — литературовед и философ Салих и Тамара Эфендиевы. Прошу тебя принять их, выслушать и быть к ним ласковой, как полагается такой женственной и красивой женщине, как ты. Я знаю, что и без моей записки ты бы приняла их хорошо. Но я просто пользуюсь случаем, чтобы послать тебе мой привет и добрые пожелания.

Желаю тебе здоровья и всего доброго. Привет супругу.

Твой Кайсын Кулиев. Черем».

Книга вышла под названием «Кайсын Кулиев. Литературный портрет» в том же издательстве «Советская Россия» в 1985 году, когда поэта уже не было на свете: он умер в июне, а книга вышла в ноябре. На обложке книги его портрет. Он стоит в весеннем березовом подмосковном лесу, в черном бархатном берете, в легком пальто с краси-

вым шелковым кашне в тон пальто и берету. В глазах за-
таилась грусть: он уже знал о своей роковой болезни.

Но все это будет потом... А пока вернемся к марту 1980 года, когда поэт лег 11 марта утром в клинику на Мичуринском проспекте. Шло обследование здоровья поэта, он выполнял все предписания врачей, ходил на многочисленные процедуры. Его посещали земляки. В один из тех дней приехал навестить его Салих Эфендиев. Это было в воскресенье 16 марта. От ДАСа (Шверника, 19) он доехал 26-м трамваем до метро «Университет», потом автобусом до Балатона и пешком прошел через весь парк до больницы. День был солнечный, почти теплый, по-весеннему грело солнце, но снег лежал твердым пластом во всем парке. В нем было тихо и пустынно. Потом Кайсын скажет: «Хорошо бы побыть в таком парке, походить, посидеть, увидеть зимующих птиц, услышать их голоса».

В бюро пропусков дежурили с красными повязками на рукавах трое мужчин. Салих подумал про себя: «Зачем так много, кого они усиленно охраняют?! Вероятно, кремлевских работников». Один из дежурных потребовал паспорт, долго разглядывал его, сличая (какая бдительность для больницы!) фотографию с оригиналом, потом по складам бубнил в телефонную трубку непривычную фамилию: Э-фен-ди-ев Са-лих Иб-ра-ги-мо-вич. После этого он разрешил позвонить по телефону 9-6-7-5. На другом конце провода тотчас ответили: «Кайсын Кулиев находится на 6-м этаже в 27-й палате. Ждите, вам выпишут пропуск, если вас пожелает видеть больной». Тот же дежурный мужчина позвонил еще раз по телефону и предупредил, очевидно, дежурную по этажу, чтобы пропуск был обязательно подписан у дежурного врача Гвоздевой, иначе он не пропустит посетителей. Через минут 30 пропуск был подготовлен, на нем стояли две подписи — врача и Кулиева, последняя, вероятно, означала, что поэт желает видеть посетивших его людей. Из «дежурки» Салиха провели во двор больницы, и он поднялся лифтом на 6-й этаж. Сама больница поражала чистотой и благолепием: белый и розовый мрамор, последнее слово техники, красивая архитектура. Больные лежали по одному человеку в палате, около кровати — телефон, в углу — телевизор. Сама палата, просторная и светлая, сверкала чистотой.

На столике у Кайсына лежала книга «Дон-Кихот». «Она самая подходящая для этой ситуации», — сказал по-

эт. Здесь же стояла фотография внука Ильяса, рождению которого так радовался Кайсын.

Фотография внука — посредник
Между мною и миром глухим.
Здесь, в больнице, он — мой собеседник,
Я подолгу беседую с ним ⁵.

Перевел Я. Аким

Кайсын рассказал Салиху, что он лег на обследование потому, что однажды обнаружил в моче кровь. Сейчас он чувствует себя хорошо, боли никакой нигде нет, самочувствие нормальное, анализы уже все сданы, необходимый курс лечения в течение недели прошел, но результаты пока неизвестны. Он ждет врача Лопаткина, у него он лечился и верит ему. Пока Салих говорил с Кайсыном, ему часто звонили. Из Чегема справлялся о его здоровье первый секретарь РП К. Джаппуев, из Элисты — поэт Д. Кугультинов. Кайсын говорил Давиду, что теперь у него все нормализовалось: стал по ночам спать, появился аппетит, давление в норме. Поинтересовался, получил ли Кугультинов депутатский значок и документ, поздравил его и передал ему привет от генерал-майора Хакима Деппуева, который здесь лечился вместе с Кайсыном. Поинтересовался Кулиев и тем, закончил ли Давид работу над третьим томом своих сочинений. Пожурил его, почему до сих пор не завершил. Потом Кайсын говорил ему о своих детях — Эльдаре и Алиме, которые учатся здесь, приходят к нему, скоро к ним приедет из Ленинграда на каникулы Азамат и будет жить у Эльдара.

Позвонил Кайсыну и Алим Кешоков. Оказалось, что он здесь же лежит на лечении, только в другой палате. Салих поговорил с ним о состоянии его здоровья.

Когда Салих уходил, Кайсын проводил его до первого этажа и подарил ему книгу «Колосья и звезды» со своим автографом.

Двумя днями раньше, то есть 14 марта 1980 года, Кулиев дал телеграмму Кульбаевой Элизат, которая гласила: «Горячо, всем сердцем поздравляю днем рождения, тебя, прекрасную женщину, замечательного, достойного человека, верного друга, выдающуюся актрису, желаю

⁵ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 172.

долгих лет здоровья, вдохновения, радости, много благ. Обнимаю, целую = Твой Кайсын»⁶.

Весь март и девять дней апреля Кулиев пролежал в больнице. У него обнаружили доброкачественную опухоль и сделали операцию.

...А ныне лежу я, больной, и тоскую,
И боль наполняет слезами глаза,
Живущий, я чувствую правду простую:
Земля — для живых, и живым — небеса⁷ —

Перевел О. Чухонцев

так писал поэт, находясь в больнице, подготавливая себя ко всему, что бы ни произошло. Уроками стойкости и силы воли были для него вековые народные традиции: «Боль побеждают, слез не льют мужчины! — так нас учили сто веков подряд...» И верил, что «помогут тем родимые вершины, кто будет тверд, тех и благословят!».

«Будь со мною, мужество!» — так называется одно из стихотворений этого года. Вероятно, поэт призывал всю свою силу воли не поддаваться отчаянию и страху.

Страх смерти свят, поскольку человечен,
И нас, людей, судить за это — грех.
Страх смерти всем живым сгибает плечи,
Но пригибает до земли не всех⁸.

Перевел Н. Гребнев

30 марта Салих Эфендиев снова был у Кайсына в больнице. В палате у него сидели сыновья Эльдар и Азамат и смотрели передачу по цветному телевизору. Чтобы не мешать им, Кайсын и Салих спустились в оранжерею, «летний сад», как в шутку сказал Кулиев. Он поинтересовался делами издательства «Советская Россия», судьбой рукописи «Мир Кайсына Кулиева» и сказал: «Пусть в ней будет отражена моя биография. Она трудная. Но я горжусь ею и временем, в котором прошла моя жизнь и жизнь моих ровесников. Горжусь своими верными друзьями, которые не покидали меня в дни депортации моего народа, в годы напастей и наветов на целый народ». Ничего этого

⁶ Личный архив Э. Кулиевой.

⁷ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 171.

⁸ Там же. С. 178.

не будет в изданной книге на 128 страницах под рубрикой «Писатели Советской России». Кайсын не знал, что с 25 печатных листов ее сократили до 5 листов с небольшим.

В больнице Кайсын был удивительно терпелив и послушен. Он выполнял все, что требовали врачи. Но одного он не выполнял предписания: не мог не писать. «Тропы радости и боли» (1980) относятся к этому времени.

Я иду мостом моей тревоги.
Белый снег чернит мои дороги,
И куда ни гляну, в черном поле
Вижу тени горя, облик боли.

.
Многие и долгие недели
Боль моя коварна и слепа.
Нынешняя черная ужели
Для меня последняя тропа? ⁹

Перевел Н. Гребнев

Но не только печальные строки писал поэт. Он любил и был любим. В этом он был уверен. И в часы, когда ему было покойно и хорошо, он вспоминал ее и писал о ней, Элизат Кульбаевой:

Любовь — свет весенний по сути своей,
И кружатся вольные птицы над ней.

Любимой лицо — и зимою оно
Весенним сиянием озарено.

Свет вешний любви не затмят холода,
Любимой лицо, ты прекрасно всегда ¹⁰.

Перевел Л. Шерешевский

10 апреля, в солнечный и теплый день, в одиннадцать часов утра Кайсын покинул больницу на Мичуринском проспекте и остановился в гостинице «Москва». Он собирался в составе делегации СП СССР выехать в Венгрию, а до этого еще побывать и в Ташкенте. Вечером в этот же день он вылетел в Узбекистан. В столице этой республики

⁹ Там же. С. 189.

¹⁰ Там же. С. 191.

собрались ученые, писатели на дискуссию по проблеме «Единство пути, многообразие поиска» — о путях развития советской многонациональной литературы. Организатором «Круглого стола» была «Литературная газета» и Союз писателей Узбекистана. Здесь Кайсын встретился со своими друзьями Д. Кугультиновым, М. Каримом и другими поэтами. Они знали, что он лежал в больнице, и старались его отвлечь от грусти. Кулиев радовался всему: теплему ветру, весеннему дождю и даже плохой погоде («Блаженно идти под дождем» — 1980):

Все: и дождик, и солнца сиянье —
Это благо, дарящее нас.
И блаженно само понимание,
Что погода плохая сейчас¹¹.

Перевел Н. Гребнев

Из Ташкента поэт вылетел в Венгрию. Там он был два дня, но почувствовал себя хуже и сразу вернулся в Москву. Из гостиницы он позвонил Элизат и сообщил, что завтра ложится в ту же больницу, просил ее не волноваться. Он снова должен пройти курс лечения химией-терапией той болезни, которую обнаружили в марте 1980 года. Сообщил он ей и о том, что собирается на несколько дней приехать в Чегем, чтобы побыть с близкими ему людьми, и снова уже надолго лечь на лечение. Элизат понимала, что со здоровьем у него неважно, хотя он держался бодро и всех успокаивал, что не стоит тревожиться из-за пустяков. Эту зиму Элизат и сама болела — провела несколько месяцев в городской больнице. Кайсын, будучи здесь, каждый день приходил к ней с цветами и коробками конфет. Больные, что лежали с Элизат в одной палате, всегда тоже ждали поэта. Они стояли у окна и первыми радостно сообщали ей: «Вставай, вставай, идет Кайсын Кулиев и, как всегда, с цветами и подарками!» Элизат щедро делилась тем, что приносил поэт.

Вероятно, всего не знала и Элизат. Чтобы ее не волновать, поэт не говорил откровенно о состоянии своего здоровья. Но и то, что она знала от него лично, старалась скрывать, не говорить о болезнях Кайсына и его тревогах.

27 мая Кулиев прилетел из Москвы и с аэродрома

¹¹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 187.

отправился домой — в свой Чегем. А 28 мая, буквально на другой день, это была среда, поэт был уже на работе в Союзе писателей. Здесь его ждали знакомые и друзья. Союз писателей пригласил его поехать в Тырны-ауз и выступить там по какому-то случаю. Первый раз Кайсын отказался, добавив: «И вы знаете, почему я не могу поехать и исполнить вашу просьбу». Выглядел Кайсын неважно: похудевший, измученный. Длинный синий плащ был слишком просторный для него, а надвинутая на лоб фуражка темнила его лицо. Весь Кайсын был какой-то другой, не тот веселый и приветливый человек, которого знали.

Когда Кайсын остался один в кабинете, он стал разбирать присланные книги, брошюры, письма. На белорусском языке вышла статья поэта о Твардовском в книге А. Вярцинского, с целым разделом о Кулиеве¹², брошюра «Философская лирика К. Кулиева и Р. Гамзатова»¹³, рецензия на сборник его стихов «Краса земная» (М., 1980)¹⁴, статья о нем «К вопросу о переводе пословиц»¹⁵. С интересом поэт просмотрел раздел книги «Певец из Кабардино-Балкарии» И. Абашидзе¹⁶.

Несмотря на то, что Ираклий был на 10 лет старше Кайсына, они очень симпатизировали друг другу и в чем-то были похожи по характеру: оба любили веселые застолья, петь и слушать народные песни, путешествовать по стране и за рубежом, зимние московские метели, от которых приходили в восторг, гостиницу «Москва», где обычно они останавливались, когда приезжали в столицу. Были они похожи и в своих антипатиях. Сразу чувствовали фальшь и ложь, стеснялись громкой славы и восхвалений, старались скрыть беды и неудачи. У них были одни и те же переводчики — Н. Гребнев, Н. Тихонов, В. Державин, Б. Ахмадулина, М. Синельников, которым они были благодарны за прекрасные переводы их философской лирики, жанра, нашедшего наивысшее выражение в поэзии

¹² Вярцинский А. Высокое небо. Минск, 1980. С. 240—246.

¹³ Эфендиева Т. Е. Философская лирика К. Кулиева и Р. Гамзатова. Нальчик: КБГУ, 1980.

¹⁴ Эфендиева Т. Е. Краски жизни // Коммунизмге жол. 1980. 20 февраля.

¹⁵ Башиева С. К. К вопросу о переводе пословиц // Вопросы литературы народов СССР. Киев — Одесса, 1980. Вып. 6. С. 140—144.

¹⁶ Абашидзе И. Дружба, дороги, раздумья. Тбилиси: Мирани, 1980.

Тютчева и Пастернака, которых так любил и почитал своими учителями Кайсын Кулиев.

Итак, в этот день Кайсын работал в своем кабинете до четырех часов, а потом он вызвал машину и вместе с профессором А. М. Аппаевым и племянником Ахией Ахматовым поехал на квартиру к генералу Деплуеву, с которым Кайсын лежал вместе в больнице в Москве. Узнав, что ему стало хуже, Кайсын решил его проведать. Он убедил генерала снова лечь в больницу, и они решили вместе выехать в воскресенье в Москву.

30 мая Кайсын приехал в Союз писателей и стал писать деловые ответные письма. Вскоре к нему пришла дочь Жанна. Он вызвал машину, и они поехали за Лейлой, внучкой Кулиева, чтобы затем отправиться в Чегем I. В доме Кайсына они провели вместе вечер и решили на другой день выехать на родину поэта — в Верхний Чегем, где жили его самые близкие люди: родственники Бечеловых и Кулиевых.

Целый вечер Кайсын был со всеми ласковым, внимательным, играл с малышами. Но иногда он как будто отключался, впадал в раздумье, и его охватывала тревога. Он задумывался и уходил в себя. «И хотя он был рядом, его не было с нами,—говорила потом Жанна.—Его тревожное душевное состояние передавалось и нам. Всем нам было невесело: всех угнетала одна мысль — шестого июня должна быть операция».

Первого июня (это было воскресенье) из Чегема I, из своего дома Кулиев выехал на машине, направляясь к аэропорту. С ним были дочь и внучка Лейла. По дороге поэт попросил шофера заехать за Элизат Кулиевой. Она ждала приезда Кайсына, быстро села в машину и, поздоровавшись со всеми, сказала: «Аллах! Жол берсин».

В аэропорту Кайсына ждали друзья. Они приехали проводить поэта. Среди них был артист Магомет Кучуков, поэты из Союза писателей, секретарь райкома партии Куанч Джаппуев и племянник поэта Ахия Ахматов. Он привез с собой пишущую печатную машинку, чтобы передать ее поэту: Кайсын собирался в Москве работать. Был уже здесь и генерал Деплуев. Он летел тем же рейсом, что и Кайсын. Случайно оказался в компании Кулиева секретарь обкома партии М. Шекихачев. Он провожал сына в Москву. Они с Кайсыном обнялись и разговорились. Проводы были шумными, все казались веселыми. Мужчи-

ны распили в депутатской комнате по случаю проводов «посошок». Кайсын не пил. Свой бокал он передал Салиху Эфендиеву и сказал: «Он произнесет очень хороший тост, пусть и выпьет за мое здоровье и удачный полет». Мужчины шутили. И лишь когда самолет, набрав высоту, скрылся в синей дали за густыми белесыми облаками, заплакали Элизат и Жанна. Мужчины быстро усаживались в легковые машины, которые вскоре тронулись в разных направлениях.

Солнечный и тихий день способствовал благоприятному полету, и через полтора часа Кулиев был уже в Москве в аэропорту «Быково». Там его встретил сын Эльдар, и они поехали в гостиницу. На второй день поэта положили в больницу и стали готовить к операции. Что думал поэт в эти дни, можно судить по стихам 1980 года: «Будь со мною, мужество!», «Восславь побеждающих боль», «Так учили нас», «Ночью перед операцией».

Ночь перед операцией в больнице
Сравниться может с ночью фронтовой,
Когда не спится и наутро — бой.
И кто провидеть может, что случится:
И ветер черный, ветер ледяной.
Собьет тебя, промчится ль стороной,
Твоей ли крови суждено дымиться? ¹⁷

Перевел Н. Гребнев

К нему четвертого июня поездом выехала дочь Жанна, чтобы быть с ним рядом. Больше из родственников никто не поехал. Жена Мака Дахкильгова была больна, жила одиноко, один раз в месяц приходила в бухгалтерию Союза писателей, чтобы получить зарплату Кулиева и расписаться в ведомости за 170 начисляемых рублей. Лариса, главбух СП КБАССР, рассказывала, что это было официальное распоряжение поэта — всю его зарплату отдавать Маке. «Она, вежливая и тихая, молча расписывалась в ведомости, иногда не сказав ни слова, быстро уходила. — говорила Лариса. — А сам поэт жил на те деньги, что получал как депутат, и на те, что поступали от издания его произведений». Подумав, она добавила: «Поэт меня уважал, перед тем как уехать, он всегда заходил ко мне, чтобы проститься».

¹⁷ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 176.

В пятницу, как и предполагалось, т. е. шестого июня, Кулиеву сделали операцию. Она, по его словам, прошла удачно, но нужно время, чтобы организм окреп. Через неделю Кайсын начал понемногу ходить по палате, отвечал по телефону всем, кто звонил ему. Так, 12 июня Салих Эфендиев говорил с ним по телефону и узнал, что поэт бодр и уверен в хорошем исходе. Можно было сообщать радостную весть его друзьям. К слову, из Цхинвали поступила телеграмма на имя Салиха Эфендиева: «Сообщите, пожалуйста, о здоровье Кайсына. Как прошла операция = Нафи Джусойты»¹⁸. В тот же день в Цхинвали пошла телеграмма следующего содержания: «Здоровье Кайсына хорошее. Звоните в больницу по телефону 147-91-12 = Тамара Эфендиева». Телеграмма была подана 17 июня. Тогда же было написано подробное письмо о Кайсыне. Вот его содержание.

«17 июня. 1980 г.

Нальчик.

Здравствуйте, многоуважаемый Нафи Григорьевич! Получила сегодня от Вас телеграмму, в которой Вы пре-вожитесь о здоровье Кайсына Шуваевича. Спасибо Вам. Вы истинный друг, который искренне печалится о здоровье нашего любимого поэта.

Сегодня же я дала Вам телеграмму и в ней был номер телефона кремлевской больницы, по которому мы обычно звоним Кулиеву... Теперь Вы уже, очевидно, говорили с Кайсыном Шуваевичем и успокоились немного.

После операции через неделю он уже ходил. Встает он обычно рано, и ему утром до обхода врачей можно звонить, он почти всегда в палате. Правда, иногда он спускается в «летний сад», как в шутку он называет на первом этаже оранжерею. А теперь ему совсем легко, так как он работает, ведь не зря же он тащил из Чегема пишущую машинку. Мечтает быстрее приехать домой, говорит, что «долечиваться будет дома, там и родные стены помогают». Будем надеяться на хороший исход.

У меня пока все по-старому: работаю над докторской диссертацией, может быть, в конце июня отвезу в Институт литературы им. Низами на вторичное обсуждение. Надо браться и за другую работу: скоро из издательства

¹⁸ Личный архив семьи Эфендиевых.

«Эльбрус» вернут рукопись «Радость откровения» (о Танзиле Зумакуловой и ее лирике), предисловие к которой написал К. Ш. Кулиев. Написала я эту рукопись давно, лежала она порядочное время в нашем издательстве, теперь надо кое-что переделать».

Телеграмму и письмо Джусойты получил и сразу ответил:

«Дорогая Тамара Емельяновна! Большое Вам спасибо за добрую вест о Кайсыне! На душе полегчало, и теперь Вам могу писать спокойно...» Далее шел разговор об исследовании творчества Кайсына, о докторской диссертации. Поэтому он писал: «Когда будет завершена работа вчерне, хотелось бы поглядеть. Если будет у Вас такая возможность, я обещаю прочесть и подумать вместе с Вами о том, как бы сделать книгу более четкой, диссертательной и изящной по форме.

Если Зоя Сергеевна¹⁹ и Азиз Алиевич²⁰ одобрили работу, то можно считать, что у Вас все готово и на уровне, необходимом для серьезной защиты.

Думаю, что в конце месяца буду у Кайсына. Еще раз спасибо за письмо, за весточку о Кайсыне! Салам Салиху! Всего Вам доброго на земле!

22 июня 1980 г.

Ваш Нафи Джусойты».

19—20 июня 1980 года в Нальчике начал работу восьмой съезд писателей республики в помещении областного совета профсоюзов. Кайсына Кулиева не было на этом съезде: он лежал после операции в больнице на Мичуринском проспекте. Но имя его часто произносилось в речи выступавших Д. Кугультинова, А. Шогенцукова и других литераторов.

Перед съездом в республиканских газетах были опубликованы стихи Кулиева, о чем Салих Эфендиев и сообщил ему, когда говорил с ним по телефону 21 июня, в субботу вечером. Кайсын сказал, что завтра ему делают последний укол и 23 июня он выписывается из больницы. О своих тревожных мыслях, страхах и сомнениях поэт

¹⁹ З. С. Кедрина работала тогда в ИМЛИ АН СССР (Москва).

²⁰ А. А. Шариф — профессор МГУ, кафедра советской литературы.

никому не говорил, особенно близким, ограждая их от боли и огорчений. Только по стихам этого времени, которые он писал в больнице, можно понять состояние его души и знать о сомнениях поэта. «Ночь тревоги» (1980) — это своеобразная грустная исповедь перед самим собой. Вот начало и конец этого произведения. В нем поэт оставался самим собой, таким, каким был на больничной койке.

Я не чуда жду, не удачи,
Снег летит и блесит на лету.
Неужель я все это утрачу
И, поверженный, тьму обрету?!

Неужель я исчезну в ночи,
Где в безмолвье ни крика, ни эха,
Ни улыбки, ни детского смеха,
Ни травы, ни цветов алычи? ²¹

Перевел Н. Гребнев

Одни вопросы еще сильного духом человека и сомнения сердца, раненного сознанием надвигающейся беды.

«Голос матери моей» (1980) — тоже о больничных муках одинокого поэта. Одиночество — состояние его души, поэтому, вероятно, он писал, что «...груз болезни его, как скала, может, этой скалы тяжелее только дума, что жизнь утекла». Как верно сказал поэт! Ведь тяжелые думы одолевают больного человека особенно ночью, когда ему не спится и ему кажется, что нет конца этой ночи и его все забыли, он никому не нужен и только в тягость окружающим.

Я в больнице лежу одинокий,
И в отличие от прочих ночей
Мне слышался ныне далекий
Голос матери бедной моей ²².

Перевел Н. Гребнев

Находясь в больнице, Кулиев тосковал по всему привычному в обыденной жизни Чегема, и даже его дворовой пес Бойнак был удостоен поэтического слова.

²¹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С.182.
-- Там же. С. 181.

В стихотворении «Мой пес Бойнак, ты ждешь меня» (1980) поэт как бы ведет неторопливую беседу с этим домашним животным о своих больничных горестях, о желании оказаться в том «...дому, что отделан небогато, но из окна которого когда-то раннею и позднею порой» поэт «видел все: рассветы и закаты и вечный снег над белою горой!...». Тоска многих недель по родному краю усугубляла и без того тяжелое душевное состояние поэта. Может, поэтому он писал:

Мой пес Бойнак, никак я не усну,
Собаки, те скулят, мы, люди, плачем.
Ты плачешь по понятиям собачьим:
Глядишь, скулишь и лаешь на луну.

Мой пес Бойнак, я слышу, как ты дышишь.
Все ждешь: вот-вот к тебе я поспешу.
Родной Чегем далек, и ты не слышишь,
Как здесь сейчас я тяжело дышу²³.

Перевел Н. Гребенко

23 июня Кулиев вышел из больницы. У него было хорошее, приподнятое настроение, чувствовал он себя хорошо. И в этот же день он отправился в Кремль, где в здании Президиума Верховного Совета СССР проходила регистрация депутатов Верховного Совета, прибывавших на третью сессию. А 24 июня, как писали тогда в газетах, в обстановке большого политического подъема, вызванного решением Пленума ЦК КПСС о созыве очередного XXVI съезда партии, начала работу третья сессия Верховного Совета. «Участники сессии горячо одобряли внутреннюю и внешнюю политику ленинской партии, ее Центрального Комитета»²⁴. Среди участников съезда был и Кайсын Кулиев. Горячо ли он одобрял в эти дни политику партии и ее ЦК, выйдя только что из больницы, сейчас сказать трудно. Очевидно, его занимали больше проблемы личного характера. Он думал о своем неожиданно пошатнувшемся здоровье, о сыне Алиме, который проходил службу в Советской Армии. В мае он написал ему открытое письмо²⁵ накануне 35-летия нашей Победы. Он писал: «Дорогой мой Алим! С тех пор как ты служишь

²³ Там же. С. 180.

²⁴ Комсомольская правда. 1980. 25 июня.

²⁵ Кулиев К. Письмо сыну // Литературная газета. 1980. 7 мая. С. 7.

в армии, пишу тебе часто. В своих письмах я пытался говорить о любви к родной земле и снегопаде в Чегеме, о священном долге каждого из нас защищать Отечество и цветение абрикоса у нас в саду, о человеческом мужестве и дожде, шуршащем летним вечером на зеленых ветвях чинар в ущелье, о человеческой чести и багровении созревшего кизила на склонах Ак-Су, о здоровье твоей матери, о моей работе — обо всем, что дорого тебе и мне...» Свое письмо Кулиев закончил так: «Я уверен, Алим, что ты поймешь сказанное мною в этом письме и примешь как отцовский завет на всю свою жизнь. Поздравляю тебя с нашим великим праздником — Днем Победы...»

За других сыновей он был спокоен. Азамат учился в Ленинграде, Эльдар защитил дипломную работу еще в 1976 году, был принят на киностудию Горького и стал работать по договору с творческим объединением «Экран». Кайсын Кулиев знал, что сын начал работу над сценарием трехсерийного телевизионного художественного фильма «Раненые камни», постановка которого должна была быть осуществлена в 1986 году. Этот фильм вышел на экраны страны уже после смерти Кайсына и пользовался большим успехом у зрителей, особенно на родине Кулиева — в Кабардино-Балкарии.

В эти годы Жанна по-прежнему работала в НИИ заваривом, воспитывала дочь Лейлу, очень умную и развитую девочку, его любимую внучку. Кайсын вспомнил, как в свое время, когда Жанна училась в университете на историко-филологическом факультете, он особенно беспокоился за нее, когда она в составе студенческого отряда почти каждое лето уезжала (как и все студенты страны) по призыву партии и правительства осваивать веками пустовавшие земли Сибири, Казахстана, Поволжья, Алтая. Тогда, начиная с весны 1954 года, на целинные земли отправлялись сотни тысяч новоселов, в том числе молодежь — студенческие отряды, сразу же после летней сессии. Поэт каждый раз приезжал на «Волге» к университету, чтобы проводить свою доченьку и сказать ей добрые напутственные слова.

Пройдут годы, но останется воспоминание Жанны Кайсыновны Кулиевой: «Мы, второкурсники историко-филологического факультета, трудились в зерносовхозе «Каракол» Акмолинской области. Ему тогда было только три года. Народ там подобрался молодой, жизнерадостный.

Приняли они нас радушно. «Совхоз у нас молодой, и поэтому сейчас главная задача — стройка, — сказала нам директор совхоза Лия Яковлевна Гольберг. — Вы приехали как раз вовремя».

После длительной дороги мы отдыхали два дня, на третий всех разбили по бригадам — и работа закипела. Все для нас здесь было новым и увлекательным. Пока не началась уборка, мы делали саман, заготавливали корм для скота, готовили ток к приему зерна. В Есильском районе Акмолинской области, где мы размещались, был выращен богатый урожай, и мы, студенты КБГУ, были горды тем, что помогали его убирать. Мы многое поняли на целине. Научились ценить труд, узнали, как нелегко выращивать хлеб. Мы лучше узнали друг друга. Кто бы мог подумать, что маленькая Тоня Беждугова такая выносливая, сильная, трудолюбивая. А Нелли Баева, Нина Амшокова, Тая Хворостякова, Залимхан Мамедов, Хасан Карданов! Мы гордились ими и старались не отставать от них»²⁶.

«Да, гады пролетели, — думал Кулиев. — Все так теперь изменилось, и дети мои стали взрослыми, и я постарел...»

...После завершения работы третьей сессии Верховного Совета Кулиев 28 июня (это была суббота) прилетел из Москвы в Минводы, а днем он был в Нальчике, зашел в Союз писателей, встретился с Ахией Ахматовым и племянником Хусеем Кулиевым, гулял с ними, как всегда, по проспекту им. Ленина. Вечером поэта видели с Элизат Кулиевой. Его лицо сияло радушием и улыбкой, выглядел помолодевшим и пополневшим. Был веселым и полным оптимизма. До 8 июля он находился в Чегеме — немного отдыхал, писал стихи. Тогда он и написал стихи «Мой поздний свет», посвященные Элизат.

Цикл стихов состоит из 16 частей. Он довольно большой по объему. Проникнуты стихи чувством благодарности к той, которая в трудные для него дни оказалась опорой и духовной поддержкой.

Даришь мне любви бесценной благо,
Не страшась препятствий и препон...

²⁶ Тогарокова Л. «Здравствуй, земля целинная!» // Кабардино-Балкарская правда. 1994. 25 марта.

О, прекрасной женщины отвага!
Жертвенностью женской я сражен ²⁷

Перевел М. Синельников

Ее любовь дала поэту счастье и надежду на выздоровление. И хотя он разумом понимал, что «жизни полночь с каждым часом ближе», но с нею было, «как в юности, светло». И он умолял ее: «Будь же ты со мною, подойди же, чтоб надежды дерево цвело!» Эти стихи нужно только читать, чтобы понять и почувствовать, кем была для него Элизат в эти четыре последних года жизни.

Может быть, от боли я заплачу...
Все равно — другого счастья нет,
Ранишь ты, но радость и удачу
Даришь мне, мой поздний, поздний свет!

...Солнечным утром 9 июля самолет уносил поэта на Рижское взморье. Он любил отдыхать в Прибалтике. Провожали его Ахия Ахматов и Хусей Кулиев. Они и ночь провели в доме поэта. Кайсын поручил им встретить из Москвы сына Эльдара, но они не смогли выполнить поручение. Утренний семичасовой рейс они пропустили, а на следующих рейсах его не было.

Весь июль Кулиев отдыхал в Дубулты и, конечно, писал стихи обо всем, что его восхищало и трогало («Ах, сосны! Я люблю смотреть на них, на мудрых собеседников моих...» Или: «...Все мило мне. Шумела б только Балтика в окне»). Эти строфы взяты из стихотворения «Дубулты» (1980), в нем поэт писал о своей любви не только к морю, соснам, но и в целом к Латвии, которую он защищал в дни войны.

И этим летом вдалеке от гор,
Мне Балтика опять ласкает взор.
Хожу, сосновым воздухом дышу
И дело свое делаю — пишу ²⁸

Перевел Д. Долинский

Отдохнувший Кулиев вернулся в августе домой. Почти три месяца он жил у себя в Чегеме, иногда приезжал

²⁷ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 193.

²⁸ Там же. С. 162.

в Нальчик в СП, чтобы забрать почту и книги, которые приходили на его имя. Он ждал из Москвы приезда съемочной группы, которая должна была отснять о нем фильм. Поэтому он не мог поехать в Сочи, где отдыхала Элизат Кульбаева и где они должны были встретиться. Он писал ей почти каждый день письма, посылал телеграммы. В одной из них Кулиев писал: «Я здоров. Дети в порядке, пошли в школу. Приехать не могу. Приехала съемочная группа. Обнимаю, целую, жду = Кайсын»²⁹. 26 октября после сессии Верховного Совета СССР он снова лег в больницу в Москве на обследование. Часто звонил Элизат и успокаивал ее, что у него пока все нормально, врачи не находят отклонений от нормы.

К ноябрьским праздникам поэт вернулся домой. Правление Союза писателей КБАССР готовилось отметить 70-летие со дня рождения балкарского поэта Б. И. Гуртуева. В связи с этим Кулиеву пришлось идти в обком партии и доказывать, что Гуртуеву уже давно положено дать звание народного писателя Кабардино-Балкарии. 4 ноября в актовом зале музыкального училища (ул. Балкарская, 3) состоялся торжественный вечер, посвященный этому писателю, но Кулиева на нем не было: он был снова в больнице в Москве. Кайсын прислал поздравительную телеграмму, в которой желал больших творческих успехов Берту Гуртуеву и долгих лет жизни.

Телеграмму Кулиева огласили первой, сам же поэт прибыл в Нальчик только 12 ноября, а через два дня он был на юбилее, посвященном 80-летию со дня рождения основоположника кабардинской литературы Али Асхадовича Шогенцукова.

Торжественный вечер проходил 14 ноября 1980 года в Музыкальном театре, начался он в 18.00. Председательствующим на нем был Кайсын. Он вел вечер с самого начала до конца, смог выступить со словами приветствия и рассказать о трагической судьбе этого талантливого поэта.

На следующий день, в субботу, Кулиев и Лев Ошанин выступали в г. Баксане — на родине А. А. Шогенцукова. В Доме культуры собралось много народу, чтобы встретиться с такими замечательными поэтами, с именами которых была связана вся их судьба.

²⁹ Личный архив Э. Кулиевой.

Снова, как и в предыдущие годы, для Кулиева началась прежняя жизнь: суматошная, рассчитанная по часам, напряженная и без отдыха. Он не жалел себя, бездумно расстрачивал свои богатырские силы, откликаясь на все просьбы и желания. Люди знали об этом и шли к нему со своими нуждами. Так, Люде Зязиковой, племяннице его жены Маки, нужна была квартира, и она была убеждена, что Кайсын ей поможет. 16 октября 1980 года она писала ему письмо: «Дядя Кайсын, здравствуйте! Приехала к Вам и не смогла Вас найти. Я к Вам все по тому же вопросу... к ноябрьским праздникам — распределение квартир. Я завтра позвоню Вам на работу с утра. Извините за беспокойство, может, я не вовремя лезу со своими заботами.

С уважением к Вам Люда Зязикова»³⁰.

Жил Кайсын всегда в напряжении и не мог отказать в просьбах — важных и неважных, затрагивающих личные или общественные интересы. Сразу после напряженных дней юбилея А. Шогенцукова он 18 ноября в пять часов вечера был на вечере-встрече со студентами университета, где выступал, читал стихи, отвечал на многочисленные вопросы. Вот подробное содержание этого вечера. Он позволяет каждому увидеть неповторимые черты личности поэта. В зале, кроме студентов и преподавателей, находилась и Элизат Кульбаева.

С кратким вступительным словом о поэте выступил ректор КБГУ, профессор В. К. Тлостанов. После него Кулиев сказал: «Голос у меня сегодня хорошо звучит. Я рад встрече с вами и повторяю слова одного бурятского поэта: когда я возвращаюсь домой, то я захожу к молодым, потому что я сам молод и люблю молодость. Когда я возвращаюсь домой, то я захожу и к старикам, потому что я их уважаю и так же мудр, как они. Я хорошо понимаю молодых, и у меня есть даже стихотворение, которое кончается словами: «Любите молодость, поэты!»

Недавно я выступал в Останкино. Выступлю с удовольствием и перед вами. Первое стихотворение я прочитаю на родном языке, этим я выражу уважение к тому

³⁰ Личный архив Э. Кулиевой.

языку, на котором говорила моя мама, на котором всегда говорит мой народ. (Он прочитал «Родной язык».)

У меня есть друг — Михаил Дудин. Я посвятил ему стихотворение. Но это не просто дружеское послание. Это наш с ним реквием поколению, которое сражалось в годы Великой Отечественной войны. Называется оно «Говорю моему поколению». Перевел его Дудин.

Теперь часы и дни стократ
Летят быстрее, чем мгновенья.
О мой любимый друг и брат,
Уходит наше поколение!

А сейчас я прочитаю вам стихи, которые написал, будучи в вашем возрасте. Это «Мои утренние песни» о любви и о счастье жить на свете. В них поток света и радости. Начну с «Песенки горной речушки», а потом перейду к циклу стихов, посвященных Лейле. Она умерла совсем молодой в Средней Азии.

В Союз писателей меня приняли еще до войны. В годы Отечественной войны был на фронте парашютистом, прыгал с самолета более 70 раз, был ранен. Видел, как погибали мои товарищи, страдал и переживал вместе с ними. Все это я выразил в стихотворении «Вместо реквиема». На войне я не любил легковесных стихов. «Жизнь, как бой, трудна» — это я написал тогда и сейчас понимаю так же, как в то время, что жизнь, как бой, трудна.

Я — человек, который прошел жизненный путь не по цветам. Знаю обрывы и бездны, радости и невзгоды. Когда мне было 25—35 лет, то жизнь делала все для того, чтобы я бросил литературу, но я остался преданным ей. Теперь в поэзии я признан, но по-прежнему я придерживаюсь кредо: «Скажут: «Меньше тебя нет никого!» — ты не гневись! Скажут: «Больше тебя нет никого!» — ты не гордись!» Эти строки из «Старинной заповеди», и вам я прочитаю ее.

Хочу вам почитать стихи, которые расскажут о моем отношении к женщине. Это — «Женщинам, которых я не знаю», «О руки женщины земной...», «Мне наглядеться бы, пока не поздно...».

На женщину, идущую из моря,
Роняющую капли на песок,
На все, с чем должен я проститься вскоре,
Когда мой роковой настанет срок —

это последние строфы из стихотворения «Мне наглядеться бы, пока не поздно...». Может быть, оно вам не очень понятно по духу и вы поймете его, когда вам будет сорок лет, а может быть, и больше. Тогда вы вспомните меня, как я сейчас вспомнил одну телеграмму, присланную мне в день моего юбилея: «Милый Кайсын, не огорчайся, когда тебе стукнет 70, ты поймешь, как хорошо, что тебе было когда-то 60». Я запомнил эту телеграмму из всех присланных в тот день, когда отмечали мой шестидесятилетний путь».

После выступления ему были заданы следующие вопросы:

— Ваш идеал женщины?

— В моем сборнике стихов «Живу среди людей» художник хорошо выразил мое представление о внешнем облике женщины. Смотрите его. Женщина должна быть образованна, но чтобы она не потеряла то, что имела необразованная: простоту, скромность, умение все делать по дому, по хозяйству.

Я много писал о женщинах. Пишу то, что думаю. Мы друг друга стоим. Но женщины самоотверженнее мужчин и всегда выше в своих чувствах.

— Назовите Ваши любимые имена женщин.

— Из европейских — Мария, Елена. Кавказские имена — Лейла (означает «ночь»), Танзиля, Элизат (рифмуется со словом «азат», т. е. «свобода»).

— Что такое любовь?

— Любить — это значит проявлять высшую самоотверженность, готовность прийти на помощь. Любовь делает человека героем. Любовь — высшее, что человек имеет. Об этом же меня спросили в Останкино: любвеобильный ли я поэт? — Да, — ответил я.

— Как создавалось стихотворение «Женщина, которая поет»? И как создавался фильм об Алле Пугачевой? Что Вас с ней связывает?

— Связывала нас короткая встреча. Когда она спела песню, я поблагодарил ее, вручил ей три розы и поцеловал ей руку. Вот и все мое знакомство с ней. Это была единственная встреча при кинорежиссере и других лицах. А произошло это так. Однажды мне позвонили с киностудии: «Можно ли несколько изменить название вашего стихотворения «Той женщине, которая поет» для филь-

ма о Пугачевой?» Я ответил, что не против, если это надо для дела и самой Пугачевой.

— Как Вы относитесь к тому, когда на Ваши стихи сочиняют музыку?

— В целом отношусь к этому равнодушно, почти безразлично. Чингиз Айтматов упрекает меня за это и говорил не раз, что к этому надо относиться так, как относится Р. Гамзатов. На мои стихи написали музыку такие известные композиторы, как Г. Свиридов, Р. Щедрин и др. Я им благодарен. Люди говорят, что музыка очень хорошая, но я еще не слышал, как она звучит и что из этого вышло.

— Может ли женщина быть хорошим журналистом?

— Да. Люблю талантливых людей. Люди бывают разные: средние, талантливые и гениальные. Вот Ибрагим Бабаев, он талантлив. Никогда не думал, что он меня «обскачет» в поэзии. Я люблю талантливых людей.

— Как часто Вы бываете в Верхнем Чегеме?

— Это упрек. Надо мне бывать чаще.

— Каких лет вы в первый раз влюбились?

— В 13—14 лет в девочку с косичками в 12 лет, она сидела передо мною за партой. Теперь ей много лет. У меня есть стихотворение «Когда стареет красивая женщина». Этой девочке, а потом и женщине я никогда не говорил о своем чувстве к ней. Но о том, что я думал, поведал в этом стихотворении.

— Как Вы относитесь к молодым поэтам?

— Хорошо. С большим вниманием.

— Как создавалось стихотворение «Женщина купается в реке»?

— Это одно из самых известных моих стихотворений. Когда я возвратился из Средней Азии, где я тосковал о родном крае, мне было все дорого здесь: каждая травинка, каждый камень. Я пошел на речку Нальчик. Там купалась женщина. Тень дерева отражалась в реке, было много солнца. Я любовался всем этим и написал стихотворение по вдохновению, но переводчик несколько иначе перевел. Но суть передана верно. Женщине было лет 20—25. Я не знал ее, но она покорила меня. Я вспомнил таких же молодых в годы войны, их тревоги и печали, знавших тюрьму и суму. И все, что меня волновало, я выразил в этом стихотворении.

— Как создавалась книга «Трава и камень»?

— Редакторы подобрали сами стихи из тех, что были опубликованы в Союзе, и хорошо отобрали, потом послали в Лондон, и там перевели их на английский. И почти без всякой работы с моей стороны издали книгу в очень красивом переплете. Книга скоро выйдет в издательстве «Эльбрус», и в ней будут тексты на балкарском и русском языках параллельно. Буду рад и этой книге.

— Ваше отношение к поэту Асадову?

— Асадов — это человек трагической судьбы. Он потерял зрение на войне. Хороший поэт. Смеляков и Луконин поддерживали его, стихи его печатают. Но я не могу принять его стихов о любви. К ним я отношусь отрицательно.

— Каждый ли день вы пишете стихи?

— Это удается не всегда.

— Творчество каких поэтов оказало на Вас большое влияние?

— Что значит «оказало влияние»? Я учился у А. Блока, А. Ахматовой, Б. Пастернака, А. Твардовского, но старался писать по-своему. Считаю, что надо учиться всю жизнь. Когда-то в молодости я занимался испанским языком и интересовался испанской литературой, написал стихи о Гарсиа Лорке. Мне очень нравится его поэтическое творчество, я даже перевел его трагедию «Кровавая свадьба». Поставят ли когда-нибудь ее в театре, я не знаю. Но желаю этого.

— Что делать, когда возникает чувство бесполезности? «Как жить дальше?» И у моих знакомых возникали не раз

— Я и сам сталкивался с этим чувством и вопросом: «Как жить дальше?» И у моих знакомых возникали не раз эти вопросы. Здесь научить нельзя. Но в любом случае жить надо. Я прожил 63 года, и большая часть жизни была трудно-невыносимой, и вот уже конец жизненного пути. Но я всегда стоял на одном: жить, преодолевая трудности! В больнице я написал стихотворение, в котором сказал, что человек перед последним часом жизни смог бы сказать себе: «Я сделал все, что мог!» Маленьких людей нет, каждый человек — это личность и целый мир.

— Как можно понимать выражение: «Скромность украшает скромных»? Так ли это?

— Скромность украшает женщин. Это хорошее качество.

— Дружите ли вы с Расулом Гамзатовым?

— Да. Это давняя дружба. Когда я вернулся после депортации, он пригласил меня в гости в Дагестан. Нам дали маленький самолет, и мы полетели в горы, отдыхали вдвоем, обо всем говорили. Были мы вместе и в Париже, и в других городах мира. Дружба наша продолжается и поныне.

— Знали ли Вы Али Шогенцукова? Ваше отношение к кабардинским поэтам?

— Знал очень хорошо, хотя была разница в возрасте. Обо мне он оставил письменное высказывание. Считаю для себя честью, что он имел такое мнение обо мне. Судьба этого поэта сложилась трагически.

Люблю поэзию Алима Кешокова, с ним я прошел войну, спали в одной палатке, работали в одной армейской газете. Замечательным поэтом считаю Зубера Тхагазитова. Питаю нежные чувства к Беталу Куашеву. Это был настоящий человек, открытой души, чистый и преданный друг.

— Как быть, если ты его любишь, а он тебя — нет?

— Такого в моей практике не было. Думаю, все равно надо любить и добиваться внимания.

— Почему написали предисловие к книге Эльберда и как Вы к нему относитесь?

— О был моим соседом, и я хотел помочь ему в его первых шагах. Отношусь к нему хорошо.

— С каких лет вы начали писать стихи?

— С 10 лет. Я был маленьким ашугом, знал много народных любовных песен и исполнял их, когда тамада сажал меня рядом с собой на свадьбах.

Когда учился в ГИТИСе, то я уже знал, что актером не буду, а стану поэтом. Преподаватель института Илья Яковлевич и его жена убеждали меня, чтобы я не бросал институт, так как у меня есть талант актера. Но я решил по-своему и никогда не пожалел об этом.

В заключение встречи Кулиев почитал стихи — «Женщинам, которых я любил», «Судьба, прошу, не пожалей добра...», «Женщина купается в реке» и на прощанье сказал: «Спасибо. Я мог бы выступить лучше, но в последние дни приходится часто выступать, и я просто устал. На Востоке есть пословица: «Умен тот, кто умеет говорить, но не менее умен и тот, кто умеет слушать». Вы хорошо меня сегодня слушали. Спасибо вам всем, дорогие студен-

ты! Дай Бог вам счастья в той мере, в какой вам желает Кайсын!»

Подписав автографы студентам и преподавателям, Кайсын и Элизат уехали вместе. Цветы, подаренные поэту, он преподнес любимой. Ей же Кайсын вручил и чеканку, сказав: «Возьми, Элизат, на память об этом вечере, 18 ноября. Тем более, что здесь же мужчина: считай, что это я!» Она засмеялась и прижала к себе эту прекрасную вещь работы кавказских мастеров.

Последующие четыре дня поэт провел в Чегеме и на работе в Нальчике. В Союзе писателей получили приглашение на его имя — приехать в Ереван на торжества в связи с 60-летием республики. Кайсын гордился этим приглашением и говорил: «Вряд ли из обкома партии пригласили делегацию, а меня вот приглашают на торжества!» И 23 ноября он вылетел в Ереван и был там до 29 ноября, выступая на запланированных торжествах Армянской республики. Из Еревана поэт вернулся в Нальчик и 2 декабря пришел на работу в Союз писателей, занимался делами как депутат, а после, 5 декабря, выехал в Москву: там у поэта было много дел в связи с предстоящим пленумом и V съездом писателей РСФСР.

8 декабря, в понедельник, начал работу пленум Союза писателей. Кулиев принял в нем участие в числе других известных поэтов и писателей: С. Михалкова, М. Карима, Д. Кугультинова, А. Кешокова, М. Дудина. С ними он был и на съезде писателей с 9-го по 13 декабря. Жил он в гостинице «Москва», встречался с сыновьями, помогал им материально, почти каждый день звонил Элизат.

14 декабря, в воскресенье, поэт вернулся из Москвы и на другой день был уже на работе в Союзе писателей. До конца года он никуда уже не выезжал. Находился в Чегеме, много писал. Появились такие прекрасные стихотворения, как «Гамлет», «Два голоса в ущелье», «С добрым утром, любовь человека», «Мой посох», «Трудные вопросы», «Балкарская свирель», «Дон Кихот», «В час любой», «Касыда первому певцу любви».

Поступавшая почта, книги говорили поэту о том, что его творчество становилось достоянием многих ученых страны. Так, в 1980 году во Фрунзе ИМЛИ им. Горького проводил Всесоюзную научно-практическую конференцию «Закономерности развития новописьменных литератур», на которой выступила преподаватель немецкого языка

И. С. Головина. Она сделала интересное сообщение о том, какие произведения Кулиева были переведены на немецкий язык и издавались в Берлине³¹. На этой же конференции выступала преподаватель испанского языка из госуниверситета им. И. Франко (г. Львов) Э. М. Лушак. Она рассказала о том, что переводы советской литературы на испанский язык пользуются популярностью у широчайших кругов читателей, ведь испаноговорящий мир насчитывает более 280 миллионов человек в Испании, Латинской Америке, на Филиппинах и в Африке... «Среди авторов младописьменной литературы отличаются по количеству напечатанных произведений на испанском языке прославленные имена аварца Р. Гамзатова и балкарца К. Кулиева»³². Ее выступление дополнила преподаватель французского языка госуниверситета г. Перми В. Я. Лебедева. Тема ее доклада «Советская новописьменная литература на французском языке» (по произведениям Кайсына Кулиева). Она говорила на конференции о том, что Кулиев как представитель новописьменной балкарской литературы является одним из самых популярных поэтов в нашей стране и за рубежом. Его произведения переведены на 40 языков народов мира и на 80 языков народов Советского Союза... В последние годы на французском языке были опубликованы стихотворения Кулиева в 1963 году — «Когда ты глядишь на меня...» в журнале «Эвр э олинъон» (№ 6. С. 137) и в 1976 году — «Берегите детей!» в журнале «Лотус» (№ 2. С. 65). А стихотворение «Всегда гордился тем, что горец я!» было опубликовано в 1943 году в журнале «Ля литератур интернациональ» (№ 1. С. 57—58.)³³. Об этом же писала С. Ахкубекова в статье «На языках народов мира» о поэзии Кайсына Кулиева³⁴.

* * *

Новый 1981 год Кулиев встретил в Чегеме в своей усадьбе. С ним были его самые близкие родственники.

³¹ Головина И. С. Современная балкарская поэзия на немецком языке // Закономерности развития новописьменных литератур и проблемы соцреализма. Фрунзе, 1980. С. 57—58.

³² Лушак Э. М. Переводы как один из факторов взаимообогащения художественных культур // Закономерности развития новописьменных литератур и проблемы соцреализма. Фрунзе, 1980. С. 54.

³³ Закономерности развития новописьменных литератур... Фрунзе, 1980. С. 61—62.

³⁴ Кабардино-Балкарская правда. 1982. 21 декабря.

И были только они — друг для друга: Кулиев и Элизат. «То, что вижу твой облик, что светел, как луг, то, что слышу твой голос, что чист и певуч, то, что вижу я весь этот мир наяву,— это счастье мое: я дышу, я живу!» — писал поэт в самом начале года. Видно, что он был доволен судьбой: «Я любим был тобой!»³⁵

Это стихотворение так и называется «Это счастье мое». Всю страстность и нежность души к любимой поэт вложил в стихи: «Костер в твою честь», «Как еще красива ты!», «Словам любви звенеть», «Я к тебе прихожу», «Музыка в храме», «Женщина на берегу моря», «Ты вошла в мой дом», «Ты вновь их повтори», «Только так».

Ощущение новизны и яркости испытанного позволило стареющему поэту сказать о любви так, как когда-то он писал юношей:

И вновь они как бы впервые
Звучат,— в них вечно жизнь нова.
В цвету деревья вековые,
И сладостны любви слова...³⁶

Перевел Л. Шерешевский

Описывание переживаемого и испытанного, вероятно, легко давалось Кулиеву. Здесь все: и романтика, рассчитанная на определенное эстетическое воздействие, и напевный стих традиционной лирики.

Я в честь твою костер в горах развел,
Он осветил вершины, тропы, склоны.
Да будет путь твой прям и не тяжел,
Моей любовью ярко озаренный³⁷.

Перевел Л. Шерешевский

Две январские недели пролетели быстро. Кулиеву надо было ехать в Москву: его вызывал лечащий врач для осмотра. И 13 января Кайсын вылетел на консультацию к врачу Лопаткину. Он тщательно осмотрел поэта, утешил и не посоветовал лечь в больницу: все в организме пока протекало нормально, состояние здоровья было удовлетворительным.

³⁵ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 209.

³⁶ Там же. С. 208.

³⁷ Там же. С. 209.

Одну неделю Кулиев был в Москве. Успел за это время записаться и выступить по центральному радио³⁸, а 18 января, в воскресенье, выступал в Центральном Доме литераторов им. А. Фадеева на своем творческом вечере. В этот приезд он, как всегда, повидал сыновей, сноху, внука и внучку Лизу, дочь Беллы Ахмадулиной. Она была уже большая, и Кайсын иногда брал ее с собой в Союз писателей, гулял по Москве, покупал подарки, исполнял все ее просьбы. Простившись со всеми, он 20 января вылетел домой. В этот период поэт был спокоен, в хорошей рабочей форме, много писал. Его новые стихи «Судьба и родная земля» были опубликованы впервые на родном языке³⁹. Они состоят из нескольких частей, посвященных землякам, в частности директору средней школы селения Гунделен Исмаилу Жашуеву и школьникам села Лашкута, и др. Стихи эти Кулиев закончил еще в 1980 году, но доработал и опубликовал в 1981 году.

С интересом просмотрел поэт полученную в конце января книгу «Философская лирика Кайсына Кулиева и Расула Гамзатова»⁴⁰ и письмо, в котором автор книги писала: «...Посылаю Вам свой скромный научный труд. Это методические указания к спецкурсу для наших студентов. В этом году я читала спецкурс для студентов 6-го курса, и надо было видеть, с каким желанием они изучают Вашу лирику, с каким пафосом читают Ваши стихи, с любовью составляют доклады, содоклады и рефераты... Приготовила библиографию «Кайсын Кулиев на языках народов мира» объемом 30 п. л. и отнесла в библиотеку им. Н. К. Крупской, просила ее издать. Обещали года через два. Эта работа нужна для научных работников. А Ваше творчество изучают и со временем будут изучать еще больше, особенно молодые ученые...»

31 января Кулиев писал в ответ на это письмо: «Дорогая Тамара Емельяновна! Я получил Вашу работу о лирике Гамзатова и Кулиева. Спасибо. Вы делаете нужное дело независимо от моей персоны.

Я Вам благодарен. Что касается моих дел сейчас, то могу сказать Вам, что главный консультант говорил о мо-

³⁸ См.: Радио. 17 января, 1981. Первая программа. 11.00. К. Кулиев. Стихи. Читает автор.

³⁹ Коммунизмге жол. 1981. 31 января.

⁴⁰ Эфендиева Т. Е. Философская лирика Кайсына Кулиева и Расула Гамзатова. Нальчик: КБГУ, 1981.

ем состоянии гораздо оптимистичнее, чем раньше. Он сказал, что результаты лечения хорошие. До этого уколы делали через день, а теперь будут делать только два раза в месяц. Разница большая.

Понемногу тружусь в Чегеме — в своем маленьком домике. Гашу электричество, зажигаю керосиновые (две) лампы или свечи и пишу вечерами. При таком свете писались лучшие книги мира — такие, как «Дон-Кихот», «Мертвые души», «Евгений Онегин», «Хаджи-Мурат». Эти лампы на моем столе горят так спокойно, как в давние времена, когда не было ужасов атомной угрозы и страха!

Так я и живу, размышляя и старея.

Еще раз спасибо Вам. Привет Салиху.

Кайсын Кулиев.

Январь и февраль в этом году выдались в Нальчике теплыми и солнечными: ни морозов, ни снега. Было пыльно и сухо. Дети бежали в школу в одних костюмах, и взрослые ходили без головных уборов и зимнего пальто. Кайсын в такие дни приезжал в Нальчик в летнем костюме, шутил, что его сад в Чегеме скоро зацветет, как в мае. Но серьезно переживал, как бы резкая перемена погоды действительно не повредила плодовым деревьям. На работу в Союз писателей он приезжал каждый день. К нему приходило много посетителей с различными просьбами и как к депутату, и как к поэту. Иногда после работы он выезжал на встречу с избирателями. Так было и 27 января, во вторник, когда вечером он выехал в селение Заюково на встречу с избирателями. Вопросов и просьб было много. Это запланированное местными властями мероприятие затянулось допоздна. Кайсын очень устал и чувствовал себя совершенно разбитым и морально опустошенным, когда вернулся домой. В этот вечер он ничего писать не мог, от переутомления долго ночью не мог и заснуть.

Друзья поэта беспокоились о его здоровье. Они понимали, что он не бережет себя, по-прежнему растрчивает силы, не учитывая свой возраст и перенесенные операции. Особенно волновался за Кайсына Нафи Джусойты, он почти в каждом письме к Тамаре Эфендиевой просил сообщить о нем и был рад, если получал весть о поэте и его здоровье. Так, 12 февраля он писал из Цхинвали: «Спасибо за сведения о Кайсыне. Раз он здоров, то мне боль-

ше ничего не надо...» Кулиев понимал беспокойство друзей и чувствовал, как он порой очень устает: сказывались возраст и перенесенные операции. Он писал: «Кайсын, ты понял: всем на белом свете дан непокой, покоя не дано»⁴¹. И хотя ему не хотелось 13 февраля идти на вечер поэзии, который состоялся в драмтеатре Нальчика в честь XXVI съезда КПСС, он все-таки пересилил себя. Обком партии обязал всех литераторов республики быть активными участниками этого вечера. Кулиев был среди тех, с кем встречался каждый раз на работе. Здесь были А. Шогенцуков, М. Мокаев, С. Макитов, З. Тхагазитов, А. Созаев, И. Бабаев, Л. Губжоков, М. Белпаев, Б. Кагермазов, А. Байзуллаев.

Был Кайсын и на расширенном заседании Союза писателей КБАССР. Как секретарь правления Союза писателей Кабардино-Балкарии он сделал доклад «Об итогах XXXV областной партконференции, V съезда писателей РСФСР и задачах, стоящих перед литераторами республики»⁴². В своем докладе Кулиев отметил, что прошедшая пятилетка была плодотворной для его земляков-литераторов. Их произведения были изданы в Нальчике, Москве и других городах. Среди них 30 повестей и романов, около 40 сборников стихов.

На этом заседании были рекомендованы, а потом включены в правление Союза писателей РСФСР К. Кулиев и А. Шогенцуков. В работе Всесоюзного съезда писателей будут принимать участие К. Кулиев, Т. Зумакулова, А. Кешоков, Ф. Балкарова, А. Шогенцуков.

Сидя в президиуме правления, Кайсын думал о том, что через три дня он должен быть в средней школе № 9 и выступить на республиканской научно-практической конференции членов НОУ «Горный родник», посвященной XXVI съезду КПСС, на тему: «А. М. Горький и проблема творческого труда в советской многонациональной литературе».

В этот день, 18 февраля, он был нездоров, видно было, что у него какое-то простудное заболевание. Голос был хриплый, временами он кашлял, в горле пересыхало, и он небольшими глотками пил из стакана воду. На нем

⁴¹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 217.

⁴² Конкретный разговор // Кабардино-Балкарская правда. 1981. 14 февраля.

был пуховый серый свитер и такой же серый пиджак. Элизат не хотела его отпускать в таком состоянии, но так как он решил поехать и выступить, то одела его потеплее. Микрофона не было, и ему пришлось напрягать голосовые связки до предела: старался говорить так, чтобы все сидящие в актовом зале школы слышали его. Кайсын говорил: «Я благодарен Антонине Васильевне⁴³ за то, что меня пригласили на конференцию, ведь Вы занимаетесь важным делом — краеведческой работой, и мы все должны быть благодарны Вам, энтузиасту этого дела.

Я давно хотел прийти на заседание «Горного родника», но приходится много ездить и выступать среди нашего народа и в зарубежных странах. Надо уметь представлять свою нацию.

М. Горький и труд — тема огромная. Что такое горьковские традиции? Это прежде всего литературные традиции. Однажды в Кремлевском Дворце съездов я выступал с докладом о Горьком — отмечали его юбилей. Речь была небольшой и о том: что же такое М. Горький? Это редкое явление в литературе. Он принес в художественную литературу такие типы людей, которых до него не было: рабочие, революционеры, босяки, люди «дна», мещане, купцы, мастеровые, т. е. совсем другие персонажи, чем были в литературе конца XIX — начала XX века, например, у Бунина, Чехова, Андреева.

В раннем творчестве Горький поставил перед собой цель — защитить человека и возвысить его. Отсюда известное высказывание: «Человек — это звучит гордо».

Я любил и люблю Горького. Он научил меня любить жизнь, ценить ее, несмотря на трудности. А я прошел через трудную жизнь: знал голод, унижение, на войне видел, как погибали мои товарищи, а вернувшись с войны, увидел горе моего насильственно высланного народа. Мне тогда было 27 лет. Раненный, я приехал к себе на родину, но не нашел своих земляков, видел разоренные дома и потухшие очаги. Мне было тогда очень трудно, но я не проклинал жизнь. Я помнил и знал, что Горький в своих произведениях никогда не писал, что жизнь бессмысленна, а люди — враги друг другу. Нет, он утверждал мужество и человечность. И я старался быть таким. Надо любить

⁴³ Рыжеволова А. В. — заслуженная учительница РСФСР, работала всю жизнь в области просвещения.

людей и, если можно, помогать им по мере сил. Это и есть горьковские традиции в жизни, в повседневности.

Горький утверждал гордость и достоинство. Верю, что вы будете достойно представлять свою школу, где бы ни были, и трудиться по-горьковски. «Мир не без добрых людей», — говорит пословица. Надо верить в это. Тогда не будет злобы, зависти, вражды. И еще: надо быть сильными горьковскими героями, а не Грушницким, героем известного вам романа.

Считаю, что знать лучшие книги мира — это большое счастье. Желаю вам успеха во всем, чтобы вы были мужественными, стойкими во всем и всегда. Еще желаю вам быть убежденными в своих делах, выступлениях, принципах!»

С этой конференции у Кулиева осталось много фотографий.

Через два дня поэт вместе с учащимися средних школ выступал по телевидению в Нальчике⁴⁴. Вела передачу Лейла Токумаева. Звучали стихи «Перед боем», «Сосны России», «Земля моя» и многие другие в исполнении учащихся и самого автора. Кулиев много рассказывал о войне, о том, как он и его боевые товарищи защищали Отечество в 1941—1945 годах.

Все эти месяцы Кулиев работал над выпуском в издательстве «Эльбрус» своего собрания сочинений в 3 томах на балкарском языке. Редактор С. М. Мотаева старалась во всем помогать поэту и ускорить эту большую, кропотливую работу. Поэт, по возможности, отказывался от всех приглашений и поездок.

8 марта Кайсын, усевшись у телевизора, с удовольствием смотрел поэтическую композицию «С любовью к женщине», предварительно позвонив Элизат. Поэт сказал ей: «Слушай, милая. Я читаю только для тебя!» В этой передаче звучали стихи К. Кулиева, Д. Кугультинова, Р. Гамзатова, А. Твардовского, М. Светлова, С. Щипачева в исполнении авторов и артистов театра и кино М. Глузского, Э. Витторгана и др.

До середины марта Кулиев по-прежнему работал над собранием своих сочинений, но иногда приходилось бросать эту важную работу и уезжать. Так было 16 марта,

⁴⁴ Местная программа за 20 февраля 1981 года, 19.15. Военная лирика Кулиева (на балк. яз.). Читает автор.

когда проводились торжества, посвященные 70-летию балкарского поэта Хамида Теммоева, проходившие на его родине — в Верхнем Баксане. Кулиев, Шогенцуков, Макитов поехали на вечер памяти поэта и выступали среди жителей села. С докладом о жизни и творчестве одного из зачинателей балкарской советской литературы, первого переводчика Пушкина на родной язык выступил Ж. Залиханов. Поэты старшего поколения поделились воспоминаниями о Теммоеве.

Через день Кулиев выступал в Нальчикском политехническом техникуме среди преподавателей и студентов⁴⁵. Вместе с Кайсыном были С. Макитов и П. Кажаров. Они читали свои произведения, делились творческими планами, отвечали на многочисленные вопросы слушателей. Интересен был рассказ Кулиева об истории создания «Горской поэмы...».

20 марта 1981 года Кулиев уехал в Москву, его вызвали по делам в Союз писателей СССР. Вместе с ним поехала и Элизат, теперь они не расставались, и их видели всегда вместе. Через десять дней они выехали поездом из Москвы в Тбилиси. Там с 30-го по 31 марта в зале заседаний Верховного Совета Грузинской ССР начиналась работа IX съезда писателей Грузии. По приглашению Союза писателей республики Кулиев должен был принять участие в работе съезда, выступить по радио и телевидению, встретиться со студентами университета, рабочими фабрик.

В его отсутствие обязанности личного секретаря Кулиева выполняла его дочь Жанна Кайсыновна. Она по его поручению разбирала почту, книги, писала ответные письма, давала телеграммы в разные концы страны. Поэт теперь не успевал все делать сам, как в былые годы. Через несколько дней он вернулся из столицы и стал готовиться к выступлению на пленуме Союза писателей Кабардино-Балкарии, который должен состояться 10—12 апреля. Для поэта было неинтересно выслушивать доклад делегата XXVI съезда КПСС К. С. Кушхова об итогах съезда и задачах писательской организации республики. Все это давным-давно поэт хорошо знал и без доклада председателя Совета Министров КБАССР. Но обком обязал всех литераторов выслушивать, выступать и одобрять «историче-

⁴⁵ В гостях — писатели // Кабардино-Балкарская правда. 1981. 19 марта.

ские решения съезда», и никуда от этого нельзя было деться. Кроме Кулиева, выступали поэтесса Т. Зумакулова, прозаик Э. Гуртуев, поэт А. Созаев и др.

Почти весь апрель Кулиев был в Чегеме, писал стихи, аккуратно приезжал на работу в Нальчик. На его рабочем столе лежала новая книга избранной лирики «Краса земная», выпущенная в издательстве «Советская Россия». Большинство переводов с балкарского на русский язык выполнено Н. Гребневым. Сборник был отлично оформлен художником Ю. Бажановым, и Кулиев с удовольствием подписывал автографы и дарил это избранное своим друзьям и знакомым.

После 23 апреля Кайсын стал собираться в Москву, к врачам на консультацию. Он знал, что его снова полечат на лечение в начале мая. Первой он встретил в Чегеме. С ним была Элизат и самые близкие друзья.

После проведенного курса лечения Кулиев выписался из больницы и 2 июня выехал из Москвы в Ленинград к сыну Азамату. Повидав сына, уладив конфликт между ним и преподавателем, Кулиев выехал в Крым на отдых. От Кайсына скрыли трагическую весть: его друг генерал Деппуйев, с которым он вместе не раз лежал в больнице на лечении в Москве, умер в возрасте 65 лет в Нальчике, и его 1 июня похоронили на воинском кладбище в Затишье со всеми почестями, которые полагались его званию. Кулиев в это время лежал в больнице и не мог приехать из Москвы, чтобы проводить генерала в его последний путь. Потом, узнав о случившемся, поэт очень переживал эту тяжелую утрату: умер близкий ему человек. Он был почти ровесник поэту, вместе познали ужасы второй мировой войны, а после залечивали раны, которые долгое время терзали их.

Но тогда, отдыхая в Крыму, поэт не мог знать, что переживет своего друга только на три года. Он наслаждался красотой природы, белым парусом в синей дали моря, и все увиденное слагалось в стихи:

Белый парус в морской показался дали,
Словно ветры его к нам сюда привели

Из далеких краев, из промчавшихся лет,
Как известье от тех, кого в мире уж нет⁴⁶.

Перевел Л. Шерешевский

⁴⁶ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 226.

Почти две недели поэт отдыхал в Крыму. Он был счастлив: рядом с ним была любимая, поэтому он писал:

Не забыть мне этого лета,
Его солнца, тепла и света,

На волне рыбацкую лодку
И любимой моей походку⁴⁷.

Перевел Я. Аким

Часы и дни счастья бывают краткими, только у горя и беды длинный счет времени. Поэт знал цену таким дням, молодости, а следовательно, и красоте, ведь молодые — все красивые. Возможно, поэтому он и писал:

Ты всегда для меня, как весенняя весть,
Как подарок, цены не имеющий.
Оставайся красивой — и я буду цвести,
Рядом с молодостью нестареющий⁴⁸.

Перевел О. Чухонцев

Дни отдыха подошли к концу, и 13 июня он был уже в Нальчике, на работе. Надо было ехать в Майкоп: писателю И. Ш. Машбашу исполнилось 50 лет. За заслуги в развитии советской литературы и в связи с 50-летием со дня рождения он был награжден орденом Дружбы народов. К. Кулиев и А. Бицуев поздравили коллегу по профессии и провели в Майкопе два приятных дня: были в гостях у известного адыгейского писателя Тембота Керашева, познакомились с его приветливой женой Зузой, были в драмтеатре. Здесь они, около театра, и сфотографировались на память: в центре стоит юбиляр Исхак Машбаш, а рядом с ним его счастливые друзья — Кайсын Кулиев, Тембот Керашев, Зуза и Элизат. На фотографии число — 24 июня 1981 года.

Узнав о смерти на семьдесят первом году жизни Александры Александровны Есениной, которую лично знал Кулиев, встречался с ней и с ее сестрой Екатериной Александровной, он в числе писателей России — Г. М. Марко-

⁴⁷ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 215.

⁴⁸ Там же. С. 214.

ва, С. В. Михалкова, Ю. В. Бондарева и многих других — выразил через «Литературную газету» соболезнование родственникам прославленного поэта — Т. С. Есениной и К. С. Есенину.

30 июня 1981 года состоялся VII съезд писателей СССР в Большом Кремлевском дворце. Кулиев был на съезде, выступал.

Все лето Кулиев чувствовал себя хорошо, но не мог забыть одного укола, тогда он находился на лечении в Москве. Поэт вообще все уколы переносил плохо, а от этого укола он потерял сознание, и только находчивость медсестры спасла ему жизнь. После лечения он приехал домой несколько похудевшим и побледневшим, но родные края действовали всегда благотворно на поэта: он приходил в «норму», набирался сил и даже принимал участие во всех мероприятиях района и республики. Так, в субботу, 25 июля, Кулиев выступал перед земляками в поселке Чегем I на театрализованном празднике, посвященном 60-летию автономии Кабардино-Балкарии. День был солнечный и жаркий, а он стоял перед микрофоном без головного убора. Солнце ему было противопоказано — это был строгий запрет врачей, но поэт иногда пренебрегал этими указаниями. А до этого ему пришлось выступать на пленуме Ленинского райкома партии в Нальчике с докладом «О роли художественной литературы в жизни рабочего человека и его воспитании». Кулиев по-прежнему не жалел себя и не умел отказывать.

Куда только ни приглашали поэта, не считаясь ни с его желанием, ни с его временем! Так, 1 сентября Кулиев и Кешоков присутствовали на торжественном открытии Института агрономизации. Им пришлось выступать и выражать радость вместе с жителями республики по поводу такого большого события в Кабардино-Балкарии, как открытие второго вуза. После этого Кулиев поехал на работу в Союз писателей, принимал посетителей, подписывал разные бумаги. К вечеру закончил писать предисловие к книге о Т. Зумакуловой⁴⁹, и хотя у него времени всегда было в обрез, он позвонил автору монографии и передал написанное в тот же день.

⁴⁹ Кулиев К. Вместо предисловия // Эфендиева Т. Е. Откровение: О лирике Танзили Зумакуловой. Нальчик: Эльбрус, 1981.

В начале сентября Кулиев находился в Чегеме. 6 сентября он вылетел в Москву и лег снова в больницу для осмотра и профилактики. К концу сентября вернулся в Чегем, а 1 октября по просьбе дирекции средней школы № 9 г. Нальчика выступил на Всесоюзной пионерской линейке.

В этот год Кулиев напишет множество стихотворений, посвященных любви: «Любовь со сказкой рядом», «За тепло, красоту и свет», «За тебя», «Сердцем твоим я согрет», «И мир нов для меня», «Сердце не устало», «Вечерний свет», «На языке любви», «...И счастливую эту строку», «О краса моя!», «Твое лицо — лицо весны», «Чтобы время тебя не состарило», «О вешние глаза твои!», «На рассвете», «В горах я на звезды смотрю...» — все это о чувствах к женщине. Как бы там ни было, но читатели и почитатели поэзии должны быть благодарны той, которая вдохновила поэта на создание столь прекрасных строк, на такую возвышенную и благородную любовь, на такие чистые и бескорыстные чувства и мысли. «Твое лицо, лицо весны — мне радостью одной даны. Я и слова мои со мной в плену у красоты земной!..» Или: «Раз ты есть — на свете есть дружба, и тепло, и честь... Раз ты есть — нет дряхлых лет, свары, мелочности нет... Раз ты есть — надежда есть, снова доброй будет весть, о краса моя!» (Перевел Я. Аким).

В каждом стихотворении — мир мыслей поэта, его чувств и настроений. Они передавались то как реальность, то как мечты.

Как свет весенний, ты вошла в мой дом.
И свет весенний — в голосе твоём.

Хоть осень дом облюбовала мой,
Хоть в нем и пахнет близкою зимой,—

Но в зябкости осенней темноты
Весенний свет мне подарила ты⁵⁰.

Перевел Л. Шерешевский

...В начале сентября 1981 года Кулиев получил приглашение из Таджикистана на 70-летний юбилей со дня рож-

⁵⁰ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 210.

дения Мирзо Турсун-заде и из Узбекистана на творческую конференцию писателей и ученых. Его друга Турсун-заде не было в живых уже четыре года: он ушел из жизни в 1977 году. Посоветовавшись с Элизат, он решил поехать и 25 сентября уже выступал в Республиканском Доме политпросвещения. Из Душанбе в конце сентября Кайсын и Элизат вылетели в столицу Узбекистана на творческую конференцию. Здесь встретились писатели и ученые. К. Х. Касумзаде вручил Кайсыну приглашение на юбилей писателя Мирзы Ибрагимова, которому исполнилось 70 лет со дня рождения. Поэт пообещал, что будет, и 21 октября он прибыл поездом в Баку. Стояли теплые солнечные дни. Кайсыну нравился город нефтяников, приветливые, ласковые люди, язык которых он понимал и мог сам свободно на нем говорить. После юбилейных дней он выехал в Нальчик, и 28 октября Кайсын был уже на работе в Союзе писателей. Он пришел раньше своих коллег, приготовил книги, изданные в издательстве «Эльбрус», — среди них было собрание сочинений на балкарском языке, избранное «Краса земная» и некоторые другие сборники стихов, изданные в Москве. Он их подготовил, чтобы подарить. В этот день вместе с А. Шогенцуковым, М. Мокаевым, С. Макитовым и И. Бабаевым Кайсын ушел на встречу с читателями.

На другой день, усевшись поудобнее в кресле, Кайсын читал свои стихи «Из новой книги», опубликованные в газете⁵¹. Он всегда внимательно вычитывал рукопись, боясь опечаток или изменений. В этом отношении он был придирчив и не терпел никаких поправок без его ведома. И когда он узнал, что написанное им предисловие к книге о Танзиле Зумакуловой «Откровение» сократили в издательстве «Эльбрус», он возмутился и сказал: «Без ведома автора нельзя трогать ни строчки, потому что теряется смысл сказанного. Даже в Москве меня не изменяют и не поправляют мною написанного, а здесь позволили себе произвольно меня редактировать!»

Через две недели в составе делегации из Кабардино-Балкарии Кулиев выехал спецпоездом в Москву. В субботу вечером, 14 ноября, его провожали на вокзале друзья, желали всем успехов, и это было понятно, потому что

⁵¹ Коммунизмге жол. 1981. 29 октября.

16 ноября в столице начинались Дни литературы и искусства КБАССР. Все четыре дня Кайсын жил напряженной жизнью и свободно вздохнул, когда 20 ноября состоялись заключительные встречи с посланцами из Кабардино-Балкарии. За это время Кулиев успел побывать на заседании секретариата Союза писателей РСФСР, выступить с отчетом о проведенной за год работе. Поэт везде успевал, ничего не забывал, несмотря на суматоху дней. Казалось бы: ну что там значит защита докторской диссертации? Однако он рассуждал иначе: первый балкарец — доктор философских наук. Он подал телеграмму в университет на имя Салиха Эфендиева: «Горячо поздравляю с защитой докторской диссертации. Очень рад за тебя. Обнимаю = Кайсын Кулиев».

Друзья поэта говорили, что он специально вел записи, кто и когда защитился из числа балкарцев — кандидатские и докторские диссертации. Гордился этим списком, пригваривая, что эти люди — цвет нации, ее духовный и нравственный потенциал. Так, когда Света Башиева защитила кандидатскую диссертацию «Мастерство перевода» (на примере творчества Кайсына Кулиева), он ее тоже поздравил телеграммой, написал отзыв на депутатском бланке и считал, что это самое оригинальное и интересное исследование его творчества.

Духовная жизнь поэта была чрезвычайно сложной и разнообразной, казалось, нет такой отрасли знаний или нет таких дел, которые бы не интересовали поэта. Все, что касалось его нации, было для него чрезвычайно важным, неотложным и необходимым.

После окончания Дней литературы и искусства Кулиев остался в Москве: надо было проводить сыновей, повидать внучку Лизу, поговорить с Беллой Ахмадулиной, чтобы она разрешала отцу видаться с дочерью. Что бы там ни случилось, а девочка должна знать отца.

Кроме личных дел, Кайсына еще задержали дела и другого плана: ему надо было снова повидаться с лечащим врачом, пройти обследование и к 1 декабря быть в хорошей форме. В этот день начиналась очередная, четвертая сессия Верховного Совета СССР. На нее съехались 975 депутатов, среди них был и поэт Кулиев.

Вернувшись после сессии домой, Кулиев был озабочен тем, как провести газ в свою усадьбу. Начинались холода, с отоплением дело обстояло плохо, и он буквально ме-

тался между многочисленными конторами и ЖЭКа, подрядчиками и «специалистами». «Жулики! Жулик на жулике сидит, как у Гоголя. Где-то сшибают шабашку, а утверждают, что работают у Кайсына», — жаловался поэт своим друзьям. Почти весь декабрь Кулиев занимался благоустройством дома, проводил газ. Если бы поэт взялся описать в прозе этот процесс так называемого «благоустройства», то получилась бы замечательная сатира в духе Салтыкова-Щедрина.

Ко всем этим неприятностям присоединилась и еще одна. Ему позвонили из обкома партии и предложили выйти на пенсию. 30 декабря, в среду, он сидел у себя в кабинете Союза писателей и заполнял необходимые для этого бланки. Задумался над краткой биографией. Потом сложил листки в дипломат и сказал: «Здесь я не смогу писать. Дома все заполню». После этого он взял телефонную трубку и позвонил Свете Кулиевой, поздравив ее с получением квартиры. «Ключи от квартиры у меня и ордер тоже. Сейчас я приеду и отдам тебе их», — сказал он. И, обратившись к посетителям, добавил: «Два года бился я, чтобы в Чегеме I приобрести квартиру для этой бедной калеки. Это доставит ей радость накануне Нового года».

Обратившись к Ибрагиму Бабаеву, который сидел напротив поэта, он сказал, как бы убеждая себя: «Уходя на пенсию, что я теряю? 167 рублей зарплаты, которую я никогда не получал. Да, у меня не будет персональной машины и шофера. Но ими я редко пользовался для своих личных дел и интересов». Ибрагим молча кивал головой. Ему было также грустно, как и Кайсыну.

— Завтра рабочий день? — спросил Кулиев.

— Да, — кто-то ответил из тех, что были в кабинете поэта.

— Ну что ж, приду завтра, посижу здесь последний свой рабочий день в качестве секретаря СП КБАССР. С 1 января 1982 года я — пенсионер.

— Когда он приехал домой в Чегем, его ждала телеграмма из Москвы. Леонид Словин писал: «Сердечно поздравляю с Новым годом. Желаю здоровья, счастья на новом этапе. Как сказку, вспоминаем встречи с Вами и Элизат. Сегодня вернулись из Узбекистана. Узнали в гостинице «Москва», что Вас нет. Еще раз большое спасибо за гос-

теприимство, душевность, за Чегем. С уважением Леонид Словин»⁵².

* * *

Выход на пенсию с января 1982 года никаких коренных изменений в жизнь поэта не внес. Все оставалось как будто по-прежнему: повседневные заботы и дела, которые так угнетали поэта. На душе была какая-то постоянная тревога. «Где покой? — спрашивал он. — Он моим не сопутствует снам. В мою дверь по ночам черный ветер стучится»⁵³ (Перевел Л. Шерешевский). Однако поэт стремился превозмочь печали и сомнения, тревоги и трудности. Радовался каждому прожитому дню, благодарил судьбу за то, что он видит дерево родимых гор — кизил («Кизил» — 1982), тропы, травы, горы, ручей, просторы («Награда для меня» — 1982), встречал и провожал весну и лето («Не так мало»).

Глядеть на небо и на край мой милый,
На мглу ночную и на краски дня
Еще меня ты счастья не лишила, —
И это все — награда для меня⁵⁴.

Поэт жил в Чегеме по улице Степной, 21. Сюда приходили письма, телеграммы и книги. Теперь его бессменным секретарем была воспетая в стихах Элизат Кульбаева. Света Кулиева, получив квартиру благодаря стараниям поэта, покинула его дом. И все заботы по хозяйству и уходу за поэтом легли на плечи Элизат.

Бесспорно, Элизат прочно вошла в поэтический мир Кулиева со всем богатством своего внутреннего духовного облика.

И к моему ночному изголовью
Лицо любимой женщины склоня,
Жизнь, озарила ты меня любовью —
Бесценною наградой для меня⁵⁵.

Перевел Л. Шерешевский

⁵² Личный архив Э. Кулиевой.

⁵³ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 227.

⁵⁴ Там же. С. 228.

⁵⁵ Там же.

Поэт обладал удивительным свойством характера — чувством внимания. Пожалуй, за эти качества так ценили Кайсына те, кто знал его по работе, в повседневном быту, творческом общении. Таким добрым, внимательным он был и в частной жизни. Так же благодушен был поэт с племянниками, которых у него было много и которых он любил представлять гостям, когда посещал Чегем, Кошхатау, Янкой. О них вспоминал поэт Лев Ошанин, когда отдыхал в январе в Нальчике и несколько раз встречался с Кайсыном. Стихи и песни Ошанина печатались в период Великой Отечественной войны. Кулиев его знал давно не только как члена правления Союза писателей СССР и Российской Федерации, но и как профессора Литературного института им. Горького, давшего путевку в жизнь многим молодым поэтам из Кабардино-Балкарии. Конечно, Кулиев пригласил к себе в гости Льва Ивановича, ездил с ним, показывая самые красивые места своей «малой родины», всячески оказывая ему знаки внимания и уважения. Уезжая, Ошанин подарил Кайсыну свои стихи «Чегем»:

Старый друг Кайсын Кулиев шурит очи карие.
Едем мы по Кабарде, едем по Балкарии.
Сорок раз мы были вместе в разноцветных городах,
На летящих самолетах, на бегущих поездах.
А сейчас шумит Чегем, приземлились странники,
И повсюду у Кайсына взрослые племянники ⁵⁶.

Прощаясь с гостеприимным горским поэтом, Ошанин взял с него честное слово, что он приедет в 1982 году на его 70-летие со дня рождения. Он обещал подарить Кулиеву свою новую книгу «Самолеты и соловьи», которая выходила через два месяца в издательстве «Советский писатель». Кайсын пошутил, что ему в этом году везет на подарки от профессоров: они дарят только книги.

— Вот недавно я получил в подарок две книги от профессора Эфендиева Салиха Ибрагимовича и его супруги Тамары Емельяновны. И вот теперь профессор Ошанин тоже обещает подарить книгу!

— А мы только на это и способны,— смеялся Лев Иванович.

⁵⁶ У нас в гостях // Кабардино-Балкарская правда. 1982. 16 января.

Эти книги, о которых упоминал поэт, он получил перед Новым годом и 3 января написал письмо из Чегема супругам Эфендиевым:

«Дорогие Тамара и Салих! Сегодня я получил обе ваши книги с автографами. Благодарю вас, поздравляю с выходом этих книг и с Новым годом.

Желаю вам и вашим детям счастливого года и много хороших лет.

А Салиха еще раз поздравляю с защитой докторской диссертации. Это радость для всех нас. Элизат также поздравляет Вас вместе со мной.

Всего вам доброго, друзья!

Ваш Кайсын Кулиев».

До 24 января поэт находился дома, все еще занимаясь хозяйственными делами по ремонту дома. Газ в дом до сих пор не провели, система отопления не работала, во всем доме было холодно и условий для работы не было. Кайсын в эти месяцы почти ничего не писал. Жили они с Элизат в одной комнатухе, которую кое-как обогревали.

Получив 25 января телеграмму от Союза писателей СССР, поэт вылетел в Москву, а оттуда в составе делегации выехал в Берлин (ФРГ) на форум писателей. Два дня, проведенные в Берлине, пролетели незаметно. Он покупал красивые открытки с видами столицы Германии и отсылал их в Нальчик Элизат Кульбаевой — на ул. Октябрыскую, 93. В одной из них поэт писал: «Элизаточка, долетел спокойно до Западного Берлина. Чувствую себя хорошо. Всем привет, обнимаю, целую. Твой Кайсын». На другой день он снова отослал открытку своей любимой, писал в ней на балкарском языке. Это были стихи о любви к горам и Элизат. Чувство к ним было равнозначным. Признание так и начиналось: «Скучаю по горам и по тебе...» Открытое излияние души поэта вряд ли кто в Западной Европе смог прочесть. Только почтальон в Нальчике, если владел балкарским языком, мог знать о тоске Кайсына. В конце была приписка: «Элизаточка, целую тебя, встретимся в добром здравии. Твой Кайсын»⁵⁷.

⁵⁷ Личный архив Э. Кулиевой.

1 февраля Кайсын был уже в Чегеме, занимался повседневными делами: немного писал, трудился над подстрочными переводами на русский язык цикла стихов «Море», ему помогала Элизат. Она сделала большую часть работы. На титульном листе было написано: «Кайсын Кулиев. Море. Подстрочный перевод с балкарского К. Элизат». Жили они в это время с Элизат на ее квартире по адресу: Октябрьская ул., 93, кв. 72, так как в Чегеме было жить невозможно: холодно. Газ провели, но он шел еле-еле.

С начала февраля зима установилась замечательная. Снег лежал толстым пластом, солнечные морозные дни способствовали хорошему настроению людей. Кайсыну нравилась такая зима, и его часто видели гуляющим в парке вместе с Элизат и дочерью Жанной. Обедали они обычно после прогулки в ресторане «Кавказ», а потом пешком шли по парку до Долинска. Поэт любил зимующих птиц и возмущался, почему для них не делают кормушек. Радовался, когда видел белок, скачущих с ветки на ветку.

...После того как поэта проводили на пенсию, он стал редко заходить в Союз писателей КБАССР. Если требовалось что-то передать (как, скажем, перевод стихов «Море» на русский язык Эфендиевой Т. Е.), то он оставлял при входе в здание у дежурной. Не было Кулиева и 24 февраля на пленуме Союза писателей Кабардино-Балкарии.

В конце февраля Кулиев выехал из Чегема в Москву: там должен был состояться пленум Союза писателей РСФСР и он должен выступить с отчетом о своей работе и планами на будущее. Но Кулиеву пришлось срочно выехать из Москвы: он получил неприятную телеграмму. Поэтом Н. Г. Джусойты, оказавшийся в Москве, и не мог встретиться с Кайсыном. В одном из писем Джусойты писал: «Недавно был на Шевченковских празднествах в Киеве, а потом в Москве, там был пленум СП РСФСР, и думал увидеть Кайсына, но не нашел его, мне сказали, что он уехал не то домой, не то к Давиду Кутультинову»⁵⁸. По срочной телеграмме Кулиев вылетел домой, и 3 марта он был уже в Чегеме. Элизат нашел в поселковой больнице. Она чудом спаслась при взрыве газа в кухне дома. У нее сильно обгорели лицо, руки, ноги.

⁵⁸ Личный архив семьи Эфендиевых.

Взрыв был настолько сильный, что в щепки разнесло окна, двери, притолоки. Потом установили, что была большая утечка сжатого газа, запаха которого никто не почувствовал. Собственно, в доме была одна Элизат.

Беда, как говорят, не приходит одна. Через день Кайсын узнал, что его родная сестра Мариам Шуваевна находится в тяжелом состоянии. Поэт поспешил и к ней. Она на четыре года старше брата и была для него всю жизнь как мать. Поэт ее очень любил, ей он посвятил стихотворение «Сестре Мариам с фронта», написанное в первый год войны. Оно вскоре было напечатано и принесло тогда молодой женщине большую радость. И вот 7 марта ее не стало. Ей было 68 лет. Похоронили ее в с. Лашкута. Здесь находился Кулиев все положенные траурные дни. На юбилей своего друга Д. Кугультинова, которому исполнилось 60 лет со дня рождения, он не поехал.

Похоронив сестру, Кулиев долго горевал. Он никогда не мог примириться с тем, что человек может стареть, а потом уходить навсегда из жизни.

...старость всех
потрясений и бедствий страшней!
Но выдерживает человек
эту горькую встречу и с ней! ⁵⁹ —

Перевел Н. Гребнев

писал поэт в это время в стихотворении «И это выдерживает человек» (1982).

Март и почти весь апрель Кулиев находился при Элизат в больнице. Он забыл про свое здоровье и сделал все возможное, чтобы она быстрее поправилась и вышла из больницы. Все друзья знали о постигшем его несчастье и старались облегчить его участь. Так, профессор Левон Мкртчян настойчиво приглашал поэта к себе в гости в Армению вместе с семьей. Чтобы как-то отвлечь Кайсына от грустных дум, он прислал в Чегем красочно оформленный с портретом Кайсына пригласительный билет, на котором было написано: «Литературная среда посвящается Кайсыну Кулиеву, заслуженному деятелю культуры Армянской ССР». Ректор Ереванского университета, академик С. А. Анбарцумян принял участие в этом вечере, приветствовал Кайсына, оказывая ему уважение и почет.

⁵⁹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 231.

Кулиев был на этом чествовании вместе с Элизат и сыном Ахматом. Поэт выступал в течение одного часа перед студентами факультета русского языка и литературы. На другой день Кайсын посещал с Ахматом литературные музеи, показывал ему памятники, о которых много рассказывал.

Весь месяц май Кайсын находился в Чегеме, ремонтировал дом после взрыва газа, принимал участие в юбилейных торжествах и почти не писал. Так, 12 мая он был на юбилее поэта Керима Отарова (1912—1974) в связи с его 70-летием со дня рождения. Вечер памяти проходил в актовом зале КБГУ среди студентов и преподавателей. Кроме Кайсына Кулиева на вечере были А. Шогенцуков, Ж. Залиханов, М. Мокаев. После окончания торжественной части все писатели были приглашены в дом вдовы поэта Назифы Отаровой. В числе гостей был и Кулиев. Через неделю Кулиев присутствовал на юбилее одного из ведущих кабардинских писателей — Х. И. Теунова (род. в 1912 г.). Ему исполнилось 70 лет, и республика чествовала юбиляра, лауреата Республиканской премии.

В этот год казалось, что тяжелая болезнь Кайсына отступила. Его часто видели за рулем собственной автомашины «Волга». Рядом с ним обычно сидела Элизат. Это лето они провели вместе в Чегеме, занимались ремонтом дома, благоустройством домашнего очага. Иногда они выбирались в театр, были на премьере драмы Г. Лорки «Кровавая свадьба» в переводе Кулиева в госдрамтеатре им. Али Шогенцукова. Поставил ее народный артист КБАССР, главный режиссер балкарской труппы Борис Кулиев. Поэту понравилась игра актеров, и он был доволен, что его труд переводчика увенчался успехом.

В это лето Кулиев писал небольшие лирические новеллы, аккуратно отвечал на письма друзей, выполняя их просьбы. Так, 8 сентября он писал из Чегема:

«Дорогая Тамара Емельяновна! Шлю привет Вам и Салиху. Поздравляю Вас с новой квартирой. Это очень хорошо. Я рад за Вас.

Ваше письмо попало ко мне в руки три дня назад. Всю весну, все лето мы были заняты ремонтом и письмо «заблудилось»! Извините, пожалуйста. Выполняю Вашу просьбу: сам сделал подстрочники стихотворения о Про-

метее. Этот перевод я посылаю Вам, хотя и не знаю, нужен ли он Вам теперь.

Ремонт и строительство нас почти раздавили. Но мы еще не кончили это несносное дело.

Элизат шлет Вам обоим сердечный привет.

Всего Вам доброго.

Приезжайте к нам в гости. Получил ли Салих диплом доктора философских наук?

Ваш Кайсын Кулиев».

...Поэт давно задумал написать роман о людях, которые жили рядом с ним, трудились, воевали в Отечественную войну. «Если сказать коротко,— говорил Кулиев однажды,— это книга о моем поколении. Надеюсь завершить ее к концу года». Но к концу 1982 года Кулиев не завершил ее. Он увлекся написанием еще одной книги в прозе — «День за днем», содержание которой составили маленькие лирические новеллы. Некоторые из них были опубликованы в июне⁶⁰.

В конце июля в СП Кабардино-Балкарии (ул. Пушкина, 18) пришла телеграмма от первого секретаря Узбекистана Шарафа Рашидова на имя Кайсына Кулиева. Он написал: «С 25-го по 30 сентября в Ташкенте состоится фестиваль многонациональной литературы, посвященный 60-летию образования СССР — большой праздник дружбы народов, дружбы литератур нашей страны. Мы будем очень рады, если Вы сможете принять участие в заключительных мероприятиях этого фестиваля». Кайсын сказал об этом Элизат, и они решили поехать. Тем более что в октябре там же собирались участники XI заседания Президиума Организации солидарности народов Азии и Африки, и Кулиев тоже был приглашен. Дни, проведенные ими в Ташкенте, были заполнены творческой работой, приятными встречами с друзьями, а 15 октября 1982 года они были приглашены на обед в ресторан «Зарафшон». Кайсын и Элизат сидели веселые и счастливые в большом зале ресторана, с ними были рядом Чингиз Айтматов и его супруга Мария.

⁶⁰ «Отец и сын», «Собаки и черти», «Торжество петуха», «Здравствуй, утро» // Литературная Россия. 1982. 11 июня.

Лето и осень пролетели для Кайсына незаметно. Поэт загрустил о прошедших днях.

И весна промелькнула, и лето прошло,
И ноябрь сеет холод в притихших предгорьях.
Даже в полдень все реже и реже тепло,
Рано сумерки входят в чегемский мой дворик ⁶¹ —

Перевел Л. Шерешевский

писал он в это время. Поэт вспоминал, как он и Элизат отдыхали в конце августа в Пицунде. С ними были их друзья Нафи Джусойты с женой Лидой, приехавшие из Цхинвали, и Ахияр Хакимов с дочерью и супругой Лидией из Москвы. Они вместе проводили время, много гуляли около моря, говорили о будущем, строили планы, фотографировались на память.

В декабре Кайсын и Элизат уехали в Москву. За их сыновьями смотрела мать Элизат Бислимаат Таукешевна Кульбаева. Дети жили с бабушкой в Чегеме I. Их дедушка Эльбай Османович Кульбаев сюда приезжал очень редко. Он жил у себя в пос. Советском (ныне Кашхатау). Все заботы о детях легли на плечи спокойной и трудолюбивой бабушки Бислимаат Таукешевны.

Пробыв несколько дней в Москве, Кайсын и Элизат выехали в Киев по делам издания сборника стихов поэта. В Москву они вернулись 22 декабря. Здесь проходили торжества в связи с 60-летием образования СССР, и Кайсына попросили выступить в Кремлевском Дворце съездов и по центральному телевидению.

«Выступая здесь, я думаю о нашей маленькой, но прекрасной республике, раскинувшейся между Эльбрусом и Казбеком...» — так начал свою речь поэт. Конечно, он поворил с пафосом об успехах и достижениях горцев, о ленинской дружбе народов. Кончил выступление всем известным изречением: «Друзья! Прекрасен наш Союз!» Энтузиазм, по верному замечанию Н. Коржавина, был в советскую эпоху официальной формой общения. Такой ритуал усвоили все, и поэты тоже.

⁶¹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 229.

После торжеств, посвященных 60-летию образования СССР, Кулиев задержался еще в Москве на некоторое время: ему надо было встретиться с врачом Лопаткиным. Врач, осмотрев поэта, предложил ему лечь в больницу в Кунцево. Элизат была все время с ним. Здесь он пробыл до 15 января 1983 года, а потом его перезели в спецбольницу на Мичуринском проспекте, 6, где он лежал в 1980 году после операции. 19 января состоялся консилиум врачей по поводу его дальнейшего лечения. Решение было однозначным: курс лечения надо менять и Кайсын должен его пройти полностью в течение 23 дней или чуть больше. Его положили в 624 палату, куда часто звонили друзья и знакомые Кулиева. В это время его часто навещала Ирина Салиховна Эфендиева. Она находилась в ординатуре при кафедре госпитальной терапии Второго Московского госмединститута им. Н. И. Пирогова и как врач тоже осматривала поэта, беседовала с ним. Она приносила поэту его любимые красные гвоздики и говорила о том, как прекрасна его поэзия и как в семье Эфендиевых любят его стихи. 30 января вместе с цветами Ирина принесла поэту «Правду», где были опубликованы стихи Кулиева «Из поэтической тетради» в переводе с балкарского Л. Шерешевского. Она и сообщила в Нальчик номер телефона палаты, где лежал Кайсын. Ему звонили отовсюду: из Цхинвали Джусойты, из Еревана Мкртчян, из Ленинграда Дудин и многие другие его друзья. Так, Н. Джусойты писал 20 февраля: «Дорогая Тамара Емельяновна! Спасибо Вам за письмо, поздравления и за вести о Кайсыне. С Кайсыном я уже говорил, сегодня я напишу ему письмо, на той неделе я еще позвоню...»⁶²

Здесь, в больнице, Кайсын Кулиев получал много писем. Поэт читал письма с интересом и с большим удовольствием отвечал на них. Вот одно из его писем от 5 февраля 1983 года:

«Дорогая Тамара Емельяновна! Примите мою сердечную благодарность за Ваше письмо. Я получил его. Я не только рад, я счастлив тем, что Салих уже получил диплом доктора философских наук! Горячо, всем

⁶² Личный архив семьи Эфендиевых.

сердцем поздравляю моего дорогого Салиха и Вас также, милая Тамара Емельяновна! Молодец Салих! Вот так надо! Знай наших! Надо доказывать миру своими делами, что балкарцы не лыком шиты! Мой народ — советского великого народа — частица!

Если бы мерзавцы — враги всего человечества — не обрели его в свое время на нечеловеческие условия жизни, не обрушили бы на него нежданную беду, сколько было бы у нас таких крупных ученых, талантливых деятелей во всех областях знаний!

Обнимаю моего дорогого Салиха, целую! Радуюсь, ликую!

Сегодня у меня была Ваша Ира. Принесла подарки. Замечательно еще и то, что у Вас такая хорошая дочь. С этим тоже поздравляю. Это огромное дело.

Салих, Мени къуанганьмы чеги жокъду! Узакъ ёмюрли болуп, кёп заманланы халкъны алай къуандыра турурча онгну санга къадар берсин! Къуанама. Аперимсе! ⁶³

О болезнях писать не стану. Лечение назначено длительное и серьезное, очень серьезное. Начали его только 27 января, а продолжаться этот курс будет в лучшем случае, если выдержит организм и не потребуется большого перерыва, **шесть недель!** На этот эшафот всхожу ежедневно, исключая субботу и воскресенье. **Будем надеяться на лучшее...** Желаю Вам, мои дорогие Тамара и Салих, всего доброго. До свидания.

Мой адрес: Москва, Г — 285, Мичуринский проспект, 6. Спецбольница, палата № 634, телефон 147-92-41.

Ваш Кайсын Кулиев»⁶⁴.

В этот нерадостный период жизни Кулиев написал стихотворение «Зимняя заповедь» (1983) и для себя, и для других, которых постигла беда, из которой не было никакой надежды выбраться. И хотя Кайсын по-прежнему надеялся на лучшее, как все люди, находящиеся в отчаянном положении, но разумом он понимал, что его ждут самые черные и печальные дни и нет выхода и пути к выздоровлению. Оставалось одно: ждать чуда. И Элизат, его вер-

⁶³ «Я безгранично радуюсь. Желаю тебе, чтобы ты долгие годы радовал наш народ и чтобы судьба позволила тебе это сделать. Нет границ моей радости! Молодец!»

⁶⁴ Личный архив семьи Эфендиевых.

ная подруга, разделившая с ним скорбь и страдание, все время, пока он находился в больнице, утешала его, как могла, поддерживала ему душевные силы и постоянно внушала ему, что не стоит так отчаиваться, а надо мужественно бороться с невзгодами, сделать все возможное, чтобы превозмочь несчастье и во что бы то ни стало найти в себе силы жить. Поэт обычно соглашался с ней, а сам думал:

Зима придет, настанут холода —
Учись быть стойким, как деревья эти.
В твой дом неожиданно явится беда —
Учись держаться, как деревья эти ⁶⁵.

Перевел Л. Шерешевский

Еще в конце того года он написал по просьбе авторов книг три предисловия ⁶⁶, и вот теперь сборники стихов были напечатаны, и поэты благодарили Кайсына, выражая свои чувства в поздравительных телеграммах с Днем 23 февраля. В этот день к Кулиеву никого не пускали, потому что больница была на карантине.

Почти три месяца поэт находился в больнице, переживая трудные часы и минуты. В бессонные ночи вспоминались прожитые страницы жизни, друзья, с которыми начинал путь и прошел войну. Стихотворение «Алиму Кешокову» (1983) — это письмо из больницы. Так сам поэт определил жанр произведения.

Алим! Пишу тебе не из Чегема я.
Я нынче не в горах, где наши колыбели
Качали матери. Тревоги не тая,
Играет жизнь опять на черной мне свирели ⁶⁷.

Перевел Л. Шерешевский

Тревожные тропы войны и поля кровавой битвы не забыты поэтом, когда они вдвоем, рискуя жизнью, были на передовой, чтобы добыть для редакции сведения из первых рук.

⁶⁵ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 233.

⁶⁶ Кулиев К. С любовью к Киргизстану // Джусуев С. Золотая чинара. М., 1982. С. 3—18; Он же. На виду у гор // Гуртуев С. У Белой Речки на виду. Нальчик, 1983; Он же. Предисловие // Зумакулова Т. Избранное. Нальчик, 1983.

⁶⁷ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 237.

Мы были вместе там, мой друг, мой брат Алим!
Одной с тобой мы укрывались плащ-палаткой.
Когда гремел огонь, жесток, неумолим,
С солдатскою судьбой мы не играли в прятки⁶⁸.

Сам поэт объяснил очень просто, почему именно в эти больничные месяцы у него преобладал жанр дружеского послания. «Ты — друг, если вспомнил меня в свой трудный час». Это присловье запомнилось мне с детства. В истинности поговорки моих предков я еще раз убедился в дни болезни — вспоминал своих друзей, — говорил Кайсын. — Трудиться, делать свое любимое дело — для меня стало спасением от горя и печали. Так и в этот раз, при малейшей возможности в больнице я старался работать над прозой, а иногда писал стихи, хотя и пытался «выставлять за дверь» лирика, живущего во мне. Но порой он снова, как мятежник, врывается в мою палату, я вновь невольно сдавался ему по старой привычке. Так был написан ряд посланий друзьям. Два из них заодно с несколькими миниатюрами из моей новой книги «Человек. Дерево. Птица», которая должна выйти в этом году в издательстве «Советский писатель». Согласилась опубликовать мои стихи редакция «Литературной газеты», чем очень обрадовала меня»⁶⁹.

Таковыми друзьями, которым Кайсын посвятил стихи, оказались Микола Бажан, его супруга Нина, Владимир Сосюра и его вдова Мария Гавриловна Сосюра. Будучи в Киеве вместе с Элизат, Кулиев был в гостях у Миколы Бажана, тогда они вспоминали «...Симона, Марику — дорогих Чиковани. Как с Ниною вы говорили, что Симон называл ваши яблоки райскими. Мы в этот день ваших яблок отведали тоже...»⁷⁰.

Обращаясь к Марии Гавриловне Сосюре, поэт сожалел, что не встретился с ней, когда был недолго в Киеве, но зато хорошо помнит суровые времена войны, когда зимою сорок второго года приехал в столицу и повстречал Сосюру в гостинице «Москва», тогда он впервые увидел ее.

О, как были вы хороши,
О, как были тогда вы молоды,
Как прекрасны были небесные
И глубокие ваши глаза!⁷¹

Перевел Л. Шерешевский

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Литературная газета. 1983. 27 апреля.

⁷⁰ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 242.

⁷¹ Там же. С. 244—245.

Кайсын также посвятил строки памяти дорогому его сердцу другу Аркадию Кулешову — «Зимней ночью зову друга», вспомнил писателя Нурпеисова Абдижамиля («Подарок друга»), поэта Сибгата Хакима («Дорогой мой друг, поэт Сибгат Хаким»), Чингиза Айтматова («Только так») и зарубежного поэта и ученого — «Письмо зарубежному другу».

В конце марта Кулиев выписался из больницы и с Элизат выехал в Таджикистан. Он ехал в составе делегации от Союза писателей. «Там тоже я оказался среди друзей, меня, как в давние времена, — вспоминал он, — всюду сопровождала весна с ее зеленью и радостью». Был цветущий апрель, и Кайсын после больничной палаты, надоевших ему уколов был несказанно рад видеть красоту пробуждавшейся среднеазиатской природы, приятные лица друзей — таджикской поэтессы Гульрухсор Сафиевой, пружинского писателя Александра Эбаноидзе, жившего постоянно в Москве, Мумина Каноата и журналиста, молодого поэта Вадима Рахманова из Москвы. Они не отходили от Кайсына и Элизат, окружили их вниманием и лаской и часто просили сфотографироваться с ними на память. Эти фотографии хранятся в личном архиве Элизат Кулиевой, напоминая о счастливых временах, проведенных в Душанбе.

Вместе с другими писателями он снова побывал у строителей электрогигантов — Нурека и Рогуна, у рабочих алюминиевого завода в городе, носящем имя Мирзо Турсунзаде, а также у студентов Таджикского госуниверситета. В Таджикистане Кулиев стал первым лауреатом рабочей премии Рогуна и почетным гражданином города Нурека. Вспоминая об этой поездке, поэт говорил: «На грандиозных стройках я опять встретился с новизной и мощью жизни, с дерзостью и смелостью строителей, с радостью созидания. Я возвратился в родной Чегем, набравшись новых впечатлений и сил, благодарный друзьям, приветившим меня»⁷². Из Душанбе Кайсын и Элизат вылетели в Минводы.

На родине поэта тоже ожидало приятное известие. Кабардино-Балкарская студия телевидения завершила рабо-

⁷² Подробно о пребывании Кулиева в Таджикистане см.: Щербakov В. Высокой дружбы ясная отрада // Кабардино-Балкарская правда. 1983. 2 сентября.

ту над новым цветным документальным фильмом «Чегем». В кадрах — достопримечательности Чегемского ущелья, с его живописным растительным миром, были съемки родных мест поэта. Вот знаменитые Чегемские водопады, водопад Абай-су, перевал Твибер, ведущий к Черному морю. Видны древние могильники-мавзолеи, расположенные вблизи селения Верхний Чегем, где родился Кайсын. Зритель видит его саклю, односельчан и родственников, слушает голос поэта. Фильм «Чегем» Кайсыну понравился.

В этот период поэт жил в своем доме, почти достроенном и благоустроенном. Элизат ухаживала за ним, как за маленьким ребенком. Строго выполняла все указания врачей, заставляла вовремя принимать лекарства и следила за тем, чтобы он не переутомлялся.

Но поэта трудно было удержать дома. Узнав, что Салих Гуртуев перенес десять дней назад операцию и находится в спецполиклинике Нальчика, Кулиев отправился 20 апреля навестить коллегу. Салих уже вставал и понемногу ходил. Чувствовал он себя хорошо, и Кулиев ушел успокоенный. В тот день они много говорили о своих творческих планах. Очень переживал Кайсын и сожалел о ранней смерти своего односельчанина и хорошего знакомого Динаева, умершего в возрасте 39 лет от инфаркта в г. Тырныаузе.

Май выдался для Кулиева хлопотливым и беспокойным. Дело было в том, что его сын Азамат получил повестку о призыве в Армию. Он попросил отца пойти в горвоенкомат и получить отсрочку. Кайсын убеждал его в обратном: рано или поздно, но долг Родине отдавать надо, нужно учиться ее защищать. В Чегеме I устроили 13 мая вечер в честь проводов Азамата, пригласили родственников. Элизат рассказывала, что к этому времени, то есть к вечеру, приурочили и ее «смотрины»: пригласили кулиевских братьев, сестер, племянников и племянниц познакомиться с невесткой, женой Кулиева.

14 мая, в субботу, Азамат в числе других призывников вошел в здание военкомата. Кайсын запаздывал. Он пришел в сопровождении Ахии Ахматова и стал разыскивать сына. Найти в такой толчее народа Азамата он не смог, да было и поздно: новобранцы уже находились в здании военкомата. Кулиев направился к «запретной» двери, предъявил

удостоверение депутата, и его пропустили. Он принес необходимые бумаги, разрешавшие его сыну не быть в числе призывников. Азамату дали отсрочку до осени ⁷³.

Кулиев, выполнив просьбу сына, вернулся домой и открыл почтовый ящик. В нем он нашел журнал, в котором были напечатаны его новые стихи под общим заглавием «Поздний свет»⁷⁴ в переводе Олега Чухонцева. Были напечатаны его стихи и в журнале «Минги Тау»⁷⁵. Поэту нравилось брать в руки газету или журнал, еще пахнувшие типографской краской, и снова вчитываться в знакомые строфы. Недавно прислал ему свой сборник стихов С. Макитов, в котором было стихотворение «Весна Балкарии», посвященное Кайсыну Кулиеву⁷⁶. Поэт Магомед Мокаев тоже посвятил ему стихотворение⁷⁷, прислал его домой поэту и просил разрешения на публикацию.

Быстро пролетел май, и в начале июня Кулиев стал собираться в Москву: он должен быть на восьмой сессии Верховного Совета СССР десятого созыва. В Москве Кулиева, как депутата, попросили выступить по центральному телевидению, и 17 мая, в день завершения работы сессии, передавали беседу К. Кулиева с писателем из Таджикистана Мумином Каноатов, тоже участником заседаний Верховного Совета СССР. А 19 июня, это было воскресенье и к тому же День медицинского работника, Кайсын смотрел в 9.30 телепередачу «Поэзия К. Кулиева». С удовольствием прослушал песню Ирины Понаровской на слова Кулиева «В ранний час, когда птицы поют...». «Она прекрасно передала твои мысли, твой душевный настрой и глубину эмоционального содержания», — сказал Кулиеву Касым, смотревший вместе с поэтом этот концерт. Они жили в одном номере гостиницы и почти не разлучались. Оба знали, что скоро предстоит расставание: врач Лопаткин снова советовал Кайсыну лечь на лечение. Касым был с ним до последнего дня, он и отвез поэта в больницу.

Зимние вечера. Снежные вечера.
Одиночество. Тишь. Больница.
Ветер за окнами воет о том,
Что жизнь может испепелиться!..

⁷³ Осенью Азамат Кулиев был призван в армию.

⁷⁴ Кулиев К. Поздний свет // Дружба народов. 1983. № 9.

⁷⁵ Минги Тау. 1983. № 1. С. 20.

⁷⁶ Макитов С. Перекаты. М.: Современник, 1983. С. 10.

⁷⁷ Мокаев М. Горит моя звезда // Кабардино-Балкарская правда. 1983. 17 мая.

Страх и тревога. Как никогда,
Сложен мир в наше время!..
А я хочу вновь увидеть тебя,
Вновь свечи зажечь в Чегеме
И вновь любоваться лицом твоим
В зыбком мерцании света...⁷⁸

Перевел Л. Шерешевский

В июле поэт был уже дома. Этот курс лечения был не очень удачным. Поэт за время пребывания в больнице похудел и изменился внешне, черты лица как-то заострились. Все лето он провел в Чегеме, иногда приезжал в Нальчик. В сентябре Р. Гамзатову исполнялось 60 лет, и Кайсын вместе с Элизат 7-го сентября поехал к другу на юбилей. О Гамзатове в связи с торжествами вышел на экраны киноочерк, в котором были и кадры о Кулиеве. Из Дагестана поэт и Элизат отправились отдыхать в Пицунду. Месяц активного отдыха пошел на пользу поэту, и он смог выехать в октябре в Узбекистан. Там с 1-го по 5 октября проводилась VII конференция Ассоциации писателей стран Азии и Африки. Кайсын встретился здесь со многими своими друзьями и знакомыми: с И. Абашидзе, Вл. Карповым, Шукрулло, М. Шахановым, Муином Бсису (Палестина), Фаизом Ахмад Фаизом (Пакистан) и др. Это было время правления Ю. В. Андропова, войны в Афганистане, надежд на мир. С трибун звучали страстные призывы. Михаила Шолохова не было на конференции, он прислал обращение «К писателям мира»⁷⁹.

Вместе с Кайсыном на этой писательской конференции была и Элизат. Поэт решил показать ей красоты и достопримечательности Самарканда. Они поехали на экскурсию и посетили ансамбль Гур-Эмир — «могилу эмира». Так назвал народ архитектурную жемчужину Самарканда, возникшую на грани XIV—XV веков как духовный учебно-воспитательный центр. Однако после скоростной смерти грозного миродержца Тимура в 1404 году главное здание комплекса постепенно стало династийным мавзолеем тимуридов. Кайсын и Элизат осмотрели склеп, погребения с простыми надгробиями, поражались отделке интерьера мавзолея, надмогильным камням и многим другим вещам. На память об этой поездке у них сохранилось много фотографий.

⁷⁸ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 249—250.

⁷⁹ Литературная газета. 1983. 5 октября. С. 11—12.

Из Ташкента они вылетели в Москву. Здесь на улице Пушкинской в концертном зале открывался театральный сезон. Он начался вечером поэзии на стихи К. Кулиева. Сам поэт читать не мог по состоянию здоровья. Читал их мастер художественного слова Алексей Головин.

В начале ноября Кулиев получил поздравительную телеграмму от первого секретаря Узбекистана Ш. Рашидова. В ней говорилось: «Дорогой брат Кайсын, примите сердечные поздравления с праздником Великого Октября. С наилучшими пожеланиями = Ш. Рашидов». Телеграмма была послана 30 октября 1983 года. Прочитав ее, Кулиев написал на обороте своей рукой: «Поздравление пришло 4 ноября 1983 года — через пять дней после смерти Шарафа Рашидова. Эта смерть — большое горе для меня. Я потерял верного и любимого друга»⁸⁰. Кайсын уже знал, что Рашидов умер внезапно, от сердечного приступа в вагоне поезда, когда ехал из Ташкента в одну из областей республики. Потом начнется процесс «Узбекское дело», его обвинят во многих грехах, памятник Рашидову уберут с главной площади Ташкента. Кайсын не будет верить всему тому, о чем писали в те дни в газетах. Время оправдает Рашидова, восстановят и памятник ему... Но это будет уже без Кайсына Кулиева.

Весь декабрь Кулиев находился в Чегеме, работал то над прозой, то над стихами. Свои думы и чувства тех дней он запечатлел в цикле стихов «Зимняя тетрадь» (1983):

Былые дни, былые встречи,
Промчавшееся птицей время
Припомнил, зажигая свечи,
Я зимним вечером в Чегеме⁸¹.

Перевел Л. Шерешевский

Иногда Кулиев выезжал в Нальчик, когда обращались к нему с просьбой из Союза писателей КБАССР. Так было в четверг 15 декабря, когда Кулиев пришел в университет с другими писателями, чтобы принять участие в вечере, посвященном Марко Вовчок. Председательствующим был Кайсын. Открывая вечер, он сказал: «Сегодня в этот торжественный вечер мы вспоминаем удивительно-

⁸⁰ Личный архив Э. Кулиевой.

⁸¹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 247.

го человека, прекрасного писателя, классика украинской литературы Марко Вовчок. Будучи по рождению русской, она писала для украинского народа. Ее неутомимый труд и поступки были поистине героическими.

Второе, о чем я хотел бы сказать,— это о ее долге художника: она была всегда на стороне тех, кто был угнетен, слаб, кто нуждался в поддержке и помощи, т. е. на стороне народа. А настоящий художник всегда остается верным сыном или дочерью трудового человечества. Для нас, жителей Кабардино-Балкарии, приятно сознавать, что свои последние дни жизни она провела здесь, видела наши горы, говорила с нашими крестьянами, и мы к ней относимся с величайшим уважением.

Позвольте мне открыть торжественный вечер, посвященный 150-летию со дня рождения Марко Вовчок».

С докладом о ней выступил А. Шогенцуков. После него выступали писатели, студенты.

На этом вечере Кулиев выглядел очень хорошо, ничего, казалось, не предвещало скорой беды. Самочувствие поэта было удовлетворительным, он был бодрым и почти веселым, как в прежние времена.

Я нынче ходил по чудесному снегу —
Дышал чистотой, веял свежестью он.
Как на берег выглянувший из ковчега,
Его новизною я был потрясен.

Я сбросил недугов и тягот оковы,
Как будто лишь радость спутствует мне.
И, словно прикинув к струе родниковой,
Дивился я жизни, ее новизне ⁸².

Перевел Л. Шерешевский

* * *

Новый, 1984 год поэт начал с выступления в печати на страницах всеми любимой «Литературной газеты»⁸³. Он завершил роман «Была зима», и редакция этой газеты попросила его написать несколько слов о его новой работе. Свою небольшую статью он написал в Чегеме, сидя в один из зимних вечеров в своем рабочем кабинете.

⁸² Там же.

⁸³ Литературная газета. 1984. 4 января.

Когда в нем проснулся прозаик?

— С тридцати лет мне всегда хотелось писать прозу. Не раз брался, но бросал,— говорил Кайсын.— Во мне просыпался лирик, и я, махнув рукой на начатое, вновь покорялся привычному ладу стиха.

В чем суть его книги в прозе «Была зима»?

— Это рассказ о тех бедствиях и страданиях, которые обрушила на наш народ минувшая война. Речь идет о страшном времени, когда гитлеровским захватчикам удалось добраться до ущелий Центрального Кавказа.

Минувшие два года были трудными для поэта: он часто болел, переносил операции и вновь ложился в больницу. Что же давало ему силы завершить роман «Была зима»?

— Завершить повествование я счел своим долгом не только перед моими земляками, которые живут рядом со мной, но и перед памятью погибших и ушедших... Остановиться на названии «Была зима» я решил потому, что оно мне показалось подходящим — просто, без претензий⁸⁴.

В начале января Кулиев выехал по вызову в Москву на консультацию к врачам. Он был, как всегда, у доктора Лопаткина. Осмотрев его, проверив все анализы, врач успокоил поэта, сказав ему, что болезнь не прогрессирует, все в норме. Успокоенный поэт вернулся в Нальчик, жил по-прежнему в Чегеме, с ним неотлучно находилась Элизат. Иногда Кулиев приезжал в город, заходил в НИИ, чтобы проведать дочь Жанну, поговорить о внучке Лейле, она уже училась в 8-м классе и радовала поэта своим прилежанием в учебе.

В середине января поэт сильно заболел гриппом и никуда не выходил. В Кабардино-Балкарской правде за 19 января он прочитал о себе: «Его имя известно в нашей стране и за рубежом. Он славен не только поэтическим талантом. Он видный борец за мир и политический деятель, достойно представляющий нашу четырежды орденоносную республику в Совете Национальностей Верховного Совета СССР десятого созыва. Предлагаю вновь выдвинуть его кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР по нашему Чегемскому избирательному округу № 545» — так говорил В. Х. Карданов, дояр молочното-

⁸⁴ Кулиев К. «...И, честно говоря, страшновато» // Литературная газета. 1984. 4 января.

варной фермы № 1 колхоза «Нартан». То же самое решение приняли труженики колхоза «Сукан-су» — жители селения Верхняя Жемтала и на родине поэта — в Верхнем Чегеме⁸⁵.

Прочитав эти решения, поэт подумал о том, что зря он согласился на предложение обкома партии, силы не те и здоровье подорвано. Ему уже трудно выезжать, встречаться с избирателями, выступать, выполнять роль слуги народа. Кое-как хватает сил выполнять свою непосредственную работу и навести порядок в доме. Он видел, что Элизат старается создать для него уют и тепло родного очага. Он писал: она, как птица, бьется за свое гнездо, «чтоб к нему не пришла беда, чтоб его не сожгла гроза, чтобы хищник в гнездо не проник...»⁸⁶. Стихотворение «Птица любит свое гнездо» датировано 1984 годом.

Птица любит свое гнездо
И стремится к нему, страшась,
Что срубили дерево, где
Возводила она свой дом,
Что жилище разорено!⁸⁷

Перевел Л. Шерешевский

Январь подходил к концу. Поэт ходил с трудом после гриппа, который принял тяжелый и затяжной характер. Как только поэту стало легче, он принялся отвечать друзьям — писать письма, давать телеграммы, отсылать книги. Так, 24 января 1984 года он писал из Чегема: «Дорогая Тамара Емельяновна! Благодарю Вас за книгу Салиха с сыном «В памяти навечно» (Нальчик, 1983). Они молодцы — правильно сделали, что издали такую книжку. Особенно это касается наших ушедших из жизни деятелей-земляков, ушедших тихо, незаметно и чаще всего трагически.

Эфендиевы, отец и сын, поступили благородно. Я шлю им привет.

Вчера я получил и смоленскую книжку⁸⁸. Спасибо

⁸⁵ Высокое доверие народа // Кабардино-Балкарская правда. 1984. 19 января.

⁸⁶ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 263.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Эфендиева Т. Е. О поэтической дружбе А. Твардовского и К. Кулиева // Проблемы творческих связей. Смоленск, 1983.

Вам, Тамара Емельяновна, за Ваш патриотизм и энтузиазм. Этим своим рвением Вы заслужили похвалу.

В эти дни я болею гриппом и много писать не могу, извините меня, пожалуйста, великодушно. В то же время я не могу не ответить Вам и не поблагодарить Вас за все Ваши добрые дела.

Передайте мой привет Салиху и Вашим хорошим детям Ирине и Фуаду. Я до сих пор продолжаю радоваться тому, что Салих стал доктором философских наук! Как это хорошо!

Еще раз благодарю Вас, Тамара Емельяновна.

Вам с уважением и благодарностью шлет привет моя Элизат. Мы поздравляем вас, милых наших Эфендиевых, с Новым годом, желаем вам здоровья и всего самого доброго.

Ваш Кайсын Кулиев».

...Большое удовольствие по-прежнему доставляла поэту корреспонденция, которую он любил разбирать сам лично. В феврале он получил книги⁸⁹ от профессора Л. Мкртчяна, в которых были очерки о Кулиеве, и письмо, датированное 1 февраля. Вот что писал его друг из Еревана: «Дорогой Кайсын, доброта твоей поэзии неиссякаема, бесконечна. Это от доброты балкарской народной души. От добрых дел человек с годами становится добрее. Добрые дела, как зерна в благодатной почве, дают обильные всходы в душе творящего добро, хотя самому творцу живется нелегко, он видит окрест страдания, он ведь на страдания отвечает добротой...

Несправедливость, боль, страдания озлобляют слабых, ломают их, а сильные становятся добрее. Доброта сильных стоит им многих страданий... Такова, дорогой Кайсын, твоя трудная, счастливая доля. И мы тебя любим, тебя, поэта, человека. Мы — это миллионы твоих читателей армян и неармян, русских и нерусских... Ты дорог и близок людям.

Амо Сагиян (ему в апреле исполнится 70 лет) очень, очень рад тому, что ты о нем написал. Он думает о тебе, он внутренне опирается на тебя, твою поэзию...

В Ереване сейчас хорошо. В прошлом году зима была

⁸⁹ Мкртчян Л. Да придут к нам благородные мысли со всех сторон: Статьи. М.: Сов. писатель, 1983. С. 264—270.

суровая, невиданная для здешних мест, а теперь умеренная. Живем, не страдаем. В декабре — январе я жил безвыездно в ущелье Арзни — писал об Амо Сагияне, о разговорах с ним. Получилась небольшая книжка в 5 л.

Докторская диссертация Т. Эфендиевой о твоём творчестве близится к концу. В марте — защита. Она написала добротную, хорошую диссертацию.

Сердечные приветы и поклоны Элизат.

Левон Мкртчян».

Когда Кайсын зачитывал строки писем, относившиеся к Элизат, она всегда шутила: «Друзья твои признали меня, а вот труднее ствоими родственниками, которые не хотят признать меня хозяйкой твоего очага».

...В феврале Кулиев несколько раз встречался со своими избирателями. О нём тепло говорили доверенные лица и просто его земляки. Так, учительница средней школы селения Булунгу Ф. Х. Чегембаева сказала: «Стихи и поэмы Кулиева помогают нам лучше воспитывать подрастающее поколение. Печатать их начали еще в предвоенные годы. А в военное лихолетье они вдохновляли бойцов на боевые подвиги. В грозном 1942 году по Всесоюзному радио более двадцати минут звучали произведения нашего замечательного земляка. Это было его большой творческой удачей. В день выборов 4 марта мы все единодушно отдадим за него свои голоса»⁹⁰.

Кулиев был избран в четвертый раз в депутаты Совета Национальностей Верховного Совета СССР. До этого он был депутатом пятого, девятого и десятого созывов. Сразу после выборов Кулиев уехал в Москву, чтобы получить депутатское удостоверение и оформить некоторые другие документы.

В конце марта Кулиев выехал на родину и до 18 апреля находился в Чегеме, работал в саду. 6 апреля, в пятницу, он получил телеграмму следующего содержания: «Дорогой Кайсын, мы, четыре рядовых доктора наук, четыре профессора, приветствуем тебя, Маршала поэзии, и рады сообщить, что были крестными отцами докторской диссертации, посвященной тебе, твоему творчеству. Это

⁹⁰ Встречи кандидатов в депутаты с избирателями // Кабардино-Балкарская правда. 1984. 18 февраля.

воистину событие в жизни страны, нашей любимой Балкарии.

Защита прошла успешно!

Да здравствует поэзия и братство!

Азиз Мирахмедов, Левон Мкртчян, Нафи Джусойты, Гулу Халилов»⁹¹.

— Ну вот, Элизат, все имеет свое начало и конец,— сказал Кайсын, обращаясь к жене,—если, конечно, этому сопутствует труд и стремление к намеченной цели. Тамара Эфендиева стала доктором филологических наук! А теперь давай собираться в дорогу, в Москву.

В составе группы депутатов Верховного Совета СССР от Кабардино-Балкарии поэт выехал в столицу. Там он с 10-го по 15 апреля принимал участие в работе первой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва⁹².

Праздничные дни поэт встретил в Чегеме, хотя и был приглашен в числе почетных гостей на трибуну Первомайской демонстрации Нальчика. День был пасмурным, моросил мелкий дождь и было очень холодно. Поэт чувствовал себя не очень хорошо, поэтому не поехал в Нальчик. Этот Первомай не соответствовал праздничному настроению людей, прошагавших стройными рядами, кто по своей воле, а кто нехотя, мимо правительственной трибуны. К своим согражданам Кулиев в день Первомая обратился через печать⁹³. «Мир держится на любви»,— утверждал поэт и призывал всех писателей по мере своих сил отстаивать права людей на счастливую жизнь.

В первых числах мая Кайсын уехал в Москву в связи с юбилеем Аркадия Кулешова. Его 70-летию был посвящен вечер памяти, состоявшийся в ЦДЛ им. А. Фадеева. С воспоминаниями о поэте выступили Яков Хелемский, Давид Кугультинов, Владислав Шошин. Тепло и сердечно говорил о своем друге Кулиев. «Самобытность и самостоятельность были замечательными свойствами Кулешова. Его голос — один из самых своеобразных, неповторимых, а потому прекрасных во всей советской поэзии»,— говорил Кайсын.

Перед очередным отъездом поэт написал небольшое предисловие «Продолжая традиции Кязима...» к вось-

⁹¹ Личный архив Э. Кулиевой.

⁹² Кабардино-Балкарская правда. 1984. 17 апреля.

⁹³ Там же. 1 мая.

мистицизм поэта Магомета Мокаева, которые должны были быть опубликованы в местной печати. Отмечая то, что в балкарской поэзии восьмистишия имеют давнюю традицию, поэт заметил, что еще Кязим Мечиев создавал произведения этого жанра. «Магомет Мокаев, продолжая традиции Кязима и других старых мастеров, написал свои восьмистишия, наполнив их глубоким содержанием, придав старой форме новизну и неповторимое звучание»⁹⁴, — писал Кулиев.

15 мая поэт принял, как всегда, участие в работе VIII Всесоюзного совещания молодых писателей, руководил поэтическим семинаром. Его друга Д. Кугультинова на этот раз с ним не было. Он 16—18 мая был в Элисте, выступал на научной конференции. Находясь в Москве, Кулиев купил книгу «Песня о земле и хлебе», вышедшую недавно в издательстве «Молодая гвардия». В ней были собраны стихи около 200 поэтов. Хлеб, нелегкий труд землепашцев, бережное отношение к плодам этого труда — вот главная тема сборника.

Высокую оценку поэзии Кулиева дал Алим Кешоков, когда 29 мая на вечере-встрече со студентами и преподавателями КБГУ его спросили, как он относится к Кулиеву и его творчеству.

— Кайсын Кулиев — слава и гордость Кабардино-Балкарии. Он гордость и честь Кавказа, он слава и гордость Советского Союза, — ответил Алим Кешоков.

Почти весь июнь Кайсын был в Москве на лечении, лежал в той же спецбольнице на Мичуринском проспекте. Сначала он лежал один, тосковал по дому и часто писал письма Элизат. Так, в одном из них от 17 июня 1984 года он писал: «Я уже сутки в больнице. Снова, в который раз, смотрю на высотное здание Московского университета. Пока нет ничего нового. Кроме того, что сегодня принесли в полдень замечательную черешню и много. Поел с удовольствием. И суп в обед был очень хорош, нечто вроде супа-пюре, любимого нами с тобой. Я специально пишу это письмецо, чтобы сказать, какой философской проблемой я занят в эти дни, как уехал из дому. Человек добился многого и интересного, и хорошего наравне со всем дурным, злым и отвратительным. Если бы ему уда-

⁹⁴ Кулиев К. Продолжая традиции Кязима... // Кабардино-Балкарская правда. 1984. 19 мая.

лось победить страх, главным образом страх смерти,— как это было бы замечательно! Это первая мысль, ради которой я решил написать тебе...» Это письмо заканчивалось так: «Лизочка, передай большой привет Ахмату. Он должен слушаться тебя, любить и уважать. Передай ему это. Я буду мужествовать. Обнимаю, целую, люблю. Твой Кайсын». И приписка на полях: «Думаю, что больше сюда не приеду, в эту больницу, по-моему, не стоит. Все это бесполезная трата времени»⁹⁵. В 1985 году Кулиев лежал в больнице Кунцево, сюда же он больше лечь не согласился.

Прочитав это письмо, Элизат поняла, что Кайсын в отчаянии, ему нужна моральная поддержка, чтобы рядом был родной человек. И она решила все бросить — дом, детей на мать Бислима Таукешевну, объяснив ей всю сложность обстановки, в которой пребывал Кайсын. Ее приезде Кайсын был очень рад.

В конце июня поэт выписался из больницы и вылетел в Тбилиси по приглашению Союза писателей республики. Там он пробыл недолго, выступал кратко, в застольях не участвовал: его преследовали постоянная слабость и головокружение. Вернувшись в Нальчик, он сел за статью, которую надо было написать к юбилею Алима Кешокова⁹⁶. Об этом его очень просила редакция газеты. 20 июля состоялся торжественный вечер, посвященный 70-летию со дня рождения народного поэта Кабардино-Балкарии, лауреата Государственной премии РСФСР им. М. Горького А. П. Кешокова. Вечер проходил в помещении Музыкального театра, вел вечер Кулиев. Приехали гости — Р. Гамзатов, Д. Кугультинов, С. Михалков, многие другие московские литераторы. С вечера Кулиев ушел очень уставшим и на другой день ничего не мог делать: лежал, временами выходил в сад, просто сидел в своей любимой беседке.

Конец лета поэт провел на отдыхе в Юрмале, Дубулты. С ним были Элизат и Ахмат. Жили они в девятиэтажном доме, в одной комнате. Кайсын любил купаться в море. Он и Ахмат плавали, а Элизат, сидя на берегу, смотрела на них и умоляла судьбу продлить дни поэта. Она видела,

⁹⁵ Личный архив Э. Кулиевой.

⁹⁶ Кулиев К. Годы плодотворного труда // Кабардино-Балкарская правда. 1984. 20 июля.

что ему трудно плавать, так как нога уже сильно болела, и он плавал как-то боком. Элизат за все 24 дня августа искупалась только один-два раза, так как ей вода казалась очень холодной, а Кайсыну было приятно купаться в такой воде, температура которой едва доходила до 20 градусов. Любил Кайсын сидеть и на песке и смотреть в даль моря. «Песок здесь отличный,— писал он. — В Пиндунде такого берега нет. Я люблю здесь бывать»⁹⁷.

«Это были счастливые и грустные дни. Я видела, как день ото дня слабел Кайсын. Но силы духовные и физические в нем еще были,— вспоминает Элизат. — Мы ездили в Ригу и ходили на концерты органной музыки, посещали литературные музеи».

Здесь Кулиев не просто отдыхал, он еще и работал, писал стихи. Это всем известные стихотворения 1984 года: «В этом доме ты живешь...», «Пока я здесь», «Моя сбывшаяся надежда», «Два сонета», «Возвращение». Строки этих стихов о любви, но сколько теперь в них грусти, тоски и боли!

Когда уйду туда, откуда нет возврата,
Увидеть не смогу я вновь лицо твое,
И не смогу позвать тебя, тоской объятый,
И не смогу опять войти в твое жилье⁹⁸.

Перевел Л. Шерешевский

Это в основном прощальные стихи, прощание с той, которую любил Кайсын в свои последние месяцы жизни. Он уже сознавал, что болезнь его неизлечима, она заставляла думать его о близком конце. И поэт умолял судьбу продлить его дни: «...дай мне на лицо любимой насмотреться, пока еще я здесь, пока еще я жив...» Продлить хотя бы часы, чтобы слышать ее голос: «А голос твой, голос твой! С чем он сравним?»

Померкли все звуки земли перед ним.
И мне он такое блаженство несет,
Как будто приходит со звездных высот,
Чарующе песней небесной звеня,
Чтоб здесь, на земле, осчастливить меня!⁹⁹

Перевел Л. Шерешевский

⁹⁷ Личный архив Э. Кулиевой.

⁹⁸ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 266.

⁹⁹ Там же. С. 265.

Это был 1984 год, когда он был счастлив, еще была надежда на выздоровление. Но судьбой было мало отпущено ему дней, не лет, а только дней. Через несколько месяцев Элизат будет писать сыну Ахмату в полном отчаянии и безысходном горе: «Врачи мне сказали, что метастазы пошли по всему организму... Как мне его жаль! Я так молила Бога, чтобы он спас Кайсына... Так мало отвела нам судьба совместных счастливых дней. А совсем недавно мы были так счастливы. Я много бы дала, чтобы вернуть то время... Теперь все в прошлом. Собираемся ехать в Бурятию...»¹⁰⁰. Письмо это было написано 16 марта 1985 года в спецбольнице в Москве.

В сентябре 1984 года они несколько раз были в Москве, обращались к врачам за советом, и были в Улан-Удэ по вопросам, связанным с болезнью поэта. К 25 сентября снова вернулись в столицу. Здесь в этот день состоялся юбилейный пленум правления СП СССР. На нем выступали Р. Гамзатов, председатель правления Всероссийского театрального общества М. И. Царев, писатель Максим Танк и др.

Кайсын и Элизат, как всегда, жили в гостинице «Москва». Утром рано врач Жетишева Ирина пришла к гостинице с букетом цветов, чтобы поздравить поэта с открытием пленума и отдать ему пакет. Кайсын вышел из гостиницы вместе с сыном Алимом. Они о чем-то увлеченно говорили. Увидев Иру, он подошел к ней на минуту, сказал, что видел Е. И. Чазова, начальника 4-го управления Минздрава, и попросил передать ему письмо. Потом, извинившись за поспешность, быстро сел в такси и уехал на пленум.

После завершения работы пленума Кайсын и Элизат вернулись в Чегем. Сюда и пришел Иоса Боташев, чтобы провести Кайсына и заодно принес ему свою поэму «Сын родины», посвященную Кулиеву¹⁰¹. Но поэта мало что радовало, и он почти ничем не интересовался, чувствовал постоянную усталость, головокружение. Все эти дни его беспокоили усилившиеся боли в ноге. 10 октября профессор С. И. Эфендиев поехал навестить поэта. Когда он вошел во двор, Кайсын как раз заводил машину, чтобы

¹⁰⁰ Личный архив Э. Кулиевой.

¹⁰¹ Боташев И. Сын родины // Кабардино-Балкарская правда. 1984. 28 сентября.

ехать на техосмотр в Нальчик. Одет он был в серый костюм, на голове была шляпа. Лицо измученное, бледное. Поэт стал говорить Салиху о том, что по ночам он глаз не может сомкнуть от болей в ноге, что он не может долго стоять, сидеть тоже тяжело. «Салих, я стал калекой, и нет надежды на выздоровление,— добавил он грустно. — Вчера мы с Элизат прилетели из Киева. Там мы были по приглашению родных и близких покойного Бажана, на его юбилее. Я не мог отказать в просьбе его вдовы и сильно намучился. Прилетели мы в Минводы, там на платной стоянке ждала нас наша «Волга», так удобно: оставлять свою машину и никого не беспокоить».

Поговорив еще немного, они выехали. Провожала их Элизат. Рядом с ней стояла ее старушка-мать, которая присматривала за домом во время их отсутствия. Когда ехали по улице Степной, Кайсын сказал: «Теперь эта улица моими стараниями асфальтируется до конца. Я сделал для людей доброе дело».

Несмотря на то, что Кайсын чувствовал себя не очень хорошо, он по-прежнему откликался на все просьбы общественных организаций и частных лиц. Так, 16 октября в 12 часов дня в КБГУ был митинг, посвященный Дню защиты мира. Его очень просили приехать и выступить. В своей краткой речи он говорил: «Я помню тот день, когда в этом же зале я читал лекции таким же, как вы, парням и девушкам. Когда началась война, многие из этих студентов, которые слушали меня, ушли на фронт и не вернулись. Они погибли, защищая родину. Мы хорошо знаем ужасы войны, поэтому боремся за мир...» В конце речи поэт сказал: «Вы молоды. Мир принадлежит вам. Живите, творите, дерзайте, создайте — все в ваших руках. Я хочу, чтобы вы были счастливы и жили до глубокой старости и стали аксакалами».

Разрешите от имени Комитета защиты мира поздравить студентов медицинского факультета за их добросовестный труд. Летом они трудились и внесли в фонд мира 10 тысяч рублей. Я призываю всех последовать этому примеру». Выступал поэт, как всегда, эмоционально, убедительно, но сколько ему стоило моральных и физических сил — знал только он один!

И еще несколько раз пришлось выступать поэту на эту тему. По решению специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению и Всемирного Совета Мира

ежегодно с 24-го по 30 октября во всем мире проходили недели действий за разоружение. Дважды Кайсын выступал в университете (31 октября и 6 ноября), в Доме политического просвещения и в других организациях. Элизат каждый раз его просила не соглашаться на выступления, беречь себя, убеждала в пагубности действия всего этого официоза на его здоровье, но он поступал по-своему: считал, что это его долг — выступать перед людьми, помогать им, что он и делал, если к нему обращались как к депутату. О многом говорит следующий документ, направленный из Курганского НИИ экспериментальной и клинической ортопедии и травматологии:

«Депутату Верховного Совета СССР тов. Кайсыну Кулиеву.

В ответ на письмо от 10.IX.84 г. сообщаю, что больная Маремукова Ж. Н. будет вызвана на госпитализацию в марте 1987 г.

Директор Института, проф. Г. Илизаров»¹⁰².

Маремукова Ж. Н. будет ждать три года, ей помогут, только Кайсына уже не будет в 1987 году...

В ноябре Кулиеву был вручен орден Октябрьской Революции. В эти дни по центральному телевидению показали документальный фильм о Кайсыне «Родом из детства». В нем он увлеченно рассказывал о себе: о своей жизни и о творчестве, а Элизат читала его стихи. Фильм получился замечательным — стройным лирическим повествованием о судьбе балкарского мальчика из аула Верхний Чегем.

15 декабря Кайсын и Элизат выехали из Нальчика поездом в Ростов-на-Дону к известному врачу-онкологу, которого многие рекомендовали поэту как самого знающего специалиста по опухолям и их лечению. Поэта положили в больницу, при нем была Элизат. Началось тщательное обследование.

4 января 1985 года Кулиев писал на балкарском языке Ахмату: «...палата у нас теплая, друзья навещают, уделяют внимание. Долго не задержимся, думаем ехать домой. А вы как живете? Белла (сестра Элизат. — Т. Э.) хорошо себя чувствует? От нас ей большой привет. Расул с вами? Мы... за всеми вами очень соскучились...»¹⁰³.

¹⁰² Личный архив Э. Кулиевой.

¹⁰³ Там же.

В ростовской больнице они пробыли недолго и узнали горькую правду: ничего уже сделать нельзя, можно только продлить на некоторое время лечение. Это были самые тяжелые дни, когда они были буквально потрясены таким страшным диагнозом. Что делать?! Решили испробовать всевозможные способы лечения: клинические и народные. Они не знали, что делать: возвращаться ли домой или ехать в Москву? Кончался злополучный 1984 год. Конец декабря выдался самым печальным. На юбилейном пленуме писательской организации, посвященном 50-летию со дня ее образования, 19 декабря Кайсына не было. Не присутствовал поэт и 21 декабря на торжественном вечере к 125-летию со дня рождения Кязима Мечиева. Вел вечер в актовом зале КБГУ А. Шогенцуков. В республиканской газете появилась статья о Кязиме¹⁰⁴, написанная Кулиевым по просьбе редакции еще в ноябре. В этом месяце он написал и предисловие к сборнику стихов Виктора Логвинова¹⁰⁵ и одно стихотворение «Памяти Мирзо Турсун-заде», в котором поэт, беседуя с ушедшим другом у его могилы, предвидит и свой скорый уход из жизни:

Любимых покинув, оставив свой труд,
В горах обрету я последний приют,
Как ты — пред величием гор своих тут...
О, смерть!..¹⁰⁶

Перевел Л. Шерешевский

* * *

1985 год — последний год жизни поэта... Для балкарской нации — это была трагедия: потерять такую опору и защиту! Для простого народа его смерть явилась национальным горем, непоправимой бедой. Не к кому стало теперь обратиться за советом и помощью. Люди тогда говорили: «Никто тебя не поймет так, как Кайсын, никто не защитит и не поможет...» Горская интеллигенция понимала, что Кулиев был живым воплощением национального духа, гордостью нации, ее историей.

Кто-то радовался уходящему году, а кто-то с надеж-

¹⁰⁴ Кулиев К. Горит огонь любви // Кабардино-Балкарская правда. 1984. 21 декабря.

¹⁰⁵ Кулиев К. Предисловие // Логвинов В. Теплый дождь. Нальчик: Эльбрус, 1985.

¹⁰⁶ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 264.

дой встречал Новый, 1985 год. Но для них — поэта и Элизат — он предвещал одни несчастья и новые беды. Затаив в сердце страдания и боль, они выехали в середине января поездом в Москву. Кайсын был на костылях, потому что нельзя было ступить на больную ногу. Положили поэта в больницу в Кунцево. Вместе с ним в палате неотлучно находилась Элизат: в этой больнице разрешалось вместе с больными мужьями «лежать» и женам. В январе Кулиев еще надеялся на улучшение, писал письма родным, беспокоился об их судьбе¹⁰⁷.

В этой больнице снова началось обследование и стали применяться новые методы лечения, уколы и капельницы. Но и через месяц улучшение не наступало: больная нога стала больше отекать и опухать. Поэт ждал хирурга Н. А. Лопаткина, его заключение. Он много раз делал ему операции, лечил, иногда советы его помогали. По его совету и на этот раз врач Дмитриев под наркозом взял у Кулиева кусочек кости больной ноги для проверки и установления более точного диагноза. Это была несложная операция, но связана с большими болями. Об этом рассказала дочь Жанна, которая часто звонила в Кунцево и говорила по телефону с Элизат. Кайсын трубку не брал и никого в это время не хотел видеть. Он никак не мог привыкнуть к своему новому положению — беспомощности и состраданию. 2 марта Жанна говорила по телефону с отцом. Он сказал: «Улучшения нет с января. Лечение идет, но боли не прекращаются. Врачи часто устраивают консилиумы и совещания по поводу моей болезни, но толку от этого мало». Через неделю, т. е. 9 марта, Жанна снова говорила с ним и узнала опять неутешительные вести: боли не прекращаются, спит он только тогда, когда делают уколы, не ходит, все время лежит.

Конечно, Кайсын страдал, но не забывал о тех, которые были вдалеке от него. 15 марта он писал Ахмату Кулиеву в Чегем I: «Мой дорогой, поздравляю тебя с днем рождения. Желаю тебе быть хорошим человеком, здоровым, честным. Обнимаю тебя»¹⁰⁸. Месяцем раньше Ахмат получил письмо от матери. Элизат писала сыну, что «..дела наши плохи... Теперь нам надеяться не на что: состояние отца плохое. Врач Лопаткин тоже сказал, что все безна-

¹⁰⁷ Личный архив Э. Кулиевой

¹⁰⁸ Там же.

дежно. Весь организм уже отравлен. Он мучается, и я вместе с ним. Я уверяю его, что он будет здоров... И даже в этом положении он думает о вас, переживает...»¹⁰⁹

27 февраля Ахмат написал письмо в Москву. В этот же день писал отцу письмо и другой сын — Азамат. Когда Кайсын и Элизат получили эти два письма, стали читать, они поразились совпадению: возможно в один и тот же день, в одни и те же часы сыновья думали об отце и писали ему, чтобы морально поддержать его в горе.

В марте Ахмат снова получил письмо от матери, оно было горьким и страшным по своей безнадежности. Он понял, что так писать может лишь человек, отчаявшийся, физически уставший, без веры и надежды на выздоровление поэта. Она писала о том, что Кайсын теперь даже не пытается приподняться, кормит его Элизат с ложечки, не спит ни ночью, ни днем: его мучают боли и он требует, чтобы ему делали уколы. Четыре раза в сутки! В конце письма Элизат умоляла детей молиться, молиться Аллаху, просить у Бога прощения и спасения... Благодарила детей, что они не забыли свою маму и поздравили ее с днем рождения. «Спасибо, мои мальчики,— писала она,— что поздравили меня: мне уже 45 лет! Никто не поздравил меня. Спасибо Зое Махиевой, что вспомнила обо мне и поздравила. Слушайте Беллу и молитесь за Кайсына»¹¹⁰.

15 марта 1985 года в «Кабардино-Балкарской правде» был опубликован цикл новых стихов Кулиева «Противостояние». Всех, кто знал, каково его здоровье и душевное состояние, поразила открытость чувства и полная безнадежность:

Погодите, поразмыслить дайте,
Мои мысли все еще со мной,
Остаюсь еще самим собою,
Не спешите — я еще ведь я!¹¹¹

Перевел Д. Долинский

К кому обращался поэт? К врачам, которые пришли на консилиуме к выводу, что операцию делать бесполезно, или к тем, кто окружал поэта в эти дни? Сейчас трудно

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Кулиев К. Противостояние // Кабардино-Балкарская правда. 1985. 15 марта.

гадать и предполагать. Дочь Жанна, которая уехала к отцу, сообщила 18 марта в Нальчик, что состояние Кайсына плохое. Вместе с ней приехали, чтобы проведать Кайсына, его сестра Марзият Узденова и племянница Фериза из Чегема. В день приезда их в больницу к Кайсыну не пустили и только 21-го и 24 марта им и сыновьям поэта, Эльдару и Алиму, разрешили его навестить. Дело в том, что в последнее посещение, то есть в воскресенье 24 марта, Кайсыну стало лучше, а днем раньше ему было очень плохо. Через три дня полегчало, так как ввели новое лекарство, опухоль на ноге спала, боли утихли. Поэт разговаривал с Жанной, сыновьями, сестрой, племянницей, интересовался их делами, шутил с сестрой Марзият, расспрашивал племянницу Кулиеву Феризу о ее работе. Жанна Кайсыновна предложила Элизат отдохнуть и сказала: «Я приехала, чтобы сменить Вас или в чем-то помочь». Но Элизат не согласилась, и Жанна выехала в Нальчик вместе с родственниками 25 марта. Ей было тяжело и горестно терять отца. В его последние месяцы жизни она хотела быть с ним, помогать ему в чем-то, поддерживать морально. В смятении чувств она вернулась домой. В слезах выплакала свое горе и отчаяние. Ее доченька Лейла (она была уже в 9-м классе), как могла, успокаивала ее, всей душой понимая и разделяя горе матери.

Друзья Кайсына во всех концах страны уже знали о его непоправимой беде. Вот что писал Т. Е. Эфендиевой из Ленинграда поэт М. А. Дудин: «А с Кайсыном, Тамара Емельяновна, очень плохо. Я был у него в больнице сразу же после того, как он туда лег, а потом почти ежедневно я говорю из Ленинграда с ним по телефону. Он очень страдает и от боли, и от унижения перед этой болью. Но он держится и мужественно держится...»¹¹²

А вот что сказала простая женщина, балкарка Узифат Хизировна Мезиева, узнав о состоянии Кайсына: «Все. Надежды нет. Но еще не закатилось солнце для балкарцев, хотя опускается все ниже и ниже. Лик Кайсына — лицо балкарского народа. Никто не заменит его. Не будет у балкарцев поэта, подобного Кайсыну».

Действительно, Кайсын Кулиев был святыней добра и милосердия для балкарского народа. По утверждению многих, Природа и Всевышний Аллах помогли Кайсыну

¹¹² Личный архив семьи Эфендиевых.

стать тем, кем он был для людей: добрым, справедливым, благородным, верным в дружбе, отзывчивым, мужественным. Все самое лучшее, что было накоплено за всю историю существования балкарской нации, в ее гено типе, было воплощено в нем. Он был и остался восходящей энергией духовной и нравственной культуры своего этноса. Мощные импульсы его поэзии несли и несут страждущим свет надежды. Кулиев поднимал вселенские, глобальные проблемы и отвечал на них художественным словом. Он — вершина интеллектуального потенциала своего народа.

Ректор университета, профессор В. К. Тлостанов, узнав о его состоянии, сказал: «Какой погибает талант! Какой обаятельный человек! Кайсын от природы велик и талантлив. Он много раз выступал в нашем университете и всегда собирал большую аудиторию. Студенты и преподаватели любят его как человека и восхищаются его редким даром выступать и говорить. Он прирожденный оратор, публицист и неповторимый поэт».

Надежды на выздоровление поэта у врачей не было. Они решили его выписать из больницы и направить домой. Перед этим у Кайсына был начальник 4-го управления Минздрава СССР Чазов и посоветовал поэту не торопиться выписываться из больницы, а продолжать лечение в Кунцево. Но вероятно, поэту здесь все надоело, поэтому он решил уехать домой, пренебечь советами известного в стране врача. Элизат позвонила в Нальчик министру здравоохранения тов. Берову и попросила его прислать «скорую помощь» с любым врачом к самолету 4 апреля.

Кулиева ожидали в аэропорту Минеральные Воды его друзья и знакомые. Перед вылетом из Москвы Кайсын позвонил в Союз писателей республики и еще Ибрагиму Ахматову, своему родственнику, и попросил, чтобы они встречали его в аэропорту. Вот как об этом рассказал Исмаил Харунович Шаваев: «Все мы, т. е. Адам Шогенцуков, Жанаканит Залиханов, дочь поэта Жанна, Сагид Кулиев, Ибрагим и Жаухарат Ахматовы, я и Хажимурат Сабанчиев, поехали встречать поэта в аэропорт. Перед этим Жанаканит Залиханов сказал, чтобы широко не сообщали о прибытии Кайсына, так как он опасался, что появление многих людей вызовет волнение у чувствительного поэта и ему будет тяжело. С этим доводом все согласились, но впоследствии многие приехали в Минводы.

Нас пропустили на летное поле. Самолет уже при-

землился. Адам Шогенцуков, Хажимурат Сабанчиев, Жанакаит Залиханов и я подошли к трапу. Когда вышли все пассажиры, мы поднялись в салон, где на носилках лежал Кулиев. Мы все с трудом сдерживали слезы, когда увидели поэта. Жена Элизат помогла ему немного приподняться на носилках, и он обнял каждого, кто к нему подошел. При этом он говорил: «Зачем вы плачете? Ведь я же с вами. Я боялся умереть там, теперь я на родной земле, и мне ничего не страшно. Мы вместе одолеем все!» Постепенно все успокоились. Потом мы переложили его на свои носилки.

Когда мы вынесли его из самолета, он попросил опустить носилки на землю со словами: «Хочу посмотреть на родное небо». День был ясный, теплый. Он долго разглядывал небосклон. Мы стояли рядом и скорбно молчали. К этому времени подъехало очень много людей, но их на летное поле не пропустили, и только каким-то образом к нам прорвался Ахия Ахматов. Остальные наши спутники занимались багажом, а мы понесли Кайсына к выходу. Вдруг я заметил невдалеке от нас высокую и статную фигуру Ахии Ахматова, который в оцепенении стоял на полусогнутых ногах и с протянутыми в нашу сторону дрожащими руками. Его бледные губы были плотно сомкнуты, и по лицу текли слезы. Он не мог не только двигаться, но и шевелиться. Кайсын, заметив это, попросил поднести носилки к нему. И даже когда мы подошли совсем близко, Ахия не вышел из этого шокового состояния. «О! О! О! Мой брат (мне къарыандашым), дай-ка я тебя обниму». Мы приподняли носилки, ибо Ахия не в состоянии был нагнуться к поэту, и Кайсын сам обнял его со словами: «Ахия! Дорогой мой, о чем теперь плакать, все уже позади, теперь я с вами, и все будет хорошо. Надо не плакать, а радоваться. Вместе мы преодолеем все, мы с тобой еще не раз будем танцевать на свадьбах, еще не раз поедem в Чегем». Услышав голос Кайсына, Ахия стал как бы оживать, взгляд его стал осмысленнее, дрожь в руках и губах прекратилась, движения стали приходить в норму. Он начал успокаиваться. Кайсына мы донесли до «скорой помощи» и поставили носилки в машину. Рядом с ним сели жена и дочь, а мы ехали сзади и видели, как поэт о чем-то говорил с ними, а нам время от времени махал тонкой и бледной рукой. Около Малки остановились по его просьбе, вынесли носилки из

машины, и он долго любовался горами, так как с этого места хорошо просматривались вершины Эльбруса, Казбека, Дыхтау, не раз воспетые Кайсыном. Голубой небосклон ласково приветствовал великого сына гор. И что удивительно, вдруг над вершинами Кавказского хребта стали проплывать в этот ясный день какие-то облака. Так понимали друг друга Поэт и Природа.

Подъехали к усадьбе поэта. Там его ожидали односельчане. Во дворе дома собрались родственники Кулиева. Когда поэта заносили во двор, он попросил поставить носилки в саду и показал место: «Вот тут и похороните меня,—сказал он и махнул слабо рукой.— Не хочу расставаться с родной чегемской землей. Здесь я родился, здесь будет покоем мой прах». Потом его занесли в дом и уложили в зале на диван. Полулежа в постели он со всеми пожелал встретиться, каждого обнимал, говорил, что счастлив видеть своих друзей, о чем-то спрашивал, благодарил. Постепенно люди расходились.

С 5 апреля каждый день в Чегем I приезжал врач из Нальчика и делал уколы, после которых поэту становилось немного лучше. Тогда он мог говорить с посетителями, пытался быть веселым. Так, 8 апреля к нему приехал артист Магомед Кучуков с женой. Кайсын говорил им, что ему хочется айрану, но пить нельзя, так как он якобы разрушает целебные свойства тибетской медицины. «Ведь мне прислали лекарства из Китая, Японии, и я принимаю их»,—рассказывал поэт своим гостям. Элизат уверяла, что сон и аппетит у него хорошие, что ему стало немного лучше, чем было в Кунцево. Но это был самообман. Поэт с каждым днем слабел. Ни лечебные травы, ни тибетские лекарства, ни старичок-знахарь—ничто не помогало Кайсыну. К 14 апреля он настолько ослабел, что его рука еле держала ручку, которая выскальзывала из его пальцев. Из большого количества фотографий он отобрал 10 и каждую подписал: «Хорошая фотография. Кулиев». Или: «Очень хорошая. Кулиев». Эти фотографии он отбирал для будущей книги—к 70-летию со дня рождения¹¹³.

Одиннадцатую фотографию он подписать не смог, хотя его очень просила об этом Айшат Боттаева. Она взяла

¹¹³ Монография Эфендиевой Т. Е. о Кулиеве не была издана, хотя и получила положительную рецензию. Фотографии с автографом поэта хранятся в личном архиве семьи Эфендиевых.

фотографию без автографа, а три фотографии взяла на память его сестра Марзият. Они видели, как поэту мучительно трудно подписывать, как ручка падает из его рук, мешал кашель с обильной мокротой, прерывистое дыхание, которое надо было приводить в норму после каждого приступа кашля.

Кроме Элизат, ее матери, Ахмата, с Кайсыном теперь находился и сын Азамат. Он тогда проходил службу в Советской Армии, и ему дали краткосрочный отпуск. Азамат постоянно сидел около отца, помогал ему менять положение бессильного тела, поправлял постель, подавал лекарства. Помогала по дому и Алла Атабиева, дочь Марзият Узденовой. Она Кайсыну доводилась племянницей. Часто приезжал навещать Кайсына учитель средней школы селения Бабугент Борис Атабиев со своей дочерью, он знал, как Алла переживает за Кайсына. Они втроем старались облегчить труд Элизат по уходу за больным. Марзият и сказала тогда при всех, что Кайсын не 1917 года рождения, а 1920-го, что он себе «приписал» три года, чтобы быть старше. «Ему сейчас только 65 лет, а не 68-й. Я его моложе на семь лет», — добавила она.

Чаще всего, когда Кайсыну нужна была помощь, он звал Ахмата: не стеснялся он только этого мальчика и Элизат, да еще Ахию Ахматова, который тоже почти неотлучно находился при Кайсыне.

Шло время, болезнь накладывала свой отпечаток на поэта: он худел, как-то осунулся, побледнел. Глаза стали зорче, яснее, глубже, как будто сила, которая уходила из тела, переходила во взгляд: он стал быстрым, мгновенно проникающим, как рентген, во внутрь каждого и все просвечивал в человеке. Поэт понимал людей с одного взгляда и полуслова. Ум его работал еще великолепно, но сила воли постепенно угасала.

Сын Азамат в течение всех десяти дней отпуска сидел рядом, у постели отца. Он видел, что люди утомляют его, но Кайсын предупредил: пусть идут, ему приятно видеть здоровых и сильных людей, что это его земляки, ради которых он жил и творил.

Поэт смотрел на сына полными слез глазами и невольно вспоминал строки, написанные им, когда он был здоровым и счастливым:

И, завещая мир живым,
Я буду, может быть, счастливей,
Поверив, что он будет к ним
Добрей, чем к нам, и справедливей

Перевел Н. Гребнев

Азамат был с отцом до 21 апреля, десять дней отпуска пролетели незаметно. Расставание было тяжелым. Каждый понимал, что они видят друг друга в последний раз и прощаются навсегда. Кайсын рыдал, плакал и сын. В тот же день Азамат вылетел самолетом из Минвод в Крым, где проходил службу в рядах Советской Армии. Весь день с отцом была дочь Жанна, она видела его страдания, боль. После пережитых волнений у поэта открылась рвота. Вызвали врача, он сделал укол и уехал. Немного спустя Кайсыну стало лучше. Он, по словам дочери, не терял надежды на выздоровление. Держался он все время мужественно. Тибетские лекарства принимал три раза в день. Эти лекарства помогали продлить жизнь, но сил поэту не прибавляли.

24 апреля поэта осмотрел профессор КБГУ, заведующий отделением урологии республиканской больницы М. Таукенов и сказал родным, что надежды очень мало.

28 апреля поэту стало еще хуже. Никакие лекарства и народная медицина не помогали. Перед этим поэт сказал: «Скоро меня не станет, будут приходить люди прощаться, а если будет непогода, им негде будет укрыться. Начинайте строить во дворе навес». Родственники так и сделали. Они завезли туф и другие стройматериалы, стали строить просторный навес, где можно было бы укрыться в случае непогоды. Так и случилось в тот день, поэт и это предвидел. Но до того трагического дня оставалось чуть больше месяца. Люди шли к Кайсыну: одни, чтобы поддержать его морально, другие, чтобы проститься с живым. Так было и 29 апреля, когда пришла его проводить кандидат филологических наук С. К. Башиева, только что защитившая кандидатскую диссертацию по его творчеству. Она хотела получить автограф поэта на память и принесла ему огромный букет красных тюльпанов.

Светлана знала, что сидеть и говорить с поэтом долго нельзя, стала прощаться и попросила оставить автограф

на книге Кулиева, вышедшей в издательстве «Эльбрус» на балкарском языке. Он с трудом писал, а Элизат стояла в изголовье и помогала ему держать книгу. Вот что он написал: «Пусть сбудутся все твои мечты. Будь счастлива. К. Кулиев». Это был один из последних автографов Кайсына. Он поставил дату: «29 апреля 1985 г.».

В мае улучшения здоровья не наступило, все оставалось по-прежнему. Кайсын только чаще просил выносить его в сад, но это было так мучительно для него: лишнее движение вызывало сильные боли во всей ноге и, казалось, во всем теле.

В середине мая ему позвонили из Москвы и сообщили, что его роман «Была зима» получил положительную рецензию и включен в план издания¹¹⁵. «Они хотят меня обрадовать, сделать мне приятное, — сказал поэт и добавил: — Спасибо им. В моем горестном положении это ободрило меня».

Люди по-прежнему шли, чтобы увидеть поэта, выразить ему сочувствие, и он для каждого находил приветливые слова. Так, Ю. Д. Каракетов был у него в начале мая вместе с Н. Кагиевой, приехавшей из Черкесска. Она литературовед и известный критик на Северном Кавказе, хорошо знала Кулиева и хотела с ним поговорить о делах, но ужаснулась, увидев его. «Кайсын страшно похудел, на лбу залегли две глубокие складки, нос заострился и покривился, даже голова стала меньше. Но поэт оставался самим собой: и в часы тяжких страданий он говорил нам ободряющие слова. Он знал, что Юсуф Каракетов пишет стихи, и сказал ему, что он хороший поэт, у него есть талант. В разных издательствах вышли его сборники стихов¹¹⁶ на балкарском языке. Да иногда публиковали его стихи местные газеты», — вспоминала она.

Пришла повидать Кайсына и его первая жена Тамара Аслантоковна Залиханова. С нею была сестра Женя и ее муж Юсуф. В молодости все они были большими друзьями и их многое связывало.

Когда Кайсын увидел их, он заплакал и от волнения ничего не мог сказать. Горькой была эта встреча, были

¹¹⁵ Впервые роман «Была зима» был опубликован на балк. яз. в ж. «Минги Тау» в 1985 году, № 1.

¹¹⁶ Каракетов Ю. Журавлиные строки. Нальчик: Эльбрус, 1983; Он же. Облака. Нальчик: Эльбрус, 1969; Он же. Горные узоры. Черкесск, 1962.

тягостными минуты молчания. Каждый из них за эти короткие минуты мысленно «пробежал» по жизни-судьбе другого. Тамара, его первая любовь, прожила жизнь с другим и уже несколько лет как похоронила его. У нее есть сын, сноха и двое внуков — мальчик и девочка. Кайсын вспоминал Тамару как студентку ГИТИСа, а потом как любимую жену, подарившую ему еще до войны дочурку Жанну. Виновата война, она разрушила их судьбы...

Вся интеллигенция страны переживала за судьбу поэта, все ученые знали о его тяжелом недуге. Так, доцент Одесского госуниверситета Л. А. Бурчак, много лет читавшая спецкурс по творчеству К. Ш. Кулиева за рубежом, когда работала в Венгрии, и здесь, в Одессе, писала в мае автору этой книги: «Напишите, пожалуйста, подробней о Кайсыне Кулиеве. Совсем плох?.. Каков его резерв времени по медицинским предположениям? Я очень переживаю за его состояние. На протяжении долгих лет он в программе моего спецкурса, а я так и не нашла возможности встретиться с ним. Я глубоко признательна ему и по-человечески, и сильнее еще. Скажите, стоит мне ему написать? Или это будет бременем для него, больного? Если этого сделать нельзя, низкий поклон от меня передайте ему Вы. Ваша Лариса Бурчак»¹¹⁷.

Много писем и телеграмм приходило в Чегем I, в СП КБАССР и на ул. Карашаева, 9. Но поэт уже не мог отвечать, его близким тоже было недосуг. 13 мая он слушал о себе радиопередачу из Нальчика. Тепло и сердечно говорили о нем, читали его стихи. Кайсыну было приятно, он немного повеселел, боли утихли. А 15 мая ему принесли только что вышедшие его сборники стихов «Говорю людям» и «Ночь и рассвет»¹¹⁸. Это были последние прижизненные издания. Он их положил перед собой на столик.

С радостной улыбкой встретил поэт своего друга доктора филологических наук Н. Г. Джусойты, который приехал из Цхинвали ГССР навестить Кайсына и одновременно проститься с ним. Жить поэту оставалось двадцать дней. Говорил он с трудом, но ум и сознание были ясными. Все это видел Нафи и создавал скорый роковой ко-

¹¹⁷ Личный архив семьи Эфендиевых.

¹¹⁸ Кулиев К. Говорю людям. М.: Современник, 1985. 223 с.; Он же. Ночь и рассвет: Книга лирики. Нальчик: Эльбрус, 1985.

нец. При Кайсыне он держался хорошо, а когда выходил во двор, то горько плакал. Расставание было тяжелым.

Жил теперь поэт одним днем или минутами краткой радости, когда его выносили в сад или когда отпускала боль.

О, не торопитесь, погодите...
Как еще над двориком моим
Небеса спнеют! И под ними
Как еще орехи зелены!.. ¹¹⁹

Перевел Л. Шерешевский

К концу мая зрение у поэта ухудшилось, он уже ничего не мог читать даже в очках и жаловался, что у него болят глаза. И когда ему кто-то из родственников принес рецензию на книгу лирических стихов «Ночь и рассвет»¹²⁰, поэт только взглянул на газету, слабо махнул рукой и закрыл глаза. Его уже ничто не интересовало. Это было 28 мая. Шесть дней оставалось до смерти поэта.

Умирал Кулиев тяжело. Элизат плакала. Кайсын на какое-то мгновение пришел в себя и вполне осознанно и четко спросил: «Кто умирает? Почему ты плачешь?» Это были его последние слова... Кайсын умер в 8 часов утра, во вторник, 4 июня 1985 года.

Что умирающий в последний видел миг?
Напрасно спрашивать: молчит земля сырая.
Кто понял жизнь и смерть? Кто до конца постиг,
Что видит человек, что слышит, умирая? ¹²¹

Перевел С. Липкин

Утром дали телеграммы о смерти поэта в Москву сыновьям Эльдару и Алиму, а также в Крым, в воинскую часть Азамату.

По «Маяку» в этот же день сообщили, что скончался Кайсын Кулиев. Отовсюду стали звонить в Чегем I и выражать соболезнование.

Во двор стали собираться старики-односельчане, они рассаживались под навесом, молились. Женщины были

¹¹⁹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 270.

¹²⁰ Эфендиева Т. Е. «Ночь и рассвет» // Коммунизмге жол. 1985. 28 мая.

¹²¹ Кулиев К. Собр. соч.: В 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 337.

в доме, где находилось тело поэта, покрытое с головы до ног покрывалом. Они плакали, причитали. Сестра Марзият, приехавшая из сел. Бабугента, не могла себе простить, что уехала как раз в ту ночь домой. Она была с Кайсыном неотлучно. По обычаю, она оцарапала себе все лицо и так сильно кричала, что Элизат ей сказала: «Не надо этого. Кайсын был бы против». Марзият и женщины вышли из дому и сели во дворе на скамейки. Марзият все время причитала, старушки плакали.

В полдень стали приезжать преподаватели и студенты университета, писатели, учителя и учащиеся школ. Некоторые из них пожелали видеть Кайсына Кулиева, но им не разрешили: ждали врачей-косметологов, которые должны были положить на лицо маску.

5 июня в республиканской газете появилось сообщение о том, что после тяжелой, продолжительной болезни на 68-м году жизни скончался член правления СП СССР, секретарь правления СП РСФСР, народный поэт КБАССР, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР Кайсын Шуваевич Кулиев¹²².

От комиссии по организации похорон было сообщение, что похороны состоятся 6 июня в 13 часов на городском кладбище г. Нальчика. Гроб с телом К. Ш. Кулиева будет установлен в госдрамтеатре им. А. Шогенцукова. Доступ трудящихся для прощания с поэтом будет открыт 6 июня с 9 часов до 12 часов дня. Таково решение обкома партии. Первый секретарь обкома партии Мальбахов приехал в Чегем I, чтобы выразить соболезнование жене и родственникам покойного. Родственники поэта просили выполнить волю покойного, который завещал похоронить его в усадьбе, где он жил и умер.

А земляки Кулиева все приезжали и приезжали из самых отдаленных селений — В. Балкарии, Приэльбрусья, Хушто-Сырта, В. Чегема, Н. Чегема, Гунделена, из Нарткалы, Прохладного, Баксана, Майского и других селений республики. Толпы людей стояли около дома, во дворе, а люди все шли и шли нескончаемым потоком.

К вечеру этого дня приехали Шукурлло из Узбекистана, Чингиз Айтматов из Киргизии, Алим Кешоков из Москвы, Давид Кугультинов из Элисты, Расул Гамзатов из Даге-

¹²² Кабардино-Балкарская правда. 1985. 5 июня. В «Правде» появится сообщение о смерти К. Ш. Кулиева 6 июня 1985 года.

стана и другие писатели и поэты. Они прошли в дом, где лежал поэт, выразили соболезнование родным и близким.

Они-то и убедили руководителей республики отменить решение обкома партии и похоронить поэта там, где он пожелал. Вот документ, написанный рукой Кулиева — «Вместо завещания»:

«1. Я очень серьезно болен. Конец может прийти неожиданно. Прошу похоронить меня в моем чегемском садике под черешней. Жена знает место. Когда придет час моей жены Элизат, которая так самоотверженно ухаживала за мной, больным, и так мучилась, ее тоже прошу положить рядом со мной.

2. Если я не доживу до того дня, когда дадут мне квартиру в городе, то прошу первого секретаря обкома партии Мальбахова Т. К. убедительно дать эту квартиру моей вдове, ибо жить в Чегеме ей будет чрезвычайно неудобно без меня и дорого. Это связано с газом и другими бытовыми вещами.

3. Родственников и общественность особенно прошу позаботиться, проявить внимание к моим младшим сыновьям Азамату и Ахмату, помочь им учиться.

4. Усадьбу в Чегеме прошу сохранить, если это будет возможно, позаботиться общественности хранить здесь мои рукописи, книги, вещи.

К. Кулиев.

*18 января 1985 года.
Чегем».*

В день похорон, то есть 6 июня, в четверг, поэта ожидали две могилы: одна на городском кладбище в Затишье, а другая в усадьбе поэта. Люди, согласно объявлению в газете, собирались на городском кладбище, ждали почти целый день, несмотря на непогоду. А день с утра выдался пасмурный и холодный, потом начался дождь и порывистый ветер. Сильные порывы ветра с холодными брызгами дождя проносились над толпами людей, которые все шли и шли нескончаемым потоком: кто к театру им. А. Шогенцукова, кто на городское кладбище. А кто ехал прямо в Чегем. Люди стояли около дома на ул. Степной (ныне носящей имя К. Ш. Кулиева), так как во дворе и под навесом не было места, где можно было бы укрыться от разбушевавшейся непогоды. Огром-

ные толпы стояли в скорбном молчании, многие плакали. Некоторые говорили, что буря и проливной дождь — не случайное явление. Небесные силы и сама природа оплакивали поэта, выражали своеобразный протест против преждевременной смерти. Рыдали люди, рыдала Чегемская земля, вся республика — утрата была велика: ушел навсегда, в вечность большой гуманист, гениальный поэт-мыслитель, который обогатил мировую литературу. Все понимали, что его бессмертный образ останется навсегда в благодарной памяти народов Востока и Запада, ибо он был сыном всей Земли, а его поэзия является общепланетарной и космической.

В землях многих как друг я, скитаясь, был,
У чужих очагов грел руки свои.
Хоть многих поэтов земли полюбил,
Сыном гор я остался, горы мои! ¹²³

Перевел Н. Тихонов

...Ехали до театра им. А. Шогенцукова. Гроб установили в фойе театра, убрали цветами, с лица сняли маску и в 9 часов утра разрешили людям заходить проститься с поэтом. Мимо поэта можно было пройти по-одному, поэтому во дворе театра выстроилась громадная очередь. В 10 часов утра начался проливной дождь и сильный ветер. Было очень холодно, но люди шли и шли...

Когда закончился траурный митинг, по радио трижды было объявлено от имени комиссии похорон о решении комиссии похоронить поэта в его усадьбе в Чегеме I. Но те, кто стоял на городском кладбище у могилы поэта, не слышали этого решения и продолжали ждать, пока кто-то им не сообщил, что гроб с телом поэта увезли в Чегем I.

Тем же путем, что и приехали в Нальчик, двинулись обратно. Поэт ехал к своему месту покоя, это был его последний путь. В Чегем I приехали в 15 часов 30 минут. Гроб поставили в саду. Людей было много. Траурный митинг здесь открыл первый секретарь Чегемского райкома партии М. Тогузаев. После него выступали А. Кешоков, Н. Джусойты, Левон Мкртчян, Н. Наджми и др. Когда речи закончились, заиграли траурный марш. Гроб подняли, понесли и медленно опустили в могилу. При погребении

¹²³ Кулиев К. Избр. произв.: В 2 т. М., 1970. Т. I. С. 220.

до последней минуты был первый секретарь обкома партии Т. К. Мальбахов и другие руководители республики.

Похоронили поэта в 5 часов дня. В это время погода прояснилась, ветер утих, выглянуло солнце. После дождя и бури зелень в саду казалась изумрудной, деревья сияли от света солнечных лучей, огромные букеты роз на могиле поэта блестели в разноцветных капельках. На месте погребения возвышался большой холм, покрытый венками от СП СССР, СП РСФСР, СП КБАССР, отдела культуры, от коллектива драмтеатра им. А. Шогенцукова и др. Воспетые Кулиевым белоснежные вершины Эльбруса, Ушбы и Казбека были безмолвными свидетелями горя людей, невосполнимой утраты, заката одной из ярких звезд на небосклоне. Эхо стократ повторяло рыдания женщин, мужчин и крик детей. Седобородые старцы простирали руки к небу: «О Всевышний и Милостивый Аллах! Скажи нам, почему так рано ушел он из жизни?! Горы остались без своего поэта, его очаг без огня. Без Кайсына осиротели балкарцы...»

Приезжие писатели и поэты, ученые и партийные работники торопились по своим делам. У Д. Кугультинова был билет на самолет до Праги, у Ч. Айтматова — до Москвы. Все были заняты и спешили куда-то, у них были свои проблемы и заботы. «Лишь мертвые не ведают тревог», — писал когда-то Кайсын Кулиев.

Свою просьбу и страстный наказ поэт вложил в свои бессмертные строки:

Родную землю просьбой беспокою,
Я говорю ей тихо: не забудь,
Когда умру — ты мне своей рукою
Клинок и розу положи на грудь.

Кулиев не забыт земляками: в Чегеме I, в доме-усадьбе поэта открыт музей, на ул. им. Кайсына Кулиева (бывшая Степная) высится памятник. Здесь отмечают дни рождения и памяти поэта по инициативе национального музея и Союза писателей КБР. Музей Кулиева стал своеобразным культурным центром, куда приходят любители поэзии и искусства, где проводятся литературные вечера, встречи с писателями, выставки. Существует и благотворительный фонд имени Кайсына Кулиева, средства которого идут на нужды дома-музея и на развитие всего музейного комплекса, связанного с именем поэта. В Кабардино-Бал-

карском госуниверситете есть именная стипендия Кайсына Кулиева, которая присуждается лучшему студенту филологического факультета (ныне Институт филологии при КБГУ). В городе Нальчике есть красивый проспект, в районе «Горный», носящий имя поэта, и национальный балкарский театр его имени. Рядом с ним скоро появится памятник поэту. Каждый год в ноябре проводятся республиканские юношеские турниры на призы памяти народного поэта Кабардино-Балкарии Кайсына Кулиева. Перед началом соревнований капитаны команд возлагают венок к будущему памятнику поэта. В 1987 году отважные и мужественные альпинисты покорили новую вершину в Приэльбрусье и назвали ее именем Кайсына. Кулиевский Пик — это Пик бессмертия.

А в небе горит его звезда.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Творческий взлет в 60-е годы	6
Всенародное признание	111
В кругу семьи и своих друзей	204
Юбилей поэта	262
Новый поворот в личной жизни поэта	299
Последние годы жизни	330

Научно-популярное издание

Серия «КЛИО»
(«Кавказский литературно-исторический Олимп»)
Раздел «Архив». Выпуск 3 (том 2, часть 2)

Эфендиева Тамара Емельяновна
Эфендиев Салих Ибрагимович
Эфендиев Фуад Салихович

КАЙСЫН ШУВАЕВИЧ КУЛИЕВ

Биография поэта

Часть вторая
1959—1985

Научный редактор серии
Р. У. Туганов
Заведующий редакцией
В. Н. Котляров
Художник
М. М. Горлов
Технический редактор
Л. И. Прокопенко
Корректор
Е. Е. Терушкина

ЛР № 010238 от 22.07.97

Сдано в набор 10.06.97. Подписано в печать 16.09.97. Формат
84×108^{1/32}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура литературная. Печать
высокая. Усл. п. л. 22,26. Уч.-изд. л. 23,15. Заказ № 1423.
Тираж 1000 экз.

Издательский центр «Эль-Фа»

Республиканского полиграфкомбината им. Революции 1905 г.

Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.

Министерства печати и информации КБР

360000, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, пр. Ленина, 33